

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Нижевартовский государственный университет»

А.К. Карпов

**МОРФОЛОГИЯ
СОВРЕМЕННОГО
РУССКОГО ЯЗЫКА**

учебное пособие

Нижевартовск
2019

ББК 81.411.2-21

К 26

Рецензенты:

Доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова Панова Г.И.;

Доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Тобольского педагогического института им. Д.И. Менделеева (филиала) Тюменского государственного университета Ермакова Е.Н.

Карпов, А.К.

К 26 Морфология современного русского языка: Учебное пособие. –3-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2019. – 202 с.

ISBN 978-5-00047-546-1

В учебном пособии дается краткое изложение курса морфологии русского языка, приводятся выдержки из монографий, учебных пособий и научных статей учёных-лингвистов по различным проблемам морфологии русского языка.

Для преподавателей и студентов высших и средних учебных заведений, учителей школ.

ББК

Изд. лиц. ЛР № 020742. Подписано в печать 10.12.2019

Формат 60x84/16

Гарнитура Times New Roman. Усл. печ. листов 12,65

Электронное издание. Заказ 2020

Нижневартовский государственный университет

628615, Тюменская область, г. Нижневартовск, ул. Маршала Жукова, д. 4

Отдел издательской политики и сопровождения публикационной деятельности

E-mail: izd@nvsu.ru

ISBN 978-5-00047-546-1

© Карпов А.К., 2019

© НВГУ, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Настоящее учебное пособие состоит из двух частей. В первой части в сжатом виде излагается теоретический материал в традиционной лингвистической терминологии. Обращается внимание на различные точки зрения по некоторым спорным вопросам морфологии. К каждому разделу прилагается список литературы (монографии, учебники и учебные пособия, статьи) для самостоятельного изучения.

Вторая часть пособия представляет собой хрестоматию по морфологии современного русского языка, в которой содержатся выдержки из монографий, учебных пособий и статей известных лингвистов. Подбор хрестоматийной литературы осуществлялся таким образом, чтобы каждому разделу нормативного курса морфологии (первая часть) соответствовали один-два лингвистических первоисточника (вторая часть). К каждому первоисточнику дается задание и контрольные вопросы.

Таким образом, изучающему курс морфологии современного русского языка представляется возможность не только освоить основные понятия нормативного курса, но и расширить свои представления в том или ином вопросе путем ознакомления с оригинальными взглядами ученых-лингвистов на данную проблему.

Такой подход к изучению теоретического материала должен содействовать развитию лингвистического мышления обучающегося, осознанному выбору темы для дальнейшей учебно-научной работы над курсовыми и выпускными квалификационными сочинениями.

Учебное пособие предназначено для студентов филологических факультетов высших и средних педагогических учебных заведений, учителей школ

Автор.

Раздел первый

МОРФОЛОГИЯ КАК РАЗДЕЛ ГРАММАТИКИ

§ 1. ПРЕДМЕТ МОРФОЛОГИИ

Морфология и синтаксис – два раздела грамматики, предметом изучения которых является грамматическое значение и формы выражения этого значения. Если на уровне синтаксиса формами выражения грамматического значения являются словосочетание и предложение, то на уровне морфологии – словоформы, т. е. отдельно взятые формы конкретного слова (стол, стола, столу и т. д.).

Морфология изучает слова в их грамматических формах и функциях, правила изменения слов, определяет круг соотносительных грамматических значений, составляющих ту или иную грамматическую категорию.

В морфологию входит и учение о частях речи – самых крупных грамматических классах слов.

Таким образом, предметом морфологии являются грамматические классы слов (части речи), их грамматические категории, системы форм слов и правила их словоизменения.

§ 2. МОРФОЛОГИЯ – УРОВЕНЬ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА

Под структурой понимается единство однородных элементов в пределах целого. Структуру языка составляют уровни (ярусы), каждый из которых располагает системой собственных минимальных единиц. Так, система звуков (фонем) составляет фонетический (фонемный) уровень, система морфов (морфем) – морфемный, система слов в отвлечении от их грамматического значения – лексический, система слов в отвлечении от их лексического значения – морфологический, система предложений – синтаксический уровни. Низшие единицы языка реализуют себя в единицах более высокого уровня: звук (фонема) – в морфах (морфемах), морф (морфема) – в словах-лексемах, либо в словах-словоформах, слово-словоформа – в предложениях.

Морфологический уровень языка характеризуется минимальной единицей – словоформой, выступающей в качестве носителя грамматического значения. Например, словоформа *стена* имеет грамматические значения женского рода, единственного числа, именительного падежа. Показателем этих значений выступает морфема-флексия *-а*, вычленяемая из слова при сопоставлении данной словоформы с другими словоформами в пределах одной словоизменительной парадигмы этого же слова (*стен-ы, стен-ой* и т. д.). В сочетании с основами других слов флексия *-а* может иметь другие значения (*дом-а* – значение множественного числа; *золот-а* – значения родительного падежа, мужского рода).

Конкретное значение флексия имеет только в составе словоформы, вне словоформы флексия является показателем наличия в слове грамматического значения (так же, как и другие средства: формообразующий суффикс, префикс, ударение, чередование фонем и т. д.).

Поэтому именно словоформа является минимальной единицей морфологического уровня внутренней структуры языка, носителем конкретного грамматического значения.

§ 3. МОРФОЛОГИЯ – РАЗДЕЛ ЛИНГВИСТИКИ

Морфология – раздел лингвистики, в котором изучается морфологическая (грамматическая) система языка. Под морфологической системой языка понимается совокупность всех словоформ, объединенных в грамматические категории и части речи. Основными понятиями морфологии являются грамматическое значение, грамматическая форма слова, словоизменяемая парадигма, словоизменение, формообразование, грамматическая категория, часть речи.

Грамматическое значение и грамматическая форма слова

Грамматическое значение сопутствует лексическому значению слова. Если лексическое значение соотносит звуковую оболочку слова с реалией (предметом, явлением, признаком, действием и т. д.), то грамматическое значение формирует конкретную форму слова (словоформу), необходимую, главным образом, для связи данного слова с другими словами в тексте.

Лексическое значение слова носит конкретный и индивидуальный, а грамматическое значение – абстрактный и обобщенный характер. Так, слова *гора*, *стена*, *нора* обозначают разные предметы и имеют разные лексические значения, но с точки зрения грамматики они входят в один разряд слов, имеющих один и тот же набор грамматических значений: предметности, именительного падежа, единственного числа, женского рода, неодушевленности.

Показателем лексического значения в слове является основа слова, а у грамматического значения – специальные показатели: окончание (*окн-о*, *красив-ый*, *раст-ут*), формообразующий суффикс, префикс (*игра-л*, *бел-ее*, *с-делать*), ударение (*от-рѣзать* – *отрѣз-ать*), чередование фонем (*слагать* – *сложит*), служебное слово (*буду играть*, *о пальто*) и др.

Конкретная словоформа может иметь несколько грамматических значений. Так, словоформа *крепкая* имеет значения именительного падежа, единственного числа, женского рода, а *читаю* – значения первого лица, единственного числа, несовершенного вида, изъявительного наклонения, настоящего времени действительного залога.

Грамматические значения делятся на общие и частные. Общее грамматическое (категориальное) значение характеризует самые большие грамматические классы слов – части речи (предметности – у существительного, признака предмета – у прилагательного, действия как процесса – у глагола и т. д.). Частное грамматическое значение свойственно отдельным формам слов (значения числа, падежа, лица, наклонения, времени и т. д.).

Общее грамматическое значение складывается из совокупности частных грамматических значений (с обязательным учетом синтаксической позиции слова в предложении) и позволяет объединить в единое целое лексическое и грамматическое значения в слове.

Так, главная синтаксическая позиция в предложении имени существительного – подлежащее (т.е. все существительные могут занимать в предложении позицию подлежащего), имени прилагательного – определение, глагола – простое глагольное сказуемое, наречия – обстоятельства, категории состояния – главный член безличного предложения. Например, значение предметности существительного составляют частные грамматические значения рода, числа и падежа, а словоформа – носитель этих значений

– в предложении может занимать место подлежащего. Другими словами, если слово имеет независимые от сочетающихся с ним слов значения рода, числа, падежа и в предложении может выступить в функции подлежащего, то ему присуще значение предметности, следовательно, оно принадлежит к разряду имен существительных.

Носителем грамматического значения на уровне слова является отдельно взятая форма слова – словоформа. Совокупность всех словоформ одного и того же слова называется парадигмой. Парадигма слова в зависимости от его грамматической характеристики может состоять как из одной словоформы (наречие *сгоряча*), так и из нескольких словоформ (парадигма существительного *дом* состоит из 12 словоформ).

Способность слова образовывать парадигму, состоящую из двух и более словоформ, называется словоизменением. В современном русском языке действуют следующие системы словоизменения:

изменение по падежам (склонение);

изменение по лицам (спряжение);

изменение по числам;

изменение по родам;

изменение по наклонениям;

изменение по временам.

Способность слова образовывать особые формы называется формообразованием. Так образуются краткая форма и степени сравнения прилагательных, инфинитив, причастие и деепричастие у глаголов и др.

В парадигме слова могут объединяться словоформы и особые формы слова.

Способы выражения грамматического значения

Грамматическое значение находит свое выражение как в структуре самой словоформы с помощью морфологических средств (окончания, формообразующего суффикса, префикса), ударения, чередования фонем, так и за ее пределами с помощью, главным образом, служебных слов. Первый способ выражения грамматического значения получил название синтетического, второй – аналитического. Например, значение будущего времени глагола может быть выражено синтетически с помощью личного окончания (*сыграю, сыграешь, сыграет*) и аналитически с помощью глагольной связки *быть* (*буду играть, будешь играть, будет играть*).

В современном русском языке встречаются случаи выражения одного и того же грамматического значения с помощью как синтетического, так и аналитического способов (например, простая и сложная формы превосходной степени прилагательного: *сильнейший* и *самый сильный*).

Грамматическое значение в отдельных случаях выражается и супплетивным способом, т. е. с помощью словоформ, имеющих разные корни: *ребенок – дети* (значения единственного и множественного числа), *брать – взять* (значения несовершенного и совершенного вида) и др.

Таким образом, парадигма одного слова может объединять синтетические, аналитические и супплетивные словоформы.

Грамматическое значение слова может быть выражено синтаксическим способом, т. е. с помощью сочетающейся с данной словоформой другой словоформы (*крепкий кофе* – значение мужского рода несклоняемого существительного, на что указывает словоформа прилагательного мужского рода; *к пальто* – значение дательного падежа несклоняемого существительного, на что указывает предлог *к*).

Очень часто грамматическое значение слова выражается одновременно морфологическими и синтаксическими средствами (*высок-ая гор-а* – значения именительного

падежа, женского рода, единственного числа существительного; *о земл-е* – значение предложного падежа существительного).

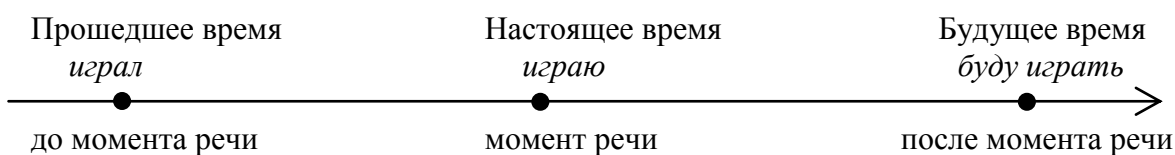
Иногда в качестве способа выражения грамматического значения выступают логико-семантические отношения в тексте. Например, в предложении *Лето сменяет осень* существительное *осень* является субъектом и стоит в форме именительного падежа, а *лето* – объектом и стоит в форме винительного падежа.

Понятие грамматической категории

Грамматическое значение не единично, оно всегда находится в оппозиции другому (другим) соотносительному(ым) с ним значению(ям). Например, значение единственного числа предполагает наличие соотносительного с ним значения множественного числа, значение настоящего времени – соотносительных с ним значений прошедшего и будущего времен. Каждое из значений имеет свою форму выражения – словоформу. Так, носителем значения единственного числа у существительных является словоформа мужского, женского, среднего рода (*стол, стена, окно*), а множественного числа – словоформы с флексиями *-и(-ы), -а* (*плечи, стены, окна*).

Система двух и более соотносительных грамматических значений, каждое из которых имеет свое формальное выражение, составляет грамматическую категорию.

Критерием для разграничения соотносительных грамматических значений служит понятие, которое является грамматическим содержанием категории. Например, грамматическим содержанием категории времен глагола служит понятие «отношение действия к моменту речи». Действие, совпадающее с моментом речи, имеет значение настоящего времени, предшествующее моменту речи – прошедшего времени, следующее за моментом речи – будущего времени.

Грамматические категории бывают двух видов: словоизменяющие и классифицирующие. Если противопоставление соотносительных грамматических значений находит свое выражение в пределах разных форм одного и того же слова, то такая категория называется словоизменяющей. Например, значения единственного и множественного числа существительных выражаются формами одного и того же слова (*стол – столы*). Если противопоставление соотносительных грамматических значений находит свое выражение в пределах разных слов, то такая категория называется классифицирующей (или лексико-грамматической). Например, грамматические значения мужского, женского и среднего рода существительных выражаются разными словами (*стол – стена – окно*).

Грамматические категории во многом определяют специфику частей речи. Так, существительное и прилагательное имеют одинаковые грамматические категории рода, числа и падежа. Но если у существительных эти категории синтаксически независимы, то у прилагательных они полностью зависят от соответствующих категорий сочетающихся с ними существительных (*крепкий стол, крепкая стена, крепкое вино*).

Одна и та же грамматическая категория может выступать в разных частях речи как словоизменяющая и как классифицирующая. Например, категория рода существительных – классифицирующая категория (существительные по родам не изменяются), а прилагательных – словоизменяющая.

Основными грамматическими категориями в современном русском языке являются категории рода, числа, падежа, вида, наклонения, времени, лица, залога.

§ 4. МОРФОЛОГИЯ – ПРОЦЕСС ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ СЛОВОФОРМ

Морфологическая система языка в отличие от лексической и словообразовательной систем малоподвижна, поскольку морфология крайне устойчива при каком-либо воздействии на нее извне.

Процесс возникновения новой словоформы изучает историческая (диахронная) морфология. Так, например, в древнерусском языке существительные объединялись в 6 словоизменительных класса (типов склонения) не на основе родовой принадлежности, а на основе того, что они обозначали (по семантическому признаку). В результате сложного взаимодействия между различными типами склонения вырабатывается система падежных форм, которая впоследствии составила современную систему склонения имен существительных из трех словоизменительных классов (типов). Краткие прилагательные постепенно перестали склоняться. Из четырех форм прошедшего времени глагола осталась одна, а из трех форм будущего времени – две.

Морфология современного русского языка, основываясь на результатах исторических процессов, изучает изменения в системе словоформ, происходящие в данный период развития языка (синхронно). Эти изменения связаны с расширением или сужением круга вариантных форм, приводящими к колебаниям в морфологической системе языка.

Колебания наблюдаются как в пределах литературного языка, так и в пределах литературного и разговорного языков. В качестве примеров можно привести:

1). Колебания в падежных формах имён существительных: *инженеры – инженера* (И.п., мн.ч), *мандарин – мандаринов* (Р.п., мн.ч), *сахара – сахару* (Р.п. ед.ч), *травой – травую* (Тв.п., ед.ч) и др.

2). Колебания в формах рода имён существительных: *ставень – ставня, спазм – спазма* и др.

3). Колебания в формах числа имён существительных: *кружеево – кружева, сходня – сходни* и др.

4). Колебания в формах прилагательных: *янее – яней* (сравнительная степень), *торжественен – торжествен* (краткая форма) и др.

5). Колебания в глагольных формах: *вымокнул – вымок, обусловливать – обуславливать, брызжет – брызгает, чтут – чтят*.

6). Активные процессы наблюдаются в склонении имен числительных. Так, например, наряду с литературными формами числительных от *двухсот* до *девятистот* в разговорной речи появилась вариантная форма *двухста, трехста, четырехста* и т. д., которая употребляется во всех косвенных падежах (Около *девятиста* человек приняло участие в собрании).

Каждая часть речи имеет свои грамматические особенности, поэтому количество вариантов словоформ определяется самой природой частей речи.

§ 5. СВЯЗЬ МОРФОЛОГИИ С ДРУГИМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ

Современная лингвистика рассматривает морфологию как самостоятельный раздел науки о языке, тесно связанный с синтаксисом, имеющий определенные связи с лексикологией, словообразованием.

Общее грамматическое значение той или иной части речи (существительного, прилагательного, глагола, наречия и др.) складывается из совокупности частных грамматических значений (рода, числа, падежа, лица, вида и др.) словоформы и синтаксиче-

ской связи (согласование, управление, примыкание и др.) этой словоформы с другими словоформами в предложении. Так, во фразе *Чёрная корова пасется на лугу* словоформа *корова*, имеющая независимые от других словоформ частные грамматические значения женского рода, единственного числа, именительного падежа требует согласовательной связи с определяющей ее словоформой *чёрная* в тех же значениях рода, числа и падежа. Совокупность независимых частных грамматических значений рода, числа и падежа у словоформы *корова*, независимая позиция в предложении формирует общее грамматическое значение «предметности», которое характерно для имени существительного, а согласованные со словом *корова* значения рода, числа и падежа словоформы *чёрная*, – общее грамматическое значение «признака предмета», характерное для имени прилагательного. В предложении имя существительное выступает в функции члена предложения подлежащего, а имя прилагательные – в функции члена предложения определения. Таким же образом через соответствие части речи члену предложения можно проанализировать всю фразу.

Объектом изучения морфологии и лексикологии является слово. Морфология изучает слово с позиции его грамматического значения, а лексикология – с позиции его лексического значения. Носитель общего грамматического значения – лексема. Лексема всегда грамматически оформлена, т. е. выступает в качестве той или иной словоформы, готовой к связи с другими словоформами в процессе речи.

Даже если по правилам грамматики оформить фразу, в которой все корневые морфемы заменены на бессмысленные сочетания звуков (**Нрѣчая ворока тесапся ла гулу**), то любой носитель русского языка достаточно легко наполнит эту фразу понятным содержанием (*Чёрная корова пасется на лугу. Серая кошка валяется на полу и т. д.*) Данный пример свидетельствует о единстве лексического и грамматического значений в слове.

Связь морфологии со словообразованием особенно тесно проявляется в разграничении формообразования и словообразования. Механизмы формообразования и словообразования во многом схожи. Поэтому далеко не всегда можно уверенно сказать что перед нами – словоформы или разные слова. Сравните: *делать – сделать, сильный – сильнейший, построить – построенный* и т. д.

Аргументы в пользу связей морфологии с вышеназванными лингвистическими дисциплинами далеко не исчерпываются приведенными примерами.

Литература

- Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
Колесов В.В. Изменения грамматических категорий имени в русском языке // Развитие частей речи в истории русского языка. Рига, 1988.
Милославский И.Г. Грамматические категории современного русского языка. М., 1981.
Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
Никитевич В.М. Грамматические категории в современном русском языке. М., 1963.
Панова Г.И. Что изучает морфология русского языка // РЯШ. 2011. № 8.
Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
Яцкевич Л.Г. Морфологическая парадигма как комплексная единица формообразования // Вопросы языкознания. 1992. № 4.

Раздел второй

ЧАСТИ РЕЧИ

В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

§ 1. КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

По своим грамматическим свойствам все слова современного русского языка объединяются в большие классы – части речи. Система частей речи включает четыре группы слов: знаменательные части речи, служебные слова, модальные слова, междометия.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ – это грамматические разряды слов, объединенные общими семантическими (смысловыми), морфологическими и синтаксическими признаками. Семантика знаменательных частей речи связана с такими реалиями объективной действительности, как предмет, признак предмета, действие как процесс, признак действия как процесса, количество, недейственное состояние, указание на предмет, признак, количество. Принадлежность слова к той или иной части речи формируется в сознании человека не по тому, что это слово обозначает или на что или кого указывает (предмет, признак, действие, количество и т. д.), а по совокупности грамматических (морфологических и синтаксических) свойств. Так, например, значение слов *бегут*, *бег*, *беглый*, *бегом* связаны с понятием действия, но это не значит, что все они объединяются в один разряд глаголов. Глаголом следует признать только слово *бегут*, поскольку по совокупности грамматических признаков несовершенного вида, изъявительного наклонения, настоящего времени, 3 лица, множественного числа, функции простого глагольного сказуемого в предложении (*они бегут куда-то*) это слово имеет общее грамматическое значение действия как процесса. Слово *бег* по совокупности грамматических признаков мужского рода, единственного числа, именительного падежа, функции подлежащего в предложении (*бег – занятие полезное*) имеет общее грамматическое значение предметности (опредмеченное действие) и является существительным. Слово *беглый* – мужского рода, единственного числа, именительного падежа, функции в предложении определения (*беглый каторжник*) – имеет общее грамматическое значение признака предмета, относится к прилагательным. А слово *бегом* не имеет форм словоизменения, примыкает к сказуемому (*продвигаться бегом*) в предложении выполняет функцию обстоятельства и является наречием.

К знаменательным частям речи относят имя существительное, имя прилагательное, числительное, глагол, наречие, категорию состояния. Особняком в этой системе стоит местоимение, специфика которого не обозначать предмет, признак, количество (номинативная функция), не замещать их, а лишь указывать на них (дейктическая функция), на место, занимаемое ими в предложении.

Знаменательные части речи характеризуются следующими грамматическими признаками:

1. *Общим грамматическим (категориальным) значением.* У существительных – значение предметности, прилагательных – признака предмета, числительных – число, количество, глаголов – действие как процесс, наречий – признак действия, категория состояния – недейственное состояние, местоимения – обобщенное указание на предмет, признак, количество.

2. *Частными грамматическими значениями* рода, числа, падежа, вида, наклонения, времени, лица, залога. Именно частные грамматические значения определяют особенности словоизменения частей речи. Так, например, имя существительное изменяется по падежам (склоняется) и числам и не изменяется по родам, а глагол изменяется по лицам (спрягается), наклонениям, временам, числам и родам.

3. *Синтаксической функцией в предложении.* Для каждой знаменательной части речи характерна своя позиция в предложении. Например, для существительного – позиция подлежащего и дополнения (хотя существительное может выполнять функцию любого члена предложения), для прилагательного – позиция определения, для глагола – позиция простого глагольного сказуемого, для наречия – позиция обстоятельства.

Иногда в качестве четвертого признака знаменательной части речи лингвисты называют словообразовательный (т.е. наличие в морфемной структуре слова собственных конкретной части речи словообразовательных морфем – префиксов, суффиксов и др.).

Все знаменательные части речи условно можно разбить на две группы: сильные части речи с ярко выраженными грамматическими признаками – имя существительное (*дом, строение, гора*), имя прилагательное (*сильный, деревянный, отцов*), глагол (*играть, смотрю, поющий*) и наречие (*наудалую, красиво*); слабые части речи, не имеющие ярких грамматических свойств, – числительное (*три, трое, третий*), местоимение (*я, самый, сколько*), категория состояния (*жаль, можно*). Например, если общее грамматическое значение имени существительного – значение предметности – формируется на основе чисто грамматических значений падежа, числа, рода, подлежащего в предложении, то общее грамматическое значение числительного – отвлеченное обозначение числа, количества считаемых предметов, их порядок при счете – опирается в значительной степени на лексическое значение, с учетом, конечно, и грамматических признаков. Не поэтому ли местоимение, числительное, категория состояния вызывают у лингвистов наибольшее количество споров, и, в частности, вопрос о составе этих частей речи. Так, например, слова типа *первый, второй* (традиционно числительные), *мой, наш, всякий* (традиционно местоимения) часто относят к имени прилагательному.

Очевидным следует признать тот факт, что систему знаменательных частей речи составляют: а) чисто грамматические (грамматикализованные) разряды слов – имя существительное, имя прилагательное, глагол, наречие; б) лексико-грамматические разряды слов – имя числительное, местоимение, категория состояния.

В пределах каждой знаменательной части речи выделяют лексико-грамматические разряды слов, которые характеризуются наличием общих для всех слов, входящих в данный разряд, лексических и грамматических признаков. Так, например, имена существительные делятся на одушевленные и неодушевленные, имена прилагательные на качественные, относительные и притяжательные, наречия на качественные и обстоятельственные и т. д.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА в современном русском языке, в отличие от знаменательных частей речи, не имеют общего грамматического значения, частных грамматических значений, не выполняют функцию члена предложения. Традиционно к служебным словам относят предлоги, союзы и частицы, выделяемые в особую группу слов по функциональному признаку, т. е. по их предназначенности в синтаксической организации текста. Так, предлоги связывают слова в словосочетания (*подойти к дому, переправиться через реку*); союзы связывают однородные члены (*стол и стул*), части простого предложения (*Пруд сверкал, как зеркало*) и части сложного предложения – сложносочиненного (*Я читаю, а он внимательно слушает*) и сложноподчиненного (*Я знал, что он сегодня не придет*); частицы выражают различные смысловые оттенки слов, предложений, участвуют в формообразовании (*Ошибка ли это? Ты не допустишь несправедливости. Мастер выполнил бы эту работу быстро*).

С грамматической точки зрения у служебных слов нет системы словоизменения, следовательно, их грамматические значения имеют совершенно иную природу, нежели грамматические значения знаменательных слов. Часть лингвистов считает, что лексическое и грамматическое значения в служебном слове неразделимы.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА в современном русском языке выражают модальность, т. е. отношение высказывания к действительности. Значение модальности может выражаться разными языковыми средствами: лексическими (слова типа *истина, ложь, уверен, сомнительно, утверждать*), морфологическими (категория наклонения глагола), синтаксическими (предложение).

Модальные слова – это лексико-грамматический разряд слов, выражающих субъективное отношение говорящего к тому, о чем сообщается (*Безусловно, вы правы. Пожалуй, следует согласиться с вами*).

В отличие от знаменательных частей речи модальные слова, как и служебные, не имеют общего грамматического значения, частных грамматических значений, не являются членами предложения. От знаменательных и служебных слов они отличаются обособленностью в предложении и выполняют роль вводного слова.

Модальные слова не изменяются и представляют собой застывшие формы знаменательных частей речи, от которых они образованы.

МЕЖДОМЕТИЕ считается особой частью речи. Междометия не называют, а выражают. Так, например, существительное *испуг* обозначает понятие об особом состоянии психики живого существа (понятие о внезапном чувстве страха, состоянии испугавшегося), а междометие *ах!* (*Ах! Как страшно!*) выражает это состояние, минуя понятие. Междометие – это слово, которое социально закреплено в языке и действует, главным образом, в его эмоциональной сфере.

Междометия – это неизменяемые слова, которые, как правило, грамматически не связаны с другими словами в предложении и не являются членами предложения.

Таким образом, система частей речи современного русского языка включает совершенно разные группы слов, характеризующиеся разными признаками.

§ 2. АНАЛОГИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Часть речи – это слово (словоформа). Словесный комплекс – это минимум два слова (две словоформы), лексически и грамматически спаяны между собой.

К словесным комплексам относятся аналитические формы слова (*играл бы* – форма сослагательного наклонения глагола; *пусть играет* – форма повелительного наклонения глагола; *буду играть* – форма будущего времени глагола; *более красивый* – форма сравнительной степени прилагательного и др.), грамматические фразеологизмы (*в связи с* – предлог; *лишь только* – частица; *друг друга* – местоимение и др.), фразеологические сочетания (*иметь значение, Красная площадь* и др.).

Аналитические формы слова, грамматические фразеологизмы следует относить к *частям речи*, а фразеологические сочетания – к *аналогам частей речи*.

Аналогами частей речи следует считать и отдельные слова, отдельные грамматические фразеологизмы, которые по целому ряду признаков трудно (практически невозможно) отнести к той или иной части речи. Например, часть вводных слов типа *к удивлению, во-первых, в частности, по слухам* (данные слова не выражают отношения к реальности и не являются модальными); звукоподражательные слова типа *мяу, бух, динь-динь*, которые не являются междометиями; глагольные связки типа *есть, быть*; неизменяемые слова, выражающие цельную мысль, типа *да, нет, порядок, пустое, брысь*; неизменяемые слова, выполняющие в предложении связующую, выделительную функцию, близкую к союзной типа *итак, во всяком случае, например*; слова типа *прыг, шлёп*,

баиньки, плюс, минус (при обозначении арифметического действия: два *плюс* три), *семь с половиной, три четверти* и др.

Вопрос об аналогах частей речи в современной лингвистике изучен недостаточно.

§ 3. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Историю изучения частей речи в русском языке можно условно разделить на три периода. Первый период (вторая половина XVIII – первая половина XIX веков) связан с работами М.В. Ломоносова, Н.И. Греча, А.Х. Востокова, В.Г. Белинского, Г.П. Павского, И.И. Давыдова, Ф.И. Буслаева, К.С. Аксакова и др. Второй период (вторая половина XIX – первая половина XX веков) связан с работами А.А. Потебни, Д.Н. Овсяннико-Куликовского, И.А. Бодуэна де Куртенэ, В.А. Богородицкого, Ф.Ф. Фортунатова, А.А. Шахматова, А.М. Пешковского, М.Н. Петерсона, Д.Н. Ушакова, Л.В. Щербы и др. Третий период (вторая половина XX в. – до настоящего времени) связан с работами В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, А.А. Реформатского, В.Н. Сидорова, И.И. Мещанинова, Л.А. Булаховского, А.Н. Гвоздева, Н.С. Поспелова, М.В. Панова, П.С. Кузнецова, А.А. Зализняка, Е.С. Кубряковой, А.Е. Супруна, Н.Ю.Шведовой, А.В. Бондарко и др.

Первый период характеризуется пониманием части речи, прежде всего, как логико-психологической (логико-грамматической, логико-семантической) группировки слов. Так, М.В. Ломоносов считал, что слово дано человеку, чтобы он мог сообщить через него другому человеку «идеи вещей и их деяний». Словестные вещи – имена, словестные деяния – глаголы. Кроме них местоимения (служат для сокращения соединением имени и глагола в одно предложение), предлоги (для показания принадлежности обстоятельств к вещам или деяниям), союзы (для изображения взаимности наших понятий), междометия (для краткого изъявления движения духа).

Постепенно ученые-лингвисты приходят к пониманию того, что в каждой части речи отражаются ее грамматические особенности, которые должны быть предметом анализа. Части речи делятся на знаменательные и служебные, хотя четкого принципа их разграничения нет.

Основные теоретические положения иллюстрируются примерами из живого русского языка. Лингвисты проявляют интерес к сопоставительному анализу фактов языковых явлений современного языка, с одной стороны, церковнославянского и древнерусского языка, с другой стороны. Создается новое направление в языкознании – историческая грамматика русского языка.

Второй период связан с двумя направлениями в изучении частей речи русского языка: психолингвистическим и формально-грамматическим. Представители первого направления (А.А. Потебня, Д.Н. Овсяннико-Куликовский и др.) рассматривали часть речи, прежде всего, как психологическую реальность, как действительную категорию нашего ума. Так, например, для А.А. Потебни вещественные и формальные значения слова есть один акт мысли. От слова к мысли – такой путь языка. Мысль формируется в предложении, а слово – часть предложения, поэтому изучать часть речи можно лишь на базе предложения.

У представителей формально-грамматического направления (Ф.Ф. Фортунатов, А.А. Шахматов, А.М. Пешковский и др.) язык есть объект анализа формы. Отсюда часть речи понимается лингвистами как грамматическая (прежде всего, морфологическая) группировка слов. Развивая учение о грамматической форме и грамматической категории, ученые-лингвисты по сути отрицали логическое начало в грамматике. Части речи рассматриваются как грамматические классы слов, различаемые по формальным либо морфологическим (Ф.Ф. Фортунатов), либо синтаксическим (А.А. Шахматов) признакам.

Во многих исследованиях в значительной степени отражена история развития частей речи в русском языке.

В этот период предпринята попытка классифицировать части речи, учитывая одновременно формальную и смысловую стороны слова. Впервые об этом заявил А.М. Пешковский, а наиболее полное развитие эта идея получила в работах Л.В. Щербы.

Начало третьего периода знаменательно появлением структурно-семантической классификации В.В. Виноградова, в основу которой положен комплексный лексико-грамматический принцип разграничения частей речи.

В.В. Виноградов отстаивал синтетический подход к частям речи на базе углубленного анализа понятия слова, его формы и структуры в языке. Он считал, что «выделению частей речи должно предшествовать определение основных структурно-семантических типов слов». Классификация не может игнорировать ни одной стороны в структуре слова, хотя лексические и грамматические критерии, по его мнению, должны играть решающую роль, причем морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в «органическое единство», так как нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике.

В.В. Виноградов отмечает, что способы выражения грамматических значений и сам характер этих значений неоднородны у разных семантических типов слов. В системе частей речи наиболее резко и определенно выступают грамматические различия между разными категориями слов. Членение частей речи на основные грамматические категории обусловлено:

- 1) различием тех синтаксических функций, которые выполняют разные категории слов в связанной речи, в структуре предложения;
- 2) различиями морфологического строя слов и форм слов;
- 3) различиями вещественных (лексических) значений слов;
- 4) различиями в способе отражения действительности;
- 5) различиями в природе тех соотносительных и соподчинительных категорий, которые связаны с той или иной частью речи.

В.В. Виноградов выделил четыре основных категории слов: слова-названия, частицы речи, модальные слова и частицы, междометия.

Последующие грамматики русского языка опирались на идеи, высказанные В.В. Виноградовым. Так, в академической «Грамматике русского языка» (1952–1954 гг.), переизданной в 1960 г., выделяется 10 частей речи: существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие, предлог, союз, частица, междометие. В «Русской грамматике» 1980 года те же 10 частей речи, только вместо местоимения рассматривается местоимение-существительное. В этих грамматиках в составе частей речи нет слов категории состояния и модальных слов как у В.В. Виноградова.

Вопрос о частях речи в русском языке, их числе и объеме, принципах их выделения до сих пор не получил окончательного решения. Современная русистика продолжает искать ответы на эти вопросы, создавая новые теории и приёмы классификации.

Нетрудно заметить, что несмотря на разницу в подходах учёных-лингвистов к делению слов по частям речи, их состав, как правило, остается постоянным, что говорит об устойчивости системы современного русского языка.

Таким образом, вопрос о системе частей речи в русском языке решается по-разному, в зависимости от критериев, положенных лингвистами в основу той или иной классификации.

Литература

- Баудер А.Я.* Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин, 1982.
- Винокур Г.О.* Форма слова и части речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Жирмунский В.М.* О природе частей речи и их классификации // Вопросы теории частей речи. Л., 1968.
- Киров Е.Ф.* Части речи русского языка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Современная филология. 1999. Вып 1.
- Кубрякова Е.С.* Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1997.
- Кузнецова Э.В.* Части речи и лексико-грамматические группы слов // Вопросы языкознания. 1975. № 5.
- Лукин М.Ф.* О номинативно-грамматическом принципе классификации частей речи в современном русском языке // Русский язык в школе. 1993. № 1.
- Панов М.В.* О частях речи в русском языке // Филологические науки. 1960. № 4.
- Суник О.П.* Общая теория частей речи. М., 1966.
- Супрун А.Е.* Части речи в русском языке. М., 1971.
- Тихонов А.Н.* Части речи – лексико-грамматические разряды слов // Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. М., 1968.
- Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

§ 1. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ

Общая характеристика

Основу грамматической семантики имени существительного определяет понятие предметности. Это понятие складывается из совокупности частных грамматических значений падежа, числа и рода, синтаксической функции подлежащего в предложении. Общее грамматическое значение предметности объединяет в одну группу слова, обозначающие конкретный предмет (*стол, стена, окно*), отвлеченное понятие (*покой, терпение, решительность*), вещество (*металл, нефть, молоко*), совокупность однородных предметов (*генералитет, молодежь, студенчество*) и др.

Существительные изменяются по падежам (склоняются) и числам, имеют грамматическое значение рода. Исключения составляют несклоняемые существительные типа *кофе, пальто*, у которых отсутствует парадигма словоизменения, поскольку нет окончания как такового, а также существительные, имеющие форму только единственного (*овес, профессура*) или только множественного числа (*ворота, хлопоты*).

В предложении имя существительное выполняет, главным образом, функции подлежащего и дополнения, но может выступать и в функциях сказуемого, определения, обстоятельства.

Итак, имя существительное – это знаменательная часть речи, к которой относятся слова с общим грамматическим значением предметности, имеющие одно из трех соотносительных частных грамматических значений мужского, женского, среднего рода, изменяющиеся по падежам и числам, выступающие в предложении, главным образом, в функции подлежащего и дополнения.

Лексико-грамматические разряды имен существительных

По своим лексическим свойствам и грамматическим признакам имена существительные составляют следующие лексико-грамматические разряды:

- собственные и нарицательные;
- одушевленные и неодушевленные;
- конкретные, отвлеченные (абстрактные), вещественные, собирательные.

По тому, что обозначается, все существительные делятся на собственные и нарицательные. Имена собственные являются индивидуальными наименованиями предмета: имена, фамилии, клички животных, географические, астрономические и другие названия (*Иван, Жучка, Альпы, Карпаты, Марс, Венера*). Имена нарицательные служат обобщенным наименованием однородных предметов (*лес, гора, стекло*). В отличие от имен нарицательных, которые в своем большинстве изменяются по числам, имена собственные по числам не изменяются и закреплены, как правило, в форме единственного, реже – множественного числа.

В некоторых случаях при одинаковом названии разных предметов или лиц возможно употребление имен собственных во множественном числе (*сестры Федоровы, все Гали*).

Граница между именами собственными и нарицательными подвижна. Имена собственные могут стать условным обозначением целого класса однородных предметов (*вольт, ом* – единицы физического измерения – от фамилий Вольт, Ом), а имена нарицательные – названием единичных предметов (*собака Шарик, город Орел*).

Спорным является вопрос об отношении к именам собственным слов, словосочетаний, называющих учреждения, произведения искусства, литературы, а также наименования различных машин и аппаратов (*фирма «Жилище», фабрика «Красный Октябрь», роман «Война и мир», самолет «Ту-104» и др.*).

В подобных случаях отдельная словоформа (например, «*Жилище*») может быть признана нарицательным существительным, употребленным в значении имени собственного, а словосочетание (например, «*Война и мир*») – аналогом имени существительного.

По признаку «живой–неживой» все существительные делятся на одушевленные и неодушевленные (*сестра – стена*). Грамматически значение одушевленности–неодушевленности выражается формой винительного падежа множественного числа, которая совпадает с формой родительного падежа множественного числа у существительных одушевленных и с формой именительного падежа множественного числа у существительных неодушевленных:

И.п. мн.ч. *сестры – стены*

Р.п. мн.ч. *сестер – стен*

В.п. мн.ч. *сестер – стены.*

У существительных мужского рода первого склонения грамматическое значение одушевленности – неодушевленности можно определить по форме винительного падежа единственного числа:

И.п. ед.ч. *отец – свинец*

Р.п. ед.ч. *отца – свинца*

В.п. ед.ч. *отца – свинец.*

Некоторые имена существительные лексически неодушевленные по грамматическому признаку входят в разряд одушевленных:

– слова *мертвец, покойник* (но не *труп*);

– название фигур в некоторых играх (*ферзь, туз*);

– обозначение игрушек (*матрешка, кукла*).

Имена существительные, обозначающие нерасчлененную совокупность живых существ, являются грамматически неодушевленными (вести за собой *народ, отряд, войска*).

В конструкциях типа *записаться в добровольцы, избирать в депутаты* употребляется особая форма винительного падежа множественного числа по образцу грамматически неодушевленных существительных.

Отдельные существительные типа *вирус, микроб, бактерия* грамматически выступают то как одушевленные, то как неодушевленные (изучать *вирусов, микробов, бактерий* и *вирусы, микробы, бактерии*).

У несклоняемых существительных грамматическим показателем одушевленности – неодушевленности выступает форма согласуемого определения: вижу *больших кенгуру*, но вижу *широкие авеню*.

В ряде вузовских учебников одушевленность – неодушевленность рассматривается как морфологическая (грамматическая) категория, представляющая собой систему двух соотносительных грамматических значений «одушевленность» – «неодушевленность», критерием разграничений которых служит понятие «живой – неживой».

Имена существительные могут обозначать либо конкретный предмет (*стол, дом*), либо отвлеченное понятие (*красота, решительность*), либо вещество (*молоко, нефть*), либо совокупность предметов или лиц (*молодежь, листва*). По этому признаку в языке выделяются существительные конкретные, отвлеченные (абстрактные), вещественные и собирательные.

Конкретные существительные называют конкретный предмет или явление (*человек, гроза*), сочетаются с количественными числительными (*два человека*), могут изменяться по числам (*гроза – грозы*). Разновидностью конкретных существительных являются слова с семантикой единичности – сингулятивы (*горошина, соломина, снежинка*), которые образуются от соответствующих вещественных существительных с помощью суффиксов *-ин-, -инк-*.

Отвлеченные (абстрактные) существительные называют абстрактные понятия: свойства и качества (*выносливость, белизна*), действие или состояние (*бег, грусть*). Отвлеченные существительные не изменяются по числам и употребляются, главным образом, в форме единственного числа.

Вещественные существительные называют вещество (в широком смысле этого слова): полезные ископаемые (*нефть, уголь*), продукты животного происхождения (*молоко, сливки*), химические элементы и соединения (*водород, марганец*), сельскохозяйственные культуры (*пшеница, овес*), лекарства (*аспирин, валерьянка*) и др.

Вещественные существительные не изменяются по числам и употребляются либо в форме единственного, либо в форме множественного числа.

Собирательные существительные называют совокупность предметов или лиц как одно неделимое целое (*молодежь, профессура, тряпье*), по числам не изменяются и употребляются в форме единственного числа. Собирательные существительные образуются с помощью суффиксов *-ств-* (*крестьянство*), *-в-* (*листва*), *-j-* (*тряпье*) и др.

Часть существительных может совмещать в себе лексические и грамматические признаки разных групп. Такие слова образуют смешанные разряды:

- конкретно-собирательные (*народ, толпа*);
- вещественно-собирательные (*щи, брусника*);
- отвлеченно-собирательные (*именины, дразги*).

Категория рода имен существительных

Все существительные, имеющие форму единственного числа, распределяются по родам (*стол, окно, стена*). У существительных, употребляющихся только в форме множественного числа (*сани, ворота, чернила*), значение рода отсутствует.

Категория рода имен существительных в современном русском языке представляет собой систему трех соотносительных грамматически значений мужского, женского и среднего рода, каждое из которых имеет свою форму выражения. Поскольку формами выражения родовых различий существительных являются не формы одного и того же слова, а разные слова (*отец, мать, дитя*), то и категория рода существительных является классифицирующей лексико-морфолого-синтаксической категорией.

В основе распределения всех существительных по родам лежат лексический, морфологический, синтаксический признаки.

По лексическому признаку значение рода определяется у существительных, обозначающих лица или животных мужского и женского пола (*папа – мама, петух – курица*). Значение биологического пола находит свое выражение только у склоняемых существительных, входящих в родовую пару. Родовые пары могут иметь разные корневые (*дедушка – бабушка*), суффиксальные (*студент – студентка*), флективные (*супруг – супруга*) морфемы. Род несклоняемых существительных типа *буржуа, леди* прямо соотносится с биологическим полом называемого лица.

У подавляющего большинства склоняемых существительных значение рода определяется по морфологическому признаку, т. е. по характеру основы и окончанию в именительном падеже единственного числа (а в отдельных случаях – в родительном или творительном падежах единственного числа). К мужскому роду относятся:

Существительные с основой на твердый согласный, -j и нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа (*стол, герой*);

Существительные с основой на мягкий согласный и нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа, имеющие в форме родительного падежа единственного числа окончание -я (*зверь – зверя, день – дня*);

Существительное *путь*, которое в форме творительного падежа единственного числа имеет окончание -ем(-ом) (*путем, ср. столом, днем*).

К женскому роду относятся:

Существительные с окончанием -а(-я) в именительном падеже единственного числа (*страна, земля*);

Существительные с основой на мягкий согласный и нулевым окончанием в именительном падеже единственного числа, имеющие в форме родительного падежа единственного числа окончание -и (*лани – лани, соль – соли*).

К среднему роду относятся:

Существительные с окончаниями -о, -е в именительном падеже единственного числа (*окно, поле*);

Существительные на -мя (*знамя, время, стремя, пламя, племя, темя, вымя, семя, бремя, имя*), *дитя*.

Значение рода у существительных с суффиксами субъективной оценки -ин-, -ищ-, -ишк- определяется независимо от окончания по мотивирующему слову (*купчина* – по слову *купец* – мужской род, *домище* – по слову *дом* – мужской род, *старичишка* – по слову *старик* – мужской род). У существительных типа *топорище, пожарище* в значении «большой» род определяется по мотивирующему слову (*топор, пожар* – мужской род), а в значении «ручка топора» (*топорище*), «место пожара» (*пожарище*) – по флексии -е (средний род).

У существительных несклоняемых, за исключением названий лиц мужского и женского пола, значение рода определяется по синтаксическому признаку, т. е. по роду

согласуемого с данным существительным слова (*пианино красивое* – средний род, *кофе черный* – мужской род).

Следует заметить, что синтаксический признак рода характерен для любого существительного (*отец строгий* – мужской род, *стена белая* – женский род, *домище старый* – мужской род), но только у несклоняемых слов этот признак определения рода – единственный.

Род несклоняемых существительных, обозначающих географические названия, соотносится с родом называемого нарицательного существительного (*Тбилиси – город* – мужской род, *Онтарิโอ – озеро* – средний род), а несклоняемых сложносокращенных слов – с родом главного слова, положенного в основу названия (*ГАИ – инспекция* – женский род, *горно – отдел* – мужской род). Если сложносокращенное слово склоняется, то род определяется по морфологическому признаку (*вуз – вуза – вузу* – мужской род).

В современном русском языке выделяется группа существительных общего рода, которые в зависимости от контекста могут иметь значения либо мужского, либо женского рода (*Он/она у нас большой/большая умница*). Общий род не представляет собой отдельного грамматического значения, подобного мужскому, женскому и среднему роду, и является условным обозначением целой группы существительных, в основном, с отрицательной эмоциональной окраской (*неряха, задира, соня*). Род таких существительных определяется по синтаксическому признаку.

В последние десятилетия в разговорной речи группа существительных общего рода достаточно активно пополняется словами, ранее обозначавшими профессии, должности которых занимали мужчины (*староста, врач, инженер* и др.).

У некоторых существительных наблюдаются колебания в роде. При этом одна родовая форма является стилистически нейтральной, а другие – просторечными, устарелыми, употребляющимися в профессиональной речи: *зал* (нейтр.) – *зала* (уст.) – *зало* (прост.), *желатин* (нейтр.) – *желатина* (професс.).

Итак, категория рода имен существительных – это лексико-морфолого-синтаксическая классифицирующая категория, грамматическое содержание которой связано с разграничением в форме единственного числа трех соотносительных значений мужского, женского, среднего рода по лексическому, морфологическому, синтаксическому признакам.

Категория числа имен существительных

Грамматическим содержанием категории числа существительных, позволяющим разграничивать два соотносительных грамматических значения единственного и множественного числа, является понятие «один – более чем один (предмет)». Каждое из этих значений имеет свои формы выражения: для единственного числа – родовые формы существительных (*сосед, стена, окно*), для множественного числа – формы с флексиями *-и(-ы), -а* (*соседи, стены, окна*), суффиксами *-j-* (*листья*), *-ес-* (*чудеса*) и др., супплетивные формы (*человек – люди*), ударение (*озеро- озёра*). Значение числа у несклоняемых существительных выражается синтаксически (*пальто красивое* – единственное число, *пальто красивые* – множественное число).

Значение числа существительных выражается в противопоставлении словоформ одного слова (*стол – столы*) либо через средство сочетающихся с существительным словоформ (*интересное, интересные интервью*), поэтому категория числа имен существительных является словоизменительной морфолого-синтаксической категорией.

В современном русском языке значение числа не всегда соответствует своей форме выражения. Так, существительное *сани* имеет одну форму множественного числа, а может обозначать один предмет (*В мои сани запрягли только одного жеребца*), суще-

ствительное *листва* – форму единственного числа, а обозначает более чем один предмет. Поэтому категория числа (как и категория рода) имен существительных – в значительной степени формальная грамматическая категория.

Одни существительные имеют обе формы числа (*книга – книги*) и относятся к группе слов с выраженным противопоставлением по числу, другие – только форму единственного числа (*ходьба*) или множественного числа (*сливки*) и относятся к группе слов с невыраженным противопоставлением по числу.

К существительным с выраженным противопоставлением по числу относятся слова, обозначающие конкретные предметы, различные события, явления, факты, которые могут быть подвергнуты счету. В противопоставлении форм единственного и множественного числа четко реализуются значения «один – более чем один» (*книга – книги, шутка – шутки*).

Следует различать общее и частные значения единственного и множественного числа. Если общее значение форм числа (единичности или множественности) проявляются независимо от контекста, то частные значения во многом определяются контекстом: *в наших лесах водится разная птица* (обобщенно-собирательное значение), *по дереву можно определить стороны света* (дистрибутивное, или распределительное, значение), *времена трудные наступили* (значение длительной протяженности), *чему тебя в институтах учили!* (оценочное значение) и др.

Группу существительных с невыраженным противопоставлением по числу составляют слова, имеющие только форму единственного числа (*singularia tantum*) или только форму множественного числа (*pluralia tantum*). Лексические значения таких существительных препятствуют выражению количественных отношений.

К существительным *singularia tantum* относятся слова с вещественным значением (*вода, горох, масло, соль, баранина*), с собирательным значением (*листва, воронье, студенчество, беднота, зелень, ботва*), с отвлеченным значением (*инструктаж, гордость, успеваемость, грусть, благо*), имена собственные (*Москва, Обь*).

Некоторые из этих существительных могут быть противопоставлены по числу (*вино – вина, красота – красоты*), но вряд ли их можно считать формами одного и того же слова, поскольку такие слова имеют неидентичные лексические значения (*вино* – вещество; *вина* – сорта вина). Слова типа *вина, красоты* следует относить к существительным *pluralia tantum*.

Существительные *pluralia tantum* имеют значения парности (*ножницы, очки, брюки*), совокупности, собирательности (*всходы, кудри, хлопья*), веществ, материалов и их остатков (*белила, дрова, очистки*), действий, процессов, состояний (*бега, переговоры, хлопоты*), временных отрезков (*каникулы, сумерки, сутки*), бытовой обрядности (*именины, крестины, смотрины*). К этой группе относятся некоторые имена собственные (*Альпы, Карпаты, Соловки*).

Существительные *singularia tantum* всегда имеют значение единственного числа, хотя это значение не равно значению *один* (предмет). Число у этих существительных определяется формально. Существительные *pluralia tantum* могут иметь значения обоих чисел, но не располагают для их выражения специальными морфологическими средствами. Например, в предложении *Ворота в город открыты* существительное *ворота* имеет значение единственного числа, а в предложении *Изготавливаем разные по размерам ворота* существительное *ворота* употреблено в значении множественного числа, на что указывает словосочетание *разные по размеру*.

В древнерусском языке категорию числа составляли три соотносительных грамматических значения: единственного, множественного и двойственного числа. В современном русском языке остатки двойственного числа сохранились в формах множественного числа существительных типа *бока, рукава, плечи, уши, глаза*.

Категория падежа имен существительных

Понятие падежа обычно занимает одно из главных мест в характеристике имен существительных, так как в основе падежных отношений лежат отношения между предметами и явлениями, существующими в реальной действительности.

Категория падежа существительных – это словоизменительная морфолого-синтаксическая категория, основу которой составляют отношения между падежной формой имени, реализующейся в языке в формах именительного (И.п.), родительного (Р.п.), дательного (Д.п.), винительного (В.п.), творительного (Тв.п.), предложного (П.п.) падежей, и другим (другими) словом (словами) в словосочетании и предложении. *Плотники строят дом* субъектные отношения реализуются между формой И.п. существительного *плотники* и словосочетанием *строят дом*, а объектные отношения – между формой В.п. слова *дом* и словом *строят*.

В русском языке форма И.п. является независимой, а формы остальных падежей выражают зависимость от главного слова в словосочетании. Каждый падеж имеет систему своих окончаний. На учете системы окончаний каждого падежа и всех падежей вместе строится формальная классификация существительных по типам склонения.

У несклоняемых существительных падеж определяется синтаксически (*пальто висит* – И.п., *нет пальто* – Р.п., *пришить к пальто* – Д.п., *вижу пальто* – В.п., *вместе с пальто* – Тв.п., *карманы в пальто* – П.п.).

Значения падежных форм многообразны и обусловлены контекстом. Они предопределяются:

а) лексическим значением сочетающихся слов (*писать пером* – Тв.п. орудия действия, *любоваться закатом* – Тв.п. объектный, *петь петухом* – Тв.п. сравнения, *писать ночью* – Тв.п. времени и т. д.);

б) формой слова, с которым сочетается данная падежная форма (*управлять народом* – Тв.п. объектный, *управляться народом* – Тв.п. субъектный);

в) использованием при данной падежной форме различных предлогов (*писать о деревне* – П.п. объектный, *писать в деревне* – П.п. местный).

Падежные значения реализуются в следующих типах отношений между словами:

– субъектных (указывающих на производителя действия или носителя признаков);

– объектных (указывающих на тот объект, на который направлено действие);

– определительных (указывающих на признак предмета);

– обстоятельственных (указывающих на время, место, причину, цель, образ действия и т. д.).

В форме именительного падежа:

– субъектные (*Рабочие строят дом*);

– объектные (*Дом строится рабочими*);

– определительные (*Город-герой Москва*).

В форме родительного падежа приглагольного (зависящей от формы глагола):

– субъектные (*Сестры в квартире не было*);

– объектные (*Она с жадностью выпила воды*).

В форме родительного падежа приименного (зависящей от формы именной части речи):

– субъектные (*Всем понравилось пение артиста*);

– объектные (*Просмотр фильма завершился*);

– определительные (*На стуле висел платок матери*).

В форме дательного падежа приглагольного:

– субъектные (*Отцу нездоровилось*);

– объектные (*Об этом я написал другу*);

– обстоятельственные (*Друзья подошли к дереву*).

В форме дательного падежа приименного:

- объектные (*Наш подарок **институту***);
- определительные (*Мы знаем цену **словам***).

В форме винительного падежа:

- объектные (*Маша шила себе **платье***);
- обстоятельственные (*Прошли весь **лес***).

В форме творительного падежа приименного:

- субъектные (*Дом строится **плотниками***);
- объектные (*Командовать **отрядом** буду я*);
- обстоятельственные (*Машина ехала **лесом***).

В форме творительного падежа приименного:

- субъектные (*Открытие Америки **Колумбом***);
- объектные (*Принимаю на себя командование **отрядом***);
- определительные (*На нем была фуражка **тарелочкой***);
- обстоятельственные (*Проход только **лесом***).

В форме предложного падежа приименного:

- объектные (*На собрании долго говорили об **урожае***);
- определительные (*Рядом с ним состоял в **помощниках** Иванов*);
- обстоятельственные (*Надоело жить в **городе***).

В форме предложного падежа приименного:

- объектные (*Состоялся разговор **при свидетелях***);
- определительные (*Пальто **на меху** было красивым*);
- обстоятельственные (*Нас любят в **юности***).

Например, в предложении *Этой ночью группа подойдет к дому старосты* форма Тв.п. *ночью* в словосочетании *подойдет ночью* реализует значение времени в пределах обстоятельственных отношений, форма И.п. *группа* выступает в предложении в значении субъекта, форма Д.п. *к дому* в словосочетании *подойдет к дому* имеет значение места (обстоятельственные отношения), форма Р.п. *старосты* в словосочетании *к дому старосты* – значение принадлежности (определительные отношения).

Склонение имен существительных

В современном русском языке все существительные делятся на две группы: склоняемые (*дом, гора, стекло*) и несклоняемые (*кофе, метро, леди*).

Склонение – это изменение существительных по падежам в единственном и множественном числе. У существительных с выраженным противопоставлением по числу парадигма склонения состоит из 12 словоформ (6 – в единственном числе, 6 – во множественном числе), с невыраженным противопоставлением по числу – из 6 словоформ (в единственном или во множественном числе).

По системе окончаний выделяются разные словоизменительные парадигмы существительных, которые объединяются в типы склонения: три типа в единственном числе, один тип во множественном числе, один тип разносклоняемых существительных.

Склонение существительных в единственном числе

Система склонения существительных в единственном числе основана на родовом принципе.

К первому склонению относятся существительные мужского рода с нулевой флексией в именительном падеже и среднего рода с флексиями *-е, -о* в именительном падеже:

И.п.	<i>отец</i>	<i>гусь</i>	<i>гений</i>	<i>сыр</i>	<i>лес</i>	<i>небо</i>	<i>поле</i>
Р.п.	<i>отца</i>	<i>гуся</i>	<i>гения</i>	<i>сыра</i> (сыру)	<i>леса</i>	<i>неба</i>	<i>поля</i>
Д.п.	<i>отцу</i>	<i>гусю</i>	<i>гению</i>	<i>сыру</i>	<i>лесу</i>	<i>небу</i>	<i>полю</i>
В.п.	<i>отца</i>	<i>гуся</i>	<i>гения</i>	<i>сыр</i>	<i>лес</i>	<i>небо</i>	<i>поле</i>
Тв.п.	<i>отцом</i>	<i>гусем</i>	<i>гением</i>	<i>сыром</i>	<i>лесом</i>	<i>небом</i>	<i>полем</i>
П.п.	<i>об отце</i>	<i>гусе</i>	<i>гении</i>	<i>сыре</i>	<i>лесе</i>	<i>небе</i>	<i>поле</i> (в лесу)

Вариантные окончания в первом склонении имеют неодушевленные существительные в родительном и предложном падежах. В родительном падеже наряду с основной флексией *-а* выступает вариантная флексия *-у*, которая возможна в следующих случаях:

– у вещественных существительных со значением части целого (*купить сыру*), количества (*кусок сахара*), при отрицании (*не было снегу*);

– у некоторых отвлеченных существительных (*много блеску, наделать шуму, не было страху*);

– у конкретно-собираательных существительных *народ, сброд* (*много народу*);

– у некоторых конкретных и отвлеченных существительных с предлогами *из, с, без, от, до* (*из лесу, с морозу, без году, от роду, до дому*);

– у существительных в составе фразеологизмов (*ни слуху ни духу, с глазу на глаз* и др.).

В современном русском языке флексия *-у* вытесняется основной флексией *-а*.

В предложном падеже наряду с основной флексией *-е* выступает вариантная флексия *-у*, которая употребляется в следующих случаях:

– у существительных с обстоятельственным значением: пространства (*в лесу, на лугу*), времени (*в году, на веку*), образа действия (*на весу, на лету*);

– у существительных в конструкциях типа *деревья в цвету, паркет на клею*;

– у существительных в составе фразеологизмов (*вариться в собственном соку, не оставаться в долгу* и др.).

Формы на *-у* больше свойственны разговорной речи.

При образовании формы творительного падежа от русских фамилий на *-ин, -ов* используется окончание *-ым* (*Калининым, Ивановым*), а от иностранных фамилий *-ом* (*Дарвином, Грином*).

Ко второму склонению относятся существительные мужского, женского и общего рода с флексией *-а* в именительном падеже:

И.п.	<i>сестра</i>	<i>юноша</i>	<i>умница</i>	<i>стена</i>	<i>земля</i>	<i>армия</i>
Р.п.	<i>сестры</i>	<i>юноши</i>	<i>умницы</i>	<i>стены</i>	<i>земли</i>	<i>армии</i>
Д.п.	<i>сестре</i>	<i>юноше</i>	<i>умнице</i>	<i>стене</i>	<i>земле</i>	<i>армии</i>
В.п.	<i>сестру</i>	<i>юношу</i>	<i>умницу</i>	<i>стену</i>	<i>землю</i>	<i>армию</i>
Тв.п.	<i>сестрой</i> (сестрою)	<i>юношей</i> (юношею)	<i>умницей</i> (умницею)	<i>стеной</i> (стеною)	<i>землей</i> (землею)	<i>армией</i>
П.п.	<i>о сестре</i>	<i>юноше</i>	<i>умнице</i>	<i>стене</i>	<i>земле</i>	<i>армии</i>

Вариантные окончания во втором склонении имеют существительные в форме творительного падежа: *-ой(-ей), -ою(-ею)*.

К третьему склонению относятся существительные женского рода с нулевой флексией в именительном падеже:

И.п.	<i>лань</i>	<i>мышь</i>	<i>степь</i>	<i>ночь</i>
Р.п.	<i>лани</i>	<i>мышь</i>	<i>степи</i>	<i>ночи</i>
Д.п.	<i>лани</i>	<i>мышь</i>	<i>степи</i>	<i>ночи</i>
В.п.	<i>лань</i>	<i>мышь</i>	<i>степь</i>	<i>ночь</i>
Тв.п.	<i>ланью</i>	<i>мышью</i>	<i>степью</i>	<i>ночью</i>
П.п.	<i>о лани</i>	<i>мышь</i>	<i>степи</i>	<i>ночи</i>

В формах косвенных падежей существительных *мать, дочь* появляется наращение *-ер-* (*матери, дочери*).

Существительные первого склонения составляют самый большой, а третьего склонения – самый маленький классы слов.

В школьной традиции принят другой порядок склонений: первое склонение – существительные мужского, женского и общего рода с флексией *-а* в именительном падеже, второе склонение – существительные мужского рода с нулевой флексией и среднего рода с флексиями *-о, -е* в именительном падеже, третье склонение – существительные женского рода с нулевой флексией в именительном падеже.

Порядок склонения существительных в единственном числе не имеет существенного значения.

Склонение существительных во множественном числе

Чистый тип склонения во множественном числе составляют существительные *pluralia tantum*. У существительных с выраженным противопоставлением по числу во множественном числе имеются незначительные различия между формами первого, второго и третьего склонений.

Независимо от того, к какому склонению относится существительное в форме единственного числа, во множественном числе оно имеет:

в Д.п. окончание *-ам* (*дворам, стенам, степям*),

в Тв.п. окончание *-ами* (*дворами, стенами, степями*),

в П.п. окончание *-ах* (*дворах, стенах, степях*).

В именительном падеже у существительных первого склонения флексии *-и(-ы), -а, -е* (*звонки, заводы, дома, цыгане, села, плечи*); второго и третьего склонений – *-и(-ы)* (*земли, горы; кости, мыши*).

В некоторых случаях формы на *-и(-ы), -а* различают существительные с разными лексическими значениями (*веки – века, поясы – пояса, пропуски – пропуска*), стилистическим употреблением (*редакторы – редактора, токари – токаря, шоферы – шофера*).

В родительном падеже существительные первого склонения имеют нулевую флексию, флексии *-ов(-ев), -ей* (*горожан, армян, столов, стульев, коней, сел, знаний, морей, платьев*), существительные второго склонения – нулевую флексию, а также *-ей* (*гор, земель, дядей, клешней*), существительные третьего склонения – флексию *-ей* (*мышей, степей*), существительные *pluralia tantum* нулевую флексию, флексии *-ов(-ев), -ей* (*белил, суток, весов, обоев, будней, дебрей*).

В творительном падеже существительные *дверь, дочь, плеть, лошадь* наряду с основной флексией *-ами* допускают вариантную флексию *-ми* (*плетьюми, лошадыми*), а существительные *дети, люди* – только флексию *-ми* (*детьми, людьми*).

Разносклоняемые существительные

Разносклоняемые существительные являются пережиточными формами в современной системе склонения. К ним относятся десять существительных на *-мя* (*бремя, время, вымя, знамя, имя, пламя, племя, семя, стремя, темя*), слова *путь, дитя*. Существительное *путь* во всех падежах, кроме творительного, имеет окончания третьего склонения, а в творительном падеже – второго склонения:

И.п.	<i>путь</i>	<i>кость</i> (3 скл.)	<i>дом</i> (2 скл.)
Р.п.	<i>пути</i>	<i>кости</i>	<i>дома</i>
Д.п.	<i>пути</i>	<i>кости</i>	<i>дому</i>
В.п.	<i>путь</i>	<i>кость</i>	<i>дом</i>

Тв.п.	<i>путем костью</i>	<i>домом</i>
П.п.	<i>пути кости</i>	<i>доме</i>

Существительные на *-мя* и *дитя* в родительном, дательном, предложном падежах изменяются по парадигме третьего склонения, а в творительном падеже имеют окончания второго склонения.

Склонение существительных типа *рабочий, столовая, мороженое*

Ряд прилагательных в современном русском языке может переходить в существительные (субстантивироваться). При переходе в существительные прилагательные перестают изменяться по родам и закрепляются в значении либо мужского (*рабочий*), либо женского (*столовая*), либо среднего (*мороженое*) рода.

Данные существительные склоняются по типу соответствующих прилагательных:

И.п.	<i>рабочий</i>	<i>столовая</i>	<i>мороженое</i>
Р.п.	<i>рабочего</i>	<i>столовой</i>	<i>мороженого</i>
Д.п.	<i>рабочему</i>	<i>столовой</i>	<i>мороженому</i>
В.п.	<i>рабочего</i>	<i>столовую</i>	<i>мороженое</i>
Тв.п.	<i>рабочим</i>	<i>столовой</i>	<i>мороженым</i>
П.п.	<i>о рабочем</i>	<i>столовой</i>	<i>мороженом</i>

Литература

Андрейчева Н.И. О хронологии развития категорий одушевленности в русском языке // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1989. № 2.

Бондарко А.В. К интерпретации одушевленности, неодушевленности, разрядов пола и категории рода (на материале русского языка) // Славянское и балканское языкознание. М., 1976.

Брусенская Л.А. О распределительном значении форм единственного числа существительных // Русский язык в школе. 1988. № 6.

Золотова Г.А. К вопросу о типах падежных значений // Русский язык в национальной школе. 1970. № 4.

Иванова В.А. Способы определения падежа // Русский язык в школе. 1971. № 1.

Кедрайтене Е.И. Категория одушевленности в русском языке. М., 1982.

Колесников А.А. Семантическое обеспечение грамматических форм имен существительных русского языка. Киев, 1988.

Курилович Е. Проблема классификации падежей // Очерки по лингвистике. М., 1962.

Молдавин И.Ф. О существительных общего рода // Вопросы практической лексикографии. Л., 1979.

Мучник И.П. Категория рода и ее развитие в современном русском языке // Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

Руделев В.Г. Существительные в русском языке. Тамбов, 1979.

§ 2. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Общая характеристика

Основу грамматической семантики имени прилагательного составляет понятие признака, который принадлежит предмету. Это понятие складывается из совокупности частных грамматических значений падежа, числа, рода и функции определения в предложении.

В отличие от форм падежа, числа и рода имен существительных формы падежа, числа и рода имен прилагательных являются синтаксически зависимыми от соответст-

вующих форм существительных. Например, если существительное стоит в форме именительного падежа единственного числа мужского рода, то и согласуемое с ним прилагательное имеет ту же форму (*стол крепкий, стена белая, стекло прозрачное*).

Общее грамматическое значение признака, который принадлежит предмету, объединяет в одну группу слова, обозначающие признак как качество или свойство предмета (*красивый, крепкий, слепой*), через отношение к другому предмету: неодушевленному (*березовый, деревянный, речной*), одушевленному (*отцов, мамин, лисий*).

Прилагательные изменяются по падежам (склоняются), числам и родам (в единственном числе). Исключения составляют слова типа *беж, хаки* (несклоняемые прилагательные), а также некоторые формы степеней сравнения типа *красивее, красивее всех*. Краткая форма прилагательного изменяется по числам, а в единственном числе – по родам (*красивы, красив, красива, красиво*).

В предложении прилагательное выступает в функции определения или именной части составного именного сказуемого (*Добрый сказочник был беден*).

Итак, имя прилагательное – это знаменательная часть речи, к которой относятся слова с общим грамматическим значением признака предмета, изменяющиеся по падежам, числам и родам и выступающие в предложении в функции определения или именной части составного именного сказуемого.

В лингвистической литературе представлено и широкое понимание имени прилагательного, к которому относят порядковые числительные (*седьмой*), местоимения (*мой, каждый, такой* и др.), причастия (*играющий, сделанный*).

Парадигма прилагательного

Парадигму прилагательного составляют 24 формы падежа, числа и рода (полные формы), 4 формы числа и рода (краткие формы), 2 простые и 4 сложные формы степеней сравнения:

1. **И.п.** *красивый красивая красиво красивые*
Р.п. *красивого красивой красивого красивых*
Д.п. *красивому красивой красивому красивым*
В.п. *красивый красивую красиво красивые*
(*красивого*) (*красивых*)
Тв.п. *красивым красивой красивым красивыми*
П.п. *о красивом красивой красивом красивых*

2. Краткие формы: *красивы, красив, красива, красиво*.

3. Простые формы степеней сравнения: *красивее, красивейший*;

Сложные формы степеней сравнения: *более (менее) красивый, самый красивый, наиболее (наименее) красивый, красивее всех*.

Краткие формы, формы степеней сравнения могут иметь только качественные прилагательные.

Лексико-грамматические разряды прилагательных

По характеру лексического значения и грамматическим признакам все имена прилагательные делятся на три лексико-грамматических разряда: качественные, относительные, притяжательные.

Качественные прилагательные обозначают признак предмета со стороны его качества, свойства непосредственно.

Качественные прилагательные выражают качества и свойства, воспринимаемые органами чувств (*красный, смуглый, вороной, громкий, тихий, душистый, сладкий, кислый, мягкий, гладкий*), внешние и внутренние качества людей, животных (*молодой, толстый, глухой, умный, добрый, злой*), пространственные и временные качества (*прямой, тесный, ранний*), общие оценки (*приятный, вредный*) и др. Важным лексическим

признаком качественного прилагательного является его способность вступать в синонимические и антонимические ряды с другими качественными прилагательными (**красивый** – *замечательный, прекрасный, великолепный, превосходный*; **холодный** – *горячий*).

У большинства качественных прилагательных немотивированная основа. Встречаются слова и с мотивированной основой (*талантливый, гористый, умный, геройский* и др.). Формально прилагательные с мотивированной основой обозначают признак через отношение к другому предмету (*талантливый* – имеющий талант), но к разряду относительных их отнести нельзя, поскольку они выражают качественный признак (*талантливый* – *способный, одаренный*; *гористый* – *равнинный*).

Качественные прилагательные имеют свойственные только им грамматические признаки:

- могут образовывать краткую форму (*сильный*– *силен, активный* – *активен*);
- могут образовывать степени сравнения (*сильный* – *сильнее, более сильный, сильнейший, самый сильный, наиболее сильный, сильнее всех*);
- могут образовывать формы субъективной оценки (*синий*– *синеватый, здоровый* – *здоровенный*);
- могут определяться наречиями меры и степени (*весьма активный, очень добрый*).

Некоторые из этих признаков по разным причинам могут отсутствовать у качественных прилагательных. Например, от слова *мертвый* нельзя образовать степени сравнения, от слова *ранний* – краткой формы, от слова *дальний* – степени сравнения, краткой формы, форм субъективной оценки.

Относительные прилагательные обозначают признак предмета не прямо, а опосредованно, через его отношение к другому предмету (*речная вода* – *вода из реки, городская школа* – *школа в городе, спасательная шлюпка* – *шлюпка, предназначенная для спасания*).

Признак, выражаемый относительным прилагательным, постоянно присущ предмету и не способен проявляться в большей или меньшей степени. Поэтому относительные прилагательные не входят в синонимические и антонимические ряды.

Относительные прилагательные всегда имеют мотивированную основу, не образуют краткой формы, форм степеней сравнения, форм субъективной оценки, не определяются наречиями меры и степени.

Граница между относительными и качественными прилагательными подвижна. В современном русском языке процесс перехода относительных прилагательных в качественные является живым, активным и связан с употреблением относительного прилагательного в переносном значении (*каменный дом* – относительное, *каменное сердце* – качественное; *золотые часы* – *золотые руки*; *малиновое варенье* – *малиновый берет*). Некоторые относительные прилагательные окончательно утратили свое первоначальное значение и перешли в разряд качественных (*талантливый, гористый, бурный, коричневый, голубой, внимательный*).

Значительно реже качественные прилагательные могут переходить в относительные. Как правило, такой переход возможен в составе сложных терминов (*черная доска* – качественное, *черная металлургия* – относительное; *скорый шаг* – *скорый поезд, звонкий голос* – *звонкий согласный*).

Притяжательные прилагательные обозначают признак предмета через его отношение к живому существу. Этот разряд составляют прилагательные со значением принадлежности лицу или животному (*мамин платок, отцов кисет, лисья нора, китовый ус*).

Притяжательные прилагательные, как и относительные, не входят в синонимические и антонимические ряды, не образуют краткой формы, степени сравнения, форм

субъективной оценки, не определяются наречиями меры и степени, имеют мотивированную основу. Иногда притяжательные прилагательные рассматриваются на правах отдельной группы в разряде относительных.

Выделяют две группы притяжательных прилагательных: собственно-притяжательные и относительно-притяжательные.

Собственно-притяжательные прилагательные имеют значение единичной (персонифицированной) принадлежности (*дедов костюм* – т. е. костюм, принадлежащий конкретному лицу – деду). Относительно-притяжательные прилагательные имеют значение родовой принадлежности (значения свойственности) (*лисий хвост* – т. е. хвост, принадлежащий (свойственный) одному из видов животных – лисам; *помещичья земля* – т. е. земля, принадлежащая помещикам).

Притяжательные прилагательные образуются от существительных собственных и нарицательных с помощью суффиксов *-ов(-ев-)* (*отцов дом, тестев сын, Корнеева колова, китовый ус, моржовый клык*), *-ин-* (*сестрино платье, Ванина шапка, петушинный гребень*), *-нин-* (*братнин, мужнин, дочернин, зятнин, девернин*), *-ий-* (*вороний грай, ребячий визг*), *-ск-* (*господский дом, Чеховский дом*), *-овск-* (*отцовский надел, Толстовские рассказы*), *-инск-* (*материнская ласка*).

Собственно-притяжательные прилагательные чаще образуются от существительных, обозначающих людей и только в некоторых случаях – от существительных, являющихся названиями животных (*кошкин дом, мартышкины очки*). Относительно-притяжательные прилагательные произведены от существительных, называющих как людей, так и животных.

Значение принадлежности складывается, как правило, в сочетании притяжательного прилагательного с существительными (*мужнин велосипед* – значение единичной принадлежности, *вороньи гнезда* – значение родовой принадлежности), однако контекст словосочетания оказывается достаточным не всегда. Например, в словосочетании *мамина память* не ясно, о чем идет речь: либо это *память мамы*, либо *память о маме*. В таких случаях необходим контекст предложения:

Мы всегда удивлялись маминой памяти (т.е. памяти мамы – значение принадлежности);

Мы верны маминой памяти (т.е. памяти о маме – значение относительного прилагательного).

Притяжательные прилагательные на *-овый, -иный* (*китовый, куриный*), *-ский, -овский, -инский* (*солдатский, дедовский, сестринский*) склоняются по образцу качественных прилагательных типа *здоровый, хрупкий*. Склонение прилагательных с суффиксами *-ов(-ев-), -ин-, -нин-, -ий-* (*дедов, Витин, братнин, лисий*) имеет свои особенности: в их парадигме содержатся окончания существительных и прилагательных. Так, у прилагательных с суффиксами *-ов(-ев-), -ин-, -нин-* в именительном падеже всех родов и чисел, в винительном падеже (в сочетании с неодушевленным существительным) всех родов и чисел, в родительном и дательном падежах мужского и среднего рода единственного числа употребляются окончания существительного, а в остальных падежах – окончания прилагательного. Правда, в родительном и дательном падежах мужского и среднего рода единственного числа прилагательные с суффиксами *-ин-, -нин-* могут иметь варианты окончания *-ого, -ому*.

И.п.	<i>отцов</i>	<i>мамин</i>	<i>мужнин</i>
Р.п.	<i>отцова</i>	<i>мамина</i> (<i>мамино</i>)	<i>мужнина</i> (<i>мужнино</i>)
Д.п.	<i>отцову</i>	<i>мамину</i> (<i>мамино</i>)	<i>мужнину</i> (<i>мужнино</i>)

В.п.	<i>отцов</i> (<i>отцова</i>)	<i>мамин</i> (<i>мамина</i> <i>маминого</i>)	<i>мужнин</i> (<i>мужнина</i> <i>мужниного</i>)
Тв.п.	<i>отцовым</i>	<i>маминым</i>	<i>мужниным</i>
П.п.	<i>об отцовом</i>	<i>мамино</i>	<i>мужнином</i>

Прилагательные с суффиксом *-ий-* в именительном падеже всех родов и чисел, в родительном падеже (в сочетании с неодушевленными существительными) всех родов и чисел имеют окончания существительных, а в остальных падежах – прилагательных.

И.п.	<i>лисий</i>	<i>лисья</i>	<i>лисье</i>	<i>лисьи</i>
Р.п.	<i>лисьего</i>	<i>лисьей</i>	<i>лисьего</i>	<i>лисьих</i>
Д.п.	<i>лисьему</i>	<i>лисьей</i>	<i>лисьему</i>	<i>лисьим</i>
В.п.	<i>лисий</i> (<i>лисьего</i>)	<i>лисью</i>	<i>лисье</i>	<i>лисьи</i> (<i>лисьих</i>)
Тв.п.	<i>лисьим</i>	<i>лисьей</i>	<i>лисьим</i>	<i>лисьими</i>
П.п.	<i>о лисьем</i>	<i>лисьей</i>	<i>лисьем</i>	<i>лисьих</i>

Следует обратить внимание на морфемную структуру прилагательных типа *лисий*. Так, в форме именительного и винительного падежей единственного числа мужского рода они имеют нулевую флексию, а морфема *-ий* является словообразовательным суффиксом (ср.: в слове *синий* флексия *-ий*).

Притяжательные прилагательные часто встречаются в составе топонимов (*Марсово поле*, *Малахов курган*), терминологических сочетаний (*анютины глазки*, *бикфордов шнур*), фразеологизмов (*ахиллесова пята*, *крокодиловы слезы*).

В сочетании с существительными определенной семантики в некоторых синтаксических конструкциях притяжательные прилагательные могут переходить в разряд качественных и относительных (*заячий хвост* – притяжательное, *заячья шапка* (т.е. из шкуры зайца) – относительное, *у тебя заячья душа* – качественное).

Краткая форма прилагательного

Краткая форма прилагательного может быть образована в современном русском языке только от полной формы качественных прилагательных с помощью родовых флексий в единственном числе (*красивый* – *красив*, *красива*, *красиво*) и флексий *-и*, *-ы* во множественном числе (*красивы*). От прилагательных на *-нный* краткая форма может образовываться как от целой основы с беглым гласным *-е-* между двумя *-н-* (*длинный* – *длин*, *склонный* – *склон*), так и без конечного согласного основы *-н-* (*безжизненный* – *безжизнен*, *безболезненный* – *безболезнен*). В употреблении данных форм возможны варианты (*безнравственный* – *безнравствен* и *безнравственен*).

Краткие формы не склоняются и изменяются только по числам, а в единственном числе – по родам. Синтаксическая функция в предложении – именная часть составного именного сказуемого (*сегодня ты красива*).

По синтаксическому признаку краткие формы прилагательных следует отличать от так называемых усеченных форм полных прилагательных, которые употреблялись в значениях именительного и винительного падежей в поэзии XVIII–XIX вв. и выполняли в предложении, как и полные формы, функцию определения (*Только версты **полосаты** попадаются одне* (А.Пушкин), ***мрачна** степь, **нежно** руку, **злат** венец, **сине** море, в **минувши** годы, **белы** руки и др.).*

Выступая в составе сказуемого, краткие прилагательные приобретают некоторые грамматические свойства глагола: они обозначают признак, связанный с протеканием во времени, тогда как полные прилагательные называют постоянный признак (***спокойный** ребенок* – постоянный признак, *ребенок **спокоен*** (сейчас), *будет **спокоен***, *был **спокоен*** – непостоянный признак).

Краткая форма может расходиться с полной и по лексическому значению. В одних случаях эти расхождения незначительны (*молодой претендент* – претендент *молод* (чрезмерность проявления признака), в других случаях не ясно, являются ли обе формы одним или разными словам: *видный политик* (т.е. *известный*) – *утес виден* (т.е. *доступен зрению*), *подобное нарушение правил* – *подобен шару*.

Отдельные качественные прилагательные в современном русском языке имеют только краткую форму: *рад, горазд, должен, надобен*.

Не от всех качественных прилагательных образуется краткая форма, что объясняется разными причинами (особенностями лексической семантики, происхождением, морфологической структурой слова и др.). Краткую форму не образуют:

- качественные прилагательные, являющиеся по своему происхождению относительными, с суффиксами *-ск-, -ов(-ев-), -н-* (*товарищеский, передовой, боевой, родной*);
- некоторые качественные прилагательные, обозначающие цвет, по происхождению из относительных (*голубой, розовый, фиолетовый*);
- качественные прилагательные, обозначающие масти животных (*буланый, вороной, гнедой, чалый*);
- некоторые отглагольные качественные прилагательные с суффиксом *-л-* (*беглый, отсталый*);
- качественные прилагательные с суффиксами субъективной оценки (*толстущий, толстенный, толстенький*);
- качественные прилагательные, являющиеся по своему происхождению формами сравнительной степени (*большой, старший, младший*);
- многозначные качественные прилагательные в отдельных своих значениях (*бедный* в значении «несчастный», *славный* в значении «симпатичный»).

Формы степеней сравнения прилагательных

Качественные прилагательные могут образовывать степени сравнения – сравнительную и превосходную. Исходной (положительной) формой для образования степеней сравнения является полная форма прилагательного типа *простой, красивый*. Формы степеней сравнения бывают простыми (синтетическими) и сложными (аналитическими).

Сравнительная степень называет качество, которое присуще данному предмету в большей или меньшей степени, чем другому предмету (*река шире ручья*), либо качеству, которое в одном и том же предмете проявляется в разное время в большей или меньшей степени (*река стала шире*).

Простые формы сравнительной степени образуются с помощью формообразующих суффиксов *-ее(-ей)* (продуктивного) и *-е, -ше* (непродуктивных). Суффикс *-ее (-ей)* присоединяется к основе на твердый согласный исходной формы прилагательного (*умный – умнее, сильный – сильнее*), а суффикс *-е* – к основе прилагательных, оканчивающихся на *г, к, х, д, т, в, ст* (*дорогой – дороже, дешевый – дешевле, простой – проще*) при чередовании конечного согласного основы. От прилагательных *желтый, лютый, святой, сытый* форма простой сравнительной степени образуется с помощью суффикса *-ее*. Суффикс *-ше* образует форму сравнительной степени от прилагательных *далекий, долгий, тонкий, старый* (*дальше, дольше, тоньше, старше*). В отдельных случаях форма простой сравнительной степени образуется супплетивно (*хороший – лучше, плохой – хуже*).

Прилагательные в форме простой сравнительной степени не изменяются по родам, числам, падежам, не согласуются с существительными и в предложении выступают в роли именной части составного именного сказуемого.

Не образуется простая форма сравнительной степени от качественных прилагательных с суффиксами *-ск-* (*дружеский*), *-н-* (*больной*), *-ов(-ев-)* (*деловой, боевой*), яв-

ляющихся по своему происхождению относительными, от некоторых отглагольных прилагательных с суффиксом *-л-* (*вялый, горелый*), от некоторых прилагательных с суффиксом *-к-* (*тяжкий*), от прилагательных, обозначающих масти животных (*вороной*), от прилагательных, обозначающих предельную степень качества (*мертвый, плоский*).

Сложные формы сравнительной степени образуются прибавлением к исходной форме качественного прилагательного слов *более, менее* (*более красивый, менее высокий*).

Прилагательные в форме сложной сравнительной степени изменяются по родам, числам, падежам, согласуются с существительным и в предложении выступают в функции определения.

Чаще всего от качественного прилагательного образуются как простая, так и сложные формы сравнительной степени. В случаях, когда простая форма не образуется, ее заменяет сложная форма (*более ранний*). Но у прилагательных, обозначающих масти животных, предельную степень качества, форма сложной сравнительной степени отсутствует.

Превосходная степень обозначает самую высокую (низкую) степень качества в предмете по сравнению с тем же качеством в других однородных с ним предметах (*красивейшая из всех рек*), а также предельную степень качества предмета без сравнения с другими предметами (*крупнейший ученый*). Первое значение называется суперлативным, второе – элятивным.

Простые формы превосходной степени образуются с помощью формообразующих суффиксов *-ейш-* (продуктивного), *-айш-* (непродуктивного). Суффикс *-ейш-* присоединяется к основе на твердый согласный исходной формы прилагательного (*умный – умнейший, сильный – сильнейший*), а суффикс *-айш-* – к основе, оканчивающейся на *г, к, х* (*строгий – строжайший, крепкий – крепчайший, тихий – тишайший*) при чередовании конечного согласного основы.

Формами простой превосходной степени являются образования с суффиксом *-ш-* типа *лучший, худший, низший, высший, больший, меньший*.

К форме простой превосходной степени может присоединяться префикс *наи-*, который усиливает степень качества предмета (*наиважнейший, наибольший*).

Прилагательные в форме простой превосходной степени изменяются по родам, числам, падежам, согласуются с существительными и в предложении выступают в качестве определения.

Не образуют простую форму превосходной степени в основном те же качественные прилагательные, у которых отсутствуют формы простой сравнительной степени.

Сложные формы превосходной степени образуются тремя способами:

– прибавлением местоимения *самый* к исходной форме качественного прилагательного (*самый красивый*);

– прибавлением наречий *наиболее, наименее* к исходной форме качественного прилагательного (*наиболее красивый*);

– прибавлением местоимений *всего, всех* к простой форме сравнительной степени (*красивее всех*).

Сложные формы превосходной степени образуются практически от всех качественных прилагательных, за исключением слов, обозначающих масти животных, предельную степень качества.

Формы типа *самый красивый, наиболее красивый* изменяются по родам, числам, падежам, согласуются с существительными, в предложении выполняют функцию определения. Форма *красивее всех* не изменяется и в предложении выступает в функции именной части составного именного сказуемого.

Часть лингвистов рассматривают степени сравнения прилагательных как морфологическую словоизменительную категорию, которая представляет собой систему трех соотносительных грамматических значений: нейтральной (положительной), сравнительной и превосходной степеней сравнения, которые называют степень качества, присущего предмету, в сравнении с другим предметом или тем же предметом в разное время.

Иногда степени сравнения рассматривают как двухкомпонентную категорию (положительная – сравнительная степень или сравнительная – превосходная степени).

Некоторые морфологи считают, что такой категории в русском языке нет, а словоформы типа *крепкий – крепче – крепчайший* считают разными словами.

Литература

Вольф Е.М. Грамматика и семантика прилагательного. М., 1976.

Воротников Ю.Л. Степени качества у качественных, относительных и притяжательных прилагательных // Филологические науки. 1992. № 3.

Котов А.А. О статусе краткого прилагательного в грамматической системе русского языка // Значение. Понимание. Умение. 2013. № 3.

Лукин М.Ф. О широком и узком понимании прилагательных в грамматиках современного русского языка // Филологические науки. 1991. № 1.

Павлов В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2.

Панин Л.Г. О формах имени прилагательного в русском языке // Русский язык в школе. 1993. № 1.

Родионова И.Г. Вопрос о статусе превосходной степени имен прилагательных в современном русском языке // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского. 2009 № 11 (15).

Шрамм А.Н. Семантическое развитие прилагательных в современном русском языке // Вопросы исторической семантики русского языка. Калининград, 1989.

§ 3. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ

Общая характеристика

Имя числительное как знаменательная часть речи, обозначающая количество, оформилось в древнерусском языке. Еще в эпоху общеславянского языка для обозначения количества предметов употреблялись имена существительные и прилагательные. С развитием счета постепенно счетные слова начинают порывать с именами, грамматически обособляться, играть роль счетного признака при имени существительном.

Наиболее существенным признаком этой части речи является способность участвовать в счете, которая может проявляться по-разному:

- обозначать сумму счета (*три стола*);
- обозначать занимаемое место в счете (*третий стол*);
- обозначать некоторую счетную совокупность (*трое детей*).

Общее грамматическое значение имени числительного складывается из отвлеченного обозначения числа, количества считаемых предметов, их порядка при счете и функции подлежащего, дополнения, определения в предложении.

В сочетании с существительным числительное обозначает определенное количество предметов, но при этом по своему значению остается отвлеченным, поскольку числительному безразлично, какой предмет подвергается счету – большой, маленький, живой, неживой и т. д. Отвлеченный характер числительного особенно ярко проявляется при сопоставлении с так называемыми счетными существительными типа *двойка*,

сотня, которые обозначают не отвлеченное от предмета количество, а количество, совмещенное с предметным значением, т. е. с названием предмета. Так, счетное существительное *двойка* совмещает количество с названием цифры 2 (*написать двойку*), с названием оценки (*получить двойку*), с названием игровой карты (*вытянуть двойку*), с названием двухвесельной спортивной лодки (*двойка парная*), с названием автобуса определенного маршрута (*подошла двойка*).

В грамматическом отношении числительные представляют собой неоднородный класс слов. Так, числительные типа *пятый*, *сотый* изменяются по родам, числам и падежам, согласуются с существительными и выступают в предложении в функции определения. Некоторые ученые относят подобные слова к разряду имен прилагательных.

Числительные типа *пять*, *сто* не имеют грамматических значений рода, числа, но изменяются по падежам и в предложении в именительном и винительном падежах управляют именем существительным, образуя вместе с ним неразложимое словосочетание, которое в предложении выполняет функцию подлежащего или дополнения (*пять столов стоит в комнате; купить пять столов*), а в остальных падежах согласуются с существительными, выступая в роли определения (*на пяти столах лежат книги*). Склонение таких числительных имеет свои особенности.

Таким образом, именем числительным называется знаменательная часть речи, к которой относятся слова с общим грамматическим значением отвлеченного обозначения числа, количества считаемых предметов и порядка их при счете, в одной своей части не имеющие грамматического значения рода, числа, изменяющиеся по падежам и выполняющие в предложении функции подлежащего, дополнения, определения, в другой части – изменяющиеся по родам, числам, падежам и выполняющие в предложении функцию определения.

В современном русском языке насчитывается 16 непроезводимых корней, которые положены в основу образования числительных: *один, полтора, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, сорок, сто, тысяча, миллион, миллиард*.

Не следует смешивать с числительными существительные, прилагательные, местоимения и наречия с количественным значением типа *пара, двойка, двойня, двойник, двойной, двоякий, двойственный, оба, обе, столько, сколько, несколько, мало, немало, много, немного*.

По образованию числительные делятся на простые (*пять, пятеро, пятый*), сложные (*пятьдесят, пятидесятый*) и составные (*пятьдесят пять, пятьдесят пятый*). Простые числительные имеют непроезводимую основу, сложные – производную основу, составные состоят из двух и более слов.

Лексико-грамматические разряды числительных

При выделении числительных в самостоятельную знаменательную часть речи в первую очередь учитывается своеобразие лексической семантики данных слов, которые по-разному называют количественные признаки считаемых предметов (*три, трое, третий*). Грамматическая характеристика числительных не единообразна. По лексическим и грамматическим особенностям все числительные можно разделить на два больших разряда – количественные (сочетающие в себе значения отвлеченного числа и количества) и порядковые (выражающие в сочетании с существительным только количественный признак). В свою очередь, количественные числительные по значению, грамматическим признакам, структуре и особенностям употребления делятся на собственно-количественные, собирательные и дробные.

Собственно-количественные числительные обозначают отвлеченное число или количество считаемых предметов и представляют собой основной разряд числительных, который состоит из 10 названий чисел первого десятка (от 1 до 10), 9 названий чисел второго десятка (от 11 до 19), 8 названий десятков (от 20 до 90), 9 названий сотен

(от 100 до 900), а также слов *тысяча, миллион, миллиард*. Путем их сочетания образуются многочисленные составные собственно-количественные числительные.

К простым (первообразным) числительным относятся слова первого десятка, а также *сорок, сто, тысяча, миллион, миллиард*.

К сложным (производным) числительным относятся названия чисел второго десятка, названия десятков (кроме *сорок*), названия сотен (кроме *сто*). Числительные от 11 до 19 образовались путем сложения числительного первого десятка с предлогом *на* и формой предложного падежа от слова *десять* (*один на десяте*, т.е. одиннадцать). Иногда подобные образования относят к простым числительным.

Сочетаясь между собой, простые и сложные числительные образуют многочисленную группу составных числительных.

Собственно-количественные числительные не имеют значения рода. Родовые различия сохраняют в современном русском языке только слова *один* (*одна, одно*) и *два* (*две*).

Поскольку собственно-количественные числительные своим лексическим значением выражают понятие определенного числа, то у них нет необходимости иметь грамматическую форму числа, связанную с понятием «один – более чем один». Лишь числительное *один* может иметь форму множественного числа *одни*, но и в этом случае значение единичности сохраняется (*одни сани*). В сочетании с существительными с выраженным противопоставлением по числу форма *одни* теряет числовое значение и переходит либо в местоимение (*одни дети играют, а другие стоят*), либо в частицу (*играют одни юноши*).

Слова *тысяча, миллион, миллиард* относятся к разряду числительных только по лексическому значению. По морфологическим признакам они имеют полное сходство с именами существительными.

Склонение собственно-количественных числительных не имеет единого образца и представлено следующими типами:

– числительное *один* склоняется по образцу притяжательных прилагательных типа *мамин*. Иногда это слово причисляют к именам прилагательным;

– числительные *два, три, четыре* имеют особые падежные окончания, в какой-то мере напоминающие склонение прилагательных во множественном числе: И.п. *два*, Р.п. *двух*, Д.п. *двум*, В.п. *два*, Тв.п. *двумя*, П.п. *о двух*;

– числительные от *пяти* до *десяти*, от *одиннадцати* до *девятнадцати*, *тридцать* изменяются по парадигме существительных третьего склонения типа *кость*;

– числительные *сорок, девяносто, сто* в именительном и винительном падежах имеют форму *сорок, девяносто, сто*, а в остальных падежах – *сорока, девяноста, ста*;

– числительные *тысяча, миллион, миллиард* изменяются по парадигме соответствующего склонения имен существительных;

– при склонении сложных числительных (кроме 11–19, 30) изменяются обе их части;

– при склонении числительных от *пятидесяти* до *восемьдесят* изменяются обе их части по парадигме 3 склонения существительных типа *кость*: И.п. *пятьдесят*, Р.п. *пятидесяти*, Д.п. *пятидесяти*, В.п. *пятьдесят*, Тв.п. *пятьюдесятью*, П.п. *о пятидесяти*;

– числительные от *двухсот* до *девятисот* изменяют первую часть по парадигмам склонения простых числительных от *двух* до *девяти*, а вторая часть – по парадигме склонения существительных во множественном числе типа *красоты*: И.п. *двести*, Р.п. *двухсот*, Д.п. *двумстам*, В.п. *двести*, Тв.п. *двумястами*, П.п. *о двухстах*.

При склонении составных числительных изменяется каждая часть, каждое слово:

И.п. *пятьсот девяносто три*

Р.п. *пятисот девяноста трех*

- Д.п.** *пятистам девяноста трем*
В.п. *пятьсот девяносто три*
Тв.п. *пятьюстами девяноста тремя*
П.п. *о пятистах девяноста трех.*

В сочетании собственно-количественных числительных с существительными наблюдаются два вида связи – управление и согласование.

Числительное *один* во всех падежах согласуется с существительным и выступает в функции определения.

Числительные *тысяча, миллион, миллиард* во всех падежах управляют существительным, требуя от него формы родительного падежа множественного числа, образуют с ним синтаксически неразложимое словосочетание, которое выполняет в предложении функцию подлежащего или дополнения.

Все остальные числительные в именительном и винительном падежах управляют существительным, требуя от него формы родительного падежа единственного (*два, три, четыре*) или множественного (начиная с *пяти*) числа, образуют с ним синтаксически неразложимые словосочетания, выступающие в функции подлежащего или дополнения, а в остальных падежах согласуются с существительным, выступая при нем в роли счетного определения.

Собирательные числительные обозначают определенное количество предметов как их совокупность. Этот разряд составляют 9 слов (*двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро*), которые соотносятся с соответствующими собственно-количественными числительными (*два – двое, семь – семеро*). Новые собирательные числительные в современном русском языке не образуются.

В морфологическом и синтаксическом отношении собирательные числительные ничем не отличаются от собственно-количественных и склоняются по образцу прилагательных во множественном числе (формы косвенных падежей).

Собирательные числительные сочетаются с существительными:

- обозначающими названия лиц мужского пола (*двое братьев, семеро студентов*);
- обозначающими названия детенышей животных (*двое щенят, семеро цыплят*);
- *pluralia tantum* (*двое, трое, четверо суток*); начиная с *пятеро* возможна вариантная форма собственно-количественного числительного (*пять суток*);
- дети, ребята, люди, лицо (в значении «человек») (*двое детей, семеро людей*);
- общего рода, обозначающими лиц мужского пола (*двое сирот, семеро нерях*);
- обозначающими названия парных предметов (*двое брюк, семеро ножниц*).

В косвенных падежах в сочетании с неодушевленными существительными вместо собирательных, как правило, употребляются собственно-количественные числительные (*двух брюк, с семью ножницами, к четырем суткам*).

Собирательные числительные сочетаются с личными местоимениями в форме множественного числа (*нас было двое, семеро*).

Дробные числительные обозначают количество как часть целого, называя число меньшее единицы (*две третьих, семь восьмых*). Количество частей обозначается собственно-количественным числительным (числитель дроби), а названия частей – порядковым числительным (знаменатель дроби), которое в сочетании с собственно-количественными числительными теряет значение «занимаемое место в счете».

При склонении дробных числительных изменяются обе части по образцу соответствующих собственно-количественных и порядковых числительных (*три четвертых, трех четвертых, трем четвертым, тремя четвертыми* и т. д.).

Во всех падежах дробные числительные управляют существительными, требуя от них формы родительного падежа.

Часто к дробным числительным относятся слова, обозначающие число, которое состоит из целого и его половины: *полтора, полтораства, одна целая и одна вторая, одна целая и пять десятых*. Если исходить из предложенного выше понимания дробного числительного как числа, меньшего единицы, то слово *полтораства*, как и сочетание *сто пятьдесят*, следует отнести к собственно-количественным числительным, а слово *полтора*, как и сочетание *одна целая пять десятых*, – к разряду смешанных числительных, первая часть которых состоит из собственно-количественного числительного, а вторая часть – из дробного числительного (*пять и три десятых, десять целых и четыре пятых* и др.).

Числительные *полтора, полтораства* имеют две падежные формы: в именительном и винительном падежах – *полтора, полтораства*, в остальных падежах – *полтора, полтораства*. Во всех падежах данные числительные управляют формой родительного падежа существительного.

Иногда к дробным числительным относят сочетания собственно-количественного числительного с существительным типа *три четверти, семь с половиной*. Такие сочетания целесообразно относить к аналогам числительных.

Порядковые числительные обозначают порядок предметов при счете и соотносятся с соответствующими собственно-количественными числительными (*второй – два, седьмой – семь*).

Порядковые числительные склоняются по типу прилагательных, изменяются по родам, числам и падежам, выступают в предложении в функции определения. Это дает основание рассматривать данный разряд слов в составе имен прилагательных (выражающих признак предмета через отношение к числу).

В отличие от имён прилагательных порядковые числительные в форме множественного числа не сочетаются с большей частью имён существительных, за исключением отдельных случаев (*вторые сутки, тридцатые годы, седьмые классы, третьи блюда* и др.). В случаях исключения, как правило, всегда есть семантические нюансы. Так, в примере «*вторые блюда*» значение порядка уходит на второй план, на первом плане блюда, в которых нет бульона.

При склонении составных порядковых числительных изменяется только последнее слово (*пятьсот пятьдесят пятый, пятьсот пятьдесят пятого, пятьсот пятьдесят пятому* и т. д.). При склонении сложных порядковых числительных – последняя часть (*пятисотый, пятисотого, пятисотому* и т. д.).

Литература

Балалыкина Э.А. Числительные как особая часть речи в современном русском языке // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 3.

Каламова Н.А. Имя числительное // Русская речь. 1989. № 3.

Лукин М.Ф. К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1987. № 6.

Лыков А.В. К вопросу о количественных и порядковых числительных в современном русском языке // Личность. Культура. Общество. 2017. Т. IX. № 3 (37).

Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. М., 1964.

Чеснокова Л.Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов-на-Дону, 1997.

Шустов А.Н. Несколько – это сколько? (Лингвистические заметки о количественных числительных) // Русский язык в школе. 1991. № 4.

§ 4. МЕСТОИМЕНИЕ

Общая характеристика

В лингвистической литературе мнения ученых о местоимении как части речи расходятся.

Традиционно местоимение выделяют в самостоятельную знаменательную часть речи, к которой относятся слова, указывающие на предметы, признаки, количество, но не называющие их. Согласно другому подходу местоимение не является самостоятельной частью речи, а все местоименные слова распределяются среди существительных, прилагательных, числительных, наречий. Третий подход связан с выделением новой части речи – местоимения-существительного (вместо местоимения).

Такая разница во мнениях лингвистов на местоимение и его положение в системе частей речи объясняется нехарактерным для других знаменательных слов общим грамматическим значением местоимения – указывать на предмет, признак, количество, не называя его. Кроме того, местоимения в грамматическом отношении представляют собой разнородные группы слов.

От античных грамматиков идет определение местоимения как слова, употребляющегося вместо имени (существительного, прилагательного, числительного). Такое понимание вряд ли можно считать правильным, поскольку если бы местоимение употреблялось вместо имени, то каждое существительное, прилагательное и числительное имело бы свое местоимение. Тогда как одно местоимение может указывать, например, на разные предметы (*он* – человек, слон, стол и т. д.). Местоимение занимает место имени в той или иной синтаксической позиции, указывая на конкретный предмет, признак, количество. *«Местоимения не заменяют имен, а служат только указанием на них или напоминанием о них... (Павский Г. Филологические наблюдения над составом русского языка. – Спб., 1880. – с. 249.)»*

В смысловом отношении, взятое само по себе, местоимение, как правило, характеризуется высокой степенью абстракции, обобщенным указанием на предмет, признак, количество. И только в тексте реализуется его конкретное значение, т. е. значение того слова, на которое указывает местоимение (*Отец продолжал говорить, но его не слушали*).

Местоимения указывают на предмет и, следовательно, соотносятся с именами существительными (*я, вы, она, себя, кто, что-то* и др.), занимая в предложении, главным образом, позицию подлежащего или дополнения.

Местоимения указывают на признак и, следовательно, соотносятся с именами прилагательными (*мой, наш, какой, чей* и др.), занимая в предложении, как правило, позицию определения.

Местоимения указывают на количество и, следовательно, соотносятся с числительными (*столько, сколько, несколько, оба*), управляя, как и количественные числительные типа *пять, сто*, в именительном и винительном падежах существительным, а в остальных падежах согласуясь с ним, занимая в предложении позицию подлежащего, дополнения или определения.

В ряде исследований отмечается, что у местоимений и категориально соотносительных с ними частей речи не совпадают частные категории рода, числа и падежа.

Помимо общих с существительными, прилагательными, числительными грамматических признаков местоимения могут иметь свои специфические свойства.

По мнению ряда лингвистов, местоимения могут еще указывать на различные обстоятельства (местоимения-наречия: *где, когда, там, куда, здесь* и др.), состояния (местоимения – категория состояния: *каково, таково, некогда* и др.). В нашем понимании целесообразнее данные слова относить к наречиям, категории состояния.

Итак, местоимение – это знаменательная часть речи, к которой относятся слова, ничего не называющие, а только обобщенно указывающие на предметы, признаки, количество и соотносящиеся по своим лексико-грамматическим характеристикам с существительными, прилагательными и числительными.

Лексико-грамматические разряды местоимений

Неоднородность слов, относящихся к местоимениям, вызывает трудности при их классификации. Иногда местоимения классифицируют по соотношению с другими частями речи. Наибольшее распространение получила классификация местоимений, основанная на семантическом принципе.

По значению все местоимения делятся на 9 разрядов:

личные	(я, ты, мы, вы, он, она, оно, они);
возвратное	(себя);
притяжательные	(мой, твой, ваш, наш, его, ее, их, свой);
указательные	(тот, этот, такой, таков, столько, оба);
вопросительные	(кто, что, какой, чей, который, каков, сколько);
относительные	(те же, что и вопросительные, но употребляющиеся в функции союзного слова);
определительные	(весь, всякий, всяческий, всяк, сам, самый, каждый, иной, другой, любой);
отрицательные	(никто, ничто, некого, нечего, никакой, ничей);
неопределенные	(некто, нечто, некий, некоторый, несколько, кое-кто, кое-что, кое-какой, какой-то, чей-то, кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, чей-нибудь, кто-либо, что-либо, какой-либо, чей-либо).

Личные местоимения указывают на лицо или предмет: *я* – на лицо самого говорящего; *ты* – на собеседника, т. е. на лицо, к которому обращаются с речью; *он, она, оно, они* – на лицо или предмет, о котором идет речь. Местоимения *мы* и *вы* имеют другое лексическое значение, нежели местоимения *я* и *ты*. *Мы* указывает на группу лиц (*я* и другие), от имени которой говорящий что-либо сообщает, а *вы* – на собеседника (вежливое обращение к одному лицу), а также на группу лиц (*ты* и другие), которых говорящий объединяет с собеседниками. Местоимение *мы* в авторской речи может употребляться в значении местоимения *я* (*Мы продолжаем наш рассказ*), а при выражении сочувствия кому-либо – в значении местоимений *ты* или *вы* (*Как мы чувствуем себя?*).

Местоимения *он, она, оно, они* по своему происхождению указательные. Это значение хорошо сохранилось у них в современном русском языке. Иногда их выделяют в особый разряд лично-указательных местоимений.

Поскольку слова *он, она, оно, они* могут указывать и на предмет, их нередко относят к разряду предметно-личных местоимений.

В морфологическом отношении личные местоимения имеют свои особенности. Так, *я* и *ты* не имеют форм рода, но способны в тексте указывать на лицо мужского или женского пола (*я сказал, сказала*). Разница в значениях не позволяет считать местоимения *я–мы, ты–вы* формами числа одного и того же слова (ср.: *книги = книга + книга + книга...*, *мы* – это не *я + я..*, а *я и другие*). Местоимения *он, она, оно*, как и существительные, имеют значение рода, но по родам не изменяются, следовательно, не являются формами рода одного и того же слова. Данные местоимения изменяются по падежам. Их склонение характеризуется наличием супплетивных падежных форм. При употреблении местоимений *он, она, оно, они* с предлогами в косвенных падежах возможны варианты формы с начальным *н-*.

И.п.	Р.п.	Д.п.	В.п.	Тв.п.	П.п.
я	меня	мне	меня	мною (мною)	(обо) мне
ты	тебя	тебе	тебя	тобой (тобою)	(о) тебе
мы	нас	нам	нас	нами	(о) нас
вы	вас	вам	вас	вами	(о) вас
он	его (у него)	ему (к нему)	его (про него)	им (с ним)	(о) нем
она	ее (у нее)	ей (к ней)	ее (про нее)	ею (с ней, с нею)	(о) ней
оно	его (у него)	ему (к нему)	его (про него)	им (с ним)	(о) нем
они	их (у них)	им (к ним)	их (про них)	ими (с ними)	(о) них

В предложении личные местоимения выступают в функции подлежащего или дополнения.

Возвратное местоимение *себя* указывает на отношение лица – производителя действия – к самому себе, т. е. субъект действия (производитель) одновременно является и его объектом (*Я покупаю себе книги*).

Местоимение *себя* не имеет формы именительного падежа, форм рода и числа, склоняется по типу личного местоимения *ты* и в предложении выступает в функции дополнения.

Конкретное значение местоимения *себя* определяется значением подлежащего (*Родители пригласили к себе гостей*) или дополнения в безличном предложении (*Володе удалось купить себе нужные книги*). Если в предложении два лица и действие одного обозначено личным глаголом, а действие другого – инфинитивом, то возникает неясность, двусмысленность. Например: *Отец велел сыну вымыть за собой посуду* (вымыть за отцом или за сыном?). В подобных случаях во избежание двусмысленности необходимо использовать сложноподчиненное предложение. Например, *Отец велел, чтобы сын вымыл за собой посуду* или *Отец велел, чтобы сын вымыл за ним посуду*.

В последнее время всё чаще к возвратным местоимениям относят комплекс двух слов (фразеологический оборот) «друг друга», имеющий фонетическую и грамматическую цельнооформленность (одно ударение, одно окончание, наличие падежных форм). Данное местоимение имеет взаимно-возвратное значение (*Вы посмотрите друг на друга* внимательно).

Притяжательные местоимения указывают на принадлежность предмета лицу: лицу говорящему (*мой, наши*), собеседнику (*твой, ваши*), третьему лицу (*его, ее, их*), любому из трех лиц (*свой*).

Притяжательные местоимения часто делят на две группы: личные притяжательные и возвратное притяжательное *свой*.

Притяжательные местоимения изменяются по родам и числам и падежам, кроме *его, ее, их*, склоняются по типу имен прилагательных: *мой, твой, свой* – как *лисий*; *наш, ваш* – как *хороший*.

Местоимения *его, ее, их* по падежам не изменяются и по своему происхождению являются формами родительного падежа личных местоимений *он, она, они*. Омонимичные формы личных и притяжательных местоимений различаются по выполняемой ими синтаксической функции: *Его не было дома* – дополнение, выраженное личным местоимением. *Его дом отремонтировали* – определение, выраженное притяжательным местоимением.

Местоимение *свой* указывает на принадлежность предмета одному из трех лиц: *я* (*ты, он*) *строю (строишь, строит) свой дом*. При употреблении данного местоимения, как и местоимения *себя*, может возникнуть неясность, двусмысленность. Например, *Преподаватель попросил студента прочитать свой доклад* (доклад преподавателя или студента?). Во избежание двусмысленности используются сложноподчиненные предложения (*Преподаватель попросил, чтобы студент прочитал свой доклад. Преподаватель попросил студента, чтобы тот прочитал его доклад*).

Указательные местоимения указывают на предметы (*тот, этот*), их качества (*такой, таков*), количество (*столько, оба*). Местоимение *этот* указывает на предмет, находящийся близко к говорящему (*Этот дом построен недавно*) или известный говорящему (*Надоели мне эти поездки*), *тот* – на отдаленный предмет (*Посмотрите на тот дом*) или упоминавшийся ранее (*Это случилось в тот год*). Местоимение *такой* указывает на качество, подобное данному, уже названному, или тому, которое еще будет названо (*Я хочу такую книгу. Дайте такую книгу, которая понравится всем*).

Местоимения *тот, этот, такой* изменяются, как и прилагательные, по родам, числам и падежам и, согласуясь с существительным, выполняют в предложении функцию определения. В сложноподчиненных предложениях нерасчлененной структуры местоимение *тот*, употребляясь в значении существительного, выступает в функции подлежащего или дополнения (*Выиграет тот, кто поверит в победу. Встретил того, кого долго искал*).

Местоимение *таков* изменяется по родам и числам, не склоняется и в предложении выступает в функции именной части составного именного сказуемого (*Ты не таков, как вчера*).

Местоимения *столько, оба*, как и собственно-количественные числительные, в именительном и винительном падежах управляют родительным падежом имени, в сочетании с которым выступают в функции подлежащего или дополнения (*Столько друзей собралось. Вижу обе руки*), а в остальных падежах согласуются с именем, выступая при нем в функции определения (*стольких друзей, обеими руками*). Местоимения *столько, оба* склоняются по типу прилагательных во множественном числе, *оба* – изменяется по родам (*оба – обе*).

Вопросительные местоимения указывают на вопрос о предмете (*кто, что*), его признаке (*какой, чей, который, каков*), количестве (*сколько*).

Местоимение *кто* указывает на одушевленные предметы (людей, животных). Сказуемое при подлежащем *кто* обычно ставится в форме мужского рода единственного числа (даже если вопрос относится к лицу или животному женского пола: *Кто пришел?*).

Местоимение *что* относится к неодушевленным предметам, сочетаясь со сказуемым в форме среднего рода единственного числа (*Что случилось?*).

Кто, что не имеют форм рода и числа, изменяются по падежам и составляют, как и личные местоимения, особый тип склонения:

И.п.	<i>кто, что</i>	В.п.	<i>кого, что</i>
Р.п.	<i>кого, чего</i>	Тв.п.	<i>кем, чем</i>
Д.п.	<i>кому, чему</i>	П.п.	<i>(о) ком, (о) чем</i>

Местоимения *какой, чей, который* изменяются по родам, числам, падежам, согласуются с существительными и склоняются по типу прилагательных.

Местоимения *каков, сколько* имеют те же грамматические признаки, что и указательные местоимения *таков, столько*.

Относительные местоимения совпадают по форме с вопросительными, но, в отличие от вопросительных, употребляются в роли союзных слов, присоединяющих придаточную часть к главной в сложноподчиненных предложениях (*Я знаю, кто пришел*,

что ему нужно, **какое** у него настроение, **чей** он родственник, **который** по счету гость, **каков** он в деле, **сколько** ему лет).

Определительные местоимения указывают на обобщенный признак предмета. *Сам* имеет значение «самостоятельно, без чьей-либо помощи» совершать действие (*Я сделаю это сам*), *самый* в сочетании с существительным указывает на степень близости в пространстве или во времени (*у самого синего моря; до самого последнего мгновения*), а в сочетании с прилагательными образует аналитическую форму превосходной степени (*самый красивый*).

Местоимение *весь* указывает на совокупность явлений или на полноту охвата чего-либо (*Все доводы исчерпаны. Работал весь день*). *Всякий, каждый, любой* выделяют предмет из совокупности однородных (*Всякий (каждый, любой) ребенок сделает это*). *Всякий* имеет значения «любой из многих» (*Всякая удача по-своему хороша*), «разный» (*Всякие бывают люди*), а *всяческий* – «самый разнообразный» (*Придумывать всяческие забавы*).

Местоимение *другой* имеет значения «не этот, не данный» (*уйти в другую комнату*), «второй, следующий» (*на другой день*), а *иной* – «другой, не тот, не такой» (*уйти в мир иной*), а также «некоторый, какой-нибудь, какой-либо» (*в иных случаях*).

Определительные местоимения, кроме *всяк*, изменяются по родам, числам, падежам, как прилагательные. *Сам, самый* при склонении в косвенных падежах различаются ударением:

И.п.	<i>сáм, сáмый</i>	В.п.	<i>самогó, сáмого</i>
Р.п.	<i>самогó, сáмого</i>	Тв.п.	<i>самíм, сáмым</i>
Д.п.	<i>самому́, сáмому</i>	П.п.	<i>о само́м, сáмом</i>

Отрицательные местоимения указывают на отсутствие лица, предмета (*никто, ничто, некого, нечего*), признака (*никакой, ничей*). Все они образованы от вопросительных местоимений с помощью префиксов *не-* и *ни-*, имеют морфологические признаки и склоняются по образцу тех местоимений, от которых образовались. *Никто, ничто, никакой, ничей* употребляются в двусоставных отрицательных предложениях, а *некого, нечего*, не имеющие форм именительного падежа, – в односоставных инфинитивных предложениях (*некого послать, нечего делать*).

При склонении отрицательных местоимений предлоги вставляются между *не, ни* и падежной формой (*некого – не у кого, не к кому, не с кем, не о ком*).

Неопределенные местоимения указывают на существующие, но неопределенные лица, предметы (*некто, нечто, кое-кто, кое-что, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо*), признаки (*некий, некоторый, кое-какой, какой-то, чей-то, какой-нибудь, чей-нибудь, какой-либо, чей-либо*), количество (*несколько*).

Все неопределенные местоимения образованы от вопросительных с помощью префиксов *не-, кое-*, постфиксов *-то, -либо, -нибудь*, имеют те же морфологические признаки и, кроме *некто, нечто*, которые не изменяются, склоняются по образцу тех местоимений, от которых образовались.

У местоимений *кое-кто, кое-что, кое-какой* предлог вставляется после префиксов *кое-* (*кое-кто – кое у кого, кое к кому, кое с кем, кое о ком*).

Местоимение *некий* в косвенных падежах может иметь варианты формы.

И.п.	<i>некий</i>	<i>некое</i>	<i>некая</i>	<i>некие</i>
Р.п.	<i>некоего</i>	<i>некоего</i>	<i>некоей</i> (<i>некой</i>)	<i>некоих</i> (<i>неких</i>)
Д.п.	<i>некоему</i>	<i>некоему</i>	<i>некоей</i> (<i>некой</i>)	<i>некоим</i> (<i>неким</i>)
В.п.	<i>некий</i> (<i>некоего</i>)	<i>некое</i>	<i>некую</i>	<i>некие</i> (<i>некоих, неких</i>)
Тв.п.	<i>некоим</i>	<i>некоим</i>	<i>некоей</i>	<i>некоими</i>

	(неким)	(неким)	(некой)	(некими)
П.п.	(о) некоем	(о) некоем	(о) некоей (некой)	(о) неких (неких)

Литература

- Булыгина Т.В. Я, ты и другие в русской грамматике // Филологические исследования. М.; Л., 1990.
- Купалова Л.Ю. Употребление местоимений в речи // Русский язык в школе. 1995. № 4.
- Маловицкий Л.Я. О местоимении *он* // Русский язык в школе. 1973. № 1.
- Милославский И.Г. Являются ли местоимения частью речи в русском языке? // Проблемы теории истории русского языка. М., 1980.
- Откупщикова М.И. Местоимения современного русского языка в структурно-семантическом аспекте. Л., 1984.
- Селиверстова В.И. Слова «другой» и «иной» в современном русском языке // Русский язык в школе. 1990. № 1.
- Скобликова Е.С. Местоимения в современных школьных учебниках // РЯШ. 2008. № 4.
- Чуглов В.И. Местоименные образования типа «один – другой – третий» // Филологические науки. 1992. № 1.
- Шведова Н.Ю. Местоимения и мысли. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. – М.: Азбуковник, 1998.
- Шувалова И.Е. Местоимение – вместо имени? // Русская речь. – 2001. – № 6.

§ 5. ГЛАГОЛ

Общая характеристика

Глагол – самая сложная и наиболее емкая часть речи в русском языке, обозначающая действие как процесс. Понятие процесса в грамматике мыслится обобщенно и включает деятельность, работу (*строить, построить*), перемещение (*шагать, шагнуть*), состояние (*радоваться, обрадоваться*), становление (*мужать, возмужать*), деятельность органов чувств (*слышать, услышать*), мыслительные процессы (*понимать, понять*) и др.

Значение действия как процесса у глагола выражается специфическими глагольными категориями вида (отношение действия к его внутреннему пределу: *решать – решить*), наклонения (отношение действия к действительности: *решаю – решал бы – решай*), времени (отношение действия к моменту речи: *решаю – решал – буду решать*), залога (отношение действия к субъекту и объекту: *я решаю задачу – задача решается мною*), лица (отношение действия к субъекту: *решаю – решаешь – решает*), функции простого глагольного сказуемого в предложении. Глагольные формы могут иметь значения числа и рода.

Значение действия выражено и отглагольными существительными: *косьба, бег, говорение*. В отличие от глаголов подобные существительные выражают действие определенное, которое характеризуется грамматическими значениями рода, числа и падежа. Так, словоформа *косьба* имеет общее грамматическое значение предметности, реализуемое в значениях женского рода, единственного числа, именительного падежа, а словоформа *косит* – общее грамматическое значение действия как процесса, выраженное в значениях несовершенного вида, изъявительного наклонения, настоящего времени, действительного залога, третьего лица, единственного числа.

Глагол изменяется по наклонениям, временам, лицам, числам и родам. Такое изменение называется спряжением (в широком смысле этого слова). Следовательно,

формы наклонения, времени, лица, числа и рода являются спрягаемыми. Спрягаемым формам противопоставлены неспрягаемые формы глагола – инфинитив, причастие и деепричастие. Инфинитив и деепричастие не имеют форм словоизменения, а причастие склоняется по образцу имени прилагательного.

Категории вида и залога свойственны всем глагольным формам, категории наклонения, времени и лица – только спрягаемым (категорию времени в значениях настоящего и прошедшего времени имеют причастия), категория числа – всем глагольным формам, кроме инфинитива и деепричастия, категория рода – только формам прошедшего времени, сослагательного наклонения и причастиям.

Все морфологические признаки глагола тесно связаны между собой.

Основная синтаксическая функция глагола в предложении – выражение в предложении простого глагольного сказуемого. В функции сказуемого выступают спрягаемые формы глагола. Неспрягаемые формы глагола обычно выполняют в предложении другие функции. Так, инфинитив может выступать в роли любого члена предложения, основная функция причастия – определение, деепричастия – обстоятельство.

Глагол управляет косвенными падежами имени и может определяться наречием.

Итак, глаголом называется знаменательная часть речи, к которой относятся слова, имеющие общее грамматическое значение действия как процесса, выражающие это значение в формах вида, наклонения, времени, залога, лица и выступающие в предложении в функции простого глагольного сказуемого (спрягаемые формы), любого члена (инфинитив), определения (причастие), обстоятельства (деепричастие).

Парадигма глагола

Общими признаками для спрягаемых и неспрягаемых глагольных форм, позволяющими объединить их в единую систему (парадигму), являются:

– единство глагольной основы. Все глагольные формы образуются от двух основ: основы настоящего (будущего) времени глагола (*игра́(у)* – *играе́шь, играю́щий, игра́я*) и основы инфинитива, которая называется также основой прошедшего времени (*игра(ть)* – *игра́л, игра́вший*);

– единство видовых образований. Все глагольные формы имеют значение несовершенного или совершенного вида (*играю, заиграю; игра́ть, заигра́ть; игра́вший, заигра́вший; игра́я, заигра́я*);

– единство залоговых образований. Все глагольные формы могут иметь значение залога (*я играю вальс; он стал играть вальс; игра́вший вальс пианист; пианист улыбался, игра́я вальс*);

– способность всех форм управлять косвенными падежами имени (*играю, игра́ть, игра́вший, игра́я на скрипке*);

– способность всех форм определяться наречием (*играю, игра́ть, игра́вший, игра́я быстро*).

Парадигма глагола (в широком смысле этого слова) может состоять более чем из 200 словоформ. Если рассматривать спрягаемые формы глагола с точки зрения наклонения, времени, лица, числа и рода, не касаясь видовых и залоговых образований, то парадигма глагола, например, *игра́ть*, включая инфинитив, причастие и деепричастие, выглядит следующим образом:

формы изъявительного наклонения (*времени, лица, рода, числа*)

<i>играю</i>	<i>буду игра́ть</i>	<i>игра́л</i>
<i>играе́шь</i>	<i>буде́шь игра́ть</i>	<i>игра́ла</i>
<i>играе́т</i>	<i>буде́т игра́ть</i>	<i>игра́ло</i>
<i>играе́м</i>	<i>буде́м игра́ть</i>	<i>игра́ли</i>
<i>играе́те</i>	<i>буде́те игра́ть</i>	
<i>играю́т</i>	<i>буду́т игра́ть</i>	

формы сослагательного наклонения (*рода, числа*)

играл бы
играла бы
играло бы
играли бы

формы повелительного наклонения (*числа*)

играй
играйте

форма инфинитива

играть

формы причастий (действительных и страдательных настоящего и прошедшего времени без парадигм словоизменения)

играющий
игравший
играемый
игранный

Форма деепричастия

играя

Формы изъявительного наклонения настоящего времени образуются от основы настоящего времени глагола с помощью личных окончаний; формы будущего времени – или от основы будущего времени глагола совершенного вида с помощью личных окончаний (*сыграю*), либо аналитически, или путем прибавления глагольной связки *быть* к инфинитиву (*буду играть*); формы прошедшего времени – от основы инфинитива с помощью суффикса *-л-* (*читал, узнал, изучил*), а в отдельных формах мужского рода – с помощью нулевого суффикса: *вез, запер* (но *везла, заперла*).

Формы сослагательного наклонения образуются от основы инфинитива с помощью суффикса *-л-* и частицы *бы* (*сделал бы, читал бы*).

Формы повелительного наклонения образуются от основы настоящего (будущего) времени глагола с помощью суффикса *-и-* (*бери, веди*) или нулевого суффикса (*играй, бей*).

Формы инфинитива образуются от основы инфинитива с помощью суффикса *-ть(-ти)* (*играть, везти*) или с помощью нулевого суффикса (*беречь, печь*).

Формы действительных и страдательных причастий настоящего времени образуются от основы настоящего (будущего) времени глагола с помощью суффиксов *-ущ-*, *-ащ-* (*играющий, спешащий*), *-эм-*, *-ом-*, *-им-* (*решаемый, ведомый, видимый*); формы прошедшего времени – от основы инфинитива с помощью суффиксов *-вш-*, *-ш-*, *-енн-*, *-нн-*, *-т-* (*игравший, шедший, встроенный, сыгранный, обвитый*).

Формы деепричастий образуются от основы настоящего (будущего) времени глагола с помощью суффикса *-а(-я)* (*держа, пройдя*) и от основы инфинитива с помощью суффиксов *-в*, *-вши(сь)*, *-ши* (*решив, решившись, выросши*).

Классы глаголов

По соотношению основы инфинитива и основы настоящего (будущего) времени все глаголы объединяются в классы. Класс – это группа глаголов с одинаковым соотношением основы инфинитива и основы настоящего (будущего) времени.

Если глагол имеет такое соотношение двух основ, по образцу которого создаются новые глаголы, то он относится к одному из продуктивных классов. К непродуктивным

классам относятся глаголы, соотношение основ которых не служит образцом для создания новых глаголов.

Большинство глаголов в современном русском языке входят в один из пяти продуктивных классов.

Первый класс составляют глаголы с основой инфинитива на *-а(ть)* и основой настоящего (будущего) времени на *-ај-* (*реша-ть – решај-ут, поброса-ть – побросај-ут*).

Второй класс составляют глаголы с основой инфинитива на *-е(ть)* и основой настоящего (будущего) времени на *-еј-* (*боле-ть – болеј-ут, погреть – погреј-т*).

Третий класс составляют глаголы с основой инфинитива на *-ова(ть), -ева(ть)* и основой настоящего (будущего) времени на *-уј-* (*беседова-ть – беседауј-ут, потанцева-ть – потанцуј-ут*).

Четвертый класс составляют глаголы с основой инфинитива на *-ну(ть)* и основой настоящего (будущего) времени на *-н-* (*дрогну-ть – дрогн-ут, прыгну-ть – прыгн-н-ут*). К этому классу не относятся глаголы, теряющие *-ну-* в форме прошедшего времени (*погаснуть – погас – погаснут, мерзнуть – мерз – мерзнут*).

Пятый класс составляют глаголы с основой инфинитива на *-и(ть)* и основой настоящего (будущего) времени на мягкий согласный или шипящий (*люби-ть – люб’-ат, реши-ть – реш-ат*).

Первые четыре продуктивных класса составляют глаголы первого спряжения, а пятый класс – глаголы второго спряжения.

К непродуктивным классам относятся глаголы, сохранившие, как правило, архаические особенности в образовании основ. Непродуктивных классов значительно больше, чем продуктивных, но они объединяют не более 400 глаголов.

Спряжение глаголов

Изменение глагола по лицам в настоящем и простом будущем времени называется спряжением (в узком смысле этого слова). По системе личных окончаний в единственном и множественном числе глаголы делятся на два продуктивных типа спряжения. К первому спряжению относятся глаголы с окончаниями *-у, -ешь(-ёшь), -ет(-ёт), -ем(-ём), -ете(-ёте), -ут*, ко второму спряжению – с окончаниями *-у, -ишь, -ит, -им, -ите, -ат*. Например:

1 л. ед.ч.	<i>кладу</i>	<i>горю</i>	мн.ч.	<i>кладем</i>	<i>горим</i>
2 л. ед.ч.	<i>кладешь</i>	<i>горишь</i>	мн.ч.	<i>кладете</i>	<i>горите</i>
3 л. ед.ч.	<i>кладет</i>	<i>горит</i>	мн.ч.	<i>кладут</i>	<i>горят</i>

В современном русском языке глаголы *хотеть, бежать, чтить* и все префиксные образования от них типа *захотеть, побежать* в своей парадигме совмещают окончания первого и второго типов спряжения. Такие глаголы называются разноспрягаемыми.

1 л. ед.ч.	<i>хочу</i>	<i>бегу</i>	<i>чту</i>
2 л. ед.ч.	<i>хочешь</i>	<i>бежишь</i>	<i>чтишь</i>
3 л. ед.ч.	<i>хочет</i>	<i>бежит</i>	<i>чтит</i>
1 л. мн.ч.	<i>хотим</i>	<i>бежим</i>	<i>чтим</i>
2 л. мн.ч.	<i>хотите</i>	<i>бежите</i>	<i>чтите</i>
3 л. мн.ч.	<i>хотят</i>	<i>бегут</i>	<i>чтут</i>

К разноспрягаемым глаголам близки слова *есть, дать* (и все префиксальные образования от них типа *надоесть, создать*), имеющие архаическое спряжение:

1 л. ед.ч.	<i>ем</i>	<i>дам</i>	мн.ч.	<i>едим</i>	<i>дадим</i>
2 л. ед.ч.	<i>ешь</i>	<i>дашь</i>	мн.ч.	<i>едите</i>	<i>дадите</i>
3 л. ед.ч.	<i>ест</i>	<i>даст</i>	мн.ч.	<i>едят</i>	<i>дадут</i>

Если личные окончания глаголов ударные, то спряжение определяется по окончанию, если ударение падает на основу, то спряжение определяется по инфинитиву. Так, ко второму спряжению относятся глаголы, инфинитив которых оканчивается на *-ить* (кроме *брить, стелить, зиждиться, зыбиться* – это глаголы первого спряжения), семь глаголов на *-еть* (*вертеть, видеть, зависеть, ненавидеть, обидеть, смотреть, терпеть*), четыре глагола на *-ать* (*знать, держать, дышать, слышать*). Остальные глаголы с безударными личными окончаниями относятся к первому спряжению.

Необходимость отнесения глагола к тому или иному типу спряжения находит свое практическое применение в правописании его безударных личных окончаний. Например, глагол *обессилеть* относится к первому, а *обессилить* – ко второму спряжению. Соответственно, они имеют разные личные окончания:

1 л. ед.ч.	<i>обессилею</i>	<i>обессилю</i>
2 л. ед.ч.	<i>обессилеешь</i>	<i>обессилишь</i>
3 л. ед.ч.	<i>обессилеет</i>	<i>обессилит</i>
1 л. мн.ч.	<i>обессилеем</i>	<i>обессилим</i>
2 л. мн.ч.	<i>обессилеете</i>	<i>обессилите</i>
3 л. мн.ч.	<i>обессилеют</i>	<i>обесселят</i>

Категория вида глагола

Грамматическим содержанием категории вида глагола является отношение действия к его внутреннему пределу. Это понятие позволяет разграничивать два соотносительных грамматических значения совершенного и несовершенного вида.

Глаголы совершенного вида обозначают действие целостное, достигшее своего внутреннего предела или стремящееся к нему, глаголы несовершенного вида – действие нецелостное (которое можно членить на фазы), в его течении. Например: *открываю дверь* (несовершенный вид) – *открою дверь* (совершенный вид), *открывал дверь* (несовершенный вид) – *открыл дверь* (совершенный вид).

Значение вида у глагола может выражаться как формами слова (*решать* – *решить*), так и разными словами (*играть* – *разыграть*). В первом случае категория вида выступает как словоизменяемая, во втором как классифицирующая грамматическая категория.

В русском языке в морфемной структуре глагольной словоформы нет четких формальных показателей вида. Например, *читать* (несовершенный вид) и *купить* (совершенный вид), *тянуть* (несовершенный вид) и *толкнуть* (совершенный вид), *отпускать* (несовершенный вид) и *нахватать* (совершенный вид). Кроме того, глаголы типа *казнить, молвить, велеть* могут иметь значения и несовершенного, и совершенного вида (двувидовые глаголы): *казнить нельзя* – *помиловать* (несовершенный вид) и *казнить* – *нельзя помиловать* (совершенный вид).

Категория вида составляет одну из наиболее характерных особенностей русского глагола. Все глаголы в русском языке имеют значение вида. Но при этом одни имеют обе формы вида (*бросать* – *бросить*), другие – форму только совершенного вида (*ринуться*) или несовершенного вида (*чествовать*), третьи – совмещают в одном слове и значение несовершенного, и значение совершенного вида (*казнить*). Таким образом, в отношении противопоставленности глагольных форм по виду можно выделить две группы глаголов: 1) с выраженным противопоставлением по виду; 2) с невыраженным противопоставлением по виду (одновидовые глаголы). Промежуточное положение между этими двумя группами занимают глаголы типа *казнить* (двувидовые глаголы), которые, с одной стороны, формально не образуют видовой пары, а с другой стороны, способны реализовать значения обоих видов.

Основу грамматической категории вида составляют глаголы с выраженным противопоставлением по виду, т. е. глаголы, имеющие видовую пару, способные вступать в отношения видовой корреляции (противопоставления). В видовую корреляцию вступают две соотносительные формы одного и того же глагола, тождественные по лексическому значению. Установлено, что только 60% русских глаголов имеют видовую пару.

В современном русском языке можно выделить два направления видовой корреляции: перфективацию и имперфективацию.

Перфективация – это образование глаголов совершенного вида от глаголов несовершенного вида. В качестве средств перфективации выступают:

– префиксы (*строить* – **построить**, *ржаветь* – **заржаветь**, *терзать* – **растерзать**, *мужать* – **возмужать**, *пугать* – **испугать**, *делать* – **сделать** и др.). В данных образованиях префиксы выполняют чисто грамматическую функцию, переводя одно и то же глагольное слово из несовершенного вида в совершенный. Далеко не каждый префикс, присоединяясь к глаголу, выполняет чисто видовую функцию. Например, в ряду слов *делать*, *сделать*, *наделать*, *переделать*, *выделать*, *проделать* только префикс *с-* является чисто видовым, а остальные префиксальные образования отличаются от глагола *делать* не только видом, но и лексическим значением. В то же время не каждый глагол с префиксом *с-* образует видовую пару. Так, глаголы *списать*, *сбежать*, *смахнуть* и другие не вступают в видовую корреляцию с соответствующими беспрефиксными глаголами;

– суффикс *-ну-* (*прыгать* – **прыгнуть**, *стучать* – **стукнуть**, *дуть* – **дунуть** и др.).

Суффикс *-ну-* в глаголах совершенного вида имеет значение однократности действия;

– префикс и суффикс (*кланяться* – **поклониться**, *глотать* – **проглотить** и др.);

– супплетивизм (*брать* – **взять**, *ловить* – **поймать**, *говорить* – **сказать**, *класть* – **положить** и др.). Члены данных видовых пар восходят к разным словам, поэтому глагол совершенного вида является условно производным от глагола несовершенного вида.

Имперфективация – это образование глаголов несовершенного вида от глаголов совершенного вида. В качестве средства имперфективации служит суффикс (*рассказать* – **рассказывать**, *подмигнуть* – **подмигивать**, *застрясть* – **застревать**, *раскрыть* – **раскрывать**, *ослабеть* – **ослабевать**), чередование согласных в корне (*подрасти* – **подрастать**, *пренебречь* – **пренебрегать**, *помочь* – **помогать** и др.), а в единичных случаях префикс и суффикс (*купить* – **покупать**).

Нет четких критериев в определении направления видовой корреляции в парах, состоящих из форм совершенного вида с суффиксами *-и-*, *-е-* и форм несовершенного вида с суффиксом *-а-* (*сложить* – **слагать**, *отпереть* – **отпирать**, *лишить* – **лишать**, *замереть* – **замирать** и др.), а также в парах, различающихся только ударением (*ссыпать* – **ссыпáть**, *отр́езать* – **отрезáть** и др.). Если исходить из того, что совершенный вид выступает как сильный, маркированный член видового противопоставления, обозначающий цельное действие, предел действия, то глагол совершенного вида следует признать исходным в видовых парах типа *сложить* – **слагать**, *ссыпать* – **ссыпáть**, от которого образуется глагол несовершенного вида (имперфективация).

Отдельные видовые пары глагола могут объединяться в видовую цепь. Глаголы *читать* – **прочитать** и *прочитать* – **прочитывать** образуют видовую цепь: *читать* (несовершенный вид) – **прочитать** (совершенный вид) – **прочитывать** (несовершенный вид).

В современном русском языке выделяется группа глаголов совершенного и несовершенного вида, которые не имеют видовой пары. Такие глаголы называют одновидовыми. К одновидовым глаголам совершенного вида относится большая группа приставочных глаголов, отличающихся от соответствующих бесприставочных наличием вре-

менной, количественной или количественно-временной характеристики действия. Например:

- начала действия (*заиуметь, запрыгать, заскучать, побежать, поплыть*, и др.);
- оконченности длившегося какое-то время действия (*проплавать, прожить, пролежать, пробежать* и др.);
- прекращения длительного действия (*отъездить, отбежать, отплавать, отпустить, отвоеваться* и др.);
- ослабленности, умеренности, неполноты действия (*попить, погулять, поплавать, посидеть* и др.);
- предельной полноты, интенсивности действия (*попадать, поразгонять, пооткрывать* и др.);
- полного удовлетворения, пресыщенности действием (*накричатся, наплясаться, нареветься, намечтаться* и др.);
- достижения результата действия, имеющего разного рода последствия (*доболтаться, допрыгаться, изголодаться, уходиться* и др.);
- начало интенсивного проявления действия (*разревется, размечтаться, разволноваться, взыграет, взревет* и др.);

Часть одновидовых глаголов совершенного вида типа *грянуть, хлынуть, ринуться, очнуться, рухнуть, кануть* имеет в своем составе суффикс *-ну-* со значением мгновительности действия.

К одновидовым глаголам несовершенного вида относится большая группа бесприставочных глаголов типа *спать, лежать, стоять* (со значением состояния), *ездить, бегать, скакать* (со значением движения), *слесарничать, хозяйничать, сапожничать* (со значением действия лица по занимаемой должности, профессии), приставочные глаголы типа *приплясывать, припевать, подвизгивать* (со значением действия, сопровождающего другое действие), *похаживать, посвистывать, попить* (со значением длительно-прерывистого, ослабленного в своем протекании действия) и др.

Двувидовые глаголы, число которых в современном русском языке постоянно растет, реализуют в контексте значение либо совершенного, либо несовершенного вида. Например: *Только в следующем году ученые **исследуют** этот минерал* (совершенный вид); *Ученые будут **исследовать** этот минерал* (несовершенный вид).

К двувидовым глаголам относятся слова древнего происхождения типа *казнить, венчать, велеть*, более позднего происхождения типа *миновать, организовывать, исследовать*, а также слова на *-овать*, заимствованные из других языков или образованные от иноязычных и русских основ (*атаковать, гарантировать, моторизовать, яровизировать* и др.).

Как правило, одни двувидовые глаголы (особенно позднего происхождения) тяготеют больше к выражению значения совершенного вида (*арестовать, конфисковать* и др.), другие – несовершенного вида (*регулировать, демонстрировать* и др.). Значение другого вида в таких глаголах все чаще реализуется через новое видовое образование (*арестовать – арестовывать, конфисковать – конфисковывать, регулировать – отрегулировать, демонстрировать – продемонстрировать*). Не следует подобные двувидовые глаголы переводить в группу глаголов, имеющих видовую пару, так как параллельный по значению глагол возник только для одного из видов двувидового глагола.

С грамматической категорией вида, охватывающей все глаголы без исключения, тесно связаны семантико-словообразовательные группы глаголов, которые называются способами глагольного действия. В способы глагольного действия объединяются префиксальные и суффиксальные глаголы (чаще всего одновидовые), выражающие тот же самый процесс, что и соответствующие им непроезженные глаголы, но конкретизирующие его с точки зрения временной или количественной определенности. Например, *заиграть* (начало действия), *проиграть весь день* (оконченность длившегося какое-то

время действия), *отыграть свое* (прекращение длительного действия), *игрывал* (неоднократная повторяемость действия), *поиграть* (ослабленное, умеренное, неполное действие), *наиграть определенное количество чего-либо* (большое накопление чего-либо в результате действия), *наиграться* (полное удовлетворение, пресыщенность действием), *доиграться* (чрезмерность действия, которое приводит к отрицательным последствиям), *разыгаться* (начало интенсивного проявления действия), *поигрывать* (длительно-прерывистое, ослабленное в своем протекании действие) и т. д.

Способы глагольного действия делятся на временные, количественные и количественно-временные. Временные способы уточняют характер протекания действия во времени, количественные – количественную характеристику действия, количественно-временные – действия с позиции количественных и временных характеристик.

Если ядро грамматической категории вида составляют глаголы, имеющие видовую пару, то способы глагольного действия охватывают, в основном, одновидовые глаголы.

Категория наклонения глагола

Категория наклонения глагола является морфологическим средством выражения модальности, т. е. отношения сообщаемого к его реальному осуществлению, которое устанавливается говорящим лицом.

Грамматическим содержанием категории наклонения является понятие отношения действия к действительности, связанное с реальностью – нереальностью его осуществления говорящим лицом. Формой глагола может быть выражено действие, действительно производимое лицом, или только предполагаемое, или побуждаемое к его совершению.

Категорию наклонения составляют три соотносительных грамматических значения изъявительного, сослагательного и повелительного наклонений, каждое из которых имеет свои формы выражения и особенности употребления.

Формами наклонения имеют не все глагольные образования, а только спрягаемые.

Изъявительное наклонение обозначает реальное действие, которое совершает, совершал или будет совершать сам говорящий, собеседник или третье лицо. Например, *Я (ты, он) читаю (читал, буду читать) книгу*. Поэтому формы изъявительного наклонения включают значения лица и времени.

Глаголы в форме изъявительного наклонения изменяются по временам, в настоящем и будущем времени – по лицам и числам, в прошедшем времени – по родам и числам (*читаю, читаешь, читает, читаем, читаете, читают; буду читать, будешь читать, будет читать, будем читать, будете читать, будут читать; читал, читала, читало, читали*).

В значении изъявительного наклонения может употребляться инфинитив (*А она на него кричать!*).

Сослагательное наклонение обозначает предполагаемое действие, которое желательно или возможно, но зависит от какого-то условия. Например: *Я бы сделал эту работу, она мне нравится* (значение желательности). *Если бы я умел читать, то не просил тебя об этом* (значение условности).

Форма сослагательного наклонения представляет собой сочетание формы прошедшего времени глагола с частицей *бы(б)*, которая может стоять непосредственно за глаголом (*Хотел бы поговорить с вами*), перед глаголом (*Я бы сделал это на вашем месте*), может быть отделена от него другими словами (*Мы бы так дома с вами не разговаривали*).

Глаголы в сослагательном наклонении не имеют форм времени и лица, изменяются по числам, а в единственном числе по родам (*читал бы, читала бы, читало бы, читали бы*).

В сложноподчиненных предложениях с придаточными дополнительными и цели форма сослагательного наклонения создается путем сочетания глагола с союзом *чтобы* (*Не могу поверить, чтобы он сделал это. Нам все объяснили, чтобы мы не волновались*).

В значении сослагательного наклонения может употребляться инфинитив в сочетании с частицей *бы* (*посмотреть бы на него*).

Повелительное наклонение обозначает побуждение к совершению действия, которое сопровождается особой побудительной интонацией. Побуждение к действию может быть выражено в виде приказания (*выйди из класса!*), просьбы (*расскажи, пожалуйста!*), призыва (*вставляйте в ряды защитников!*), пожелания (*расти здоровым!*) и т. п.

Основной формой повелительного наклонения является форма второго лица единственного числа, которая образуется от основы настоящего (простого будущего) времени глагола с помощью формообразовательного суффикса *-и* (*смотри, сиди, уведи*), а также нулевого суффикса (*играй, режь, прочитай*). Форма множественного числа образуется прибавлением постфикса *-те* к форме единственного числа (*смотрите, сидите, уведите, играйте, режьте, читайте*).

Некоторые глаголы имеют особенности в образовании формы повелительного наклонения:

– глаголы *бить, вить, лить, пить, шить* и все производные от них префиксальные глаголы образуют форму повелительного наклонения с нулевым суффиксом и беглым гласным *е* в основе (*бей, вей, лей, пей, шей*);

– у глаголов с суффиксом *-ва-* в неопределенной форме в форме настоящего времени суффикс выпадает, но снова появляется в форме повелительного наклонения (*давать – дают – давай, вставать – встают – вставай*);

– форма повелительного наклонения глагола *есть* совпадает с формой второго лица единственного числа *ешь*;

– форма повелительного наклонения глагола *ехать* образуется от другой основы (*поезжай*).

От некоторых глаголов формы повелительного наклонения не образуются, так как этому препятствует семантика глагольного слова. В одних случаях действие невозможно совершить по побуждению со стороны (*хотеть, видеть, слышать*), в других – действие не зависит от воли субъекта (*белеть, чернеть*), в третьих – действие совершается без вмешательства деятеля (*вечереет, морозит*).

Глаголы в повелительном наклонении не имеют форм времени, лица (за исключением формы второго лица), рода и изменяются только по числам (*играй – играйте*).

В значении повелительного наклонения может выступать форма инфинитива с частицей *давай* (*давайте*) и без нее (*давай играть; всем встать!*).

В современном русском языке формы одних наклонений могут использоваться в значении других. Такое употребление называется переносным. Так, в значении изъявительного наклонения может употребляться форма повелительного наклонения (*Карась – рыба живучая: брось (= бросишь) его в лужу, он и там приживется*); в значении сослагательного наклонения – форма повелительного наклонения (*Расскажи (= рассказал бы) я вам об этом, а потом мне не поздоровится*); в значении повелительного наклонения – форма сослагательного наклонения (*Ты бы поговорила (= поговори) с ним*). В значении повелительного наклонения возможны следующие формы изъявительного наклонения:

– форма 3 лица единственного и множественного числа настоящего времени глаголов в сочетании с частицами *пусть, пускай, да* (*пусть играет, пускай посмотрят, да здравствует*);

- форма 1 лица множественного числа настоящего и будущего времени глагола в сочетании с частицей *давай (давайте)* и без нее (*давай споем; споемте, друзья*);
 - форма 3 лица будущего времени глагола (***Выйдешь*** на улицу, ***перейдешь*** на другую сторону, там тебя будут ждать);
 - форма прошедшего времени глагола (*Внимание! Все **встали** в строй*).
- Значения наклонения выражаются формами одного и того же слова, поэтому категория наклонения относится к типу словоизменительных грамматических категорий.

Категория времени глагола

Грамматическим содержанием категории времени глагола является понятие отношения действия к моменту речи. Это понятие позволяет разграничить в данной категории три соотносительных грамматических значения настоящего, прошедшего и будущего времени, каждое из которых имеет свои формы выражения. Глаголы в форме настоящего времени обозначают действие, совпадающее с моментом речи; глаголы в форме прошедшего времени – действие, предшествующее моменту речи; в форме будущего времени – действие, следующее за моментом речи (*играю – играл – буду играть*).

Категория времени связана с категориями наклонения и вида. Только глаголы изъявительного наклонения имеют формы времени. Только глаголы несовершенного вида имеют три формы времени. У глаголов совершенного вида отсутствует форма настоящего времени.

Тесная связь категории времени с категорией вида дает некоторым лингвистам основание рассматривать изъявительное наклонение как систему, состоящую из пяти форм времени глагола: настоящего несовершенного вида (*играю*), будущего несовершенного вида (*буду играть*), прошедшего несовершенного вида (*играл*), будущего совершенного вида (*сыграю*), прошедшего совершенного вида (*сыграл*).

Время глагола может определяться не только по отношению к моменту речи, но и по отношению ко времени другого действия. В первом случае время называется абсолютным, а во втором – относительным. Например, в предложении *Когда тучи рассеялись, выглянуло солнце* форма прошедшего времени *выглянуло* обозначает действие, предшествующее моменту речи (абсолютное время), а форма прошедшего времени *рассеялись* обозначает действие, предшествующее действию, выраженному глаголом *выглянуло* (относительное время).

Формы настоящего времени, которые имеют только глаголы несовершенного вида, образуются от основы глаголов настоящего времени с помощью личных окончаний и представляют систему, состоящую из трех форм единственного и трех форм множественного числа (*играю, играешь, играет, играем, играете, играют*).

Общее значение настоящего времени – совпадение действия с моментом речи – реализуется в частных значениях собственно-настоящего и несобственно-настоящего времени.

Значение собственно-настоящего времени (по другой терминологии, настоящего актуального) выражено лишь при точной временной ориентации действия, которое осуществляется в момент речи (*Что ты сейчас делаешь? **Читаю***).

Значение несобственно-настоящего времени (настоящего неактуального) не имеет точной временной ориентации действия и выступает в следующих оттенках:

- расширенного настоящего. Действие охватывает ограниченный отрезок времени, включая момент речи, до и после момента речи: *Уже много лет я **живу** в этом городе* (т.е. жил, живу и собираюсь жить дальше);
- постоянного настоящего. Действие соответствует моменту речи и всем периодам времени до и после момента речи: *Эта река **впадает** в озеро*;

– абстрактного настоящего. Действие не привязано к моменту речи, мыслится абстрактно, безотносительно к конкретному субъекту: *Что имеем – не храним, потерявши – плачем;*

– потенциального настоящего. Действие не привязано к моменту речи, выражает свойство, качество субъекта: *Он хорошо поет.*

Значения и оттенки значений настоящего времени глагола формируются в контексте, между ними нет четких границ.

Образование форм будущего времени зависит от значения вида глагола. От глаголов совершенного вида образуется простая форма будущего времени. Для этого к основе настоящего-будущего времени добавляются личные окончания настоящего времени (*сыграю, сыграешь, сыграет, сыграем, сыграете, сыграют*).

От глаголов несовершенного вида можно образовать сложную форму будущего времени: к спрягаемым формам вспомогательного глагола *быть* добавляется инфинитив основного глагола (*буду играть, будешь играть, будет играть, будем играть, будете играть, будут играть*).

Двувидовые глаголы образуют обе формы будущего времени, простую и сложную, в зависимости от контекста: *Его завтра казнят* (что сделают?); *Палач будет казнить* (что будет делать?) *его на площади*. Форма простого будущего времени *казню* омонимична форме настоящего времени.

Общее значение будущего времени – действие, осуществляемое после момента речи – реализуется в следующих частных значениях:

– будущего конкретного: *В октябре сыграем (будем играть) свадьбу;*

– будущего повторяющегося: *Соревнования будут проводиться ежемесячно. Всегда пройдет и поздоровается.*

Если формы настоящего и простого будущего времени не обладают специальным показателем времени (личное окончание глагола указывает на лицо и число), то формы прошедшего времени образуются от основы инфинитива с помощью суффикса *-л-* (*играл, летал, молчал*), изменяются по числам (*играли*), а в единственном числе – по родам (*читал, читала, читало*).

У отдельных групп глаголов форма мужского рода может иметь нулевой суффикс: *вез* (но *везла*), *нес* (но *несла*), *запер* (но *заперла*), *берег* (но *берегла*), *замерз* (но *замерзла*). Форма прошедшего времени от глагола *идти* образуется супплетивно: *шел, шла, шло, шли*.

Общее значение прошедшего времени – действие, предшествующее моменту речи, реализуется в следующих частных значениях:

– имперфектное. Действие, совершившееся в прошлом, но не завершившееся (*Наступал вечер, шел дождь, порывисто дул ветер*);

– перфектное. Действие, совершившееся в прошлом и завершенное (*Цветок совсем распустился*). Результат такого действия не разобщен с планом настоящего, т. е. актуален для настоящего;

– аористическое. Действие, имевшее место в прошлом, как правило, завершенное, но результат такого действия разобщен с планом настоящего (*Мы подумали о том же*). В отличие от перфектного аористическое действие разовое, течение которого нельзя представить в плане настоящего (ср.: *распустился – распускается, распускается, распускается... и пролегла*);

– давно прошедшее. Действие, имевшее место в отдаленном прошлом и нерегулярно повторяемое (*Знавал я многих*).

В современном русском языке часты случаи, когда форма времени не совпадает с соответствующим временным планом, т. е. форма не соответствует своему содержанию. Такое употребление временной формы называется переносным. Так, в предложениях *Иду я вчера в институт* или *Завтра я еду домой* формы настоящего времени *иду*

и *еду* не соответствуют реальному временному плану настоящего: *иду* употребляется в значении прошедшего времени (реальный временной план прошлого), а *еду* – в значении будущего времени (реальный временной план будущего). А в предложении *Мы ушли, а ты сделаешь уроки* форма прошедшего времени употребляется в значении будущего времени (реальный временной план будущего).

Категория времени глагола является словоизменительной грамматической категорией, так как значения времени выражаются формами одного и того же слова.

Переходные и непереходные глаголы

Значения переходности – непереходности присущи всем глагольным формам. Переходные глаголы обозначают действие, которое непосредственно переходит на предмет, т. е. либо направлено на предмет (*читать книгу, любить человека, услышать рассказ*), либо производит какие-то изменения в предмете (*рубить дрова, стирать белье, собирать игрушки*), либо создает или разрушает предмет (*строить дом, снести дом, писать книгу, разорвать книгу*). Показателем переходности глагола служит прямой объект, выраженный:

- винительным падежом имени без предлога (*выполнить что? задание*);
- родительным падежом без предлога при глаголе с отрицанием (*не выполнить чего? задания*) или при переходе действия на часть объекта (*принести чего? дров*);
- инфинитивом, который можно заменить винительным или родительным падежом имени без предлога (*люблю играть – ср.: люблю игру*);
- субстантивированным словом в функции прямого дополнения (*получить пять на экзамене; поставить удовлетворительно*).

Непереходные глаголы обозначают действие, которое не может перейти на предмет, и, следовательно, не имеют при себе прямого дополнения. К ним относятся глаголы бытия, перемещения, состояния, становления (*быть, существовать, бегать, плыть, стоять, лежать, болеть, краснеть* и др.), а также глаголы, действие которых переходит на предмет не прямо, а косвенно (*помогать другу, стучать в дверь, думать о книге* и т. д.). Часто глаголы, которые переходят на предмет косвенно, относят к особому ряду косвенно-переходных.

При непереходных глаголах возможна форма винительного падежа имени без предлога, но в этом случае данная форма не является прямым дополнением, а выражает продолжительность действия во времени и пространстве и выступает в функции обстоятельства (*работать сутки, разговаривать всю дорогу*).

Возможность иметь или не иметь при себе прямое дополнение обусловлена лексическим значением самого глагола. Большинство многозначных глаголов во всех своих значениях выступают либо как переходные, либо как непереходные. Часть глаголов в одних значениях являются переходными, а в других – непереходными, например, *петь песню* и *петь профессионально* (т.е. вокальные данные, манера исполнения и др. соответствующие профессиональному стандарту).

В современном русском языке переходные глаголы могут образовываться от непереходных префиксальным способом (*идти по площади – перейти площадь, бежать по лужайке – перебежать лужайку* и т. п.).

Возвратные глаголы

Глаголы с частицей *-ся(-сь)* обычно называют возвратными. Частица *-ся(-сь)* (по другой терминологии *постфикс*) присоединяется как к переходным, так и к непереходным глаголам, образуя в одних случаях формы слова, в других – новые слова.

В сочетании с частицей *-ся(-сь)* переходный глагол становится непереходным и может приобретать следующие особенности:

– значение возвратности, т. е. обозначать действие, совершаемое субъектом как бы над самим собой (субъект действия одновременно является и его объектом). Например, *умываться, целоваться, кататься* и т. п.;

– иметь при себе дополнение в форме творительного падежа без предлога со значением субъекта действия: *дом строится кем? плотниками;*

– иметь другое лексическое значение, нежели без частицы *-ся(-сь)*, например, *договорить – договориться, пытать – пытаться* и т. п.;

– иметь значение безличности (*сегодня мне не пишется*).

В сочетании с частицей *-ся(-сь)* непереходный глагол продолжает оставаться непереходным. При этом он также приобретает некоторые особенности:

– может усиливаться значение непереходности (*стучаться, грозиться, чернеться* и т. п.);

– может иметь значение безличности (*Нам не сидится на месте*).

Глаголы со значением возвратности, относятся к группе собственно-возвратных глаголов. Все остальные глаголы с частицей *-ся(-сь)* называются условно-возвратными. К условно-возвратным можно отнести группу глаголов, которые без *-ся(-сь)* не употребляются: *улыбаться, стараться, нуждаться, бояться, здороваться* и т. п.

Все глаголы с частицей *-ся(-сь)* являются непереходными.

Категория залога глагола

В языкознании нет единой общепризнанной точки зрения на категорию залога глагола. Под залогом понимается отношение действия либо к субъекту, либо к объекту, либо к субъекту и объекту. Нет единства в определении количества залоговых значений и форм их выражения. В современной научной литературе получили отражение две теории залога: двухзалоговая (действительный, страдательный залогов) и трехзалоговая (действительный, страдательный, средневозвратный залогов).

Для русского языкознания традиционной является трехзалоговая классификация, отражающая понимание грамматической категории залога как отношения действия глагола к субъекту и объекту.

Категория залога тесно связана с переходностью и возвратностью глагола: значения залога имеют только переходные глаголы и та часть возвратных, которая включает глаголы, образованные от переходных. Вне категории залога находятся глаголы, не способные соотнести действие одновременно с субъектом и объектом. К ним относятся:

– невозвратные непереходные глаголы типа *стучать, чернеть*;

– условно-возвратные глаголы со значением безличности (*не пишется, не сидится*), не употребляющиеся без *-ся(-сь)* (*улыбаться, карабкаться*), имеющие с *-ся(-сь)* другое лексическое значение (*добиться, прощаться*), образованные от непереходных глаголов (*стучаться, чернеться*).

Грамматическим содержанием категории залога глагола является понятие отношения действия к субъекту и объекту. Это понятие позволяет разграничить три соотносительных грамматических значения действительного, страдательного и средневозвратного залогов. Каждое из этих значений имеет свои формы выражения.

Форма действительного залога реализуется в действительном обороте речи. Такая синтаксическая конструкция включает подлежащее (субъект), сказуемое (переходный глагол), прямое дополнение (объект) и выражает действие субъекта, активно направленное на объект: *Художник что делает? рисует что? картину*. Иногда подобную синтаксическую конструкцию называют активной. Основу ее составляют подлежащее (активное) и сказуемое.

В односоставных определенно-личных, неопределенно-личных предложениях подлежащего нет, но субъект действия отчетливо подразумевается (*Рисую картину; Где-то поют песни*). В таких случаях глагол имеет значение действительного залога.

Форма страдательного залога выражается возвратным глаголом или страдательным причастием и реализуется в страдательном обороте речи. Такая синтаксическая конструкция (пассив) включает подлежащее (объект), сказуемое (возвратный глагол с частицей *-ся(-сь)* или страдательное причастие), косвенное дополнение (субъект) в форме творительного падежа без предлога и выражает пассивное действие, совершаемое субъектом (*Художником кем? рисуется что? картина. Художником кем? нарисована что? картина*). Основу пассива составляют сказуемое и косвенное дополнение. Пассив в форме несовершенного вида, как правило, выражается возвратным глаголом, а в форме совершенного вида – страдательным причастием.

Иногда значение страдательного залога может быть выражено формой действительного причастия с частицей *-ся* (*Дом, строящийся плотниками; Лекция, читавшаяся профессором*).

Глаголы страдательного залога всегда соотносятся с глаголами действительного залога (*делаться – делать, создаваться – создавать*), а глаголы действительного залога могут не иметь соотносительных форм страдательного залога (*напомнить, благодарить, уверить* и др.). Подобные формы называют однозалоговыми, непарными.

При соотносительных формах действительного и страдательного залога действительный и страдательный обороты речи свободно трансформируются, обозначая при этом одну и ту же ситуацию (*Плотники строят дом. – Дом строится плотниками*).

Если значение действительного залога реализуется во всех глагольных формах (спрягаемых и неспрягаемых), то значение страдательного залога – не во всех формах (оно не реализуется в формах первого и второго лица, в повелительном наклонении, в деепричастии).

Форма средневозвратного залога выражается собственно-возвратным глаголом, действительным причастием или деепричастием с частицей *-ся(-сь)*, образованными от соответствующих собственно-возвратных глаголов (*умываться, умывающийся, умываясь*).

Глаголы средневозвратного залога указывают на сосредоточенность, замкнутость действия в самом субъекте и по своему значению делятся на следующие группы:

– глаголы с собственно-возвратным значением (обозначают действие субъекта, направленное на самого себя): *умываться, причесываться, бриться, одеваться* и т. п. Частица *-ся(-сь)* имеет значение, близкое к значению местоимения *себя*;

– глаголы с взаимно-возвратным значением (обозначают действие двух или нескольких лиц, из которых каждое одновременно является и субъектом, и объектом): *встречаться, обниматься, ссориться* и т. п. Частица *-ся(-сь)* имеет значение, близкое к значению сочетания *друг с другом*;

– глаголы с общевозвратным значением (обозначают действие, ни на кого не направленное, а замкнутое на самом субъекте, т. е. действие, которое вызывает внутренние и внешние изменения в состоянии субъекта): *кататься, передвигаться, волноваться, огорчаться* и т. п. Частица *-ся(-сь)* имеет значение, близкое к значению местоимения *сам*;

– глаголы с косвенно-возвратным значением (обозначают действие, осуществляемое субъектом для себя, в своих целях): *собираться, запасаться, строиться, укладываться* и т. п. Частица *-ся(-сь)* имеет значение, близкое к значению предложно-падежного сочетания *для себя*;

– глаголы с активно-безобъектным значением (обозначают действие, которое может переходить на объект, но дано вне этого перехода, как постоянное свойство субъекта): *петухи клюются, кони лягаются, крапива жжется* и т. п.;

– глаголы с пассивно-качественным значением (обозначают способность предмета подвергаться названному действию): *провода гнутся, нитки рвутся, стекло бьется* и т. п.

Таким образом, формами выражения залоговых значений глагола выступают как морфологические, так и синтаксические средства. У действительного залога – действительный оборот речи (синтаксическое средство), у страдательного залога – постфикс *-ся(-сь)* или суффикс причастия (морфологическое средство) и страдательный оборот речи (синтаксическое средство), у средневозвратного залога – постфикс *-ся(-сь)* (морфологическое средство).

Спорным является вопрос о типе грамматической категории залога. Скорее всего, залоговые значения выражаются формами одного и того же слова (*читает – читается, умывает – умывается, строится кем-то – строится для себя* и т. п.), поэтому категорию залога глагола с определенной долей уверенности можно отнести к типу словоизменительных грамматических категорий.

Категория лица глагола

Категория лица глагола выражает отношение действия к его производителю. Производителем действия может быть сам говорящий (субъект сообщения), слушающий (адресат сообщения), лицо или предмет, не участвующий в диалоге (объект сообщения).

Таким образом, категорию лица глагола составляют три соотносительных грамматических значения: 1 лица (субъект сообщения), 2 лица (адресат сообщения), 3 лица (объект сообщения).

Формами лица являются личные формы глагола в настоящем и простом будущем времени, образованные от основы настоящего (будущего) времени с помощью специальных (личных) окончаний (*играю, сыграю, играем, сыграем*– 1 лицо; *играешь, сыграешь, играете, сыграете*– 2 лицо; *играет, сыграет, играют, сыграют*– 3 лицо), а также аналитические личные формы сложного будущего времени, образованные путем сочетания глагольной связки *быть* с инфинитивом (*буду играть, будем играть* – 1 лицо; *будешь играть, будете играть* – 2 лицо; *будет играть, будут играть* – 3 лицо).

Формы множественного числа личных глаголов полностью не соотносятся по значению с формами единственного числа: глаголы 1 лица обозначают, что действие совершается группой лиц, куда входит сам говорящий; глаголы 2 лица обозначают, что действие совершается собеседниками (слушающими); глаголы 3 лица обозначают, что действие совершается не участвующими в диалоге.

Глаголы повелительного наклонения используют форму 2 лица единственного и множественного числа (*играй, сыграй, играйте, сыграйте*), но в отличие от глаголов изъявительного наклонения по лицам не изменяются.

Глаголы в форме прошедшего времени и сослагательного наклонения не имеют форм лица, а значение лица выражают синтаксически, т. е. с помощью сочетающихся с ними личных местоимений или существительных (*я играл, ты играл, он играл, отец играл; я, ты, он, отец играл бы*).

Ряд глаголов не имеет форм 1 и 2 лица, поскольку их лексическое значение несовместимо с представлением о субъекте и адресате сообщения (*сбежаться, перепадать, темнеться, близиться* и др.), глагол имеет только форму 3 лица (*светает, брезжит* и др.), глагол приобретает неудобнопроизносимое сочетание звуков (*победить, очутиться* и др.).

В отдельных случаях глаголы могут образовывать варианты личных форм (*полоскать – полощу, полоскаю; мучить – мучишь, мучаешь* и др.).

На общие значения 1, 2 и 3 лица в зависимости от контекста могут наслаиваться частные значения:

- формы 1 лица единственного и множественного числа употребляются в обобщенно-личном значении: *Когда я ем, я глух и нем. Поживем – увидим.*
- форма 1 лица множественного числа употребляется в значении 1 лица единственного числа (авторское *мы*): *Рассмотрим эти примеры.*
- форма 1 лица множественного числа употребляется в значении 2 лица единственного числа (участие, сочувствие, вопрос): *Я тихо спросил его: «Что мы сегодня читаем?».*
- формы 2 лица единственного и множественного числа употребляются в обобщенно-личном значении: *Пропущенный час годами не нагонишь. Вы идете по улице и улыбаетесь. Вам хорошо!*
- форма 2 лица единственного числа употребляется в значении 1 лица единственного числа: *С ним чувствуешь себя сильнее.*
- формы 3 лица единственного и множественного числа употребляются в обобщенно-личном значении: *Мягко стелет, да жестко спать. После драки кулаками не машут.*
- форма 3 лица множественного числа употребляется в неопределенно-личном значении: *У нас не курят.*
- форма 3 лица множественного числа употребляется в значении 1 лица единственного числа: *Тебе же хотят добра* (в значении *хочу*).
- форма 3 лица единственного числа употребляется в безличном значении: *Дует из окна.*

Категория лица глагола относится к числу словоизменительных грамматических категорий, так как значение лица находит свое выражение в формах одного и того же слова.

Безличные глаголы

В современном русском языке выделяется группа глаголов, обозначающих действие или состояние, протекающее само по себе, без субъекта действия (*знобит, смеркается, нездоровится* и т. п.). Такие глаголы называются безличными.

Безличные глаголы не изменяются по лицам и числам, употребляются в формах изъявительного и сослагательного наклонений, инфинитива: *вечереет* (3 лицо, единственное число, настоящее время), *будет вечереть* (3 лицо, единственное число, будущее время), *вечерело* (средний род, единственное число, прошедшее время), *вечерело бы* (сослагательное наклонение), *вечереть* (инфинитив). У безличных глаголов отсутствуют формы повелительного наклонения, они не образуют причастий и деепричастий.

Среди безличных глаголов выделяются:

- глаголы, употребляющиеся только в безличном значении (*моросит, светает, лихорадит*);
- глаголы с частицей *-ся*, образованные от личных форм глаголов (*вспоминаю – вспоминается, спит – спится, грезит – грезится*);
- личные формы глаголов в безличном значении. В одних случаях, употребляясь в безличном значении, личный глагол не изменяет своего лексического значения (*сено пахнет – сеном пахнет, ветер дует – из окна дует*), в других случаях безличный глагол имеет другое лексическое значение (*дитя потянуло руку за игрушкой – с севера потянуло холодом, орел парит над землей – сегодня парит*).

Безличные глаголы всегда выступают в функции главного члена безличного предложения, где: 1) нет подлежащего, 2) в сказуемом нет признаков согласования с устраненным подлежащим, 3) сам глагол-сказуемое имеет соответствующее значение, которое дает возможность представить действие безотносительно к субъекту.

По лексическому значению выделяются следующие основные группы безличных глаголов:

- обозначающие явления природы (*морозит, потеплело, смеркается* и др.);
- обозначающие стихийные бедствия (*сломало, унесло, горит* и др.);
- обозначающие физические процессы в организме (*знобит, пересохло, нездоровится* и др.);
- обозначающие психические переживания живых существ (*влечет, вскружило, вспоминается* и др.);
- обозначающие представления о судьбе, роке (*не везет, повезло*);
- обозначающие бытие, существование (*вышло так, не было сил*);
- обозначающие предрасположенность, способность к действию (*не спится, верится, плачется* и др.);
- обозначающие долженствование (*надлежит, следует* и др.).

Границы между этими группами подвижны. Например, *На улице морозит*. – *Меня морозит*; *Во рту горит*. – *Горит на другой улице*.

Инфинитив

Инфинитив является неспрягаемой формой глагола, которая имеет грамматические значения вида, залога и переходности/непереходности.

В смысловом отношении инфинитив как неопределенная форма глагола аналогичен отглагольному существительному: он, как и отглагольное существительное, только называет действие, отвлекаясь от того, кто его производит: *косить (траву) – косьба (травы), курить (вредно) – курение (вредно)*. Однако в отличие от отглагольного существительного, которое называет действие как предмет, инфинитив называет действие как процесс.

В структурном отношении инфинитив является неизменяемой формой глагола и своеобразной исходной (начальной) формой для других глагольных форм. В этом отношении инфинитив близок к форме именительного падежа имени существительного: когда просто надо назвать предмет, пользуются формой именительного падежа; когда надо назвать действие – пользуются формой инфинитива. Но если форма именительного падежа входит в парадигму склонения имени существительного, то инфинитив находится за пределами парадигмы спряжения (в узком смысле этого слова) глагола.

В современном русском языке инфинитив образуется от основы прошедшего времени глагола с помощью формообразовательных суффиксов *-ть, -ти*. Продуктивный суффикс *-ть* присоединяется к основе, оканчивающейся на гласный (*играть, белеть, светить, плыть, молоть, увянуть*).

Небольшая группа инфинитивов образуется от основы, оканчивающейся на согласный, с помощью суффикса *-ти* (*идти, брести, трясти, плести, грести*). Суффикс *-ти* всегда ударный, кроме инфинитивов с префиксом *вы-*, в которых ударение переносится на префикс (*вывезти, выместить, вырасти*).

Несколько инфинитивов с основой, оканчивающейся на согласный, образуются с помощью суффикса *-ть* (*грызть, есть, класть, красть, лезть, прятать, сестить* и др.).

Некоторые глаголы имеют форму инфинитива, оканчивающуюся на *-чь* (*беречь, стеречь, печь, помочь, жечь* и др.), где *-чь* не суффикс, а часть корня (ср.: *берегу – беречь, пеку – печь*).

Инфинитив может употребляться в роли любого члена предложения: подлежащего (*Курить – здоровью вредит*); сказуемого (*Не могу поступить иначе*); дополнения (*Советую тебе уехать*), определения (*Охота мне с вами встречаться*); обстоятельства (*Приходите в гости поболтать*).

Причастие

Причастие – это особая неспрягаемая форма глагола, которая обозначает действие как протекающий во времени признак предмета (**читающий** книгу студент; **прочитанная** студентом книга).

В форме причастия совмещаются грамматические признаки глагола и прилагательного. Глагольные признаки присущи причастию независимо от формы его употребления, признаки прилагательного характеризуют конкретную его форму.

Тесная связь причастия с другими формами глагола проявляется в общности их основы, лексического значения, категории вида, категории залога, категории времени, значения переходности, значения возвратности.

Основа. Причастия имеют общую с другими формами глагола основу, образуются либо от основы инфинитива (**читать** – **читавший**, **прочитать** – **прочитанный**), либо от основы настоящего времени (**читаю** – **читающий**, **читаю** – **читающий**).

Лексическое значение. Причастия имеют общие с другими формами глагола лексические значения (**играю**, **играть**, **играющий** в футбол; **играю**, **играть**, **играющий** роль; **играю**, **играть**, **играющий** на нервах и т. д.).

Категория вида. Причастия имеют общие с другими формами глагола значения вида (**бегаю**, **бегать**, **бегающий**; **сбегаю**, **сбегать**, **сбегавший**).

Категория залога. Причастия имеют общие с другими формами глагола залоговые образования (**умываю**, **умывать**, **умывающий** лицо, **умытое** лицо; **умываться** – **умывающийся**).

Категория времени. Причастия имеют общие со спрягаемыми формами глагола значения настоящего и прошедшего времени (**выполняет** – **выполняющий**, **выполняемый**; **выполнил** – **выполнивший**, **выполненный**).

Значение переходности. Причастия имеют общие с другими формами глагола значения переходности (**смотрю**, **смотреть**, **смотрящий** фильм).

Значение возвратности. Причастия имеют общее с другими формами глагола значение возвратности (**катаюсь**, **кататься**, **катающийся**).

Из всех грамматических глагольных категорий у причастия отсутствуют только категории наклонения и лица.

Причастия, как и другие формы глагола, управляют формой винительного падежа имени без предлога (**делаю**, **делать**, **делающий** стол), способны сочетаться с наречиями (**делаю**, **делать**, **делающий** быстро).

Причастие имеет следующие признаки прилагательного:

– обозначает признак предмета. В отличие от прилагательного признак, выражаемый формой причастия, непостоянный, ограниченный временем (прилагательные выражают постоянный признак предмета) (ср.: **сильный** человек, **деревянный** дом, **лисий** хвост и **играющий** ребенок (пока ребенок **играет**), **игравший** ребенок (пока ребенок **играл**)).

– категории рода, числа, падежа. Формы рода, числа и падежа причастия, как и прилагательного, зависят от формы того слова, с которым данное причастие согласуется (**прочитанный** роман, **прочитанная** книга, **прочитанное** завещание, **прочитанные** мысли, **прочитанными** статьями и т. д.).

– изменяется по родам, числам, падежам, согласуется с существительным и в предложении выступает в функции определения (**Мне понравилась прочитанная** книга).

– склоняется и имеет ту же систему окончаний, что и прилагательные (ср.: **вещий** и **кричащий**, **мохнатый** и **разбитый**, **деревянный** и **прочитанный**).

– может иметь краткую форму, которая образуется от полной формы страдательного причастия (**прочитанный** – **прочитан**, **закрытый** – **закрит**, **любимый** – **любим**). Краткая форма причастия, как и прилагательного, изменяется по родам и числам; в

предложении выступает в функции именной части составного именного сказуемого (*Задача решена правильно*).

Двойственная природа причастия дает основание лингвистам по-разному определять его место в системе частей речи: то признавать самостоятельной частью речи, то относить к прилагательным, то считать гибридной глагольно-атрибутивной формой, то рассматривать как особую форму глагола.

Учитывая то, что причастие сохраняет бóльшую часть грамматических признаков глагола, целесообразно считать его особой формой этой части речи.

Причастия делятся на действительные и страдательные. Действительное причастие называет признак предмета по действию, которое совершает сам предмет (*руководитель, принимающий решение*). Страдательное причастие называет признак предмета по действию, которое совершается другим предметом (*решение, принимаемое руководителем*).

Действительные причастия, как и другие глагольные формы, могут быть действительного залога (ср.: *говорю, говорить правду – говорящий, говоривший правду*), среднего залога (ср.: *создаются, создаваться – создающийся, создававшийся*), реже – страдательного залога (ср.: *письмо сопровождается комментариями – письмо, сопровождающееся комментариями*), находится вне категории залога (ср.: *краснею, краснеть – краснеющий, красневший*). Страдательные причастия всегда имеют значение страдательного залога (*Памятник, охраняемый, сохраненный государством*).

Причастия имеют две формы времени – настоящее и прошедшее. Иногда говорят о тенденции в современном русском языке к образованию причастия будущего времени (*открывающаяся завтра выставка удивит всех*). Образование временных форм причастий, как и спрягаемых глагольных форм, зависит от вида глагола: от глаголов несовершенного вида образуются причастия настоящего и прошедшего времени (*играющий, играемый, игравший, игранный*), от глаголов совершенного вида – только причастия прошедшего времени (*проигравший, проигранный*).

Значения временных форм причастий в основном соответствуют значениям форм времени спрягаемых глаголов. Абсолютное время причастий связано с отношением действия-признака к моменту речи (*поющие птицы, увянувший цветок*). Если причастие соотносится в тексте с личной формой глагола, то оно имеет значение относительного времени:

– *смотрю на поющих птиц* (действие причастия выражает одновременность с действием глагола-сказуемого);

– *смотрю на увянувший цветок* (действие причастия предшествует действию глагола-сказуемого).

Только страдательные причастия могут иметь краткую форму, которая образуется от полной формы путём отсечения окончания и присоединения родового окончания в единственном числе (*нулевого, а, о*) и окончания *-ы* во множественном числе (*сделан, сделана, сделано, сделаны*). В древнерусском языке, наоборот, полные формы образовались от кратких.

Показателем времени у кратких страдательных причастий является глагольная связка *есть (быть)* (*книга прочитана, книга была прочитана, книга будет прочитана*).

Соотношение полных и кратких форм причастия отличается от соотношения полных и кратких форм прилагательных. Причастия всегда выражают относительный признак и не могут выражать качественный признак как прилагательные. При приобретении качественного признака причастие переходит в прилагательные (*горящий дом – причастие, горящий взгляд – прилагательное*). Если краткие формы образуются практически от всех страдательных причастий, то краткая форма качественных прилагательных не является регулярным образованием (так, например, краткая форма не образуется от *боевой, розовой, вороной, беглый* и др.). Полная и краткая формы причастия не –

имеют лексических различий, как это бывает с полной и краткой формами прилагательного.

Образование причастий зависит от вида и переходности глагола.

Если глагол несовершенного вида, переходный, то от него можно образовать все четыре формы причастия:

– от основы настоящего времени глагола образуются действительные причастия настоящего времени (с помощью формообразовательных суффиксов *-ущ-* от глаголов первого спряжения, *-ащ-* от глаголов второго спряжения): *играющий, пишущий, смотрящий, видящий*;

– от основы настоящего времени глагола образуются страдательные причастия настоящего времени с помощью формообразовательных суффиксов *-эм-, -ом-* (от глаголов первого спряжения, кроме глагола *двигать*), *-им-* (от глаголов второго спряжения): *играемый, ведомый, хранимый, движимый*;

– от основы инфинитива образуются действительные причастия прошедшего времени (с помощью формообразовательных суффиксов *-ви-*, если основа инфинитива оканчивается на гласный, и *-ш-*, если основа инфинитива оканчивается на согласный): *игравший, смотревший, коловший, несший, берегший*;

– от основы инфинитива образуются страдательные причастия прошедшего времени с помощью формообразовательных суффиксов *-енн-, -нн-, -т-*: *рубленный, ловленный, игранный, слышанный, битый, литый*.

Если глагол несовершенного вида непереходный, то от него можно образовать только две формы причастия:

– от основы настоящего времени глагола образуются действительные причастия настоящего времени: *гаснущий, ползущий, горящий, висящий*;

– от основы инфинитива образуются действительные причастия прошедшего времени: *гаснувший, ползший, горевший, висевший*.

Страдательные причастия настоящего и прошедшего времени от непереходных глаголов не образуются, так как страдательные причастия всегда имеют значение страдательного залога, а залоговые формы образуются только от переходных глаголов. Если глагол совершенного вида, переходный, то от него можно образовать только две формы причастия:

– от основы инфинитива образуются действительные причастия прошедшего времени с помощью формообразовательных суффиксов *-ви-*, если основа инфинитива оканчивается на гласный, и *-ш-*, если основа инфинитива оканчивается на согласный: *игравший, смотревший, коловший, несший, берегший*;

– от основы инфинитива образуются страдательные причастия прошедшего времени с помощью формообразовательных суффиксов *-енн-, -нн-, -т-*: *рубленный, ловленный, игранный, слышанный, битый, литый*.

Если глагол несовершенного вида непереходный, то от него можно образовать только две формы причастия:

– от основы настоящего времени глагола образуются действительные причастия настоящего времени: *гаснущий, ползущий, горящий, висящий*;

– от основы инфинитива образуются действительные причастия прошедшего времени: *гаснувший, ползший, горевший, висевший*.

Страдательные причастия настоящего и прошедшего времени от непереходных глаголов не образуются, так как страдательные причастия всегда имеют значение страдательного залога, а залоговые формы образуются только от переходных глаголов.

Если глагол совершенного вида, переходный, то от него можно образовать только две формы причастия:

– от основы инфинитива образуются действительные причастия прошедшего времени: *обидевший, прослушавший, победивший, достигший*;

– от основы инфинитива или будущего времени образуются страдательные причастия прошедшего времени: *обиженный* (формообразовательный суффикс *-енн-*), *прослушанный*, *побежденный*, *настигнутый*, *спасенный*.

Действительные и страдательные причастия настоящего времени от глаголов совершенного вида не образуются, так как формы настоящего времени у глаголов совершенного вида отсутствуют.

Если глагол совершенного вида, непереходный, то от него можно образовать только одну форму причастия:

– от основы инфинитива образуются действительное причастие прошедшего времени: *плескавшийся*, *покрасневший*, *погибший*, *промокший*.

Действительные причастия настоящего времени не образуются, так как глагол совершенного вида. Страдательные причастия настоящего и прошедшего времени также не образуются, так как глагол непереходный.

Двувидовые глаголы могут образовывать до двух форм причастий в значении совершенного и до трех форм причастий в значении несовершенного вида, причем действительные причастия прошедшего времени в значениях совершенного и несовершенного вида совпадают по форме: *обещать* (*обещаю*) – *обещающий* (несовершенный вид), *обещаемый* (несовершенный вид), *обещавший* много раз и державший свое слово (несовершенный вид), *обещавший* вчера и сдержавший свое слово (совершенный вид), *обещанный* (совершенный вид).

Деепричастие

Деепричастие – особая неизменяемая форма глагола, имеющая значение добавочного действия, которое поясняет основное действие, выраженное глаголом-сказуемым (*Вернувшись* домой, он нашел нужную книгу. *Старики сидят* на скамейке, *обсуждая* последние новости).

В форме деепричастия совмещаются грамматические признаки глагола и наречия.

Тесная связь деепричастия с другими глагольными формами проявляется в общности основы, лексического значения, категории вида, категории залога, категории времени, значения переходности и значения возвратности.

Основа. Деепричастия имеют общую с другими формами глагола основу и образуются либо от основы инфинитива (*прочитать* – *прочитав*), либо от основы настоящего (будущего) времени (*читаю* – *читаю*, *прочту* – *прочт'а*).

Лексическое значение. Деепричастия имеют общие с другими формами глагола лексические значения (*играю, играть, играющий, играя* в футбол; *играю, играть, играющий, играя* роль; *играю, играть, играющий, играя* на нервах и т. д.).

Категория вида. Деепричастия имеют общие с другими формами глагола значения вида (*бегаю, бегать, бегающий, бегая; сбегая, сбегать, сбегавший, сбегав*).

Категория залога. Деепричастия имеют общие с другими формами глагола залоговые образования (*умываю, умывать, умывающий, умывая* лицо; *умываться, умывающийся, умываясь*).

Категория времени. Деепричастия, как и другие формы глагола, имеют значения относительного времени (*Слушаю* вас, *не веря* собственным ушам).

Значение переходности. Деепричастия имеют общее с другими формами глагола значение переходности (*смотрю, смотреть, смотрящий, смотря* фильм).

Значение возвратности. Деепричастия имеют общее с другими формами глагола значение возвратности (*катаюсь, кататься, катающийся, катаясь*).

Из всех грамматических категорий глагола у деепричастия отсутствуют категории наклонения, лица, времени (в абсолютном значении).

Деепричастия, как и другие формы глагола, управляют формой винительного падежа имени без предлога (*делаю, делать, делающий, **делая** стол*), способны сочетаться с наречиями (*делаю, делать, делающий, **делая** быстро*).

Деепричастие имеет следующие признаки наречия:

- обозначает признак действия;
- не имеет форм словоизменения;

– примыкает к глаголу-сказуемому и употребляется в функции обстоятельства или второстепенного сказуемого (***Улыбаясь**, он посмотрел на меня. Он смотрел на меня, смущенно **улыбаясь** (и смущенно улыбался).*

Указывая на двойственную природу деепричастия, одни лингвисты относят деепричастие к наречию, другие – к смешанной глагольно-наречной категории, третьи – к самостоятельной части речи, четвертые – к особой форме глагола. И все же общность деепричастия с глаголом дает больше оснований считать деепричастие особой формой глагола.

Деепричастие имеет значение вида того глагола, от которого оно образовано. Значение вида глагола во многом определяет значение относительного времени деепричастия. Так, деепричастия несовершенного вида обозначают добавочное действие, протекающее одновременно с основным действием глагола-сказуемого (***слушая** тебя, я вспоминаю прошлое*). Называя, как и глагол-сказуемое, повторное действие, деепричастие несовершенного вида может обозначать действие как предшествующее глаголу-сказуемому (***Вставая** каждое утро на рассвете, я уходил рыбачить*), так и следующее за ним (*Из дома выносят вещи, **собирая** их в кучи*).

Деепричастие совершенного вида обозначает добавочное действие, которое предшествует основному действию глагола-сказуемого (***Выслушав** меня, они молча побрели по дороге*). В позиции после глагола-сказуемого деепричастия совершенного вида могут обозначать добавочное действие, одновременное с основным действием (*Рядом стоял высокий человек, **скрестив** руки на груди*) или следующее за действием глагола-сказуемого (*Он давно ушел из жизни, **оставив** ей небольшое состояние*).

В современном русском языке деепричастие может иметь значения действительного, средневозвратного залогов, находиться вне категории залога: *слушая, выслушав меня* (действительный залог), *умываясь, одеваясь* (средневозвратный залог), *беседуя, улыбнувшись* (вне категории залога). Страдательного залога деепричастие не имеет.

Образование деепричастий зависит от категории вида глагола. Деепричастия несовершенного вида образуются от основы настоящего времени глагола с помощью формообразовательного суффикса *-а(-я)* (*плача, работая, пересекая, купаясь*).

У некоторых глаголов в основе настоящего времени выпадает суффикс, а в форме деепричастия появляется (*сознавать – сознают – **сознавая***).

От некоторых глаголов непродуктивных классов деепричастия несовершенного вида не образуются: *трут, рвут, лгут, жнут, пьют* и др. (в основе настоящего времени отсутствует гласный), *вяжут, тешут, свищут, машут* (основа настоящего времени оканчивается на шипящий, являющийся результатом чередования с соответствующим согласным: *вязать – **вяжут***), *стерегут, влекут, пекут* (основа на заднеязычный согласный), *сохнут, мокнут, вянут* (основа с суффиксом *-ну-*), а также глаголы *бегут, гниют, дерут, едут, зовут, лезут, поют, хотят* и др.

Деепричастия несовершенного вида *будучи, крадучись* образованы от основы настоящего времени с помощью формообразовательного суффикса *-учи-*. Архаические формы деепричастий с данным суффиксом сохранились во фразеологизмах типа *жить припеваючи, делать играючи*.

Деепричастия совершенного вида образуются от основы инфинитива с помощью формообразовательных суффиксов *-в, -вши(сь)* (после гласного), *-ши* (после согласного): *увидев, сумев, нахмутив, противившись, отворотившись, принеши, завидевши*.

Деепричастие с суффиксом *-вши* без частицы *-сь* носит просторечный либо диалектный оттенок, поэтому в литературном языке формы типа *прочитавши*, *заперевши* употреблять не рекомендуется.

Ряд деепричастий совершенного вида может образовываться от основы будущего времени с помощью формообразовательного суффикса *-а(я)*, т.е. по типу деепричастий несовершенного вида: *дойдя*, *увидя*, *нахмурия*, *протясь*, *завидя*. Часто такие образования являются вариантными формами деепричастий с суффиксами *-в*, *-вши(сь)*, *-ши* (*прочитав – прочтя*, *рассмеявшись – рассмеясь*, *истребивши – истребя*).

От двувидовых глаголов деепричастия образуются с помощью суффиксов *-а(я)* (несовершенный вид), *-в* (совершенный вид): *раня – ранив*, *мобилизуя – мобилизовав*, *обещаю – обещав*.

Литература

- Авилова Н.С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
- Авилова Н.С.* Способ глагольного действия и возможности видовой соотносительности глагола // Филологические науки. 1978. № 4.
- Бондаренко И.В.* Синтаксические функции русского инфинитива // Вопросы грамматики русского языка. Иркутск, 1981.
- Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.
- Бондарко А.В.* О значениях видов русского глагола // Вопросы языкознания. 1990. № 4.
- Бондарко А.В., Буланин Л.Л.* Русский глагол. Л., 1967.
- Горобец Е.А.* Статус двувидовых глаголов в современном русском языке // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2007. Т. 149. № 2.
- Зарецкая Е.Н.* Формы повелительного наклонения в русском языке // Филологические науки. 1976. № 3.
- Кавецкая Р.К.* О статусе причастий с точки зрения деривационных отношений // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1982.
- Коваленко Б.Н.* О спорных вопросах теории вида русского глагола // Инновационная наука. 2015. № 6.
- Корнилов В.А.* Причастие как проблема грамматики // Грамматическая семантика глагола и имени в языке и речи. Киев, 1988.
- Королев Э.И.* О залогах русского глагола // Мысли о современном русском языке. М., 1969.
- Ломов А.М.* Временная система русского глагола и ее особенности // Школьная и научная грамматика. Воронеж, 1977.
- Мещаников И.И.* Глагол. М.–Л., 1982.

§ 6. НАРЕЧИЕ

Общая характеристика

Традиционно к наречиям относят слова, лишенные форм словоизменения, примыкающие к глаголам, существительным, прилагательным, категории состояния, самим наречиям и выступающие в синтаксической функции обстоятельства или несогласованного определения.

Примыкая к глаголам, наречия обозначают признак действия, состояния (*бежать красиво*, *волноваться сильно*), к существительным – признак предмета (*разговор наедине*, *яйцо вкрутую*), к прилагательным – признак признака предмета (*слишком людный*, *юношески голубые глаза*), к категории состояния – признак состояния (*очень душно в комнате*), к наречию – признак признака действия (*бежал необычно медленно*).

Наречия могут не только называть (обозначать) признак, но и указывать на него (*поступать по-своему*, *находится там*, *поход в никуда*, *шел как-то неуверенно*, *везде душно*). Часто такие слова относят к местоимениям.

Итак, наречие – это знаменательная часть речи, к которой относятся слова, обозначающие признак действия, состояния, предмета, другого признака, а также указывающие на данный признак, не имеющие форм словоизменения, примыкающие к глаголам, существительным, прилагательным, категории состояния, наречиям и выступающие в предложении в функции обстоятельства или несогласованного определения (*Она говорила **быстро**. Подбежал человек с глазами **навыкате***).

Происхождение наречий тесно связано с историей имени и отдельных глагольных форм, поэтому в современном русском языке подавляющее большинство наречий не теряет функциональной связи с существительными, прилагательными, числительными, местоимениями, деепричастиями. Например, *случилось **весной*** (наречие) – *с **весной** наступает тепло* (существительное), *бежать **красиво*** (наречие) – *небо **красиво*** (прилагательное), *сделать **по-моему*** (наречие) – *сделать **по моему** проекту* (местоимение), *читать **сидя*** (наречие) – *читать, **сидя** на стуле* (деепричастие).

Некоторые наречия (*теперь, очень, почти, чуть, едва* и др.) не имеют в современном русском языке соотносительности с другими знаменательными частями речи.

Разряды наречий по значению

По своему общему значению все наречия делятся на знаменательные, которые называют признак действия, состояния, предмета, другого признака, и местоименные, которые указывают на признак действия, состояния, предмета, другого признака.

Среди знаменательных наречий выделяют две группы: определительные и обстоятельственные.

Определительные наречия характеризуют признак со стороны качества, количества, образа и способа действия и включают в себя:

- качественные наречия (*быстро, захватывающе, юношески* и др.);
- количественные наречия (*трижды, по двое, шестером* и др.);
- наречия образа и способа действия (*по-медвежьи, втихомолку, шагом, наотмашь* и др.).

Обстоятельственные наречия примыкают только к глаголам, характеризуя признак со стороны временных, пространственных, причинных и целевых обстоятельств и включают в себя:

- наречия времени (*сегодня, затемно, тотчас, смолоду* и др.);
- наречия места (*посередине, всюду, дома, далеко* и др.);
- наречия причины (*наильно, сгоряча, спросонья, понапрасну* и др.);
- наречия цели (*назло, нарочно, зря, напоказ* и др.).

Местоименные наречия делятся на: 1) личные (*по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему*); 2) возвратное (*по-своему*); 3) указательные (*там, тут*); 4) определительные (*по-всякому, по-иному*); 5) вопросительные (*где, куда*); 6) неопределенные (*где-то, кое-где*); 7) отрицательные (*нигде, никуда*).

Степени сравнения наречий

Наречия с суффиксом *-о*, образованные от качественных прилагательных, могут иметь формы степеней сравнения.

Форма сравнительной степени образуется от исходной формы наречия с помощью формообразовательных суффиксов *-ее(-ей)*, *-е*, *-ше* (*красивее, громче, тоньше*), а также аналитически с помощью слов *более, менее* (*более удачно, менее строго*).

Форма превосходной степени образуется от исходной формы наречия с помощью формообразовательного суффикса *-айше(-ейше)* (*нижайше, строжайше, покорнейше, подробнейше*) и используется в особых стилистических целях (*покорнейше прошу*,

строжайше запрещено и т. п.). В обычной речи употребляются аналитические формы превосходной степени (*лучше всех, наиболее успешно*).

Формы степеней сравнения наречий следует отличать от омонимичных им форм имен прилагательных по синтаксической функции. Так, в предложении *Он стал смелее* (т. е. *смелым*) сравнительная степень прилагательного выступает в функции сказуемого, а в предложении *Он стал смелее общаться с нами* (т. е. *смело*) сравнительная степень наречия является обстоятельством. Сравните: *Ты была красивее всех* (т. е. *самой красивой*) и *Ты улыбалась красивее всех* (т. е. *красиво*).

Морфологические типы наречий

Наречия, соотносительные с именами прилагательными

Эту группу наречий составляют следующие морфологические типы:

– наречия с суффиксами *-о, -е* (*легко, хорошо, грозно, срочно, похоже, искренне, могуче, внешне*);

– наречия с суффиксом *-и* (*мастерски, молодецки, героически, братски, дьявольски, адски*);

– наречия с префиксом *по-* и суффиксом *-и* (*по-дружески, по-немецки, по-отцовски, по-дилетантски, по-мальчишески, по-детски, по-медвежьи, по-человечьи, по-бабьи, по-лисьи, по-птичьи, по-польски*);

– наречия с префиксами *по-, до-* и др. и суффиксом *-о* (*повзводно, помесячно, поочередно, поминутно, поденно, посменно, досрочно*);

– наречия с префиксами *с-, из-, до-* и суффиксами *-у, -а*, омонимичными бывшим окончаниям формы родительного падежа кратких прилагательных (*смолоду, сослепу, сгоряча, справа, издавна, изредка, докрасна, досыта*);

– наречия с префиксом *по-* и суффиксом *-у*, омонимичным бывшему окончанию формы дательного падежа кратких прилагательных (*понапрасну, потихоньку*);

– наречия с префиксами *в-, на-, за-* и суффиксом *-о*, омонимичным бывшему окончанию формы винительного падежа кратких прилагательных (*влево, вправо, насухо, начисто, засветло, заживо*);

– наречия с префиксами *в-, на-* и суффиксом *-е*, омонимичными бывшему окончанию формы предложного падежа кратких прилагательных (*вдалеке, вкратце, налегке, наравне*);

– наречия с префиксом *по-* и суффиксом *-ому(-ему)*, омонимичным окончанию полной формы дательного падежа прилагательного (*по-старому, по-деловому, по-хорошему, по-домашнему, по-летнему, по-утиному*);

– наречия с префиксами *в-, на-, за-* и суффиксом *-ую*, омонимичным окончанию полной формы винительного падежа прилагательного (*врассыпную, впустую, напропалую, наудалую, зачастую*).

Наречия, соотносительные с именами существительными

Эту группу наречий составляют следующие морфологические типы:

– наречия с суффиксом *-а*, омонимичным окончанию формы родительного падежа существительных (*вчера, дома*);

– наречия с префиксами *с-, до-, без-, из-, от-, из-за, из-под* и суффиксами *-а, -у, -и*, омонимичными окончаниям формы родительного падежа существительных (*сначала, сбоку, с виду, с налета, дотла, доверху, до отказа, до востребования, без удержу, без устали, без толку, издали, исстари, отроду, отчасти, из-за границы, исподтишка*);

наречия с префиксами *к-, по-* и суффиксами *-и, -у, -е, -ом, -ам*, омонимичными окончаниям формы дательного падежа существительных (*кстати, книзу, кряду, поверху, поблизости, посередине, поделом, пополам, по временам*);

- наречия с суффиксом -у, омонимичным окончанию формы винительного падежа существительных (*минутку, капельку, крошечку*);
- наречия с префиксами *в-, на-, за-, про-, под-, через-, по-, о-* и нулевым суффиксом, суффиксами *-и, -у, -а*, омонимичными окончаниям формы винительного падежа существительных (*впрямь, вплавь, впуски, вдребезги, втихомолку, набок, навзрыд, замуж, за глаза, про запас, подчас, подряд, чересчур, поперек, об руку, оземь, окрест*);
- наречия с суффиксами *-ом(-ем), -ю, -ами*, омонимичными окончаниям формы творительного падежа существительных (*кругом, рядом, летом, днем, кубарем, ночью, рысью, местами, временами*);
- наречия с префиксами *с-, за-, под-* и суффиксами *-ом(-ем), -ой(-ей)*, омонимичными окончаниям формы творительного падежа существительных (*слишком, задаром, замужем, за границей, под боком, под спудом, под ложечкой*);
- наречия с префиксами *в-, на-* и суффиксами *-е, -у, -и, -ах*, омонимичными окончаниям формы предложного падежа существительных (*вначале, вверху, вдали, в корне, впотмах, в сердцах, навывкате, наверху, на лету, на ходу, на карачках, на днях*).

Наречия, соотносительные с числительными

Эту группу наречий составляют следующие морфологические типы:

- наречия с префиксами *в-, на-, по-* и суффиксами *-о, -е*, омонимичными окончаниям формы винительного падежа собирательных числительных (*вдвое, втрое, впятеро, надвое, натрое, по двое, по трое*);
- наречия с префиксом *в-* и суффиксом *-ом* (*вдвоем, втроем, вчетвером, впятером*);
- наречия с суффиксом *-жды* (*однажды, дважды, трижды, четырежды*);
- наречия с суффиксом *-ю* (*пятью– пятью пять, шестью– шестью шесть, семью, восемью*);
- единичные наречия с префиксами *на-, с-* и суффиксами *-а (сперва), -е (наедине)*.

Наречия, соотносительные с местоимениями

Эту группу наречий составляют следующие морфологические типы:

- наречия с префиксом *по-* и суффиксом *-ому(-ему)*, омонимичным окончанию формы дательного падежа местоимений (*по-моему, по-твоему, по-нашему, по-вашему, по-своему, по-всякому, по-иному, потому*);
- наречия с префиксами *от-, ни за-, ни про-* и суффиксами *-его, -ого, -о*, омонимичными окончаниям формы родительного падежа местоимений (*отчего, оттого, ни за что, ни про что*);
- наречия с префиксом *за-* и суффиксом *-ем*, омонимичным окончанию формы творительного падежа местоимений (*зачем, затем*);
- наречия *сейчас, тотчас, сегодня*, состоящие из двух корней – местоимения и существительного.

Наречия, соотносительные с деепричастиями

Эту группу наречий составляют следующие морфологические типы:

- наречия с суффиксом *-а* (*лежа, любя, молча, зря, нехотя, сидя, шутя, загодя*);
- наречия с суффиксом *-учи* (*глядючи, жалеючи, играючи, крадучись, притеваючи*);
- наречия с суффиксом *-мя* (*ревмя, кишмя, стоймя, лежмя*).

ЛИТЕРАТУРА

Коневецкий А.К. Проблема становления наречий как отдельной части речи // Развитие частей речи в истории русского языка. Рига, 1988.

Копосов Д.Р. Наречие. Динамика. Классификации феномена // Учёные записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – №6. – Т.150.

Попов И.А. Проблемы семантической классификации наречий // Исследования по семантике. Уфа, 1983.

Чурмаева Н.В. История наречий в русском языке. М., 1989.

§ 7. КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ

Начиная с первой половины XIX в. в трудах русских лингвистов последовательно выделяется разряд неизменяемых слов, по форме совпадающих с отдельными формами существительных, прилагательных, наречий, имеющих значение состояния и употребляющихся в функции сказуемого в безличном предложении (*лень, жаль, можно, нужно, стыдно, совестно, смешно, душно, весело* и др.). Такие слова называют либо категорией состояния, либо предикативами, либо безлично-предикативными словами, по-разному определяя их состав и место в системе частей речи.

В современной научной литературе четко обозначились два подхода к словам категории состояния. Первый подход связан с признанием категории состояния самостоятельной знаменательной частью речи (Л.В. Щерба, В.В. Виноградов, Н.С. Поспелов и др.), второй – отрицает принадлежность категории состояния к самостоятельной знаменательной части речи, а данные слова включаются на правах особой группы в состав наречий (А.Б. Шапиро, В.А. Трофимов и др.).

В вузовской традиции категория состояния рассматривается как особая знаменательная часть речи.

Общее грамматическое значение слов категории состояния связано с выражением состояния в самом широком его понимании (состояния человека, животного, природы и окружающей среды, модальной оценки состояния субъекта). Это значение складывается, во-первых, из лексического значения самого слова, во-вторых, из независимой позиции главного члена в безличном предложении и реализуется в форме слов, омонимичных имени существительному (*грех, досуг, лень*), краткому прилагательному среднего рода и наречию на *-о* (*холодно, грустно, светло*), а также в формах, не имеющих омонимов в кругу прилагательных и наречий (*можно, нельзя, щекотно*). Так, в предложениях *Мне грустно* и *Мне нездоровится* слова *грустно* и *нездоровится* выражают состояние человека. В первом случае перед нами категория состояния, так как слово *грустно* обозначает состояние вне действия как процесса и по форме соотносится с прилагательным или наречием; во втором случае – глагол в безличной форме, обозначающий действие как процесс, на которое наслаивается значение состояния (ср.: *Мне грустно* и *Я грущу*).

Слова категории состояния имеют следующие морфологические признаки:

- отсутствие форм словоизменения;
- наличие аналитических форм времени (*тепло, было тепло, будет тепло*);
- наличие аналитических форм склонения (*тепло, было бы тепло, пусть будет тепло*);
- возможность части слов категории состояния образовывать степени сравнения (*в комнате стало холоднее; труднее всего вспомнить об этом*);
- возможность ряда слов иметь формы субъективной оценки (*холодовато, прохладненько*).

Некоторые лингвисты считают, что часть слов категории состояния может в сочетании со вспомогательными глаголами образовывать формы вида (*стало тепло, становилось тепло*).

Выступая исключительно в роли главного члена безличного предложения, слова категории состояния способны управлять падежными формами имени (*жаль человека; у нас весело; ему больно; в лесу тихо*) и сочетаться посредством примыкания с зависимыми словами (*стыдно говорить об этом; здесь весело*).

Итак, категория состояния – это знаменательная часть речи, к которой относятся неизменяемые слова, обозначающие недейственное состояние человека, природы, окружающей среды, имеющие аналитические формы времени, наклонения и выступающие в функции главного члена безличного предложения.

По своей лексической семантике слова категории состояния делятся на следующие основные группы:

– обозначающие физическое состояние человека, животного (*мне щекотно; ему зябко; собаке больно*);

– обозначающие психическое состояние человека (*мне смешно; ему неловко; человеку грустно*);

– обозначающие модальную оценку состояния субъекта (*надо, нельзя, можно, лень, недосуг*);

– обозначающие состояние природы и окружающей среды (*ветрено, душно, жарко, холодно*);

– обозначающие оценку состояния окружающей среды с точки зрения временных и пространственных отношений, слуховой и зрительной воспринимаемости предметов (*поздно, далеко, видно, слышно*).

Некоторые слова категории состояния могут входить в разные группы (ср.: *Мне душно* и *В комнате душно*), что подчеркивается разной сочетаемостью их с другими словами. Так, с дательным падежом субъекта сочетаются слова категории состояния со значением состояния человека (*ему холодно*), а с обстоятельственными конструкциями – слова со значением состояния природы и окружающей среды (*вчера было холодно*).

В современном русском языке категория состояния соотносится с краткими прилагательными среднего рода, наречиями на *-о* (*тихо, жалко, смешно, просто, страшно, приятно, громко, горячо* и др.), существительными (*досуг, недосуг, грех, пора, лень, охота, жаль* и др.). При переходе в категорию состояния прилагательные, наречия и существительные теряют свои общие грамматические значения, начинают выражать состояние и приобретают новую для них функцию главного члена безличного предложения. Например: *Небо было чисто* (краткое прилагательное); *вымыл чисто посуду* (наречие); *в доме чисто* (категория состояния); *охота удалась* (существительное); *охота тебе с ним связываться* (категория состояния).

Литература

Глинка Л.А. О динамике слов категории состояния в истории русского языка // Филологический класс. – 2016. – Вып. № 1 (43).

Каламова Н.А. Категория состояния в современном русском языке. М., 1991.

Кочинева О.К. Что нужно знать учителю о предикативах или словах категории состояния // Русский язык в школе. 1972. № 6.

Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2.

Сергеева Ж.А. Еще раз о семантических различиях слов на *-о* со значением состояния // Русский язык в школе. 1985. № 1.

Шапиро А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // Вопросы языкознания. 1955. № 2.

СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА

В русской научной традиции со времен М.В. Ломоносова последовательно проводится деление всех частей речи на знаменательные и служебные (по другой терминологии – на лексические и формальные, полные и частичные, части речи и частицы речи). В отличие от знаменательных частей речи служебные слова не являются полнозначными словами, не выступают в функции члена предложения или отдельного предложения, а служат своеобразными средствами связи знаменательных слов, их групп или выступают показателями аналитических форм некоторых знаменательных слов, в качестве словообразовательного средства при образовании нового слова, средством выражения разных смысловых оттенков знаменательных слов и предложений.

Служебные слова, к которым относят предлоги, союзы, частицы, не называют предметов, признаков, действий и т. д. и имеют другую природу лексического значения, нежели знаменательные слова. Так, предлог *в* служит для связи слов, входящих в словосочетание. Соединительная функция данного предлога реализуется в разных типах словосочетаний, где этот предлог служит показателем разных отношений между словами: *находиться в лесу* (пространственные отношения), *прийти в восемь часов* (временные отношения), *приехать в хорошем настроении* (отношения образа действия), *участвовать в беседе* (объектные отношения), *лицо в грязи* (определяющие отношения) и т. д. Конкретизируют эти отношения, по данным Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, 12 значений предлога *в*: «1. Употребляется при обозначении места, направления куда-нибудь или нахождения где-нибудь. *Положить бумаги в стол...* 2. Употребляется при обозначении явлений, представляющих собой область деятельности, состояние кого-нибудь. *Вовлечь в работу...* 3. Употребляется при обозначении состояния, формы, вида чего-нибудь. *Расстереть в порошок...* 4. Употребляется при указании на внешний вид кого-чего-нибудь, на оболочку, одежду. *Завернуть в бумагу..* 5. Употребляется для указания количества каких-нибудь единиц, из которых что-нибудь состоит. *Комната в двадцать метров...* 6. Употребляется при обозначении момента времени. *В ночь на четверг...*» и т. д.

С другой стороны, предлог соединяет слова в словосочетании, указывая на грамматическое значение падежа зависимой формы. Например, в словосочетании *находиться в лесу* зависимое слово *лес* стоит в форме предложного падежа, на что указывает и предлог *в*. Такое значение предлога можно считать грамматическим.

Попытка разграничить лексическое и грамматическое значения в служебных словах является в значительной степени условной. Принято считать, что в семантике служебных слов лексическое и грамматическое значения органически слиты.

Специфика служебных слов заключается в том, что по сравнению со знаменательными частями речи они не обладают номинативной функцией (т.е. не служат для обозначения предметов, признаков, действий и т. д.), не изменяются (т.е. не имеют системы словоизменения), не имеют морфологических категорий и не являются членами предложения.

Если в знаменательные части речи слова объединяются на основе категориальной, морфологической и синтаксической общности, то в служебные слова (предлоги, союзы и частицы) объединяются по общности функциональной, подобной той общности, которая объединяет префиксы, суффиксы, флексии и т. п. в морфемы.

Служебные слова участвуют в передаче дополнительной семантики, необходимой при формировании как отдельных форм слов, так и словосочетаний, предложений, сложных синтаксических конструкций. Так, функциональная предназначенность предлогов состоит в соединении знаменательных слов в словосочетании и выражении между ними различных отношений; союзов – в соединении однородных членов предложения, предложений и выражении между ними различных отношений; частиц – в образо-

вании новых слов, морфологических форм слов, форм предложений, а также в передаче различных смысловых, модальных и эмоционально-экспрессивных оттенков слов и предложений.

В систему частей речи современного русского языка служебные слова, подобно знаменательным, входят на правах особой подсистемы, имеющей свои отличительные признаки.

§ 1. ПРЕДЛОГИ

Предлоги – это служебные слова, оформляющие подчинительную связь зависимого слова от главного в словосочетании и выражающие разнообразные отношения между именами и теми словами, от которых они зависят.

Вместе с зависимым словом в словосочетании (существительным, местоимением, числительным) предлог образует предложно-падежную форму (*сидеть за столом, пригласить к себе, умножить на три*), которая является выразителем падежного значения.

Лексическое значение предлога как отдельно взятого слова абстрагировано от тех отношений, которые он выражает в словосочетании. Эти отношения могут быть как предельно абстрактными, широкими, так и более конкретными, узкими. Например, предлог *на*, употребляясь с предложным падежом имени, может выражать пространственные (*встретить на улице*), временные (*собраться на неделе*), образа и способа действия (*разговаривать на ходу*), объектные (*рисовать на бумаге*), определительные (*мясо на пару*) и другие отношения, а предлог *о(об)* в сочетании с тем же падежом выражает только объектные отношения (*сообщить о брате*).

У предлогов более позднего происхождения, которые сохраняют соотносительность с теми знаменательными словами, от которых они образованы, на значение отношения накладывается в большей или меньшей степени лексическое значение знаменательного слова. Так, можно сказать *Благодаря хорошей погоде рыбалка оказалась удачной*, но нельзя сказать *Благодаря плохой погоде рыбалка не удалась*.

Лексическое и грамматическое значения в предлоге слиты воедино. Отсюда один и тот же предлог, употребляясь с формой одного падежа, может выражать разные отношения (например, предлог *на* с формой предложного падежа), и одна и та же падежная форма может сочетаться с разными предлогами и выражать разные значения (*собраться у сестры, собрать для сестры, играть без сестры, поссориться из-за сестры* и т. д.).

Как и другие слова, предлоги бывают однозначными и многозначными. Как правило, однозначными являются производные предлоги типа *вследствие, около, включая*, а многозначными – непроизводные предлоги. Так, по данным Толкового словаря русского языка С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой, предлоги *за* и *с* имеют по 21 значению, *по* – 19, *в, на, под* – по 12, *от* – 9, *из* – 7, *до* – 6, *перед, у* – по 5. Например, предлог *перед*, употребляясь с творительным падежом имени, имеет 5 значений: «1. На некотором расстоянии от лицевой стороны чего-нибудь, напротив кого-чего-нибудь. *Сад перед домом...* 2. За некоторое время до чего-нибудь. *Встретиться перед обедом...* 3. Служит для указания лица или явления, по отношению к которому совершается что-нибудь. *Преклоняться перед героями...* 4. По сравнению, сравнительно, в сопоставлении с кем-чем-нибудь. *Перед этим подвигом бледнеют все другие...* 5. С одушевленными существительными обозначает субъект состояния. *Перед нами стоят важные задачи...*». Эти значения конкретизируют пространственные, временные, субъектные отношения между главным и зависимым словами в словосочетании.

К основным типам отношений, выраженным предлогами в словосочетании, относятся:

– пространственные отношения (*жить в городе, лежать на диване, сойти с дороги, выехать за город, дойти до дома, расти между деревьями, стоять перед учителем*);

– временные отношения (*приехать в десять часов, отложить на день, сделать с утра, уехать на сутки, читать после ужина, разыграть в течение минуты*);

– причинные отношения (*уважать за храбрость, красный от стыда, пожар из-за неосторожности, наводнение вследствие дождей, отсутствовать по причине болезни*);

– целевые отношения (*пожертвовать на строительство, жить для людей, отправляться в поход, сохранить под будущий урожай*);

– отношения образа действия (*подстричь под «ежик», работать с напряжением, бежать через силу*);

– объектные отношения (*здороваться с другом, взять за руку, поговорить о делах*);

– определительные отношения (*изделие из кожи, речь с изюминкой, лицо в крови*).

Один и тот же предлог может выражать разные типы отношений. Например, *жить за городом* (пространственные), *беседовать за обедом* (временные), *снять за ненадобностью* (причинные), *ехать за вещами* (целевые), *говорить за глаза* (образа действия), *ухаживать за больным* (объектные), *движение за мир* (определительные).

В отличие от других служебных слов предлог вместе с именем (существительным, числительным, местоимением) образует предложно-падежную форму, тем самым участвуя в формировании значения того или иного косвенного падежа. Как правило, предлог уточняет значение падежа. Каждый падеж имеет свой набор предлогов. Наибольшее количество предлогов сочетается с формой родительного падежа (*до, от, из-за, кроме, вокруг, около, ввиду, вместе, в продолжение, вследствие, по линии, в отличие, на протяжении, в силу* и др.). С дательным падежом сочетаются предлоги *к, по, навстречу, благодаря, по отношению к* и др., с винительным падежом – *в, на, за, о, по, про, через, несмотря на* и др., с творительным падежом – *за, над, под, с, вместе с, по сравнению с, в соответствии с* и др., с предложным падежом – *в, о, на, по, не говоря о* и др.

Чаще всего предлоги употребляются с одним падежом, но могут употребляться с двумя и даже с тремя падежами. Так, предлог *с* при обозначении временных отношений сочетается с родительным (*начать с утра*), винительным (*постоять с минуту*), творительным (*отправляться с восходом*) падежами, при обозначении отношений образа действия – с родительным (*осадить с хода*) и творительным (*читать с выражением*) падежами, при обозначении пространственных отношений – только с родительным падежом (*снять с полки*). С тремя падежами употребляется предлог *по* (родительным, дательным, винительным), с двумя падежами – *в, на* (винительным, предложным), *за, под* (винительным, творительным), *между* (родительным и творительным).

По происхождению предлоги делятся на древние (первообразные), новые и новейшие. Время появления в языке древних предлогов установить очень трудно, так как они практически утратили семантические, морфологические, словообразовательные связи с теми словами, от которых образованы (*в, на, за, с, из, под, про, о* и др.).

Новые предлоги произошли главным образом из наречий. В одних случаях они полностью утратили связь с наречием (*близ, вопреки, вместо, вне, касательно, кроме, сквозь, среди*), в других – сохранили с ним смысловые связи (ср.: *Грузовик проехал мимо. – Грузовик проехал мимо меня. Это случилось накануне. – Это случилось накануне праздника*).

Новейшие предлоги сравнительно недавно оформились в своеобразные предложные обороты, газетные штампы, которые употребляются в официально-деловой, газетно-публицистической, научно-технической речи вместо древних предлогов (*достиже-*

ния **в области промышленности, по линии гуманитарной помощи, договориться по вопросу о выведении войск, невзирая на трудности**).

В современном русском языке все древние предлоги, а также предлоги *близ, вопреки, вместо, вне, касательно, кроме, сквозь, среди* являются непроизводными, новые и новейшие – производными.

Производные предлоги образованы от наречий, существительных и деепричастий, находятся в живых словообразовательных связях с ними и делятся на наречные, отыменные, отглагольные.

Большинство наречных предлогов сочетается с родительным падежом имени (*внутри, вблизи, около, позади, после, посреди, против* и др.), небольшая часть – с дательным падежом (*вслед, навстречу, наперекор, согласно, соответственно, соразмерно*).

Отыменные предлоги, как правило, сочетаются с родительным падежом имени (*ввиду, в деле, во время, в течение, в продолжение, в лице, за исключением, наподобие* и др.), и только единичные – с дательным падежом (*в противовес, не в пример*).

Отглагольные предлоги, составляющие немногочисленную группу среди производных предлогов, сочетаются с винительным падежом имени (*включая, выключая, исключая, начиная, кончая, спустя*), родительным падежом (*не считая*), дательным падежом (*благодаря*).

Среди наречных, отыменных и отглагольных предлогов выделяются так называемые сложные предложные обороты, которые представляют собой сочетание наречия, существительного, деепричастия с древним(ими) предлогом(ами): *впредь до, наряду с, применительно к, в зависимости от, в ответ на, в соответствии с, исходя из, не говоря о, несмотря на* и др.

Производные предлоги делятся на простые, состоящие из одного слова (*прежде, путем, спустя*), и составные, состоящие их двух и более слов (*одновременно с, по пути к, судя по*).

Предлоги могут вступать друг с другом в синонимические и антонимические отношения. Разные предлоги, имеющие тождественное словесное окружение и выражающие одни и те же отношения, выступают либо как внутрипадежные, либо как междупадежные синонимы. Так, предлоги *через* и *сквозь*, выступая в пределах винительного падежа в контексте *пройти через толпу – пройти сквозь толпу*, являются внутрипадежными синонимами. А в контексте *подготовить для печати – подготовить к печати* предлоги *для* и *к* употребляются с разными падежами существительного (родительным и дательным) и, следовательно, являются междупадежными синонимами.

Антонимия предлогов чаще всего связана с выражением пространственных и временных отношений (*вынуть из стола – положить в стол, отойти от стола – подойти к столу, выйти из-за стола – сесть за стол, разговаривать до обеда – разговаривать после обеда*).

§ 2. СОЮЗЫ

Союзы – это служебные слова, оформляющие сочинительную или подчинительную связь между однородными членами предложения, частями сложного предложения, отдельными предложениями и выражающие разнообразные отношения между ними.

Союзы, как и другие служебные слова, не изменяются, не имеют морфологических категорий, присущих знаменательным частям речи, не являются членами предложения. В их семантике совмещаются лексическое и грамматическое значения.

Как и предлоги, союзы являются связочными словами. Только предлоги связывают слова в словосочетании, составляя вместе с зависимым словом предложно-падежную форму, а союзы – либо независимые друг от друга однородные члены пред-

ложения (*стол и стул; слабый, зато честный; быть или не быть*), либо части сложного предложения (*Снег сошел, и с гор побежали ручьи. Я знаю, что они будут учиться*), либо отдельные предложения (*Мы рассмеялись. Однако и это его не смутило*). В отличие от предлогов союзы не связаны с грамматическими формами соединяемых слов и могут связывать слова любых частей речи, любые предложения.

Если грамматическое значение союза связано с общим указанием на связь синтаксических единиц (членов предложения, частей сложного предложения, предложений) и с характером синтаксической связи между ними (сочинение, подчинение), то лексическое значение союза характеризуется указанием на конкретное отношение связываемых единиц. Например, в предложении *Отец и сын решили, что на рыбалку поедут вместе* союз *и* связывает два однородных члена предложения, находящихся между собой в соединительных отношениях, а союз *что* – части сложноподчиненного предложения, указывая на подчинительный тип связи между главной и придаточной частями, который характеризуется изъяснительными отношениями между ними.

Союзы, как и предлоги, бывают однозначными и многозначными. Так, по данным Толкового словаря русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой, союзы *или, что* имеют по 4 значения, *а, да, и, либо, чтобы* – по 3 значения, *но, ли, хотя* являются однозначными. Например, союз *а*: «1. Соединяет предложения или члены предложения, выражая противопоставление, сопоставление. *Он поехал, а я остался...* 2. Присоединяет предложения или члены предложения со значением добавления чего-нибудь, при последовательном изложении – пояснения, возражения, усиления, перехода к другой мысли. *На горе дом, а под горой ручей...* 3. Употребляется в начале вопросительных и восклицательных предложений, а также в начале речи для усиления выразительности, убедительности (часто в сочетании с местоимениями, наречиями, другими союзами). *А как нам будет весело! А все-таки я не согласен*».

По своим синтаксическим свойствам союзы делятся на сочинительные и подчинительные. Сочинительные союзы фиксируют синтаксическую однородность соединяемых компонентов, они автономны и не примыкают ни к одной из связываемых частей. Подчинительные союзы указывают на синтаксическую обособленность одной части сложного предложения от другой, входят в состав придаточной части сложноподчиненного предложения, более позднего происхождения.

По значению сочинительные союзы делятся на следующие группы:

– соединительные союзы, выражающие отношения перечисления: *и, да, и ... и, ни ... ни, также, тоже (река и ручей; ветер воет, да снег стучит в окно; ни тот, ни другой не смогли ответить)*;

– противительные союзы, выражающие отношения противопоставления, различия, несоответствия: *а, но, да, же, зато, однако (не в бровь, а прямо в глаз; потеплело, но снег еще не стаял; немного постоял, однако сел)*;

– разделительные союзы, выражающие отношения взаимоисключения: *или, либо, или ... или, либо ... либо, то ... то, то ли ... то ли, не то ... не то (жить или умереть; ты сам напишешь письмо, либо я расскажу об этом всем; то нашим, то вашим)*;

– сопоставительные (градационные) союзы, выражающие отношения неравноценного тождества объединяемых явлений: *не только... но и, как... так и (он не только тебе друг, но и опытный наставник; быть честным как в делах, так и в мыслях)*;

– присоединительные союзы, выражающие отношения присоединения: *и, да и, а также* и др. (*этот человек мне приятен, да и кому же он не приятен; не опаздывай и не забудь купить книгу; необходимо приобрести новый станок, а также освободить под него это помещение*);

– пояснительные союзы, выражающие отношения пояснения, уточнения: *то есть, именно, а именно, или, как то (хочу убедить вас, то есть сделать своими единомышленниками; решите эту проблему иначе, а именно вот так...)*.

– Подчинительные союзы выражают следующие отношения между главной и придаточной частями в сложноподчиненном предложении:

– временные: *когда, как, едва, лишь, только, лишь только, прежде чем, с тех пор как, пока не* и др. (*едва прозвенел звонок, все выбежали на улицу; пойдём на охоту, как только выпадет снег*);

– причинные: *потому что, так как, поскольку, оттого что, ввиду того что, ибо* и др. (*не пришел, потому что был занят*);

– целевые: *чтобы, дабы, для того чтобы, затем чтобы, с тем чтобы* и др. (*мы пришли, чтобы поблагодарить вас*);

– условные: *если, если бы, раз, когда* и др. (*если у вас нет желания, не пишите*);

– сравнительные: *как, будто, как будто, словно, точно, что* и др. (*так рассказывает, будто соловей поет*);

– следствия: *так что, до того что* (было холодно, **так что** приходилось подтапливать печь);

– уступительные: *хотя, пусть, пускай, несмотря на то что, невзирая на то что, даром что* и др. (*мы будем бороться, хотя у нас нет шансов победить*);

– изъяснительные: *что, чтобы, будто, как* (знаю, **что** этого не случится; скажи им, **чтобы** встретили меня).

Все сочинительные и подчинительные союзы, кроме изъяснительных, относятся к разряду семантических союзов, которые выражают определенные смысловые отношения между связываемыми частями. Изъяснительные союзы составляют разряд асемантических союзов, которые выражают только собственную зависимость одной части предложения от другой.

По составу союзы делятся на простые, состоящие из одного слова (*и, да, или, как, что, когда*), и составные (*лишь только, ввиду того что, как будто*).

По употреблению различают одиночные, повторяющиеся, двойные (парные) союзы. Одиночные союзы (*а, но, же, зато, что, как, хотя* и др.) в конкретном тексте соединяют два однородных члена предложения, а повторяющиеся союзы (*и ... и, или ... или, то ... то, ни ... ни* и др.) – два и более компонента, повторяясь при каждом из них (**то** один, **то** другой, **то** третий постоянно вскакивали и выбегали из зала). Двойные союзы (*не только ... но и, если ... то, как ... так и, лишь только ... как* и др.), представляя собой единое целое, в контексте разорваны на две обязательные части: первая часть употребляется при первом компоненте, вторая – при втором (*Я не только хотел, но и страстно желал увидеть вас. Как аукнется, так и откликнется*).

Помимо союзов в выражении связи между частями сложноподчиненного предложения могут участвовать союзные слова, которые совмещают свойства знаменательной части речи и союза. В качестве союзных слов употребляются местоимения *кто, что, какой, который, каков, чей, сколько* и др., а также наречия *где, куда, откуда, когда, почему, отчего* и др. Так, в предложении *Узнай, кто пришел, когда пришел, что его тревожит, где мы с ним встретимся* союзные слова *кто, когда, что, где*, соединяя части сложноподчиненного предложения, выражают изъяснительные, временные и локальные отношения.

§ 3. ЧАСТИЦЫ

Частицы – это служебные слова, которые вносят дополнительные оттенки в значения других слов и предложений или служат для образования новых слов, морфологических форм слов и форм предложений.

В отличие от предлогов и союзов частицы не являются связочными словами, количество их в современном русском языке велико, а значения разнообразны.

Выделяются частицы словообразовательные и формообразовательные, а также выполняющие функции разнообразных коммуникативных характеристик сообщения.

Результатом словообразовательного процесса с использованием частиц являются разные части речи с отрицательным значением, которые образованы путем присоединения к слову частиц *не-* и *ни-* (*неправда, недалекий, неплохо, нечего, никого, нигде*), а также с неопределенным значением, полученные с помощью частиц *-то, -либо, -нибудь, кое-* (*что-то, где-либо, кто-нибудь, кое-как*).

Формообразовательные частицы, как правило, участвуют в образовании аналитических форм. Так частицы *пусть, давай* принимают участие в образовании форм повелительного наклонения глагола (*пусть играет, давай споем*), частица *бы* – формы сослагательного наклонения (*играл бы*), а частица *-ся* – в образовании возвратных глаголов (*обниматься, кататься*).

Среди частиц, выполняющих функции разнообразных коммуникативных характеристик сообщения, выделяют смысловые, модальные и эмоционально-экспрессивные.

К смысловым частицам относятся:

указательные: *вот, вон, это* и др. (*Вот этот дом. Вон там летит самолет*).

Частица *вот* указывает на ближний, а *вон* – на дальний предмет;

определяющие: *именно, как раз, подлинно, почти, ровно, чуть не* и др. (*Именно эту книгу я ищу. Здесь как раз проходила запретная зона*);

выделительно-ограничительные: *только, лишь, лишь только, единственно, исключительно, хотя бы, все* и др. (*Только ты можешь рассказать об этом. Хотя бы не опоздать к поезду*);

усилительные: *и, даже, ведь, уж, то, же, прямо, просто, определено* и др. (*Да не слушайте же вы их! Даже нас не пригласили*).

К модальным частицам относятся:

утвердительные: *да, так, точно* и др. (*Да, это был он*);

отрицательные: *не, ни, нет, отнюдь не* и др. (*Нет, я не согласен*);

собственно-модальные: *авось, вряд ли, пожалуй, чай* и др. (*Авось ничего не случится*);

модально-волевые: *пусть, пускай, да, дай, давай, ну* и др. (*Пусть расскажет о себе. Давай не будем ссориться*);

вопросительные: *разве, неужели, ужель, ли* и др. (*Неужели согласитесь?*);

сравнительные: *будто, словно, ровно, как, будто бы, вроде* и др. (*Красивая, как утренняя роза*);

служащие для субъективной передачи чужой речи: *мол, вишь, де, дескать, якобы* (*Они, якобы, уже собирались. Спроси, на что, мол, ему эта вещь*).

К эмоционально-экспрессивным частицам относятся восклицательно-оценочные слова: *что за, как, просто, ну, куда, где там* и др. (*Ты просто великолепна сегодня! Где там им тягаться с тобой!*).

По составу частицы делятся на простые (*вот, даже, и, уж, только*) и составные (*как раз, лишь только, что за, вовсе не*).

По происхождению выделяют частицы, восходящие к глаголу (*ведь, вишь, дескать, дай, чуть, бы*), наречию (*просто, прямо, еще, едва, только*), местоимению (*это, все, себе, то*), союзу (*и, да, даже*).

По месту в предложении частицы могут быть подвижными и постоянными. Подвижные частицы, в отличие от постоянных, занимают в предложении любое место (*Уж я это сделаю. Я уж это сделаю. Я это уж сделаю*). Постоянные частицы делятся на препозитивные (*да, пусть, что за, кое-*) и постпозитивные (*ли, -де, -то, -либо, -нибудь*).

Часть лингвистов выводит частицы за пределы частей речи.

Литература

- Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке М., 1961.
- Глухих В.М. Еще раз о разграничении подчинительных союзов и союзных слов (К дискуссии в журнале «Русский язык в школе») // Русский язык в школе. 1989. № 2.
- Зубкова Т.И. К вопросу о семантике предлогов // Общение: структура и процесс. М., 1982.
- Колесникова С.М. Русские частицы: семантика, грамматика, функции. М., 2013.
- Левицкий Ю.А. Семантика русских сочинительных союзов // Проблемы структурной лингвистики. М., 1981.
- Леденев Ю.И. Неполнозначительные слова. Ставрополь, 1988.
- Орданская О.Н. Частицы современного русского языка и их лингвистическое описание в учебных целях // Лингвистическое описание русского языка в учебных целях. М., 1981.
- Пряткина А.Ф. Стародумова Е.А. Союзы и частицы в парадигматическом и синтаксическом аспектах // Гуманитарные исследования в восточной Сибири на Дальнем Востоке. 2012. № 2.
- Раевская М.В. Теоретические проблемы изучения предлогов в отечественной лингвистике // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. 2014. Вып. № 2, Т.11.
- Рогожников Р.П. О служебных словах русского языка // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. М., 1972. № 4.

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА

В системе частей речи современного русского языка модальные слова занимают особое место. Их общее грамматическое значение связано с выражением модальности, т. е. отношения сообщаемого к реальности, которое устанавливается говорящим лицом. Значение модальности выражается различными средствами: лексическими (именами существительными типа *истина, сомнение*), морфологическими (формами склонения глагола), синтаксическими (вводными предложениями типа *если не ошибаюсь*).

В отличие от знаменательных слов, значение модальности которых является частью их лексического значения, модальные слова имеют единственное значение. Так, в предложении *Она кажется умной* глагол *кажется* имеет значение «иметь тот или иной вид, производить то или иное впечатление», а в предложении *Она, кажется, умна* модальное слово *кажется* имеет значение «как будто, по-видимому». Кроме того, в отличие от глагола, который изменяется по склонениям (*кажется, казалась бы*), временам (*кажется, казалось, будет казаться*), лицам (*кажусь, кажешься, кажется*), а в предложении выступает в функции сказуемого, модальное слово не изменяется и, будучи грамматически не связанным с другими членами предложения, выступает в роли вводного слова.

Модальные слова соотносительны главным образом с существительными (ср.: *истинная правда – правда, я не согласен*), с глаголами (ср.: *пожалуй в наш дом – пожалуй, у вас не получится*), с наречиями и краткими прилагательными (ср.: *все в этой жизни конечно – всех, конечно, это волнует*), но по сравнению со знаменательными словами лишены номинативной функции.

По значению обычно выделяют две группы модальных слов:

- модальные слова с утвердительным значением, выражающие реальность сообщаемого (*безусловно, несомненно, истинно, конечно, подлинно, бесспорно, точно, очевидно, разумеется* и др.);
- модальные слова с предположительным значением, выражающие возможность, вероятность сообщаемого, сомнение в его достоверности (*возможно, кажется, вероятно, по-видимому, видимо, видать, право, наверное, пожалуй, может* и др.).

К модальным словам относят словосочетания типа *может быть, по всей видимости*.

Если всякое модальное слово может выступать в функции вводного слова, то не всякое вводное слово является модальным. Так, не относятся к модальным вводные слова, выражающие эмоциональную оценку сообщения (*к счастью, к сожалению, к удивлению, к огорчению* и др.); вводные слова, указывающие на порядок следования мыслей (*во-первых, наконец, итак, следовательно* и др.); вводные слова, выражающие чужую речь (*говорят, по слухам* и др.); вводные слова со значением пояснения (*впрочем, в частности, буквально* и др.). Такие слова, (словесные комплексы) можно отнести к аналогам модальных слов.

Помимо вводных слов модальные слова могут выступать в качестве слова-предложения (*Вы уверены в себе? Конечно*).

Итак, модальные слова – это лексико-грамматический разряд слов, выражающих значения утвердительности или предположительности сообщаемого, не имеющих форм словоизменения, выступающих в функции вводного слова или слова-предложения.

Литература

Буглак С.И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого // Русский язык в школе. 1990. № 2.

Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Шигуров В.В., Шигурова Т.А. Семантическая классификация модальных слов, соотносительных с наречиями, краткими прилагательными // Международный журнал экспериментального образования. 2016. № 9–2.

МЕЖДОМЕТИЕ

В системе частей речи междометия занимают особое положение, связанное с использованием их исключительно в эмоциональной сфере языка. Они служат для выражения чувств и эмоционально-волевых реакций человека на окружающую действительность.

Важнейшее отличие междометий от знаменательных частей речи в том, что они выражают эмоции и волеизъявления, но не называют их (т.е. не обозначают и, следовательно, не выполняют номинативной функции). Так, существительное *восторг* обозначает «подъем радостных чувств, восхищение», а междометие *ах!* в контексте *Ах, как здорово!* выражает чувство восхищения.

Как и служебные слова, междометия не имеют форм словоизменения, синтаксически не связаны с членами предложения, однако в отличие от предлогов, союзов и частиц не служат для связи слов и предложений, выражения отношений между ними, не участвуют в формообразовании, не вносят дополнительных смысловых оттенков в высказывание.

Междометие имеет интонационную связь с членами предложения, предложением, группой предложений. Значение междометия во многом определяется контекстом, где часто присутствуют слова, семантика которых подчеркивает это значение (*Увы! К сожалению, ничего не вышло. Прочь! Не стойте на дороге! «Батюшки! Как же это произошло?»* – с изумлением спрашивал я себя).

Междометие может употребляться как в составе предложения, так и вне его. В составе предложения междометие либо синтаксически не связано с другими членами предложения (*Фу, как ты меня напугал! А! Ты опять за свое!*), либо употребляется в качестве члена предложения в значении другой части речи: существительного (*Вдали*

раздалось ура!), глагола (Я на тебя **тьфу!**), прилагательного (Характер у него **ой-ой-ой!**), наречия (Все **ух** как не хотели спать!), категории состояния (**Шиии** тебе!), частицы (**Ох** и красота!) и др.

Вне предложения междометие выступает в функции слова-предложения («**О!**» – произнес он с удивлением).

По значению междометия делятся на эмоциональные, побудительные и междометия этикета.

Эмоциональные междометия (*ах!*, *ох!*, *ай!*, *ой!*, *ух!*, *эх!*, *уф!*, *а!*, *о!*, *э!*, *фу!*, *ура!*, *тьфу!*, *бис!*, *господи!*, *батюшки!* и др.) выражают как положительные, так и отрицательные эмоции в той или иной ситуации. Данные междометия способны передавать различные сложные состояния человека: радость, восхищение (*Ах, какой сегодня чудесный день!*), презрение и ненависть (*Фу, какие мерзкие и ничтожные эти люди!*), боль и гнев (*Господи, ну когда же вы успокоитесь!*) и др.

Побудительные междометия (*эй!*, *ау!*, *цыц!*, *айда!*, *марш!*, *алло!*, *стоп!*, *брысь!*, *кис-кис!*, *ату!*, *караул!* и др.) выражают различные волеизъявления и делятся на следующие группы:

– междометия со значением повеления, побуждения, призыва откликнуться (*Эй вы, поднимайтесь и за работу! Ау, где вы?*);

– междометия со значением подзывания и отзывания (*Ути-ути-ути, плывите ко мне! «Прочь! С дороги!» – кричали мне*).

Междометия этикета (*здравствуйте!*, *до свидания!*, *спасибо!*, *благодарю!*, *прощайте!*, *извини!*, *простите!*, *пожалуйста!*, *привет!* и др.) выражают приветствие, прощание, благодарность, раскаяние и др. Данные слова содержат в своем значении некоторую долю «знаменательности», что сближает их со знаменательными частями речи. Не всегда подобные слова относят к междометиям.

По составу междометия делятся на первообразные (непроизводные) и производные. К первообразным относятся междометия, не мотивированные в современном русском языке словами других частей речи (*а!*, *ах!*, *о!*, *ох!*, *у!*, *фу!*, *увы!*, *ого!* и др.).

Производные междометия образовались либо путем удвоения, утроения и т. д. первообразных междометий (*о-о-о!*, *ай-ай-ай!*, *кис-кис!*), либо путем перехода в междометие отдельных форм знаменательных слов и словосочетаний (*матушки!*, *извини!*, *прочь!*, *слава богу!*, *скажите на милость!*, *вот тебе на!*).

Спорным является включение в состав междометий оценочно-характеризующих слов (существительных и глаголов) типа *горе*, *крышка*, *постой*, *давай*, а также особых глагольных форм типа *бах*, *хлоп*, *бряк*, *плюх*, *щелк*.

От междометий следует отличать так называемые звукоподражательные слова – которые не выражают чувства и волеизъявления, а представляют собой условную имитацию звуков, издаваемых человеком, животным, предметом (*мяу-мяу*, *му-му*, *кукареку*, *тук-тук*, *бух*, *кап-кап*, *апчхи*, *бац*, *чик*, *фрр*, *динь-динь* и др.). Например, *Динь-динь-динь* – звенел колокольчик. Как овечка разговаривает? *Бе-е-е!*

Итак, междометие – это особая часть речи, к которой относятся слова, выражающие различные эмоции, волеизъявление, этикет, но не называющие их, не имеющие форм словоизменения и грамматически не связанные с текстом, к которому они относятся.

Литература

Германович А.И. Междометия русского языка. Киев, 1966.

Карпов Л.П. Междометия в составе русского предложения // Русский язык в школе. 1971. № 1.

Рябова Н.И. О разграничении междометий и звукоподражаний // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 3.

Серда Е.В. Морфология современного русского языка: Место междометий в системе частей речи. М., 2005.

Шалунова М.Ю. О знаковой природе междометий //Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. №3 (20).

Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. М. 2008.

Раздел третий

ЯВЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Современная классификация слов по частям речи не может быть полной, если в ней не отражены явления перехода слов из одной части речи в другую. В результате такого перехода слова образуются новые слова, которое, в отличие от мотивирующего слова, имеет свои морфологические и синтаксические признаки.

В словообразовании такой переход получил название морфолого-синтаксического способа. Поэтому явления перехода слова из одной части речи в другую находятся на стыке двух языковых уровней – морфологии и словообразования.

Переход слов из одной части речи в другую (его называют частеречной деривацией) происходит в результате длительного исторического развития языка. В языке того или иного периода отражены факты либо полного (завершенного), либо неполного (незавершенного) перехода. Так, например, в современном русском языке наречие *напроралую*, восходящее к форме винительного падежа прилагательного с предлогом *на*, не имеет аналога в виде мотивирующего прилагательного в форме винительного падежа с предлогом *на*, а наречие *по-хорошему*, образованное путем перехода формы дательного падежа прилагательного с предлогом *по*, является его грамматическим омонимом (Ср.: *Лучше по-хорошему решить наш спор. – По хорошему футбольному полю приятно бегать*). В первом случае произошел полный переход прилагательного в наречие, во втором – неполный. Именно неполный (незавершенный) переход слова из одной части речи в другую и составляет предмет синхронного описания явлений переходности в системе частей речи.

Следствием частеречной деривации является образование функциональных омонимов, под которыми в лингвистической литературе понимаются родственные по происхождению слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи.

Следует различать функциональные омонимы и лексические омонимы. В отличие от функциональных омонимов лексические всегда относятся к одной части речи. Так, в словосочетаниях *крепостной крестьянин* и *крепостной вал* прилагательные *крепостной* – лексические омонимы, а существительное *крепостной* (в значении *крепостной крестьянин, человек*) и прилагательное *крепостной* в словосочетании *крепостной крестьянин* – функциональные омонимы.

Различают два типа частеречной деривации: узуальный, т. е. регулярный для данного периода языка, и окказиональный, который возможен только в строго определенных синтаксических условиях и является отступлением от обычных, общепринятых норм в языке. Так, например, в предложении *А ты был ничего сегодня* отрицательное местоимение *ничего* (форма родительного падежа) употребляется в не свойственной ему функции именной части составного именного сказуемого и выступает как функциональный омоним-прилагательное. Окказиональность такого перехода местоимения в прилагательное очевидна, так как подобный переход не является в современном русском языке регулярным и не приводит к пополнению имен прилагательных новым словом.

Окказиональный тип частеречной деривации составляет отдельный предмет исследования.

Важными признаками частеречной деривации считаются изменения общего грамматического (категориального) значения, морфологических и синтаксических свойств исходной части речи. Причем значения функционального омонима по сравне-

нию со значениями исходного слова (части речи) относятся к разряду вторичных. Так, существительное *крепостной* по сравнению с исходным прилагательным *крепостной* приобретает вторичные значения предметности, неизменяемого рода (мужского или женского), подлежащего или дополнения в составе предложения; категория состояния *весело (ему)* по сравнению с исходным наречием *весело (хохочет)* приобретает вторичные значения состояния, главного члена безличного предложения; прилагательное *цветущий (вид)* по сравнению с исходным причастием *цветущий (кустарник)* приобретает вторичное значение признака предмета.

Функциональные омонимы образуются при взаимодействии 1) знаменательных частей речи; 2) служебных слов; 3) знаменательных частей речи и служебных, модальных слов, междометий.

В пределах конкретной части речи функциональные омонимы составляют особую группу слов.

Имя существительное

Переход других частей речи в существительное называется субстантивацией. Субстантивируются: а) имена прилагательные (*столовая комната – столовая, мороженое мясо – мороженое, больной человек – больной, командировочные деньги – командировочные*); б) местоимения (*свои дети – на собрании выступают только свои, ты сам виноват – сам сегодня приезжает*); в) причастия (*встречающий меня человек – встречающий оказался человеком приветливым; человек, битый жизнью – за битого двух небитых дают*); г) числительные (*двое бойцов – двое в шинелях, первое блюдо – первое*).

Субстантивируясь, прилагательные, местоимения, числительные и причастия приобретают вторичные признаки имени существительного: категориальное значение предметности, классифицирующую категорию рода, функцию подлежащего или дополнения в предложении, парадигму, состоящую максимум из 12 словоформ (шесть в единственном и шесть во множественном числе), широкую сочетаемость со словами других частей речи (с прилагательными, местоимениями и причастиями).

Имя прилагательное

Переход других частей речи в прилагательное называется адъективацией. Адъективируются: а) числительные (*один стол – теперь я один, тысячная страница – собралась тысячная толпа*); б) местоимения (*наш, свой характер – он наш, свой человек*); в) причастия (*воспитанный в семье – воспитанный юноша, отсутствующий на занятиях студент – отсутствующий взгляд*).

В результате адъективации числительные, местоимения и причастия утрачивают свое первоначальное категориальное значение и приобретают вторичное значение признака предмета. Как и качественные прилагательные, они способны входить в синонимические и антонимические ряды (*свой человек – надежный, преданный; свой человек – не наш*). Непременным следствием адъективации является переносное лексическое значение функционального омонима.

Местоимение

Переход других частей речи в местоимение называется прономинализацией. В местоимения переходят: а) существительные (*наш народ – старики – народ беспокойный; красивые люди – у тебя все не как у людей*); б) прилагательные (*известный художник – это может произойти при известных обстоятельствах; арбуз целый – работал целый день*); в) числительные (*один стул – один человек рассказал мне об*

этом); г) причастия (*соответствующий* должности директора – издать *соответствующий* приказ; условия, *определённые* контрактом – в *определённых* условиях причастие переходит в местоимение).

Прономинализация связана с изменением категориальной семантики существительного, прилагательного, числительного и причастия. Функциональный омоним приобретает значение обобщающего указания на предмет или на признак предмета.

Наречие

Переход других частей речи в наречие называется адвербиализацией. Адвербиализируются: а) существительные (*любоваться утром* – приехать *утром*; *на славу* свою смотрел просто – сделать *на славу*); б) прилагательные (*завернуть в плотную бумагу* – *вплотную* подойти к правильному решению; подарить им *по хорошему* костюму – поговорим *по-хорошему*); в) числительные (*пятью* столами – *пятью* пять – двадцать пять); г) местоимения (*по моему* пути – сделай *по-моему*); д) деепричастия (*лежа* на диване – читать *лежа*; не *думая* о будущем – отвечать не *думая*).

В современном русском языке активен процесс перехода в наречия падежных и предложно-падежных форм существительных, имеющих обстоятельственное значение. Переходя в разряд неизменяемых слов, существительные утрачивают все свои грамматические признаки, словоизменительную парадигму.

При адвербиализации особенно велика роль внеязыкового контекста. Но и он далеко не всегда помогает различить функциональный омоним и исходную часть речи. Так, например, в предложении *Сегодня я уезжаю за границу* словоформа *за границу* может быть воспринята и как предложно-падежная форма существительного, и как наречие.

Наибольшие сложности возникают при разграничении деепричастия и наречия.

Категория состояния

Переход других частей речи в категорию состояния называется предикативацией. В категорию состояния переходят: а) наречия и краткие прилагательные на *-о, -е* (*весело* улыбаться, дитя *весело* – мне *весело*; выполнить работу *чисто*, небо *чисто* – на улице *чисто*); б) существительные (*это тяжкий грех* – *грех* над ним смеяться, *охота* на уток – *охота* тебе со мной разговаривать).

Переход наречий, кратких прилагательных и существительных в категорию состояния связан прежде всего с изменением их синтаксической функции.

За исключением слов *можно, нельзя, надо, боязно, стыдно, совестно* категорию состояния как часть речи в современном русском языке составляют функциональные омонимы, что еще раз подчеркивает ее формирующийся характер.

Предлоги

Переход других частей речи в предлог называется препозиционализацией. В предлоги переходят: а) существительные (*в продолжение* письма вставлена цитата из книги – такое положение сохранялось в *продолжение* суток; верить в *силу* своих друзей – в *силу* возникших обстоятельств); б) прилагательные (*собрание согласно* с решением – сделать *согласно* заданию); в) наречия (*тихо вокруг* – ходит *вокруг* дома; об этом поговорим *после* – встретимся *после* праздника); г) деепричастия (*вставать утром, включая* свет – передать оборудование *включая* все узлы и детали; *благодаря* учителя – *благодаря* учителю).

Союзы

Переход других частей речи в союзы называется конъюнкционализацией. В союзы переходят: а) местоимения (*что случилось? – знаю, что ничего не случится*); б) наречия (*едва живой – едва поезд остановился, мы выбежали на перрон; как поживаешь? – не заметил, как прошли годы*).

Частицы

Переход других частей речи в частицу называется партикуляцией. В частицы переходят: а) местоимения (*все в жизни меняется – я все думаю о нем; налей себе кофе – ступай себе мимо*); б) числительные (*один плюс два – один я увидел его*); в) глаголы (*это лекарство давайте больным – давайте поиграем; все это уже было – мы было уже собрались к вам*); г) наречия (*идти прямо – прямо на глазах меняется; сиди ровно – принесу ровно через пять дней*); д) союзы (*земля и небо – и чего тебе не хватает; уверяет, будто сам видел – будто так и надо*).

Модальные слова

Переход других частей речи в модальные слова называется модализацией. В модальные слова переходят: а) существительные (*право на труд – я, право, не знаю; правда и ложь – правда, этого не случилось*); б) глаголы (*событие казалось ему значительным – пустыне, казалось, не было конца*); в) прилагательные (*все в мире конечно – конечно, мы будем все вместе; решение верно – он, верно, счастлив*); г) союзы (*подумал, однако встал – пора, однако, кончать рассказ*).

Междометия

Переход других частей речи в междометие называется интеръективацией. В междометия переходят: а) существительные (*делать глупости – глупости! Не стану же я просить вас об одолжении; ужас парализовал всю толпу – ужас, как много людей!*); б) глаголы (*живите и здравствуйте много лет – здравствуйте, все мои друзья!; подумаешь и скажешь – подумаешь, какой важный!*); в) наречия и слова категории состояния (*горько пожалеть об этом – молодые, горько!*); г) частицы (*как ты красива – как? И ты с ними*).

Переход знаменательных слов в служебные, модальные слова и междометия связан прежде всего с потерей ими своей номинативной функции, морфологических признаков. Появившийся в результате такого перехода функциональный омоним теряет свою способность самостоятельно выполнять синтаксическую функцию члена предложения и приобретает свою собственную сочетаемость с другими словами.

Вопрос о переходности слов в системе частей речи современного русского языка является еще недостаточно изученным. Нет полного описания системы функциональных омонимов в пределах каждой части речи и языка в целом. В теоретическом плане еще не до конца решены вопросы о типах, видах и разновидностях этой группы слов.

Литература

Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5.

Бортэ Л.В. Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке. Кишинев, 1977.

Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М., 2006.

Демидов Д.Г. Заметки о переходе существительных в наречия и предлоги // Развитие частей речи в истории русского языка. Рига, 1988.

Калечиц Е.П. Взаимодействие слов в системе частей речи. Свердловск, 1990.

Лукин М.Ф. Критерии перехода частей речи в современном русском языке // Филологические науки. 1986. № 3.

Тихомирова Т.С. К вопросу о переходности частей речи // Филологические науки. 1973. № 5.

Литература ко всему курсу морфологии

- Буланин Л.Л.* Трудные вопросы морфологии. М., 1976.
- Виноградов В.В.* Русский язык. 4-е изд. М., 2001.
- Горбачевич К.С.* Нормы современного русского литературного языка. М., 1978.
- Грамматика русского языка. М., 1952. Т. 1.
- Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.
- Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
- Зализняк А.А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977.
- Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Братислава, 1965.
- Камынина А.А.* Современный русский язык: морфология. М., 1999.
- Краткая русская грамматика. М., 1989.
- Лукин М.Ф.* Морфология современного русского языка. М., 1973.
- Моисеев А.И.* Русский язык: Фонетика. Морфология. Орфография. М., 1980.
- Панова Г.И.* Морфология русского языка. Энциклопедический словарь – справочник. Изд. 2-е. М.: URSS: ЛЕНАНД. 2010.
- Распопов И.П., Ломов А.М.* Основы русской грамматики. Воронеж, 1984.
- Розенталь Д.Э., Голуб И.Б., Теленкова М.А.* Современный русский язык. М., 2010.
- Русская грамматика. М., 1980. Т.1.
- Современный русский язык: учебник для бакалавров / Под ред. П.А. Леканта. –5-е изд. – М., 2010.
- Современный русский язык / Под ред. В.А. Белошапковой. М., 2011.
- Современный русский язык / Н.М. Шанский, А.Н. Тихонов. В 3 ч. М., 1987., Ч. 2. Словообразование. Морфология.
- Современный русский язык. Анализ языковых единиц: В 3 ч. Ростов-на-Дону, 1997. Ч. 2. Морфология / Л.Д. Чеснокова, В.С. Печникова.
- Янко-Триницкая Н.А.* Русская морфология. М., 1989.

Приложение

Л.В. Щерба

О ЧАСТЯХ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В последние десятилетия в русском языкознании по поводу пересмотра содержания элементарного курса русской грамматики всплыл очень старый вопрос о так называемых «частях речи». В грамматиках и словарях большинства старых, установившихся языков существует традиционная, тоже установившаяся номенклатура, которая в общем удовлетворяет практическим потребностям, и потому мало кому приходит в голову разыскивать основания этой номенклатуры и проверять ее последовательность. В сочинениях по общему языкознанию к вопросу обыкновенно подходят с точки зрения происхождения категорий «частей речи» вообще и лишь иногда – с точки зрения разных способов их выражения в разных языках, и мало говорится о том, что сами категории могут значительно различаться от языка к языку, если подходить к каждому из них как к совершенно автономному явлению, а не рассматривать его сквозь призму других языков.

Поэтому, может быть, бесполезно было бы предпринять полный пересмотр вопроса применительно к каждому отдельному языку в определенный момент его истории. Не претендуя на абсолютную оригинальность, я попробую это сделать по отношению к современному живому русскому языку образованных кругов общества¹.

Прежде чем перейти, однако, к русскому языку, я позволю себе остановиться на некоторых общих соображениях.

1. Хотя, подводя отдельные слова под ту или иную категорию («часть речи»), мы и получаем своего рода классификацию слов, однако самое различие «частей речи» едва ли можно считать результатом «научной» классификации слов. Ведь всякая классификация подразумевает некоторый субъективизм классификатора, в частности, до некоторой степени произвольно выбранный *principium divisionis*. Таких *principia divisionis* в данном случае можно было бы выбрать очень много, и соответственно этому, если задаться целью «классифицировать» слова, можно бы устроить много классификаций слов, более или менее остроумных, более или менее удачных. Например, можно разделить все слова на слова, вызывающие приятные эмоции, и слова безразличные; или на основные и производные, а первые – на слова одинокие, не имеющие родственных связей, и на слова, их имеющие, и т. п. Эту множественность возможных классификаций справедливо отметил Н.Н.Дурново. Д.Н.Ушаков в своем отличном учебнике по языковедению прямо учит, что возможны две классификации слов – по значению и по формам.

Однако в вопросе о «частях речи» исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо ученым и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой, или точнее, – ибо дело вовсе не в «классификации», – под какую *общую категорию* подводится то или иное лексическое значение в каждом отдельном случае, или еще иначе, какие *общие категории* различаются в данной языковой системе.

2. Само собой разумеется, что должны быть какие-либо внешние выразители этих категорий. Если их нет, то нет в данной языковой системе и самих категорий. Или если они и есть благодаря подлинно существующим семантическим ассоциациям, то они являются лишь потенциальными, но не активными, как, например, категория «цвета» в русском языке.

3. Внешние выразители категорий могут быть самые разнообразные: «изменяемость» слов разных типов, префиксы, суффиксы, окончания, фразовое ударение, интонация, порядок слов, особые вспомогательные слова, синтаксическая связь и т. д., и т. д. <...>

Признаки, выразители категорий могут быть положительными и отрицательными: так, «неизменяемость» слова как противоположение «изменяемости» также может быть выразителем категории, например, наречия.

Противопологая форму, знак – содержанию, значению, я позволяю себе называть все эти внешние выразители категорий *формальными признаками* этих последних, ибо не вижу никакой пользы в выделении, среди прочих признаков, формальных морфем в особую группу.

4. Существование всякой грамматической категории обуславливается тесной, неразрывной связью ее смысла и всех формальных признаков, так как неизвестно, значат ли они что-либо, а следовательно – существуют ли они как таковые, и существует ли сама категория. <...>

5. Категории могут иметь по несколько формальных признаков, из которых некоторые в отдельных случаях могут и отсутствовать. Категория существительных выражается своей специфической изменяемостью и своими синтаксическими связями. *Какаду* не склоняется, но сочетания *мой какаду, какаду моего брата, какаду сидит в клетке* достаточно характеризуют *какаду* как существительное. Больше того, если в языковой системе какая-либо категория нашла себе полное выражение, то уже один смысл заставляет нас подводить то или другое слово под данную категорию: если мы знаем, что *какаду* – название птицы, мы не ищем формальных признаков для того, чтобы узнать в этом слове существительное.

6. Яркость отдельных категорий не одинакова, что зависит, конечно, в первую голову от яркости и определенности, а отчасти – и количества формальных признаков. Яркость же и формальной, и смысловой стороны категории зависит от соотносительности как формальных элементов, так и смысла, так как контрасты сосредоточивают на себе наше внимание: *белый, белизна, бело, белеть* очень хорошо выделяют категории прилагательного, существительного, наречия и глагола.

7. Раз формальные признаки не ограничиваются одними морфологическими, то становится ясным, что **материально** одно и то же слово может фигурировать в разных категориях: так, *кругом* может быть или наречием, или предлогом (см. ниже).

8. Если в вопросе о частях речи мы имеем дело не с классификацией слов, то может случиться, что одно и то же слово окажется одновременно подводимым под разные категории. Таковы **причастия**, где мы видим сосуществование категорий глагола и прилагательного; таковы **знаменательные связки**, где уживаются в одном слове и связка, и глагол (о чем см. ниже).

9. Поскольку опять-таки мы имеем дело не с классификацией, нечего опасаться, что некоторые слова никуда не подойдут, – значит, они действительно не подводятся нами ни под какую категорию. Таковы, например, так называемые **вводные слова**, которые едва ли составляют какую-либо ясную категорию, между прочим, именно из-за отсутствия соотносительности. Разные усилительные слова вроде *даже, ведь, и* (= «*даже*»), слова отчасти союзного характера вроде *итак, значит* и т. п. тоже никуда не подводятся нами и остаются в стороне. Наконец, никуда не подводятся такие словечки, как *да, нет*.

10. Имея в виду главным образом живую русскую речь, я принципиально не чувствовал себя обязанным подбирать литературные примеры. Но, конечно, мои примеры могут и должны быть критикуемы с точки зрения их приемлемости для говорящих на «литературном» русском языке.

* * *

Перехожу теперь собственно к обозрению «частей речи» в русском языке.

I. Прежде всего очень неясная и туманная категория **междометий**, значение которых сводится к «эмоциональности» и «отсутствию познавательных элементов», а формальный признак – к полной синтаксической обособленности, отсутствию каких бы то ни было связей с предшествующими и последующими элементами в потоке речи. Примеры: *ай-ай!, ах!, ура!, боже мой!, беда!, черт возьми!, черт побери!*

Совершенно очевидно, что хотя этимология таких выражений, как *боже мой, черт побери*, и вполне ясна, но это только этимология; значение же этих выражений исключительно эмоциональное, и понимать *побери* в *черт побери* как глагол значило бы смешивать разные исторические планы, приписывать современному языку то, чего уже в нем нет. Однако во фразе *черт вас всех побери!* мы имеем уже дело не с междометием, так как от *побери* зависит *вас всех* и, таким образом, формальный признак междометия отсутствует. То же и в известной пушкинской фразе *Татьяна – ах!*, если только *ах* не понимать как вносные слова. Для меня *ах* относится к Татьяне и является глаголом, а вовсе не междометием.

Так как довольно многие слова употребляются или могут употребляться синтаксически обособленно, то категория междометий, будучи вполне отчетливой в ярких случаях, является в общем довольно расплывчатой. Например, будут ли междометиями *спасибо, наплевать* и т. д.? <...>

Само собой разумеется, что так называемые звукоподражательные слова *мяу-мяу, вау-вау* и т. п. нет никаких оснований относить к междометиям.

II. Далее следует отметить две соотносительные категории: категорию слов **знаменательных** и категорию слов **служебных**. Различия между этими категориями сводятся к сле-

дующим пунктам: 1) первые имеют самостоятельное значение, вторые лишь выражают отношение между предметами мысли; 2) первые сами по себе способны распространять данное слово или сочетание слов: *я хожу – я хожу кругом; я пишу – я пишу книгу – я пишу большую книгу*; вторые сами по себе неспособны распространять слова: *на, при, в, и, чтобы, быть, стать* (в смысле связок), *кругом* (*я хожу кругом дома*); 3) первые могут носить на себе фразовое ударение; вторые никогда его не имеют, кроме случая выделения слов по контрасту (*он не только был вкусный, но и будет вкусный*), что является особым случаем, так как по контрасту могут выделяться и неударяемые морфемы (части) слов. Второе и третье различия следует считать формальными признаками этих категорий. Отнюдь не следует считать признаком служебных слов их неизменяемость, так как некоторые служебные слова изменяются, как, например, связки (спрягаются), относительные *которые, какой* (склоняются и изменяются по родам).

С категорией слов знаменательных контаминируются более частные категории: **существительных, прилагательных, наречий, глаголов** и т. д.

III. Перехожу к **существительным**. Значение этой категории известно – предметность, субстанциальность. При ее посредстве мы можем любые лексические значения и действия, и состояния, и качества, не говоря уже о предметах, представлять как предметы: *действие, лежание, доброта* и т. д. Формальными признаками этой категории являются: изменяемость по падежам (которая в отдельных случаях может отсутствовать: *какаду, пальто*) и соответственные системы окончаний; ряд словообразовательных суффиксов имен существительных, как то: *-тель, -льщик, -ник, -от(-а), -изн(-а), -ость, -(о)к, -(е)к* и т. д.; определение посредством прилагательных; согласование относящегося к данному слову прилагательного (*красивый какаду; а меня, бедного, и забыли; нечто серое и туманное скользнуло мимо*); отсутствие согласования с существительным, явным или непосредственно подразумеваемым; глагол или связка в личной форме, относящиеся к данному слову (*я ехал в лодке; люди были несчастны; кто пришел?*). Из сказанного явствует, что в выражениях *этот нищий, все доброе – нищий и доброе* будут существительными. С другой стороны, явствует и то, что целый ряд так называемых «местоимений» приходится считать существительными: *я, мы, ты, вы, он, она, оно, они, себя, кто, что-то, некто, нечто, кто-то, что-то, никто, ничто*; кроме того, *это* (редко *то*) и *все*, употребляющиеся в качестве существительных в форме среднего рода; *всякий и каждый*, употребляющиеся в качестве существительных лишь в форме мужского рода; *все*, употребляющееся в качестве существительного во множественном числе². Примеры: *я этого не переносу; это уже надоело; я предлагал ему и то, и это; мой брат всегда всем очень доволен; я знаю все; всякий это знает; я берусь каждого провести; все убежали*. Но надо сказать, что последние пять слов имеют скорее прилагательную природу и не терпят никакого прилагательного определения, так что во фразе *я люблю все хорошее* слово *все* является уже прилагательным, а *хорошее* – существительным. Любопытно отметить, что даже в таких сочетаниях, как *на сцене появилось нечто воздушное, ничем хорошим не могу вас порадовать*, можно спрашивать себя, что к чему относится: *нечто к воздушное, хорошим к ничем* или наоборот.

Все перечисленные слова составляют, конечно, по содержанию обозначаемых ими понятий особую группу местоименных существительных, так как содержание это крайне бедно и состоит в каждом случае из одного очень неопределенного признака. Формально они объединяются невозможностью их определить **предшествующим** прилагательным; нельзя сказать: *добрый я, славный некто* и т. п. Что касается форм склонения, то они не являются одинаковыми у всех слов группы и потому невыразительны. Прежнее состояние языка с ясным местоименным склонением, выражавшим противоположение группы местоимений группе имен (существительных и прилагательных), давно разрушено.

Выделяется в известной мере группа «личных местоимений» своей функцией личных префиксов (правда, не вполне сросшихся) в спряжении глаголов; однако и там местоимение 3-го лица (бывшее указательное) склоняется иначе, чем местоимения 1-го и 2-го лица.

Вообще надо признать, что в этой области в русском языке в настоящее время не наблюдается никакой ясной, отчетливой системы: старая группа местоимений распалась, а новых отчетливых противоположений местоименных прилагательных и существительных, наподобие того, что имеется во французском (*ce, cette, ces, celui, celle, ceux, celles*), не выработалось. Это в общем и неудивительно. Словечки местоименного характера немногочисленны, но играют значительную роль в структуре языка, и всякие пережитки сохраняются здесь чаще всего, успешно сопротивляясь логическим унификационным стремлениям коллективного языкового творчества.

Кроме местоименных существительных, мы имеем в русском языке целый ряд категорий³, обладающих большей или меньшей выразительностью.

1) Имена **собственные** и **нарицательные**: первые, как правило, не употребляются во множественном числе. *Ивановы, Крестовские* и т. д. являются названиями родов и представляют из себя своего рода *pluralia tantum*.

2) Имена **отвлеченные** и **конкретные**: первые опять-таки нормально не употребляются во множественном числе. *Радости жизни* представляются нам чем-то конкретным и не идентичным словам *радость, тоска, грусть, ученье, терпенье* и т. п.

3) Имена **одушевленные** и **неодушевленные**: у первых форма винительного падежа множественного числа сходна с родительным, а у вторых – с именительным.

4) Имена **вещественные** тоже не употребляются во множественном числе: *мед, сахар*. А поскольку употребляются, обозначают тогда разные сорта: *вина, масла* и т. п.

5) Имена **собирательные** (конечно, не *стая, полк, класс*, так как их собирательность никак не выражена). Наше современное понимание их исключительно объединяющее и индивидуализирующее. По-видимому, в старом языке было иначе, так как сказуемое при этих словах часто ставилось во множественном числе (см. материал по вопросу из Синод. списка 1-й Новгород. лет. у Е.С. Истриной – «Синтаксические явления...», 1923. С. 60 и сл.).

Зато в современном русском языке имеется несомненная возможность образовывать имена собирательные посредством суффиксов *-j-* или *-(е)ств-* в среднем роде: *солда́тье, мужи́чье, тряпье, офице́рье, профессо́рье, офице́рство, студенчество*.

б) Далее, в русском языке имеется категория имен **единичных**: *бисер / бисерина, жемчуг / жемчужина, солома / соломина*, образуемых посредством суффикса *-ин-*. Они составляют своеобразную группу, категорию. <...>

IV. Значение категории **прилагательных** в русском языке – конечно, **качество**, как это прекрасно показано А.М.Пешковским в его «Русском синтаксисе...» (2-е изд. М., 1920. С. 54 и сл.). Формально она выражается прежде всего своим отношением к существительному: без существительного, явного или подразумеваемого, нет прилагательного. Далее, она выражается формами согласования с существительным, хотя это и не абсолютно обязательно; своеобразной изменемостью, куда, между прочим, входит и изменение по степени сравнения (тоже необязательное и общее с наречиями); рядом словообразовательных суффиксов, как то: *-(е)н-, -ист-, -ан-, -оват-* и т. д.; наконец, она выражается и определяющим ее наречием.

Из всего этого вытекает, что под категорию прилагательных мы подводим и такие «местоимения», как *мой, твой, наш, ваш, свой, этот, тот, такой, какой, который, всякий, сам, самый, весь, каждый* и т. п., и все «порядковые числительные» (*первый, второй* и т. д.), и все причастия, и, наконец, формы сравнительной степени прилагательных в тех случаях, когда они относятся к существительным, например: *ваш рисунок лучше моего; эта местность красивее всего виденного мною; струя светлей лазури* (из лермонтовского «Паруса»). Относительно первых трех групп слов не может быть сомнения, что они подводятся нами под категорию прилагательных. Относительно же сравнительной степени достаточно указать на то, что от наречия сравнительная степень прилагательных отличается своей относимостью к существительному, а от существительных, которые также могут относиться к существительному, – своей связью с положительной и превосходной степенями⁴.

Среди прилагательных выделяется группа прилагательных **притяжательных**, имеющая формальные признаки – именные окончания – по крайней мере во всех формах именительного падежа:

пап-ин-	дом	пап-ин-а	дочь
отц-ов-	»	отц-ов-а	»
мой	»	мо-я (мой-а)	»
наш-	»	наш-а	»
баб-ий	»	бабь-я (бабь-й-а)	»
пап-ин-о	наследие	пап-ин-ы	дети
отц-ов-о	»	отц-ов-а	»
мо-е (мой-о)	»	мо-и	»
наш-е	»	наш-и	»
бабь-е	»	бабь-и (бабь-й-и)	»

Но, по-видимому, эта категория разрушается, так как в детском языке постоянно находим *пап-ин-ая дочка*; вместо *отцов дом* мы чаще скажем *отцовский дом*, а вместо *бабье лето* можно иногда слышать и *бабее лето*; такие же случаи, как с *волчей шкурой*, приходится считать если не нормальными, то очень распространенными, особенно среди младшего поколения.

Что касается местоименной группы, то хотя она по значению и представляет из себя некую группу, но она не безусловно замкнута: считать ли, например, относящимся к ней слово *любой*? А.М.Пешковский в часто цитированной уже книге (С. 406) относит сюда же слова *известный, данный, определенный*. Отсутствие ясного формального критерия не позволяет быть отчетливо осознанной группе местоименных прилагательных, так как то обстоятельство, что в цепи прилагательных определений существительного они нормально ставятся на первое место (*любой (всякий) порядочный вдумчивый доктор*), не чересчур навязывается нашему сознанию.

То же можно сказать и о порядковых числительных, хотя и им присваивается первое место в цепи прилагательных определений (*я кончил вторую киевскую мужскую гимназию*). Однако надо признать, что крепкая ассоциативная связь по смежности (при счете) энергично поддерживает смысловую связь, и понятие «порядковости», «номерности» выступает довольно ярко, так что, пожалуй, все же приходится говорить о **прилагательных порядковых**.

Очень живыми представляются категории прилагательных **качественных**, имеющих степени сравнения, и **относительных**, их не имеющих. Так, *золотой* может принадлежать к тем и другим: *золотое кольцо / уж на что у тебя золотые кудри, а вот у нее еще золотее*.

Причастия, конечно, составляют резко обособленную группу, будучи подводимы и под категорию глаголов. Теряя глагольность, они становятся простыми прилагательными. *Ученое стихотворение* может быть употреблено в двояком смысле: 1) «содержащее в себе много научного» – прилагательное и 2) «которое уже учили» – причастие.

V. Категория **наречий** является исключительно формальной категорией, ибо значение ее совпадает со значением категории прилагательных, как это очевидно из сравнения таких пар, как *легкий / легко, бодрый / бодро* и т. д. Мы бы, вероятно, сознавали подобные наречия формой соответственных прилагательных, если бы в той же функции не употреблялось большого количества неизменяемых слов, не являющихся производными от прилагательных: *очень, слишком, наизусть, сразу, кругом* и т. д. Благодаря этому формальными признаками категории являются прежде всего отношение к прилагательному, к глаголу или другим наречиям, невозможность определить прилагательным (если только это не наречное выражение), неизменяемость (однако наречия, производные от прилагательных, могут иметь степени сравнения)⁵ и, наконец, для наречий, произведенных от прилагательных, окончания *-о* или *-е*, а для глагольных наречий (деепричастий) особые окончания. <...>

Что касается **деепричастий**, то они, конечно, составляют резко обособленную группу. В сущности, это настоящие глагольные формы, в своей функции лишь отчасти сближающиеся с наречиями. Формально они объединяются с этими последними относимостью к глаголу и якобы отсутствием согласования с ним (на самом деле они должны в русском языке иметь общее лицо, хотя внешне это ничем не выражается). Что особенно оправдывает это усмотрение в деепричастиях некоторой наречности – это их легкий переход в подлинные наречия: *молча, стоя, лежа* и т. д. могут быть то деепричастиями, то наречиями.

VI. Особой категорией приходится признать **слова количественные**. Значением является отвлеченная идея числа, а формальным признаком – своеобразный тип сочетания с существительным, к которому относится слово, выражающее количество. Благодаря этим типам сочетаний категория слов количественных изымается из категории прилагательных, куда она естественнее всего могла бы относиться, а также из категории существительных, с которыми она сходна формами склонения. Эти типы сочетаний состоят в том, что в именительном и винительном падежах определяемое ставится в родительном падеже множественного числа (при *два, три, четыре* – род. пад. ед. ч.), а в косвенных падежах ожидаемое согласование в падеже восстанавливается: *пять книг – с пятью книгами, двадцать солдат – при двадцати солдатах*⁶. Исторические причины таких странных конструкций известны; сейчас эти конструкции бессмысленны и являются пережитками, однако утилизируются языком для обозначения особой категории, которую, конечно, лишь насилуя непосредственное языковое чутье, можно смешивать с существительными. Различие выступает очень ярко из сравнения: *десять яблок, с десятью яблоками / десяток яблок, с десятком яблок; сто солдат, со ста солдатами / сотня солдат, с сотней солдат*.

Любопытно отметить, что *тысяча* с обывательской точки зрения плохо представляется как число, а скорей как некоторое единство, как «существительное», что и выражается типом связи: *тысяча солдат, с тысячею солдат*. Однако ход культуры и развитие отвлеченного мышления дают себя знать: *тысяча* все больше и больше превращается в количественное слово, и *тысяче солдатам был роздан паек* не звучит чересчур неправильно (*миллиону солдатам* сказать было бы невозможно), а сказать *приехала тысяча солдат*, пожалуй, и вовсе смешно. Несомненно, что при пережитом падении денег и *миллион*, и *миллиард* стали отвлеченнее, хотя, может, в языке это и не успело сказаться.

VII. Есть ряд слов, как *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п., подведение которых под какую-либо категорию затруднительно. Чаще всего, их по формальному признаку неизменяемости зачисляют в наречия, что в конце концов не вызывает практических неудобств в словарном отношении, если оговорить, что они употребляются со связкой и функционируют как сказуемое безличных предложений. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что указанные слова не подпадают под категорию наречий, так как не относятся ни к глаголу, ни к прилагательному, ни к другому наречию.

Далее, оказывается, что они составляют одну группу с такими формами, как *холодно, светло, весело*, и т. д. во фразах: *на дворе становилось холодно; в комнате было светло; нам было очень весело* и т. п. Подобные слова тоже не могут считаться наречиями, так как эти последние относятся к глаголам (или прилагательным), здесь же мы имеем дело со связками (см. ниже). Под форму среднего рода единственного числа прилагательных они тоже не подходят, так как прилагательные относятся к существительным, а здесь этих последних нет, ни явных, ни подразумеваемых.

Может быть, мы имеем здесь дело с особой **категорией состояния** (в вышеприведенных примерах никому и ничему не приписываемого – безличная форма) в отличие от такого же состояния, но представляемого как действие: *нельзя* (в одном из значений) / *запрещается*; *можно* (в одном из значений) / *позволяется*; *становится холодно* / *холодает*; *становится темно* / *темнеет*; *морозно* / *морозит* и т. д. (таких параллелей, однако, не так много).

Формальными признаками этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой – с другой: первым она отличалась бы от прилагательных и глаголов, а вторым – от наречий. Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке. <...>

<...> несомненным для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях, но не получила еще, а может, и никогда не получит, общей марки. Сейчас формально **кате́горию состояния** пришлось бы определять так: это слова в соединении со связкой, не являющиеся, однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями – нуль для мужского рода, *-а* для женского рода, *-о, -э* (*искренне*) для среднего рода, – или формой творительного падежа существительных (теряющей тогда свое нормальное, то есть инструментальное, значение).

Если не признавать наличия в русском языке категории **состояния** (которую за неимением лучшего термина можно называть предикативным наречием, следуя в этом случае за Овсяннико-Куликовским), то такие слова, как *пора, холодно, навеселе* и т. п., все же нельзя считать наречиями, и они просто остаются вне категорий. <...>

VIII. В категории **глаголов** основным значением, конечно, является только **действие**, а вовсе не **состояние**, как говорилось в старых грамматиках. Эта проблема, по-видимому, возникла из понимания «частей речи» как рубрик классификации лексических значений. После всего сказанного вначале ясно, что дело идет не о значении слов, входящих в данную категорию, а о значении категории, под которую подводятся те или иные слова. В данном случае очевидно, что, когда мы говорим *больной лежит на кровати* или *ягодка краснеет в траве*, мы это «лежание» и «краснение» представляем не как состояния, а как действия.

Формальных признаков много. Во-первых, изменяемость и не только по лицам и числам, но и по временам, наклонениям, видам и другим глагольным категориям⁷. Между прочим, попытка некоторых русских грамматистов последнего времени представить инфинитив как особую от глагола «часть речи», конечно, абсолютно неудачна, противоречива естественному языковому чутью, для которого *идти* и *иду* являются формами одного и того же слова⁸. Эта странная аберрация на-

учного мышления произошла из того же понимания «частей речи» как результатов классификации, которое свойственно было старой грамматике, с переменной лишь *principium divisionis*, и возможна была лишь потому, что люди на минуту забыли, что форма и значение неразрывно связаны друг с другом: нельзя говорить о *знаке*, не констатируя, что он что-то значит; нет больше языка, как только мы отрываем форму от ее значения (см. по этому поводу совершенно правильные разъяснения Н.Н.Дурново в его статье «В защиту логичности формальной грамматики» в журнале: Родной язык в школе. Кн. 2. 1923. С. 38 и сл.). Но нужно признать, что аберрация эта выросла на здоровой почве протеста против бесконечных рубрификаций старой грамматики, не основанных ни на каких объективных данных. <...>

Итак, изменяемость по разным глагольным категориям с соответственными окончаниями является первым признаком глагола, точно так же и некоторые суффиксы, например *-ов-//-у-*, *-ну-* и др., в общем, впрочем, невыразительные; далее, именительный падеж, непосредственно относящийся к личной форме, тоже определяет глагол; далее, невозможность прилагательного и возможность наречного распространения; наконец, характерное управление, например: *любить отца*, но *любовь к отцу*.

Теперь понятно, почему инфинитив, причастие, деепричастие и личные формы признаются нами формами одного слова – глагола: потому что *сильно* (не *сильный*) *любить*, *любящий*, *любя*, *люблю дочку* (не *к дочке*) и потому что хотя каждая из этих форм и имеет свое значение, однако все они имеют общее значение *действия*. Из них *любящий* подводится одновременно и под категорию глаголов, и под категорию прилагательных, имея с последним и общие формы, и значение, благодаря которому действие здесь понимается и как качество; такие формы условно называются *причастием*. По тем же причинам *любя* подводится под категорию глаголов и отчасти под категорию наречий и условно называется *деепричастием*. *Любовь* же, обозначая действие, однако не подводится нами под категорию глаголов, так как не имеет их признаков (*любовь к дочке*, а не *дочку*); поэтому идея *действия* в этом слове заглушена, а рельефно выступает лишь идея *субстанции*.

Ввиду всего этого нет никаких оснований во фразе *а она трах его по физиономии!* откалывать *трах* в глагольности: это не что иное, как особая, очень эмоциональная форма глагола *трахнуть* с отрицательной (нулевой) суффиксальной морфемой. То же и в выражении *Татьяна – ах!* и других подобных, если только не видеть в *ах* вносных слов. <...>

IX. Нужно отметить еще одну категорию слов знаменательных, хотя она никогда не бывает самостоятельной, – это слова *вопросительные*: *кто, что, какой, чей, который, куда, как, где, откуда, когда, зачем, почему, сколько* и т. д. Формальным ее выразителем является специфическая интонация синтагмы (группы слов), в состав которой входит вопросительное слово.

Категория слов вопросительных всегда контаминируется в русском языке либо с существительными, либо с прилагательными, либо со словами количественными, либо с наречиями.

* * *

Переходя к служебным словам, приходится прежде всего отметить, что общие категории здесь не всегда ясны и во всяком случае зачастую мало содержательны.

X. *Связки*. Строго говоря, существует только одна связка *быть*, выражающая логическое отношение между подлежащим и сказуемым. Все остальные связки являются более или менее знаменательными, то есть представляют из себя контаминацию *глагола* и *связки*, где глагольность может быть более или менее ярко выражена. <...>

Я ничего не прибавлю к общеизвестному о связках, кроме разве того, что у нас как будто нарождается еще одна форма связки – *это*. Примеры: *наши дети – это наше будущее, наши дети – это будут дельные ребята*. Частица *это* больше всего и выражает отношение подлежащего и сказуемого и во всяком случае едва ли понимается нами как подлежащее: формы связки *быть* служат в данном случае главным образом для выражения времени.

XI. Далее мы имеем группу частиц, соединяющих два слова или две группы слов в одну *синтагму* (простейшее синтаксическое целое) и выражающих отношение «определяющего» к «определяемому». Они называются *предлогами*, формальным признаком которых в русском языке является управление падежом. Сюда, конечно, подходят и такие слова, как *согласно* (*согласно вашему предписанию*, а в канцелярском стиле *вашего предписания*), *кругом, внутри, наверху, наподобие, во время, в течение, вследствие, тому назад* (с вин. пад.) и т. п. Однако по функциональному признаку сюда подошли бы и такие слова, как *чтобы, с целью, как, например*

в следующих фразах: *я пришел чтобы поест* = с целью поест; *меня одевали как куколку* = наподобие куколки⁹.

ХII. Далее, можно констатировать группу частиц, соединяющих слова или группы слов в одно целое – **синтагму** или синтаксическое целое высшего порядка – на равных правах, а не на принципе «определяющего» и «определяемого», и называемых обыкновенно **союзами сочинительными**. В ней можно констатировать две подгруппы.

а) Частицы, соединяющие вполне два слова или две группы слов в одно целое, – **союзы соединительные**: *и, да, или*¹⁰ (не повторяющиеся). Примеры: *брат и сестра пошли гулять; отец и мать остались дома; я хочу взять учителя или учительницу к своим детям; Иван да Марья; когда все собрались и хозяева зажгли огонь, стало веселее*¹¹.

В той же функции употребляются иногда и предлоги: *брат с сестрой пошли гулять* (особая функция частицы *с* отмечена здесь формой множественного числа глаголов).

Примечание. Особый случай употребления этих союзов можно наблюдать там, где при их посредстве присоединяется последний член перечисления. Хотя этот член и не составляет тогда целого с предшествующим, однако союз, вместе с особой интонацией, отличной от той, о которой будет идти речь ниже, в разделе ХIV, обозначает исчерпанность ряда, его единство. Примеры: *Однажды лебедь, рак да щука...; отец, мать, брат и сестра отправились гулять.*

б) Частицы, объединяющие два слова или две группы по контрасту, то есть противопоставляя их, – **союзы противительные**: *а, но, да*. Благодаря этому противопоставлению каждый член такой пары сохраняет свою самостоятельность, и этот случай «б») не только по смыслу, но и по форме отличается от случаев «а»). Примеры: *я хочу не большой, а маленький платок; она запела маленьким, но чистым голоском; мал золотник, да дорог; я вам кричал, а вы не слышали; вы обещали, но это не всегда значит, что вы сделаете.*

ХIII. Те же союзы могут употребляться и в другой функции: тогда они не соединяют те или другие элементы в одно целое, а лишь **присоединяют** их к предшествующему. Тогда как в случае раздела ХII оба члена присутствуют в сознании, хотя бы в смутном виде, уже при самом начале высказывания, в настоящем случае второй элемент появляется в сознании лишь **после** первого или **во время** его высказывания. Формально выражается указанное различие функций фразовым ударением, иногда паузой и вообще интонацией (точных исследований на этот счет не имеется). Ясными примерами этого различия может послужить разное толкование следующих двух стихов Пушкина и Лермонтова:

1) как надо читать стих 14 стихотворения Пушкина «Воспоминание»: *Я трепещу и проклинаю... или Я трепещу, и проклинаю...?* Я стою за первое (см.: Русская речь. I. Пг., 1923. С. 31);

2) как надо читать стих 6 стихотворения Лермонтова «Парус»: *И мачта гнется и скрипит... или И мачта гнется, и скрипит...?* Я стою за второе.

Прав я или нет в моем понимании, в данном случае безразлично, но возможность самого вопроса, а следовательно – и двоякая функция союза *и*, думается, очевидны¹².

Союзы в этой функции можно бы назвать **присоединительными**. Другие примеры: *я сел в кибитку с Савельичем, и отправился в дорогу* (пример заимствован у Грота, но запятая принадлежит мне); *вчера мы собрались большой компанией и отправились в театр, но проскучали весь вечер; на ель ворона взгромоздясь, позавтракать совсем уж было собралась, да призадумалась, а сыр во рту держала; я приду очень скоро, или совсем не приду; дело будет тянуться без конца, или сразу оборвется. <...>*

ХIV. Особую группу составляют частицы, «уединяющие» слова или группы слов и образующие из них «бесконечные» ряды однородных целых. Формальным выражением этой категории является, во-первых, повторяемость частиц, а, во-вторых, специфическая интонация. Они организуют то, что я называю «открытыми сочетаниями» (см.: Русская речь. I. С. 22). Сюда относятся *и – и..., ни – ни..., да – да..., или – или...* и т. п. Их можно бы для краткости назвать **союзами слитными**. Примеры известны: *И пращ, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы; меня ничто не веселило – ни новые игрушки, ни сказки бабушки, ни только что родившиеся котята.*

Примечание. Указанные слова имеют, конечно, некоторое сходство с частицами ХIII раздела, состоящее в находящейся перед ними паузе, которая и обуславливает общность их уединяющего значения. Однако специфическое значение слитных союзов в связи с их очевидными формальными признаками делает их ясно обособленными.

XV. Совершенно особую группу составляют частицы, выражающие отношение «определяющего» к «определяемому»¹³ между **двумя синтагмами** и объединяющие их в одно синтаксическое целое высшего порядка (в разделе XI дело происходило внутри одной синтагмы). Частицы эти удобнее всего назвать **относительными словами**. Сюда подойдет и то, что традиционно называют **союзами подчинительными** (*пока, когда, как, если, лишь только* и т. п.), но сюда подойдут и так называемые «относительные местоимения и наречия» (*который, какой, где, куда, зачем* и т. д.). Говорю «так называемые», потому что зачастую действительно нет причин видеть, например, в относительном слове *который* знаменательное слово, так как оно имеет лишь формы знаменательных слов, но не их значение. Сомневающиеся пусть попробуют определить, чем является *который* – существительным или прилагательным – во фразе *я нашел книгу, которая считалась пропавшей*¹⁴. Точно так же трудно признать наречие *когда* хотя бы и в таком примере, как *в тот день, когда мы переезжали на дачу, шел дождик*. Однако возможность контаминации двух функций – служебной (относительной) и знаменательной, особенно существительной, – несомненна. Можно бы даже говорить о «знаменательных относительных словах» (ср. знаменательные связки). Например: *гуляю, с кем хочу; отец нахмурил брови, что было признаком надвигающейся грозы*.

Формальными признаками категории относительных слов является общее всем служебным словам отсутствие фразового ударения, а также то, что эти слова входят в состав синтагмы с характерной относительной интонацией. То, что делает эту категорию особенно живой и яркой, – это ее соотносительность со словами знаменательными. *Когда вы приедете, мы будем уже дома. / Когда вы приедете? Я знаю, что вы пишете. / Что вы пишете? Год, в котором вы приехали к нам, для меня особенно памятен. / В котором году вы приехали к нам?*

Недаром относительность всеми всегда ощущалась как единая категория, хотя и фигурировала зачастую в двух разных местах грамматики.

Примечание. В косвенных вопросах мы видим контаминацию вопросительной, относительной и одной из знаменательных функций.

Оканчивая свое обозрение так называемых «частей речи» в русском языке, я начинаю слышать тот стон, который идет из учительских рядов: «Как все это сложно! Неужели все это можно нести в школу? Нам надо бы что-нибудь попроще, поотчетливее, попрacticalнее...».

К сожалению, жизнь людей не проста, и если мы хотим изучить жизнь, – а язык есть кусочек жизни людей, – то это не может быть просто и схематично. Всякое упрощение, схематизация грозит разойтись с жизнью, а главное, перестает учить наблюдать жизнь и ее факты, перестает учить вдумываться в ее факты. Важно не то, чтобы дети бойко и без ошибки, по старой или новой системе, классифицировали слова, а важно то, чтобы дети сами подмечали существующие в языке категории, вдумывались в слова, в их смысл и связи. <...>

Несомненно, что при обучении грамматике человек узнает одно слово как прилагательное, другое как глагол, не справляясь с определениями частей речи, а тем же в сущности способом, каким он узнает в том или другом животном корову или кошку. И дети могли бы этому выучиться так же, как они выучились различать обычных животных, то есть практически: им следует показать достаточное количество образцов и обратить их внимание на их различия. Я бы взял для этого небольшой связный текст, например какой-нибудь рассказ, и повторил бы его несколько раз, причем сначала напечатал бы курсивом все существительные. После того как они будут таким образом выделены и вкратце обсуждены с детьми, эти последние, вероятно, без больших затруднений узнали бы аналогичные существительные во всяком другом отрывке. Потом я повторил бы тот же самый рассказ, напечатав курсивом все прилагательные. Проходя таким образом различные классы слов, ученики понемногу приобретут тот «грамматический инстинкт», который необходим для дальнейших уроков по морфологии и синтаксису как родного, так и иностранных языков.

Примечания

¹ Не могу не вспомнить здесь с благодарностью книгу Д.Н. Овсянко-Куликовского «Синтаксис русского языка» (СПб., 1912), которая лет двадцать тому назад дала первый толчок моим размышлениям над этим предметом. Из новой литературы я более всего обязан книге Пешковского «Русский синтаксис в научном освещении» (М., 1938), которая является сокровищницей тончайших наблюдений над русским языком.

² Сам лишь с комическими целями употребляется в смысле существительного в выражениях вроде *сам пришел* (заимствовано из просторечья); *всяк* является более или менее фамильярным архаизмом.

³ Я не буду ничего говорить о категории грамматического рода, так как ничего не прибавлю к общеизвестному.

⁴ Что прилагательные могут быть неизменными и считаться все же прилагательными даже в тех языках, где прилагательные изменяются, между прочим, показывает старославянский язык: *испльнь*, *пръпрость* и др., хотя и не склоняются, однако являются прилагательными.

⁵ Вообще мнение, будто наречия по существу являются неизменяемыми, совершенно неосновательно: французское наречие *tout* согласуется в роде с прилагательным, к которому относится.

⁶ К этой же категории относятся и слова *много*, *немного*, *мало*, *сколько*, *несколько*, которые по недоразумению считаются наречиями: *я вижу несколько моих учеников / я ехал с несколькими учениками; в классе много детей / трудно заниматься со многими детьми* и т. д.

⁷ Признание категории лица наиболее характерной для глаголов (отсюда определение глаголов как «слов спрягаемых») в общем верно и психологически понятно, так как выводится из значения глагольной категории: «действие», по нашим привычным представлениям, должно иметь своего субъекта. Однако факты показывают, что это не всегда бывает так: *моросит*, *смеркается* и т. п. не имеют формы лица, однако являются глаголами, так как дело решается не одним каким-либо признаком, а всей совокупностью морфологических, синтаксических и *семантических* данных.

⁸ Под «формами слова» в языковедении обыкновенно понимают материально разные слова, обозначающие или разные оттенки одного и того же понятия, или одно и то же понятие в разных его функциях. Поэтому, как известно, даже такие слова, как *fero*, *tuli*, *latum*, считаются формами одного слова. С другой стороны, такие слова, как *писать* и *писатель*, не являются формами одного слова, так как одно обозначает действие, а другое – человека, обладающего определенными признаками. Даже такие слова, как *худой*, *худоба*, не считаются нами за одно и то же слово. Зато такие слова, как *худой* и *худо*, мы очень склонны считать формами одного слова, и только одинаковость функций слова типа *худо* со словами вроде *вкось*, *наизусть* и т. д. и отсутствие параллельных этим последним прилагательных создают особую категорию наречий и до некоторой степени отделяют *худо* от *худой*. Конечно, как и всегда в языке, есть случаи неясные, колеблющиеся. Так, будет ли *стол* формой слова *стол*? Это не так уж ясно, хотя в языковедении обыкновенно говорят об *уменьшительных формах* существительных. *Предобрый*, конечно, будет формой слова *добрый*, *сделать* будет формой слова *делать*, но *добежать* едва ли будет формой слова *бежать*, так как самое действие представляется как будто различным в этих случаях. Ср. *Adweichungsnamen* и *bereinstimmungsnamen* у O. Dittich [в] «Die Probleme der Sprachpsychologie» [Leipzig], 1913. В истории языков наблюдаются тоже передвижения в системах форм одного слова. Так, образования на *-л-*, бывшие когда-то именами лица действующего, вошли в систему форм славянского глагола, сделались причастиями, а теперь функционируют как формы прошедшего времени в системе глагола (*захудал*); эти же причастия в полной форме снова оторвались от системы глагола и стали прилагательными (*захудалый*). Процесс втягивания отглагольного имени существительного в систему глагола, происходящий на наших глазах, нарисован у меня в книге «Восточнолужицкое наречие» (Пг., 1915. Т. 1. С. 137).

⁹ [В обоих случаях] читать без запятой.

¹⁰ Или собственно считается *разделительным* союзом, но это едва ли выражается формально (не смешивать или = более или менее *то есть*).

¹¹ Почти каждый из примеров может быть прочтен и с запятой перед союзом – тогда они попадут в группу союзов присоединительных.

¹² Такое разное толкование может получить и пример Пешковского (Русский синтаксис... С. 325): *червонец был запачкан и в пыли* или *червонец был запачкан, и в пыли*.

¹³ Я употребляю здесь эти слова <...> в самом широком смысле.

¹⁴ Таким образом, подобно тому как существуют служебные слова спрягающиеся – связки, – возможны и служебные слова склоняющиеся.

Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Задания

1. Законспектируйте статью Л.В.Щербы.

2. В форме тезисов дополните соответствующей информацией §1 «Классификация частей речи» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Почему, по мнению Л.В.Щербы, «самое различие «частей речи» едва ли можно считать результатом «научной» классификации слов»?

2. Что понимает Л.В.Щерба под «внешними выразителями категорий», или «формальными признаками»?
3. Чем обусловлено «существование всякой грамматической категории» и от чего зависит степень ее яркости?
4. В чем различия между категориями знаменательных и служебных слов?
5. Перечислите основные формальные признаки существительных, прилагательных, наречий и глаголов.
6. Почему, по мнению Л.В.Щербы, «целый ряд так называемых «местоимений», порядковые числительные и причастия относятся к существительным и прилагательным»?
7. В чем специфика количественных слов и слов категории состояния?
8. Перечислите основные формальные признаки служебных слов (связок, предлогов, союзов, частиц), междометий.
9. Почему Л.В.Щерба выступает против всякого упрощения и схематизации учения о частях речи?

М.Ф. Лукин

О НОМИНАТИВНО-ГРАММАТИЧЕСКОМ ПРИНЦИПЕ КЛАССИФИКАЦИИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Язык является важнейшим средством общения членов коллектива, а также способом передачи опыта и знаний одного поколения другому.

Строительным же материалом языка является слово. Оно многоаспектно: может быть рассмотрено и в фонетическом, и в лексическом, и в словообразовательном, и в морфологическом, и в синтаксическом, и в стилистическом аспектах.

Цель настоящей статьи – рассмотреть (весьма кратко!) слово и группы однородных слов в частеречном аспекте как объект морфологии.

В современных вузовских учебниках противоречиво трактуется само понятие объекта морфологии. Например, И.Г.Милославский вслед за А.А.Зализняком считает, что морфология – только «одно словоизменение»¹. Это неточно: ведь словоизменение неразрывно связано с понятием флексии. Получается, что морфология – учение только о флексиях. Далее И.Г.Милославский утверждает, что «центральным объектом морфологии является морфологическая категория»². По нашему мнению, морфологические категории не могут быть центральным объектом морфологии хотя бы потому, что они вне частей речи не существуют. В морфологии содержание слов неотделимо от их формы, а их морфологические категории – от словоизменения. Поэтому подменять морфологию словоизменением или морфологическими категориями все же не следует: ведь понятие морфологии шире понятий словоизменения и морфологических категорий.

Думается, что наиболее четкое и ясное понимание предмета морфологии дано в вузовском учебнике Н.М.Шанского и А.Н.Тихонова: «В морфологию входит учение о частях речи. Она рассматривает семантические и формальные особенности слов различных разрядов, разрабатывает критерии и правила классификации слов по частям речи, определяет круг слов каждой части речи... выявляет закономерности взаимодействия частей речи»³.

В процессе развития науки о русском языке за последние два с лишним столетия (от М.В.Ломоносова и до наших дней) при описании частей речи ученые исходили из разных классификаций. Важнейшие из них: семантическая, формально-грамматическая, лексико-грамматическая, структурно-семантическая. Представители семантического направления (М.В.Ломоносов, А.Х.Востоков, А.А.Потебня, Д.Н.Овсянко-Куликовский) при классификации частей речи шли от содержания, от значения слов к их грамматической форме; представители формально-грамматического направления (Ф.Ф.Фортунатов, А.А.Шахматов, М.Н.Петерсон, А.М.Пешковский, Д.Н.Ушаков) – от грамматической формы слов к их значению, что в итоге дало не частеречную классификацию слов, а их деление на изменяемые и неизменяемые. Третья группа лингвистов (В.В.Виноградов, Е.М.Галкина-Федорук, А.Н.Гвоздев, Н.С.Поспелов) исходила из внутреннего единства содержания (значения) и формы слова. Их классификация, именуемая лексико-грамматической и ставшая теперь традиционной, в научном мире получила широкое признание. Однако она имеет весьма существенный недостаток: не за всеми словами (в частности, за местоимениями, междометиями, модальными и служебными словами) признается номинативность.

Структурно-семантическое направление, отраженное в «Русской грамматике» (М., 1980), основывается на взаимообусловленности формы и содержания, структуры и семантики классифицируемых слов. Такое понимание, несомненно, заслуживает положительной оценки. Но излишней здесь, на наш взгляд, является сугубая морфологизация частей речи, то есть «объединение морфологических форм слов на основе общности их словоизменительных морфологических значений, а также тех формальных средств, с помощью которых эти значения выражаются»⁴. Сугубая морфологизация – это чрезвычайно узкое понимание частей речи, приводящее к тому, что значительно обедняются числительные (выпадают из их системы, например, дробные и порядковые числительные, а слова *тысяча*, *миллион*, *миллиард* неправоммерно рассматриваются только как существительные), большая часть местоимений дробится и включается в другие части речи (существительные и прилагательные), неоправданно расширяется система прилагательных и т. д.

При классификации частей речи, как видим, наблюдалось настойчивое стремление группировать части речи по одному какому-либо одноаспектному принципу, в результате чего содержание отрывалось от формы или форма от содержания, что неизбежно приводило ученых к неудаче. Поэтому искать один какой-либо принцип частеречной классификации – дело безнадежное.

Еще одна интересная особенность названных частеречных классификаций состоит в том, что все они исходят, прежде всего, из специфики самих слов языковой системы: или из их содержания, или из их формы, или из единства содержания и формы, как будто языковая система является имманентной, то есть заключенной в самой себе и для себя, как будто ее объектом являются только слова и их отношения между собой. Номинация же в них игнорируется или же, в лучшем случае, отходит на задний план.

Для классификации частей речи необходим многоаспектный принцип. Таким принципом, думаю, может быть предлагаемый мною *номинативно-грамматический*. Сущность этого принципа заключается в том, что определять, классифицировать части речи нужно не по содержанию (значению) и не по форме (грамматическим признакам), и не по их единству, а прежде всего по трем основаниям:

- номинации,
- частеречному объекту,
- единству содержания и формы (лексическим и грамматическим признакам слова в их единстве).

Более подробно рассмотрим первое основание – *номинацию*.

Полагаю, что все слова, объединенные по признаку отражения ими однородных явлений действительности или нашего внутреннего мира, отражают прежде всего внеязыковую действительность, а поэтому все они номинативны, то есть являются носителями определенного номинативного значения. Об этом пишет и Д.Н.Шмелев: «...Слово является номинативной единицей, единицей наименования»⁵.

Номинация – название не только предметов, явлений объективной действительности, но и нашего внутреннего мира (чувств, настроений). Следовательно, номинация многообразна как сама действительность, данная нам в ощущениях, чувствах, в нашем сознании, а затем находящая выражение в словах, в языке. Полагаю, что следует различать шесть ее родовых категорий: 1) лексическую, 2) грамматическую, 3) ситуационную, 4) модальную, 5) эмоционально-императивную и 6) прямую. Такое широкое понимание номинации позволит отнести каждое слово нашей языковой системы к какой-либо части речи (в сфере выражения ею своей номинации). А *часть речи* – это видовая лексико-грамматическая группировка семантически однородных слов по какой-либо категории родовой номинации внеязыковой действительности. Каждая же часть речи имеет свой *объект*, который представляет группу каких-либо однородных реалий, явлений, один из видов какой-либо категории родовой номинации.

Лексическая номинация свойственна всем знаменательным словам (в соответствии с их частеречной спецификой). Она является объектом многих научных исследований.

Номинативное значение – именование референтов, объектов внеязыковой действительности и их свойств, а *лексическое* значение – словесная реализация какой-либо номинации, содержание слов, различающих отдельные предметы и явления.

Обычно считают, что служебные слова не имеют лексического значения, что им присуще только значение грамматическое. Однако служебные слова не лишены и лексического значения⁶. Тем более не лишены их слова лексической номинации.

Грамматическая номинация познается в сравнении с лексической. Как окружающий нас мир находит отражение в лексической номинации, так мир слов отражается в грамматической номинации. Есть ли различие между лексической и грамматической номинацией? Да, есть. Это различие между содержанием слова и его формой. Общность же – в единстве содержания слова и его формы, в их диалектическом единстве. Таким образом, грамматическая номинация также является отражением объективной действительности. Но это отражение опосредованное: оно связано с действительностью через лексические значения словоформ. Если лексическая номинация называет и различает отдельные предметы и явления, то грамматическая номинация различает целые классы предметов и явлений, а также отношений между ними. Грамматическая номинация оперирует такими понятиями, как грамматическое значение, грамматические способы его выражения, грамматические категории и грамматическая форма. Эти грамматические понятия представляют собой более высокую ступень обобщения и отвлечения, чем та, которая заключена в слове только как лексической единице.

Итак, **грамматическая** номинация – это номинация отношений между словами и их формами, отражающими взаимосвязь между явлениями объективного и нашего внутреннего мира.

Ситуационная номинация связана главным образом с местоимениями. Местоимения в современном русском языке – самостоятельная часть речи. Но в пределах древнерусского языка, как указывает В.В.Иванов⁷, в пределах синкретичного имени местоимения такой самостоятельностью не обладали. Совершенствование грамматического строя в процессе исторического развития языка привело к распаду синкретичного имени на четыре части речи – существительные, прилагательные, числительные и местоимения. Однако местоимения до сих пор сохраняют свое изначальное назначение – быть словами указания, отсылки, употребленными вместо повторного называния именных слов. Они «обслуживают» несколько частей речи, но в то же время не сливаются с ними. Поэтому у местоимений нет постоянного номинативного значения, но этим значением они все же обладают: им присуще ситуационное номинативное значение, то есть постоянно изменяющееся в зависимости от взаимоотношений любых предметов, их качеств или количеств, причем в высшей степени обобщенное, абстрактное. Именно эта ситуационная, постоянно изменяющаяся номинация местоимений и не позволяет включить их ни в систему существительных, ни в систему прилагательных, имеющих постоянную частеречную номинацию.

Перейдем далее к **модальной** номинации.

Известно, что модальность – это субъектно-объектное отношение содержания речи к действительности.

Модальные слова по своему звуковому и графическому облику соотносительны с омонимичными словами лексической номинации, потому что они формируются за счет перехода в их категорию слов с лексической номинацией на основе семантического переосмысления и грамматической дистрибуции. Например:

1) Правда сильнее вихря: что ни встретится на ее пути – сметет. (Пословица); 2) Водились за ним, правда, некоторые слабости. (Н.Гоголь).

В первом предложении *правда* – существительное с лексической номинацией «истина», выполняет функцию подлежащего. Во втором предложении слово *правда* уже не имеет ни лексической номинации существительного, ни синтаксической функции подлежащего. Употреблено оно в значении: «верно», «справедливо», «действительно» для выражения собственного отношения к сообщаемому и выполняет синтаксическую функцию вводного слова. Как видим, резкого изменения в самой семантике слова *правда* не произошло, изменился лишь характер его номинации, а именно: произошла трансформация слова с лексической номинацией явления объективного мира в слово субъективного отношения говорящего к высказываемому.

Специфика модальной номинации состоит в том, что ею выражается:

- категорическая утвердительность (*безусловно, конечно*);
- проблематическая достоверность (*вероятно, пожалуй*);
- последовательность выражения мыслей или их уточнение (*во-первых, во-вторых, точнее, вернее*);
- логически обусловленный вывод (*итак, следовательно*) и др.

Можно сказать, что модальная номинация – многоаспектное явление в языке, и формируется она за счет номинации лексической.

Таким образом, модальная номинация – это выражение субъективного отношения говорящего к сообщаемому: явлениям объективной действительности, окружающим нас людям или к самому себе (к своим переживаниям, настроениям, поступкам).

Эмоционально-императивная номинация представлена в основном междометиями и эмоционально-экспрессивными частицами. Междометия обычно понимаются как класс слов, служащих для непосредственного выражения чувств и воли говорящего, но не называющих их. Однако выразить чувство или волеизъявление – это в какой-то форме уже назвать их: ведь употребление междометий произвольно, в них заключено определенное общественно закрепленное содержание, которое и представляет собой эмоционально-императивную номинацию. Ср.:

Емче органа и звонче бубна
Мольв – и одна для всех:
Ох – когда трудно, и ах – когда чудно,
А не дается – эх!

(М. Цветаева).

Междометия не лишены определенной семантики, они, как и другие слова, «в своем значении отображают отраженные человеческим сознанием явления действительности, к которым принадлежит также все, относящееся к человеку и его переживаниям»⁸.

Известно, что эмоциональные и императивные междометия пополняются за счет процесса интеръективации – перехода в их разряд слов с лексической номинацией (*Батюшки! Каюк! Довольно!*). В них лексические значения несколько изменяются, однако полностью не исчезают. Поэтому иногда считают, что вряд ли их можно называть междометиями: в этом случае целесообразнее говорить лишь о междометном употреблении.

Итак, эмоционально-императивная номинация – это, в сущности, имплицитная, но все же словесная номинация непосредственно выраженных нами чувств и волеизъявлений.

Возникает вопрос: сколько же частей речи в современном русском языке?

Традиционная грамматика насчитывает 10 частей речи (изучаемых в школе). А по классификации В.В.Виноградова все слова русского языка делятся *прежде всего* не на части речи, а на четыре категории: 1) части речи, 2) модальные слова, 3) частицы речи и 4) междометия. Таким образом, части речи – только одна из четырех категорий слов. Она подразделяется на имена (существительное, прилагательное, числительное), местоимения, глагол, наречие и слова категории состояния, то есть в ней насчитывается только 7 частей речи⁹. Виноградовская классификация многоступенчата. На первой ступени (отделение частей речи от других категорий) наблюдается использование синтаксического принципа: к частям речи относятся не все слова, а только те, которые выполняют функции членов предложения. Если же слова не выполняют этой функции, то они относятся к какой-либо другой категории. На последующих ступенях деления используется лексико-грамматический принцип.

«Русская грамматика-80» отмечает 10 частей речи: имя существительное, местоимение-существительное, имя прилагательное, имя числительное, наречие, глагол, предлог, союз, частицы, междометия.

Наиболее приемлемой классификацией частей речи, отвечающей номинативно-грамматическому принципу, с нашей точки зрения, является классификация, предложенная в учебнике Н.М.Шанского и А.Н.Тихонова. В ней 15 частей речи: существительное, прилагательное, причастие, числительное, местоимение, глагол, наречие, слова категории состояния, деепричастие, модальные слова, предлог, союз, частицы, междометия и звукоподражательные слова. Какие-то частности этой классификации, конечно, могут вызвать возражения. Например, можно спорить о наличии у предикативов глагольных категорий времени и наклонения (приписанных им впервые В.В.Виноградовым), если они функционируют с *быть*, *стать* и другими вспомогательными глаголами-связками: *стало жаль*, *становится больно*, *делается досадно*. Вряд ли можно согласиться с тем, что предикативы имеют категории времени и наклонения: ведь если признать, что предикативы имеют эти категории, то нужно быть последовательным и признать их наличие и у ряда других частей речи, которые их лишены. Например, у существительного, прилагательного, числительного, местоимения (*был*, *будет*, *будь*, *был бы* + *студентом*, *зеленым*, *пятым*, *нашим*). В подобных случаях категории времени и наклонения имеют глаголы-связки, но не сами присвязочные слова.

Из классификации, предложенной Н.М.Шанским и А.Н.Тихоновым, можно исключить причастие и деепричастие как самостоятельные части речи, потому что они выражают значение действия, которое является частеречным объектом глагола. В отличие от обычного глагола значение действия у причастия осложнено атрибутивностью прилагательного и его грамматическими категориями, а у деепричастия – грамматическими признаками наречия. Следовательно, причастие и деепричастие не имеют собственного частеречного объекта, специфически отличного от частеречного объекта глагола, прилагательного или наречия, а поэтому выделение их в самостоятельные части речи нецелесообразно. Традиционная, школьная грамматика рассматривает их как особые формы глагола. И это вполне справедливо.

Но несмотря на отдельные спорные моменты, рассматриваемую классификацию можно принять, потому что в ней:

– деление слов дано сразу на части речи (по лексико-грамматическому принципу, как в традиционной грамматике, без предварительного рассмотрения их по синтаксическому принципу и последующего деления на категории слов); тем самым найдено удачное сочетание традиционной (школьной) и новой (вузовской) классификаций частей речи;

– охватываются все группы слов, не находящие места в традиционной частеречной классификации, а именно – предикативы и модальные слова;

– за всеми словами признается их содержательная сторона (то есть лексическое значение), в том числе и за служебными словами;

– звукоподражания признаны самостоятельными словами, а поэтому из сферы междометий они выделены в самостоятельную часть речи, которая имеет свою лексико-грамматическую характеристику.

На этом вопросе остановлюсь несколько подробнее. «Звукоподражания – это неизменяемые слова, которые своим звуковым составом воспроизводят издаваемые человеком, животными, предметами звуки»¹⁰: мяу-мяу, ку-ку, гав-гав, кукареку, бух. Хотя звукоподражания и воспроизводятся в речи людей, тем не менее они не являются средством их языкового общения.

Слово, а тем более его значение, не может непосредственно ни отражать, ни называть явлений внеязыковой действительности. Ведь язык, как известно, не является зеркальным отражением действительности. Язык – особый, специфический вид отражения окружающего нас мира. Действительность отражается прежде всего посредством наших ощущений (первая сигнальная система), затем через язык – лексические и грамматические значения слов (вторая сигнальная система). Таким образом, слово у человека – явление не врожденное, а приобретенное и в основе своей условно-рефлекторное. Прямого отражения действительности в слове нет. Авторы же учебника, как и А.М.Пешковский, отмечают, что в звукоподражаниях все значение «выражено именно в звуках». Что это значит? Что звукоподражания – исключительно редкий случай прямого отражения в слове объективной действительности, воспринимаемой нашими ощущениями и сознанием.

Таким образом, звукоподражания – тоже знак, как и слова других типов номинации, но основное их отличие в том, что это *прямая* номинация.

В зависимости от категории родовой номинации номинативно-грамматический принцип диктует выделение таких частей речи:

– *лексическая номинация* – имя существительное (частеречный объект – то, что может быть представлено как предметность, субстанция); имя прилагательное (качество, признак определяемой субстанции); имя числительное (счетная система и каждая лексико-грамматическая единица этой системы); глагол (действие предмета как процесс или состояние); наречие (непроцессуальный признак действия или качества предмета); предикативы (безличное недействительное состояние, выраженное наречно-именными формами); лексического значения не лишены слова и всех остальных частей речи;

– *ситуационная* – местоимения (указание, отсылка к только что названным существительным, прилагательным и числительным);

– *модальная* – модальные слова (субъективное отношение говорящего к сообщаемому);

– *эмоционально-императивная* – междометия (имплицитное наименование непосредственно выраженных наших чувств и волеизъявлений);

– *прямая* – звукоподражания (воспроизведение звуков, исходящих от предметов внеязыковой действительности);

– *грамматическая* – предлог (выражение отношений между формами имени в косвенных падежах и другими словами в предложении); союз (материально выраженное средство связи однородных членов, а в сложных предложениях – предикативных единиц); частицы (выражение различных дополнительных эмоциональных оттенков словами, словосочетаниями или целыми предложениями); свое специфическое грамматическое оформление имеют и все указанные выше части речи.

Итого – 13 частей речи.

Приведенная классификация, по нашему мнению, является научно оправданной. Поэтому на нее может опереться не только учебная (главным образом, вузовская), но и академическая грамматика. Однако сама проблема классификации частей речи все же останется «вечной проблемой», потому что язык находится в состоянии постоянного движения, непрерывного развития. Одной из основных причин изменения и развития морфологической системы языка, как известно, является частое употребление слов одной части речи в значении другой, то есть приобретение такими словами лексико-грамматических свойств, характерных для слов той категории, в значении которой они употреблены. Поэтому устойчивость, неподвижность системы языка всегда относительна. Относительна и изменчива и сама частеречная классификация слов.

Примечания

¹ См.: *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. С. 5. См. также: Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1981. С. 248.

² См.: *Милославский И.Г.* Морфологические категории... С. 5.

³ *Шанский Н.М., Тихонов А.Н.* Современный русский язык. Словообразование. Морфология. М., 1981. Ч. 2. С. 79.

⁴ Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 459.

⁵ *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика. М., 1964. С. 10.

⁶ См., например: *Рогожникова Р.П.* Служебные слова и принципы их лексикографического описания. М., 1974; *Лукин М.Ф.* О лексическом значении служебных слов // Русский язык и литература в школах УССР. 1983. № 5.

⁷ См.: *Иванов В.В.* Историческая грамматика русского языка. М., 1983. С. 253.

⁸ *Левковская К.А.* Теория слова, принципы ее построения и аспекты изучения лексического материала. М., 1962. С. 171.

⁹ См.: *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972.

¹⁰ *Шанский Н.М., Тихонов А.Н.* Современный русский язык. Словообразование. Морфология. С. 262.

Лукин М.Ф. О номинативно-грамматическом принципе классификации частей речи в современном русском языке // Русский язык в школе. 1992. № 1.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией § 1 «Классификация частей речи» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Какие типы классификаций слов по частям речи существуют в русской грамматике и в чем их суть?
2. Что представляет собой номинативно-грамматический принцип классификации слов по частям речи?
3. Какие виды языковой номинации выделяет М.Ф.Лукин и в чем заключается суть каждого вида?
4. Сколько и какие части речи выделяются в современном русском языке в соответствии с номинативно-грамматическим принципом?

ХАРАКТЕРИСТИКА СТРУКТУРЫ РОДА И ЕЕ КОМПОНЕНТОВ. ТЕНДЕНЦИЯ ИЗМЕНЯЕМОСТИ КАТЕГОРИИ РОДА В ОТНОШЕНИИ СТРУКТУРЫ И ОХВАТА ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА

Категория рода получает в лингвистической литературе отнюдь не единообразное истолкование, поэтому представляется целесообразным предпослать анализу современного состояния и развития этой категории в русском литературном языке некоторые положения, выясняющие ее сущность, структуру ее форм и их соотношений.

Категория рода относится к числу наиболее универсальных категорий грамматического строя русского языка, так как сфера ее функционирования охватывает три важнейшие части речи: имя существительное, имя прилагательное (в том числе и прилагательное-числительное, и прилагательное-местоимение) и глагол (формы прошедшего времени, сослагательного наклонения, причастия). С помощью форм рода достигается структурная спаянность и единство этих трех разрядов слов, столь резко различающихся по своим основным лексико-грамматическим особенностям.

Категория рода выступает на различных уровнях языковой структуры: синтаксическом, морфолого-словообразовательном и лексическом. Будучи одним из основных средств воплощения грамматического понятия предметности (субстанции) и включая в сферу своего действия весь чрезвычайно многочисленный словарный состав существительных, категория рода характеризуется, однако, большим разнообразием и сложностью форм своего обнаружения в разных слоях лексики.

Наибольшей универсальностью и единообразием обладает синтаксическая сторона обнаружения категории рода. Она состоит в том, что с формой рода существительного «согласуют» свои родовые формы поясняющие его слова (прилагательные, глаголы в значительной части своих форм): *новый костюм*¹ *висел* – *новая юбка висела* – *новое платье висело*.

Основной причиной отсутствия единообразия в морфологическом обнаружении рода является то, что различия между существительными мужского и женского рода выражаются разными морфологическими способами. Так, у одной группы существительных, противопоставленных в родовой системе по образцу *нос – рука*, родовые различия обнаруживаются уже в форме именительного падежа; конечные звуки – твердый согласный и гласный *a* – выступают в качестве отчетливых показателей родовой принадлежности. Окончания косвенных падежей играют здесь роль дополнительных, в какой-то мере, может быть, избыточных показателей рода². У другой группы существительных, противопоставленных по образцу *локоть – коготь*, формы именительного падежа совпадают и поэтому не могут служить родовыми различителями; здесь в этой функции выступают окончания косвенных падежей, то есть система склонения в целом. Ср.: *локоть – локтя – локтю – локтем – о локте* и, с другой стороны, *коготь – коготи – коготью – о коготи*.

В значительно большей мере, чем морфологическим разнообразием, формы обнаружения категории рода осложнены тем, что к конструируемой родом структуре относятся две существенно отличающиеся друг от друга группы форм. Первую группу составляют синтаксико-морфологические формы рода, не облеченные категориальной семантикой, в другую же группу входят синтаксико-морфологические формы, облеченные категориальной семантикой различий по биологическому полу, ср., с одной стороны, противопоставленность существительных *пол – стена – окно*, с другой стороны, противопоставления типа *учитель – учительница* и *лев – львица*.

Сочетание в структуре одной категории асемантических и семантических противопоставлений свидетельствует о ее большом своеобразии. Связи и взаимоотношения этих существенно различных составных частей одной структуры требуют обстоятельного изучения. К сожалению, многие из исследователей категории рода чрезвычайно мало внимания уделяли этой проблеме. Это, надо полагать, отчасти объясняется значительно большей распространенностью асемантических синтаксико-морфологических противопоставлений форм рода по сравнению с семантическими. Но ограниченный лексический объем грамматического явления не умаляет ведь необходимости углубленного изучения его грамматической сущности. Между тем, во многих из вышедших в последние десятилетия работ о роде основное внимание уделяется рассмотрению синтаксико-морфологического проявления этой категории, а семантические формы

рода рассматриваются попутно и вскользь. Такая трактовка рода встречается, в частности, в статье Н.Н.Дурново «La catégorie du genre en russe moderne»³. О сущности рода Н.Н.Дурново говорит: «Мы называем «родом» явление согласования существительных с поясняющими их прилагательными в том же падеже»⁴. Так понимая сущность категории рода, Н.Н.Дурново наметил следующую систему родовых форм. У существительных в единственном числе различаются четыре рода: 1) мужской – одушевленный, 2) мужской – неодушевленный, 3) женский и 4) средний. У существительных во множественном числе различаются два рода: 1) одушевленный, 2) неодушевленный.

Разбор семантических основ категории рода Н.Н.Дурново сводит к следующим замечаниям: «Невозможно установить семантическое различие родов в современном русском языке. Можно только наблюдать, что все слова, обозначающие лиц мужского пола, независимо от формы (*отец, дед, портной, слуга, мужчина* и др.) так же, как и обозначающие животных-самцов (*бык, жеребец, баран, козел, петух, гусак*) относятся к мужскому роду, тогда как названия лиц женского пола и животных-самок относятся к женскому роду (*жена, дочь, баба, учительница, докторша, корова, кобыла, гусыня* и др.); средний род охватывает преимущественно названия неодушевленных предметов, отвлеченных идей, собирательных понятий и, в виде исключения, несколько обобщенных названий одушевленных предметов, как *животное, насекомое, чудовище, страшилище*, к среднему роду относится и слово *лицо*, когда означает личность, а не часть тела»⁵.

Некоторые лингвисты вовсе исключают семантику из структуры родовых форм. Так, А.Б.Шапиро в ряде своих выступлений указывал, что только морфологическое проявление рода надо считать грамматическим явлением; те же значения различий по полу, которые присущи определенным группам одушевленных существительных, являются, по его мнению, элементами их лексических значений.

Нам представляется, что связи и взаимодействие семантических и асемантических родовых противопоставлений получают адекватное отражение в теории, если они будут рассматриваться как специфические особенности отдельных ярусов единой структуры рода. У обоих типов противопоставлений идентичные синтаксико-морфологические свойства, что дает основание считать их элементами единой структуры. Наряду с этим, следующие особенности существенно отличают один тип от другого.

1. Семантические противопоставления по своему лексическому составу корреляционны, ср.: *ученик – ученица, звеньевой – звеньевая, лев – львица* и т. д. Асемантические противопоставления лексически разобщены, дизъюнкты, ср.: *пол – стена – окно, лес – зима – вдохновение*. Конечно, асемантические родовые противопоставления могут быть более или менее разнородными по лексическому составу, ср. второй пример с первым, однако по самой своей природе они не могут представлять ряд слов, отличающихся друг от друга только по родовому значению.

2. Семантические родовые противопоставления двучленны, асемантические трехчленны. Трехчленность последних обусловлена наличием трех разных моделей синтаксико-морфологического оформления существительных в русском языке⁶, семантикой первых обусловлено то, что в них используются только две из трех существующих синтаксико-морфологических моделей.

3. В отличие от асемантических противопоставлений, в которых все три члена являются в одинаковой мере маркированными, так как в существительном каждого из трех родов синтаксико-морфологически обозначена его принадлежность именно к данному роду, в семантических противопоставлениях один из членов – обычно в этой роли выступает существительное мужского рода – является немаркированным⁷.

В силу этого некоторые существительные, хотя и противостоящие друг другу по роду как синтаксико-морфологически, так и семантически, но являющиеся в одинаковой мере маркированными (вследствие того, что у них в самих лексических значениях обоих членов противопоставления содержится указание на принадлежность к определенному полу, например: *муж – жена, брат – сестра, жеребец – кобыла* и т. д.), не могут быть включены во второй ярус родовой структуры. Эти слова занимают особое место в лексико-грамматической системе средств выражения различий по признаку пола. Формируемые этими существительными родовые оппозиции непосредственно примыкают к родовым противопоставлениям второго яруса родовой структуры, но не являются ими вследствие отсутствия в них немаркированного члена.

Приведенные факты обнаруживают качественное различие между лексическим и структурно-грамматическим выражением значения рода у одушевленных существительных. Отсюда следует несостоятельность вышеупомянутых утверждений, будто значение рода у всех одушевленных существительных является элементом их лексического значения. Подобное утверждение есть результат неразграничения существенно различных языковых фактов, из которых одни относятся к области лексических значений, другие – к грамматической структуре языка.

Внешне сходные с только что разобранными противопоставления типа *селезень – утка, боров – свинья* должны быть отнесены с некоторыми оговорками ко второму ярусу родовой структуры. В самом деле, обладая основными признаками семантических противопоставлений, они отличаются двумя особенностями: 1) в качестве немаркированного члена здесь выступает существительное женского рода, 2) противопоставленность осуществлена здесь не при помощи аффиксов, а посредством супплетивации. Обе указанные особенности внутренне связаны и в одинаковой мере обусловлены тем, что эти противопоставления возникли в лексической сфере, а в структурную сферу родовых различий смогли включиться вследствие того, что не содержат ничего противоречащего ее основным признакам⁸.

Семантические и асемантические родовые противопоставления, несмотря на указанные выше существенные различия между ними, представляют собой компоненты единой структуры, потому что все существительные мужского и женского рода одинаково субституируются местоимениями *он – она*, в которых семантические различия существительных разных ярусов нейтрализованы. Ср. под этим углом зрения русские местоимения *он – она* с английскими *he – she*⁹. В этой перспективе выделяется и особое место существительных среднего рода, так как эти существительные, субституируемые местоимением *оно*, не имеют вовсе точек соприкосновения с элементами второго яруса родовой структуры. <...>

Соответственно изложенным выше принципам построения родовой структуры, включающей все относящиеся сюда противопоставления, представляется возможным следующим образом определить категорию рода в современном русском языке. Категория рода – это совокупность форм существительных, прилагательных и глаголов, посредством которых осуществляются две разнородных, однако структурно связанных функции: а) достигается синтаксико-морфологическое единство существительного и поясняющих его слов, б) конструируются формальные противопоставления существительных, различающихся по признаку биологического пола. <...>

Выделением двух ярусов родовой структуры, синтаксико-морфологической и семантической, диктуется целесообразность подразделить всю проблематику категории рода на две части, которые должны исследоваться раздельно, с учетом, конечно, их взаимосвязанности.

Среди проблем, относящихся к сфере асемантических, синтаксико-морфологических форм рода, наибольшее значение имеют следующие:

1. Характерные черты синтаксико-морфологического механизма рода в русском языке. Более выразительной характеристике особенностей русского языка должны способствовать отдельные сравнения фактов русского языка с фактами других языков, прежде всего славянских.

2. Широта охвата каждым отдельным родом лексического состава существительных. Статистические данные здесь дополняются анализом семантических групп лексики, охватываемых каждым родом. Анализу подвергается семантика лексических групп, а не родовых противопоставлений.

3. Наблюдающиеся колебания в родовом оформлении отдельных групп существительных. Сопоставление под этим углом зрения фактов нашего времени с фактами XIX в.

4. Взаимодействие отдельных родовых групп и тенденции вытеснения одного рода другим. Здесь представляет большой интерес изучение влияния соответствующих процессов в народных говорах на литературный язык.

5. Границы распространенности и характер действия различных словообразовательных моделей в сфере каждого отдельного рода.

6. Большой интерес представляет распределенность по отдельным родам неологизмов советской эпохи. Эти факты проливают свет на ныне действующие тенденции синтаксико-морфологической структуры рода.

Ко второму разделу проблематики относится ряд вопросов, связанных со спецификой различных типов семантических родовых противопоставлений. Наибольшее значение имеет здесь:

1. Выяснение морфологических особенностей отдельных типов существительных, составляющих корреляционные родовые противопоставления.

Анализ различных типов противопоставлений выдвигает ряд вопросов о точках соприкосновения фактов словообразования с фактами формообразования¹⁰.

2. Раскрытие существа современных процессов возникновения так называемых самостоятельных форм рода глаголов и прилагательных.

Эти процессы вызваны тем обстоятельством, что некоторые группы существительных, лишенных родовых коррелятов, становятся элементами новых типов *семантических* родовых противопоставлений, реализующихся не синтаксико-морфологическими, а только синтаксическими средствами: *врач пришел – врач пришла*. <...>

<...> К структурным относятся такие изменения, как исчезновение форм рода у существительных множественного числа, изменение форм рода у существительных типа *воевода, владыка, судья*, переход существительных с суффиксами *-шко, -ище, -ло* из сферы среднего в сферу мужского рода.

Такие изменения структуры в сфере литературного языка наблюдаются и в настоящее время. Здесь должны быть упомянуты: а) морфологическое переформление слов мужского рода с суффиксом *-шко, -ло*, по парадигме склонения существительных на *-а*: *домишко, домишки, домишке* и т. д.; б) обусловленный переходом в средний род слов из других частей речи, а также взаимодействием с категорией безличности процесс дальнейшей формализации значения среднего рода, превращения формы среднего рода в «форму ради формы»¹¹; в) сюда же надо отнести те явления, которые А.М.Пешковский называл в свое время возникновением самостоятельных форм рода у глаголов: *врач пришел – врач пришла*.

Необходимо, однако, иметь в виду, что характерной чертой структурной изменчивости категории рода в литературном языке является ее предельная заторможенность действующими нормами. Действуя с силой, не уступающей силе юридических законов, нормы всемерно сдерживают любые проявления изменчивости в языке, который и сам по себе представляет «консервативную стихию». По меткому выражению Е.Д.Поливанова, отличительная черта развития литературного языка заключается, в частности, в том, что он с течением времени все меньше развивается. История дает немало поучительных примеров, свидетельствующих о том, что многим активным процессам изменчивости грамматических категорий, протекавшим в живой народной речи, господствовавшими нормами преграждался путь в литературный язык. Это же наблюдалось и в сфере категории рода.

В этой связи представляется необходимым подвергнуть критическому разбору некоторые содержащиеся в лингвистической литературе высказывания, в которых, как нам представляется, без достаточных оснований распространены на литературный язык процессы, протекающие в родовой структуре диалектов.

Известно, что в русской народно-диалектной речи уже в течение длительного времени интенсивно протекают процессы, направленные к исчезновению форм среднего рода вследствие замены их формами женского и мужского рода.

Эти процессы уже с конца прошлого столетия привлекали к себе внимание лингвистов и являлись объектом исследования и описания в работах А.И.Соболевского, Н.Н.Дурново, С.П.Обнорского, в статьях Н.П.Гринковой, С.С.Высотского и ряда других авторов. Некоторые исследователи, однако, полагают, что данные процессы из народной речи проникли и в литературный язык и произвели в его родовой структуре глубокие изменения. Наиболее категорично высказали такую точку зрения С.П.Обнорский и М.Н.Петерсон. Так, С.П.Обнорский в своей насыщенной богатым материалом работе о русском именном склонении утверждает: «В литературном языке, с его южновеликорусским по происхождению вокализмом, категория среднего рода находится в начальном процессе разрушения. Ср. имена на *-ко, -ло, -ище* и многие другие факты перехода первоначальных имен среднего рода на *-о* преимущественно в категорию имен женского рода на *-а*. Нет никакого сомнения в том, что если бы не известная традиция языковых форм и не нормы грамматик, следов разрушения категории среднего рода в литературном языке было бы значительно более. В живой южновеликорусской речи особенно сильно разрушение категории рода, в частности, именно среднего рода вплоть до полного его – в отдельных говорах – исчезновения из языка. Категория среднего рода, таким образом, как общий результат, в современной стадии русского языка в южновеликорусской области и отчасти в литературной речи должна быть признана наименее жизненной и жизнеспособной»¹².

Из цитированных положений следует, что к фактам разрушения категории среднего рода С.П.Обнорский относит не только переход имен с суффиксами субъективной оценки *-ко, -ло, -ище*, но и многие другие факты перехода из среднего рода существительных с незаконченным ударением, а затем и с ударением на конце. При этом совершенно определенно указывается, что эти факты характерны не только для народной речи, но в значительной мере и для литературного языка. В качестве иллюстраций приводятся некоторые цитаты из литературных произведений, например: *Какую ты имеешь полную праву?* (Л.Толстой. *Власть тьмы*); *А на нем пятно черная около правого уха* (И.Бунин. *Ночной разговор*) и др.

Подобного рода фактов в литературных произведениях, действительно, немало; в частности, значительное число их содержится и в произведениях советской литературы. <...>

Все приведенные цитаты, несомненно, являются яркими иллюстрациями фактов перехода существительных среднего рода в женский и мужской род. Однако нет оснований считать их фактами литературного языка. Все они встречаются не в авторской речи, а только в речи персонажей, притом только таких, которые явно не являются носителями литературного языка. Не подлежит сомнению, что подчеркнутые выражения для каждого носителя литературного языка выступают как резко противоречащие «традиции языковых форм и норм грамматики», и поэтому реальными фактами литературного языка считаться не могут.

Представляется, что из приведенных положений С.П.Обнорского, очень выразительно обобщающих тенденции развития категории рода в народной речи, в применении к литературному языку является актуальным вывод о том, что из всех категорий рода в современной стадии развития категория среднего рода должна быть признана наименее жизненной и жизнеспособной. Однако это обусловлено не только и даже не столько упомянутыми ... структурными изменениями, сколько меньшим (в несколько раз!) ростом лексического состава категории среднего рода, по сравнению с мужским и женским, что в значительной мере зависит от действия внеязыковых факторов.

Расширение или сужение лексического состава¹³, охватываемого различными родами (мужским, женским или средним), зависит прежде всего от того, в какой мере словообразовательные модели, относящиеся к тому или иному роду, способны удовлетворить потребности в обозначении возникающих в процессе общественного развития новых понятий. Очевидно, что чем большим кругом словообразовательных возможностей обладает тот или иной род, тем большая часть новой лексики будет вовлечена в его сферу.

Для исследования динамики развития каждого отдельного рода в отношении охвата лексического материала был подвергнут статистическому анализу, с одной стороны, весь современный состав существительных, с другой стороны, состав существительных-неологизмов советской эпохи. Ведь именно неологизмы показательны в отношении потенции каждого рода в охвате вновь возникающей лексики.

Всего по материалам обследованных современных словарей зафиксировано 33952 существительных. По отдельным родам они распределяются следующим образом: мужского рода – 15600 (46%), женского рода – 13884 (41%), среднего рода 4468 (13%). Следовательно, большинство существительных относится к мужскому и женскому родам, которые по количественному охвату существительных сравнительно мало отличаются друг от друга, между тем как средний род охватывает относительно незначительную группу существительных.

Несколько иные соотношения обнаружил С.С.Высотский в результате анализа группировки по родам имен существительных, употребляемых в разговорной речи крестьянской среды¹⁴. Всего им было проанализировано 5049 существительных, которые по отдельным родам распределяются следующим образом: мужской род – 2006 (40%), женский род – 2225 (44%), средний род – 818 (16%). Как видно, резких расхождений в распределении слов по родам нет. Различие только в том, что в литературном языке несколько преобладает мужской род, в крестьянской речи – женский¹⁵. Нельзя, конечно, упускать из виду, что данные С.С.Высотского характеризуют только группу диалектов крестьянской речи.

Общее количество существительных-неологизмов, обнаруженных в Словаре под ред. Д.Н.Ушакова, – 869. По отдельным родовым группам они распределяются следующим образом: мужского рода – 495 (57%), женского рода – 285 (33%), среднего рода – 89 (10%). Таким образом, только у существительных мужского рода удельный вес неологизмов выше удельного веса общего числа существительных: 46 – 57%; у существительных женского и среднего рода обратные соотношения: 41 – 33%; 13 – 10%. Процент всех неологизмов по отношению к общему числу су-

существительных 2,5; по отдельным родовым группам соответственно: 3,2 – 2 – 1,9%. В следующей таблице все эти данные сопоставлены.

Род	Количество существительных	Процент по отношению ко всем существительным	Количество неологизмов	Процент по отношению ко всем существительным данного рода	Процент по отношению ко всем неологизмам
Мужской	15 600	46	495	3,2	57
Женский	13 884	41	285	2,0	33
Средний	4 468	13	89	1,9	100
Итого:	33 952	100	869	2,5	100

Примечания

¹ Ø – означает нулевую форму.

² Ср. факты болгарского языка, лишеного, как известно, склонения, где конечные звуки неизменяемых по падежам существительных выступают в качестве единственных и достаточных морфологических показателей родовых различий, например: *нос – ръка*. Ср. также в русском языке морфологическое выражение различий между существительными мужского и среднего рода только в именительном и винительном падежах, так как окончания всех других косвенных падежей у них одинаковые.

³ См.: *Revue des études slaves*. 1924. Т. 4. Fasc 1–2. P. 208–221.

⁴ Там же. С. 208. Аналогичное определение рода дает и П.С.Кузнецов: «Категория рода, как и в современном языке, состояла (в древности.– *И.М.*) в том, что все существительные, то есть все слова предметного значения, разбивались на три класса (или рода) – мужской, женский и средний, причем различные слова, зависящие от существительных, а именно прилагательные, местоимения неличные, числительные, причастия, меняли свою форму в зависимости от того, определением (или сказуемым) при каком существительном они являлись» (*Кузнецов П.С.* Историческая грамматика русского языка. М., 1953. С. 34). Так же толкуется сущность рода и в работах, освещающих эту категорию в широком общелингвистическом плане. Следующее определение рода дает венгерский исследователь Фодор: «Род с синхронической точки зрения представляет собой грамматическую систему синтаксических соответствий, в которой член многоформенной парадигматической модели родоизменяемых элементов предложения согласуется с неродоизменяемым элементом предложения, и это согласование, сопровождаемое различием формы, не влечет за собой изменения в смысле данного отношения» (*Fodor J.* The origin of grammatical gender // *Lingua*. 1959. Vol. 8. 2. P. 212).

⁵ *Дурново Н.Н.* Указ. соч. С. 211.

⁶ В ряде других индоевропейских языков, например, во французском, литовском и других, имеются только две таких модели – мужского и женского рода; в языках другого строя, в частности, в ряде африканских языков, число этих моделей значительно больше.

⁷ Имеющий теоретическое значение вопрос о маркированности или немаркированности членов противопоставления получает иногда своеобразное преломление в практике языкового общения. Иллюстрацией может служить письмо, направленное работниками Московского детского универсального магазина в Институт русского языка АН СССР, в котором сообщается о том, что вывешенная в магазине надпись «Подарок первокласснику» вызвала претензии со стороны покупателей, заявивших, что этот текст вовсе игнорирует первоклассниц. Данное культурработником магазина объяснение, что слово *первоклассник* имеет в виду как мальчиков, так и девочек, оказалось неубедительным, и неудовлетворенные покупатели внесли соответствующую запись в книгу жалоб и предложений. Из такого рода фактов должны, конечно, быть сделаны определенные выводы. Они свидетельствуют о необходимости тщательного изучения степени рациональности существующих языковых норм и способов привития их массе говорящих.

⁸ Аналогичным образом включились в сферу структурных видовых противопоставлений супплетивные пары глаголов типа *говорить – сказать, брать – взять*.

⁹ Описанные отношения получили замечательное по своей выразительности и непосредственности отражение в следующем диалоге четырехлетнего ребенка с матерью:

– Мама, баран – он?

– Он.

– Овца – она?

– Она.

– А почему папа – он? Надо бы пап, а не папа. (Чуковский К. От двух до пяти. М., 1957. С. 44).

¹⁰ В.В.Виноградов замечает: «...в современном русском языке есть три разных типа парных соотносительных по родо-половому признаку имен существительных в категории лица: 1. *Муж – жена* или *суп-*

руг – супруга; 2. Учитель – учительница; колхозник – колхозница и т. п. 3. Причудник – причудница; озорник – озорница и т. п.

Парные слова первых двух разрядов – бесспорно, разные слова; коррелятивные слова третьего разряда ближе к формам одного слова, хотя и не являются таковыми» (Виноградов В.В. О формах слова // Известия АН СССР. М., 1944. Т. 3. Вып. 1). См. также: Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове. Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 27 и след.

¹¹ См. об этом подробнее: Виноградов В.В. Русский язык. М.; Л., 1947.

¹² Обнорский С.П. Именное склонение в русском языке. М.; Л., 1927. С. 65–66.

¹³ Могущее возникнуть возражение, что лексический состав, охватываемый отдельными грамматическими категориями, не может являться объектом грамматического исследования, несостоятельно. Лексический материал изучается здесь не сам по себе, а как мерило объема и продуктивности грамматических категорий.

¹⁴ См.: Высокский С.С. Утрата среднего рода в говорах к западу от Москвы. Доклады и сообщения Ин-та русского языка АН СССР. М., 1948. Вып. 1.

¹⁵ В этой связи обращает на себя внимание то, что некоторые слова, вошедшие в последнее время в обиход, относятся в литературном языке к мужскому роду, а в народной речи – к женскому. Ср. отражение этих факторов в произведениях литературы: Одна, говорят, надежда на бронепоезду (Вс.Иванов. Бронепоезд 14–69); Он сел на камень подле китайца, сказал: – Подбери ноги, штаны измочишь. Пошто на ми тингуне шел, Сенька? (Там же); – Вот замылют вас да еще в тюрьме за большевизму насидитесь! Шутки шутите? Время, вишь какое... (М.Шолохов. Тихий дон).

Мучник И.П. Характеристика структуры рода и ее компонентов. Тенденция изменяемости категории рода в отношении структуры и охвата лексического состава // Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией §1 «Имя существительное» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Почему, по мнению И.П.Мучника, категория рода относится к числу наиболее универсальных категорий грамматического строя русского языка?
2. Какими причинами осложнено обнаружение форм рода в русском языке?
3. В чем существенные различия между семантическими и асемантическими родовыми противопоставлениями?
4. Почему семантические и асемантические родовые противопоставления представляют собой компоненты единой структуры?
5. Как определяет категорию рода в современном русском языке И.П.Мучник?
6. Решение каких проблем, относящихся к сфере асемантических и семантических родовых противопоставлений, по мнению И.П.Мучника, имеет наибольшее значение?
7. Какие изменения структуры рода в сфере русского литературного языка наблюдаются в настоящее время?
8. Почему случаи перехода существительных среднего рода в мужской и женский род нельзя считать фактами литературного языка?
9. От чего зависит расширение или сужение лексического состава языка, охватываемого различными родами?
10. В каком соотношении в современном русском языке распределяются по родам имена существительные, существительные-неологизмы?

Л.А. Брусенская

О РАСПРЕДЕЛИТЕЛЬНОМ ЗНАЧЕНИИ ФОРМ ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Распределительное, или дистрибутивное (от лат. *distribucio* «распределяю»), значение форм единственного числа существительных обычно лишь вскользь упоминается в учебных пособиях, грамматиках и специально почти не исследовалось, хотя известно давно. Еще Ф.И.Буслаев писал об этих формах: «Имена употребляются в единственном числе вместо мно-

жественного, когда обозначают какой-нибудь предмет, в отдельности относящийся к каждому из многих, о которых говорится, например: *их грудь, голова, душа*¹. Ср., например:

Зимой носили они [горюхинцы] овчинный *тулуп*. (А.Пушкин). Повелено брить им *бороду*. (Он же).

Как правило, дистрибутивное значение проявляется у существительных с конкретным значением, среди которых особенно часто встречаются соматические (то есть относящиеся к телу, его строению) термины. Ср.:

Писаря встали и заложили перья *за ухо*. (А.Пушкин); Бунтовщики потупили *голову*. (Он же). ...Сельские маленькие девочки, переплетаясь руками, с остренькими глазами своими и цветочным венком *на голове*, тоже составляли маленькую публику. (А.Майков). ...Когда даже у занимающих высокие должности болит от мороза *лоб*. (Н.Гоголь).

Употребление соматических терминов в дистрибутивном значении настолько типично, что в ряде пособий по грамматике это значение тесно связывается с принадлежностью *лицу*. Ср.: «...Выделяют еще дистрибутивное (распределительное) значение форм единственного числа, обозначающих предметы, которые находятся во владении нескольких лиц или имеют одинаковое отношение к группе лиц, причем к каждому из лиц относится один экземпляр»².

Но думается, что более правильно – широкое понимание дистрибутивного значения. Так, В.В.Виноградов пишет: «Преобладающее использование форм единственного числа наблюдается в том случае, когда какой-нибудь предмет относится к нескольким лицам или предметам и присущ каждому из них порознь»³. Такое понимание дистрибутивного значения распространяется и на случаи типа:

Я увидел целую грудку книг в зеленом и синем бумажном *переплете*. (А.Пушкин). Да прикажи в городе купить колокольчиков – моим коровам на *шею*. (И.Тургенев).

Дистрибутивное значение свойственно существительным как в синтаксической функции дополнения (что отмечал А.А.Шахматов⁴), так и в функции подлежащего. Ср.:

...Из пышных *фижм* возвышалась, как стебель, их узкая *талиа*. (А.Пушкин). Да едва ли кто и спал из нас в ту ночь. Так был потрясен весь наш *организм*. (В.Вересаев). *Физиономия* мужа и жены не предсказывает ни спокойствия, ни тихой радости в будущем. (Он же).

В дистрибутивном значении могут употребляться и некоторые существительные с отвлеченным значением, имеющие соотносительные формы единственного и множественного числа. Такие существительные обозначают признаки, действия, состояния, характерные для многих лиц или предметов одновременно. Ср.:

В 1829 году Сибирь объехал жандармский полковник Маслов со специальной миссией – проверить состояние и *настроение* декабристов. (В.Чивилихин). По всем лицам разливается медовая *улыбка*. (А.Чехов).

В последнем примере форма единственного числа подчеркивает единообразие, свойственное выражению лица всех участников ситуации. Напротив, если подчеркивается разнородность, разнообразие, то предпочтительнее форма множественного числа (также в дистрибутивном значении):

Лев медленно поднялся на ноги. И тогда люди, стоявшие возле клетки, закричали страшными *голосами*. (Ю.Томин).

Нормативные грамматики, в которых уделяется внимание дистрибутивному значению форм единственного числа, как правило, опираются на иллюстративный материал из классической литературы XIX в. Изменилась ли норма употребления форм числа в дистрибутивном значении в современном русском языке? Как лучше сказать: *они опустили голову* или *они опустили головы*? Эти варианты не исследуются ни в коллективной монографии «Русский язык и советское общество» (где подробно освещаются другие факты «числового поведения» существительных в современном языке), ни в работе Л.К.Граудиной, В.А.Ицковича, Л.П.Катлинской «Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов».

С одной стороны, оценивая примеры из классической литературы, содержащие единственное число существительных, мы замечаем некоторую архаичность (ср. приведенные ранее примеры: *их узкая талиа, физиономия мужа и жены* и под.). Наше языковое сознание сегодня подсказывает в этих и подобных случаях форму множественного числа (*талии, физиономии*).

С другой стороны, формы единственного числа часто оказываются живыми, употребительными и в современном языке. Так, эти формы обычно используют учителя, обращаясь к ученикам: *Откройте учебник на странице...* Ведущий гимнастику обращается по радио к слушателям: *На-*

клоните голову, поднимите руку... (в последнем случае форма ед. числа избавляет от неточности, двусмысленности: ср. определенность команды *поднимите руку* и неопределенность команды *поднимите руки*). Ср. также:

В дипломах этих, украшенных государственным *гербом* и большой университетской *печатью*, удостоверялось, что мы с успехом сдали все испытания... (В.Вересаев). И не странно ли появление на эстрадных подмостках Днепропетровска вокально-инструментального ансамбля «Земляне» в одежаниях, украшенных американским *флагом*. (Правда. 1984. 22 мая).

Использование в приведенных примерах форм множественного числа могло изменить смысл (один или много гербов, флагов).

Единственное число предпочтительно и в тех случаях, когда наблюдается синкретизм двух значений – родового, обобщенного и дистрибутивного:

...Всю свою жизнь Михаил Александрович Шолохов был всегда с нами, разделяя *судьбу* простых людей... (Правда. 1984. 24 февраля).

В этом примере в существительном *судьба* объединяются два значения – обобщенное и дистрибутивное. Судьба – это то, что присуще каждому, что у каждого свое, отдельное, неповторимое (дистрибутивное значение); судьба – одновременно и то, что объединяет людей, нечто общее. Ср. также:

Но главное, чем должны обладать соратники, – это *талант* (Э.Рязанов).

В.В.Виноградов отмечал, что преобладающее употребление форм единственного числа в дистрибутивном значении имеет место «при стилистическом уклоне к общему отвлечению, к родовому обозначению»⁵.

Формы единственного числа употребляются и в тех случаях, когда в единственном числе сочетаются два лексических значения: конкретное и более отвлеченное, основанное на конкретном. Ср.:

Какие меры предпринимаются для того, чтобы зима не застала читинцев в *летнем платье*? (Сов. Россия. 1985. 29 августа) (речь идет о подготовке к зиме отопительных систем); Невозможно представить себе, что все эти «блищновоселы» стали жертвами стихийного бедствия, что у них рухнула *крыша* над *головой*. (Лит. газета. 1986. № 2).

Читинцы в летнем платье – в данном контексте – жители, не подготовленные к зиме, с неотремонтированными отопительными системами и т. п. В существительном *крыша* (второй пример) также объединяются два значения: 1. «Кровля»; 2. «Жилище в целом, место жительства». Выражение *рухнула крыша* двузначно: в сознании читателя присутствует и первое («обвалилась, упала крыша»), и второе, переносное («жилище пришло в негодность», хотя может быть, и не в такой степени, что вовсе нет крыши над головой). В подобных случаях употребительна только форма единственного числа, ибо форма множественного числа внесла бы ненужную конкретизацию и разрушила бы вторичное значение. Ср. аналогичный пример:

Скажем, в хозяйства Ульяновской, Кировской областей семена практически не завозят. И нынче намерены обойтись в основном своими запасами. А вот у многих – совсем иная картина. Ежегодно в центральные органы едут с *протянутой рукой* из Узбекской, Таджикской ССР, Красноярского края... (Правда. 1987. 22 декабря).

Дистрибутивное значение двойственно, синкретично по своей сути: числовая форма имеет одновременно два смысла – «один» и «много». Предмет, названный формой в дистрибутивном значении, единичен, но речь идет о многих обладателях, а значит, появляется и другой элемент смысла – «много». Отсюда и возможность употребления не только форм единственного числа, но и форм множественного числа, иногда даже в одном предложении. Ср.: Люди шли, обвязавши *носы и рты платком*. (Л.Толстой).

Ф.И.Буслаевым подмечен случай, когда обязательной будет именно форма множественного числа: если «один и тот же предмет относится в отдельности к разным, названным одним собирательным именем единственного числа, то название этого предмета ставится в «множественном числе»⁶. Ср.:

Народ снял *шапки*. (А.Пушкин). Народ в экстремальных условиях может выстоять: скажем, война – народ подтянул *пояса* и выстоял. (Лит. газета. 1987. № 36). В таком потрясенном состоянии общество вскоре надело *шинели* Великой Отечественной. (Лит. газета. 1988. № 16).

«В случаях выбора каждый раз одного элемента из объемлющей совокупности, особенно когда это подчеркивается выделяющими (индивидуализирующими) прилагательными, употребляется лишь множественное число, ср.: *Женищины бросились в воду как были в богатых, празд-*

нично расцвеченных юбках (невозможно «в богатой, празднично расцвеченной юбке»)»⁷. Некоторыми авторами делались попытки связать преимущественное употребление единственного или множественного числа в дистрибутивном значении со стилем или жанром текста. Так, А.А.Ломовцева пишет: «Употребление множественного дистрибутивного характерно для разговорной и диалогической речи»⁸. А по свидетельству Е.П.Захаровой, в разговорной речи множественное число с дистрибутивным значением встречается очень редко⁹. Думаем, что эти разногласия не случайны. Дело в том, что употребление формы единственного или множественного числа существительных в дистрибутивном значении зависит от общего смысла высказывания, от характера сочетаемости формы в данном значении с другими словами в предложении. Именно эти факторы играют решающую роль в выборе единственного или множественного числа, а не жанровая или стилевая принадлежность текста, в котором используется числовая форма с дистрибутивным значением.

Примечания

¹ Буслав Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 416.

² Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М., 1976. С. 57.

³ Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972. С. 133.

⁴ См.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Л., 1941. С. 443.

⁵ См.: Виноградов В.В. Русский язык. С. 133.

⁶ Буслав Ф.И. Историческая грамматика русского языка. С. 416.

⁷ Ревзин И.И. Так называемое немаркированное множественное число в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1969. № 3.

⁸ См.: Ломовцева А.А. «Нарушенное» число как явление семантико-стилистического плана // Вопросы стилистики. Л., 1976. Вып. 2.

⁹ См.: Захарова Е.П. Вариантное употребление форм числа существительных // Вопросы стилистики. Саратов, 1986. С. 157.

Брусенская Л.А. О распределительном значении форм единственного числа существительных // Русский язык в школе. 1988. № 6.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией § 1 «Имя существительное» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Существительные каких лексико-грамматических разрядов могут употребляться в дистрибутивном значении?
2. Изменилась ли норма употребления форм числа в дистрибутивном значении в современном русском языке по сравнению с языком XIX века?
3. От чего зависит употребление формы единственного или множественного числа существительных в дистрибутивном значении?

В.М. Павлов

О РАЗРЯДАХ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

<...> Основные трудности классификации прилагательных связаны с определением значения относительного прилагательного. При этом спорным является не только противопоставление «относительное – притяжательное», но и противопоставление «качественное – относительное». Обобщить существующие очень разнообразные и подчас недостаточно ясные высказывания о различиях между качественными и относительными прилагательными довольно трудно. Однако все же здесь можно наметить две основные группы. Поиски грани между качественными и относительными прилагательными идут обычно в двух направлениях – выясняется, *что* и *как* выражают прилагательные этих разрядов. В одной части исследований (хотя следует оговориться, что иногда оба направления представлены у одного и того же автора) при

разграничении качественных и относительных прилагательных указывается преимущественно на неоднородность того, *что* они выражают, на противопоставление «относительного» признака «качественному». Подобным образом подходили к этому вопросу, например, А.Х.Востоков, Е.Ф.Будде, Н.Н.Дурново, А.М.Земский и другие авторы учебника, Н.С.Поспелов. Таков же в основном и взгляд В.В.Виноградова на характер различий между качественными и относительными прилагательными¹. Согласно этой точке зрения, оба разряда прилагательных объединяет преимущественно общность грамматического значения имени прилагательного как части речи и функционального отношения этой части речи к существительному.

Наиболее четкую формулировку второй точки зрения находим у А.А.Шахматова, считающего, что относительные прилагательные «являются названиями свойств, характеризующих отношение одного предмета к другому»². Подобный же взгляд представлен в работах В.Н.Сидорова, С.И.Абакумова, А.В.Исаченко. Здесь имеется стремление обнаружить за непосредственно представленным в морфолого-семантической структуре относительного прилагательного предметным отношением еще и другое значение, более глубокое, опосредованное первым. В этом «втором ярусе» значения относительного прилагательного усматривается отражение известных свойств определяемого, которые характерны для предметного отношения, составляющего «первый ярус» значения относительного прилагательного. С этой точки зрения различие между относительным и качественным прилагательным заключается преимущественно в том, как прилагательное выражает свойства определяемого – непосредственно или путем указания на отношение к другому предмету. Таким образом, единство обоих разрядов утверждается на более широкой основе, на основе однородности не только грамматического, но в большой мере и лексико-семантического аспекта их значения. Это представление лежит, очевидно, и в основе утверждения качественности прилагательных обоих разрядов, например, в работах А.М.Пешковского и Л.В.Щербы.

Обе изложенные концепции, отражающие определенные действительные черты объекта исследования, не свободны от недостатков. Так, если принять, что относительное прилагательное выражает не качество, а отношение, то отсюда следует утверждение смысловой равнозначности, скажем, словосочетаний *книжная полка* и *полка для книг*, *башенный кран* и *кран на башне*, *тюремная стена* и *стена тюрьмы* и т. п. В.В.Виноградов говорит в одной из своих работ, что «относительные прилагательные» являются синонимическими заместителями предметных или обстоятельственных определений, выраженных формами косвенных падежей имен существительных или наречием времени и места»³. Однако равнозначные синонимы, в том числе грамматические, являются в языке редким исключением. О том, что смысловые возможности относительного прилагательного во всяком случае не покрываются смысловыми возможностями косвенных падежей (с любыми предлогами), свидетельствуют, например, словосочетания *ветряная мельница*, *промышленное производство*, *угольная шахта* и т. п.

Вторая, в целом более содержательная, концепция сводит различие между качественными и относительными прилагательными преимущественно к разным способам выражения принципиально однородной семантической категории качества. Тем самым создается опасность нивелирования смысловых различий между данными разрядами.

Ценной представляется мысль о том, что относительное прилагательное тоже выражает какое-то качество предмета. В общем соглашаясь с этим, мы попытаемся, однако, показать, что качественные и относительные прилагательные различаются не только по способу качественной характеристики предмета, но и по содержанию выражаемых ими признаков. Обычно при выяснении семантического различия между этими разрядами прилагательных в первую очередь обращают внимание на противоположность способов выражения признака – выражается ли он непосредственно или опосредованным путем, через отношение к предмету⁴. Однако многие отыменные прилагательные, сохраняющие живую, отчетливо осознаваемую говорящими смысловую связь с предметным значением производящей основы, воспринимаются (и характеризуются в грамматиках) как качественные; ср., например, *дырявый*, *волосатый*, *узорчатый*, *червивый* и мн. др. К качественным могут относиться, следовательно, и производные прилагательные с указанием на отношение к предмету. Существенным для определения такого прилагательного как качественного является неизменность лексического значения предметного отношения, выражаемого основой прилагательного, при разных определяемых (ср.: *червивое яблоко*, *червивый гриб*, *червивое мясо* и т. п.). Семантика таких производных прилагательных может быть определена независимо от того,

при каких конкретных определяемых они употреблены, примерно как «имеющий то, на что указывает производящая основа».

К.С.Аксаков очень удачно сформулировал определение грамматического понятия «качество»: «качество есть отвлеченная и понятая та общая сторона предмета, которая в нем находит осуществление, но которая не принадлежит ему непременно и, как общее, может принадлежать всякому явлению»⁵. Это определение помогает нащупать грань, отделяющую качественные прилагательные от относительных. Относительные прилагательные *глазной, ветровой, автомобильный, световой, производственный* и т. п. при выделении из словосочетаний с существительными выражают общее и совершенно абстрактное «отношение к чему-либо». Это объясняется тем, что в различных словосочетаниях они выражают различные и весьма дифференцированные отношения. Например, прилагательное *автомобильный*, может определять большое число существительных: *сигнал, завод, парк, груз, след, шина, стоянка, дорога, смазка, авария, инспекция, колонна, сообщение, гонки* и мн. др. При этом общим у этих понятий является особо не определяемое отношение вообще к понятию «автомобиль», чем и ограничивается лексическое значение прилагательного *автомобильный* как отдельного слова. Но, определяя его значение как «относящийся к автомобилю», мы формулируем лишь общий смысловой стержень, основу действительного выражения в сочетаниях с разными определяемыми различных «качеств» этих последних, которые принадлежат уже только каждому из них. В относительном прилагательном, следовательно, заключено значение не «относящийся *вообще* к данному предмету», а «относящийся *тем или иным образом* к данному предмету»: «завод, на котором изготавливаются автомобили», «гонки, в которых спортсмены соревнуются в скорости езды на автомобилях», «инспекция, осуществляющая надзор за правильностью эксплуатации автомобилей» и т. п.

Возможность выделения в семантике отдельного относительного прилагательного (например, для характеристики его значения в словаре) каким-либо образом, хотя бы и в самом общем виде, дифференцированного отношения зависит от того, насколько регулярно применяется прилагательное со значением данного отношения к *разным* определяемым. Семантика производящей основы прилагательного (в которой отражены действительные свойства предмета, в том числе и возможные отношения его к другим предметам) иногда сама предполагает повторение одинакового предметного отношения в большом числе (а иногда в большинстве) атрибутивных словосочетаний с этим прилагательным. Чаще всего различные предметы относятся, например, к *стене* таким образом, что они помещаются *на стене* или *в стене*: *стенные часы, стенной карниз, стенная живопись; стенная ниша, стенной проем, стенной шкаф* и т. п. Аналогичны в этом отношении многие прилагательные, например, от названий пространственных и временных понятий: *местный, боковой, июльский, годовой*; от названий материалов: *каменный, медный, стеклянный*, а также прилагательные, образованные от предложных сочетаний: *заречный, подземный, послевоенный* и т. п. По своей семантике такие прилагательные сближаются с качественными, хотя отличаются от них отсутствием меры выражаемых ими признаков, а также тем, что в случае постоянства и типичности определенного отношения для данного определяемого на это отношение так же, как в остальных относительных прилагательных, наслаивается выражение признаков, характерных для типа предметов (*стенные часы*).

Значение конкретизированного определенным образом отношения не принадлежит семантике относительного прилагательного как отдельного слова, но входит в семантику словосочетания. Тем самым словосочетание с относительным прилагательным оказывается в определенном смысле неразложимым, а именно в том смысле, что выражение мысли в нем не ограничивается передаваемым морфолого-семантической структурой прилагательного «отношением вообще» к соответствующему предметному понятию⁶. Поэтому же в атрибутивном словосочетании с качественным прилагательным и словосочетании с относительным прилагательным поразному представлено соотношение сигнификативной и номинативной функций. Если *этот большой стол* воспринимается как единичное преимущественно по отношению к *стол вообще*, то *эти ручные часы* – как единичное преимущественно к *ручные часы*, а не к *часы вообще*. Очевидно, словосочетание с относительным прилагательным является в современном русском языке одним из средств выражения понятий или представлений о двух классах предметов или явлений, соотносящихся между собой как вид с родом. Характерное для данного определяемого предметное отношение, выраженное известным относительным прилагательным, представлено в словосочетании как типическое постоянное свойство определяемого. При этом семантика словосочетания как целого обогащается рядом дополнительных признаков, наслаивающихся

на основной смысловой стержень – выраженное в относительном прилагательном предметное отношение. Действительно, смысловое содержание словосочетания, например, *ручные часы*, не ограничивается лишь указанием на типичное для таких часов местоположение, а включает и другие признаки, перечислять которые здесь нет надобности. И это именно потому, что данное словосочетание называет определенную типическую разновидность класса предметов, для которой, естественно, характерен не один признак, а целый ряд их.

Грамматический способ выражения признака относительными прилагательными стоит в непосредственной связи с особенностями их семантики. В отличие от суффиксов *-ав-*, *-ат-*, *-чат-*, *-ив-* и других, которые, как правило, вносят в выражаемое производным прилагательным отношение ту или иную дифференциацию, суффиксы *-ов-(-ев-)* и *-н-*, при помощи которых образуется основная масса собственно относительных прилагательных, выражают сами по себе лишь недифференцированное предметное отношение. Именно благодаря этому относительное прилагательное может использоваться для выражения разнообразных действительных предметных отношений и на их основе как бы «комплексных» характеристик выделяемых разновидностей более общих классов предметов. Значение относительного прилагательного глубоко качественно, но оно одновременно существенно отличается от значения прилагательных, которые принадлежат к разряду качественных. Если в значении качественного прилагательного отражается *одно общее свойство предметов разных классов*, то в качественном аспекте семантики относительного прилагательного отражено представление *о качестве данного класса предметов*, тех отличительных чертах, по которым он выделяется из более общего класса предметов как разновидность последнего.

Необходимо коснуться еще одной стороны значения относительного прилагательного. В относительном прилагательном за вычетом категориального значения этой части речи остается предметное значение его основы. Одна и та же основа входит в состав относительного прилагательного и соответствующего существительного, получая в этих случаях различное грамматическое оформление, например, *стен-* в *стенной* и в *стена*. На грамматических значениях падежа, числа и рода имени существительного базируется ряд различных потенциальных вариантов номинативного отношения слова к реальному предмету. Что касается относительного прилагательного, то весьма существенной чертой его семантики является максимальное обобщение «вещественного» значения его основы: *стенной* относит мысль к *стена* вообще. Это положение представляет интерес в связи с двумя вопросами, которые следует вкратце затронуть.

Во-первых, оно касается противопоставления «относительное – притяжательное». Нужно подчеркнуть правильность той точки зрения, согласно которой собственно притяжательными считаются прилагательные, обозначающие отношение к единичному лицу, как правило, отношение владения: *братнин, сестрин, бабушкин, Катин, отцов* и т. п. Необходимо, однако, отметить и некоторые особенности прилагательных с суффиксами *-ск-* и *-j-* (*господский, хозяйский, волчий* и т. п.), которые побуждают часть исследователей объединять «личные» и «родовые» притяжательные в одну группу и часто рассматривать эту группу как подвид относительных прилагательных. Нельзя отрицать того, что в грамматическом значении суффиксов *-ск-* и *-j-* заключена известная конкретизация общего предметного отношения в сторону принадлежности и владения, что отличает прилагательные типа *хозяйский, волчий* от других относительных прилагательных. Если к тому же в составе словосочетания значение целого не будет расходиться с суммой значений компонентов, а речевая ситуация определит единичную предметную отнесенность, то такие прилагательные в большой мере сблизятся с собственно притяжательными (ср. *хозяйский топор, хозяйское ведро*). Здесь, однако, следует иметь в виду, что значение принадлежности является достаточно абстрактным и – что очень важно – само по себе не имеет специфических экспрессивно-эмоциональных оттенков; кроме того, в большинстве случаев в рассматриваемых прилагательных оно становится основой различных качественных характеристик предметов: *лисий мех, медвежья берлога, господская гостиная, хозяйское отношение к добру* и т. п. Эти стороны семантики прилагательных на *-ск-*, *-j-* сближают их с относительными. Решающим моментом, который позволяет объединить прилагательные на *-ск-*, *-j-* с обычными относительными, является, на наш взгляд, «родовой» характер значения их предметных основ.

Во-вторых, предельно обобщенный характер предметного значения производящей основы относительного прилагательного и общее грамматическое значение имени прилагательного как средства выражения признака, данного в определяемом предмете, противопоставляет относительное прилагательное приименному родительному падежу и прочим формам атрибута – су-

существительного. Для суждения о различии грамматических значений атрибутов в сопоставимых словосочетаниях типа *крепостной вал – вал крепости* не утратило своей ценности высказывание А.А.Потебни о том, что «разница между определительным прилагательным и определительным существительным состоит в том, что в последнем признак не прямо приписывается известной субстанции, а через посредство другой субстанции»⁷. Отсутствие единичной предметной отнесенности в семантике производящей основы относительного прилагательного обуславливает особую степень семантической цельности словосочетаний типа *крепостной вал* по сравнению со словосочетаниями типа *вал крепости*.

В связи с проблемой, которой посвящена настоящая статья, исключительный интерес представляет вопрос о развитии качественных и качественно-оценочных значений в относительных прилагательных, а также некоторые смежные с этим вопросы (своеобразие полисемии прилагательных, совмещающих в своей смысловой структуре качественные и относительные значения, индивидуально-творческое использование, в частности, смысловых возможностей относительных прилагательных, исторические тенденции развития семантики и функций отыменного прилагательного в русском языке и некоторые другие). Однако эти вопросы требуют особого рассмотрения.

Примечания

¹ Ср.: «Семантической основой имени прилагательного является понятие качества» (*Виноградов В.В.* Русский язык. М.; Л., 1947. С. 182), но: «относительные прилагательные... обозначают не качество, а предметно-конкретное отношение» (*Современный русский язык. Морфология. М., 1952. С. 176*). Правда, В.В.Виноградов подчеркивает нестойкость относительных значений: «во всех относительных прилагательных потенциально заложен оттенок качественности»; «по всем направлениям видны признаки экспансии качественных значений в смежные области предметно-относительных и действительно-причастных образований» (*Виноградов В.В.* Русский язык. С. 205, 208). Но нестойкость относительных значений представляется сомнительной, если учесть другие замечания В.В.Виноградова, например, о том, что граница между качественным и относительным значением, «по большей части, проходит внутри одного и того же слова» (Там же. С. 204); следовательно, развивающееся качественное значение, как правило, не вытесняет относительное, а совмещается с ним.

² *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. С. 494.

³ *Современный русский язык. Морфология. С. 176.*

⁴ См., например: *Грамматика русского языка. М., 1952. С. 281.*

⁵ *Аксаков К.С.* Конспект последних двух отделов первой части русской грамматики // Полн. собр. соч. М., 1880. Т. 3. С. 112.

⁶ Такое словосочетание, естественно, разложимо в том смысле, что значение определяемого прямо соотносится со значением, которым оно обладает как единица словарного состава: «автомобильная шина» – один из видов «шин» и т. п. Нарушение прямой семантической соотнесенности существительного в составе такого словосочетания с этим же словом как единицей словаря приводит к полной неразложимости словосочетания: *детский сад* и т. п.

⁷ См.: *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. 2-е изд. Харьков, 1888. Ч. 1–2. С. 99. Мысль о выражении в атрибутивном словосочетании с несогласующимся существительным отношения двух предметов проводят А.М.Пешковский, А.А.Шахматов, А.Н.Гвоздев.

Павлов В.М. О разрядах имен прилагательных в русском языке // Вопросы языкознания. 1960. № 2.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией § 2 «Имя прилагательное» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Как в лингвистической литературе рассматривается вопрос о единстве и различии качественных и относительных прилагательных русского языка?

2. Какие аргументы приводит В.М.Павлов в доказательство того, что «качественные и относительные прилагательные различаются не только по способу качественной характеристики предмета, но и по содержанию выражаемых ими признаков»?

3. Как положение о том, что существенной чертой семантики относительного прилагательного является максимальное обобщение «вещественного» значения его основы, связывается В.М.Павловым с противопоставлениями **относительного** прилагательного **притяжательному, относительного** прилагательного **форме родительного падежа** существительного?

М.Ф. Лукин

О ШИРОКОМ И УЗКОМ ПОНИМАНИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ГРАММАТИКАХ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Синхронное изучение морфологической системы современного русского языка, современных грамматических форм немыслимо без диахронии, без рассмотрения истории их развития. На органическую связь исторической морфологии с современной указывает В.В.Иванов: «...В области исторической морфологии завершающим моментом служит установление характера того или иного явления на конечном этапе его развития. Этим конечным этапом является современный русский язык. Следовательно, в исторической морфологии развитие тех или иных явлений начинается рассматриваться с момента появления первых памятников письменности и завершается установлением характера данного явления в современном русском языке»¹. От истоков к современности и от современности к истокам – основной принцип рассмотрения развития грамматических форм, столбовая дорога исследования морфологии.

В этой статье мы рассмотрим некоторые трактовки лексико-грамматических форм имени прилагательного на синхронном срезе современности.

В настоящее время в грамматиках современного русского языка существует узкое и широкое понимание прилагательных.

Узкое понимание – традиционное, отражающее эволюционное развитие учения о прилагательных как атрибутивного признака предмета, выраженного одним из прилагательных качественное, относительное или притяжательное лексико-грамматического разряда.

Качественные прилагательные по характеру проявления признака делятся на две группы: градуационные и статические. Первая – прилагательные, обозначающие градуационный признак предмета (*светлый, красивый*), то есть признак подвижный, способный проявляться в большей или меньшей степени. Поэтому градуационные прилагательные имеют полную и краткую формы, а также степени сравнения. Прилагательные второй группы называют признаком статический (постоянный, абсолютный): *вечный, глухой, кофейный, сыпучий, обледенелый*. Прилагательные этой группы не имеют признаков, характерных прилагательным первой группы, или имеют их частично.

Наиболее полное изложение традиционного учения о прилагательных находим у Н.Ю.Шведовой, А.Б.Шапиро и В.В.Виноградова в «Грамматике русского языка» (1952).

Прилагательные в **широком** понимании – это слова, не зависящие от своей частеречной принадлежности, но имеющие форму имени прилагательного и называющие признак определяемого предмета (*интересная книга, оловянный солдатик, рыбачий поселок, пятый час, мой карандаш*).

Сторонники широкого понимания прилагательных в их системе выделяют только два разряда: качественные и относительные.

К качественным относятся те же адъективы, что и прилагательные в узком понимании. Дополнительно включаются неизменяемые слова типа *бездна*². Своеобразно трактуются и степени сравнения качественных прилагательных, что нами будет рассмотрено особо.

Объем же относительных прилагательных значительно расширяется. В них, кроме традиционных относительных прилагательных, включаются:

- 1) притяжательные прилагательные: *отцов, сестрин, рыбий*³;
- 2) местоимения, имеющие форму адъектива: *мой, наш, твой, этот, такой, всякий, каждый, который, чей, некий, никакой, ничей*⁴;
- 3) порядковые числительные: *первый, второй, двадцатый, сотый*⁵;
- 4) определенно-количественное числительное *один*⁶.

Таким образом, семантический объем относительных прилагательных в широком понимании необычайно пестр и весьма далек от традиционного понимания относительных прилагательных.

С нашей точки зрения, такое понимание прилагательных, несмотря на широкое толкование, все же узко. Думаем, что научная некорректность заключается в следующем:

1. Необоснованным является включение в разряд качественных прилагательных слов типа *беж* (*бордо, галифе, декольте, люкс, майонез, реглан, трико, цунами, экстра*), трактуемых грамматистами как несклоняемые, или аналитические, прилагательные.

Приступая к рассмотрению прилагательных, И.Г.Милославский еще колеблется, относить или не относить слова типа *беж* к прилагательным: «С точки зрения функционально-семантических свойств это – прилагательные: *цвет беж, пальто хаки, платье электрик*. Однако с точки зрения грамматических характеристик это – не прилагательные. Ведь род, число, падеж у *беж, хаки, бордо* или *электрик* отсутствуют»⁷. Как видим, эти лингвистические раздумья И.Г.Милославского не лишены серьезных оснований. Однако длились они недолго. При классификации прилагательных по «набору» грамматических признаков он уже решительно включает их в немногочисленную группу прилагательных, не обладающих словоизменительными категориями, и в дальнейшем рассматривает только как прилагательные, «морфологически не охарактеризованные»⁸. Даже исконно русские прилагательные сориентированы на слова типа *беж* и характеризуются в сравнении с ними⁹. В данном случае И.Г.Милославский вступает в противоречие с самим собой. Ведь «морфология (по его мнению) ... занимается лишь теми различиями между лексемами и словоформами, которые являются грамматическими»¹⁰, а поэтому и рассматривает части речи только на основании их грамматических характеристик.

Случаи сочетания неизменяемых существительных с «прилагательными» типа *беж* (*пальто беж*) И.Г.Милославским рассматриваются как прорыв линии флективности русского языка, потому что значение падежа в подобных сочетаниях «нигде формально не выражено»¹¹. Однако мы в подобного рода сочетаниях не видим прорыва флективности русского языка: о каком прорыве флективности можно говорить, если даже не доказана принадлежность этих слов к прилагательным? Имеется больше оснований согласиться с А.И.Молотковым, что «так называемые «неизменяемые прилагательные» в русском языке правильнее рассматривать не в плане формирования новой грамматической категории языка, а в плане лексических заимствований, как один из способов усвоения русским языком иноязычных слов»¹². Да, действительно, эти слова – «иностранные» в русском языке, грамматическую неприкосновенность которых мы, так сказать, уважаем. Некоторые из этих слов принимают русское грамматическое «подданство»: *беж – бежевый, бордо – бордовый, оранжев – оранжевый*, отказываясь тем самым от агрессивных попыток прорыва флективности грамматического строя русского языка.

Убедительны аргументы В.Н.Немченко, что «так называемые «неизменяемые прилагательные» представляют собой определенную категорию несклоняемых существительных»¹³.

По-нашему, доказывать, что слова типа *беж* (*платье беж*) являются словами, формирующими новую грамматическую категорию – неизменяемых прилагательных, – это всерьез доказывать, что в сочетаниях типа *чтение вслух* или *яйца всмятку* наречия *вслух* и *всмятку* также являются несклоняемыми прилагательными и вливаются в группу неизменяемых иноязычных слов типа *беж*.

Итак, неизменяемые слова типа *беж* в категорию прилагательных, полагаем, включать нельзя.

2. Ни А.М.Пешковский, ни В.В.Виноградов, ни В.В.Иванов не включают притяжательные прилагательные в разряд относительных. И не без оснований: хотя притяжательные прилагательные и определяют один предмет через посредство другого, однако они имеют свою и лексическую, и деривационную специфику.

В семантическом аспекте они выполняют функцию указания на принадлежность: «Притяжательные прилагательные на *-ов, -ин* застывают на стадии указательных слов, обозначающих единичного владельца»¹⁴, а притяжательные прилагательные на *-ий, -ья, -ье* (*козий, лисий*) – родовой принадлежности. Словообразовательная специфика притяжательных прилагательных состоит в том, что они образуются от одушевленных существительных. Поэтому как окказиональная деривация воспринимается их словообразование от неодушевленных существительных, например, у В.В.Маяковского: *чахоткины плевки, ребровы дуги, автомобильны вопли*. В деривационном и словоизменительном отношении притяжательные прилагательные представляют собой смешанный тип склонения – именной и членный.

Итак, притяжательные прилагательные представляют собой самостоятельный лексико-грамматический разряд в системе прилагательных.

3. В.В.Виноградов отмечал, что «порядковые слова имеют не только все морфологические приметы имени прилагательного, но и все его основные грамматические значения»¹⁵. По-

этому неудивительно, что в большинстве современных грамматик они включаются в систему относительных прилагательных. Однако полагаем, что это – искусственное включение, потому что прилагательные и порядковые числительные имеют разные частеречные объекты: относительные прилагательные называют признак предмета через его отношение к другому предмету (*каменное здание – здание и камень, космический корабль – корабль и космос*), действию (*спасательный круг – круг и спасать*) или обстоятельству (*всегдашний посетитель – посетитель и всегда*), а порядковые числительные своим объектом имеют порядковую счетную систему и каждый компонент этой системы¹⁶, выражение такого признака, который прилагательным вообще не свойствен. Особенно наглядно это можно представить в сочетаниях типа *тридцать первый, сто двадцать второй, тысяча девятьсот пятнадцатый*, то есть в составных числительных, которые прилагательными никак назвать нельзя. Правда, относительные прилагательные также могут называть признак предмета через его отношение к числу (*одиночное фигурное катание, пятилетняя девочка, двойная доза*), но это исключительно деривационное отношение только к отдельным числам, а не к счетной порядковой системе русского языка. Таким образом, прилагательные и порядковые числительные – разные части речи, а их грамматические признаки, о которых говорил В.В.Виноградов, омонимичны.

4. Нумератив *один* нельзя исключить из состава числительных и отнести к прилагательным. Объект числительных как части речи – счетная система абстрактных чисел и каждый компонент этой системы. И если мы *один* отнесем к прилагательным, то наша счетная система останется без своей начальной единицы, начнется сразу с *двух*. Кстати, «Русская грамматика» полагает, что первоначальной единицей счета наряду со словом *один* может быть употреблено и слово *раз*¹⁷. Но ведь это слово полностью не заменяет числительного *один*. Нельзя, например, сказать: «Я купил себе две книги и *раз* карандаш». Таким образом, если счетная система может обойтись без слова *раз*, то без слова *один* для выражения количества она никак не обойдется.

5. Местоименные слова, имеющие форму адъектива, также не следует включать в систему прилагательных. Вот по каким соображениям. Местоимения в современном русском языке – самостоятельная часть речи. В древнерусском языке, как отмечает В.В.Иванов, «в пределах имени были противопоставлены существительное и прилагательное, однако это противопоставление было менее отчетливым, чем в современном языке», а «в *пределах имени* (курсив наш.– М.Л.) выделялось и местоимение»¹⁸. Следовательно, находясь в пределах синкретичного имени, местоимения еще не были самостоятельной частью речи. Их функция в пределах имени заключалась в том, чтобы наши далекие предки могли избежать повторения только что названных предметов, их признаков или количеств и тем самым более сжато, лаконично излагать свои мысли. Этому способствовала дейктическая (указательная, отсылочная) функция местоимений, которую, пожалуй, можно признать первичной. На основе указательности развивается местоименность вообще (от конкретного к высшей степени абстрактности).

Совершенствование грамматического строя в процессе исторического развития языка привело к распаду синкретичного имени на четыре части речи – существительные, прилагательные, числительные и местоимения (на основе выделения их специфических частеречных объектов). Поэтому в современном русском языке местоимения – самый богатый на частеречные объекты класс слов: в противоположность другим частям речи они имеют не один, а три или даже четыре частеречных объекта (указание на предметность существительных, признак прилагательных, количественность числительных, отсылочность определенной группы наречий). Вот это и дает основание лингвистам в настоящее время разносить местоимения по разным частям речи.

У местоимений нет постоянного номинативного значения, но номинативным значением они все же обладают: им присуще ситуационное номинативное значение, то есть постоянно изменяющееся в зависимости от взаимоотношений любых предметов, их качеств или количеств, – и причем в высшей степени обобщенное, абстрактное. Именно по этой специфике мы легко отличаем местоимения от слов других частей речи. Именно эта специфика и не позволяет включить их ни в систему существительных, ни в систему прилагательных, имеющих постоянную частеречную номинацию.

Рассмотрим теперь степени сравнения прилагательных в традиционном и новом понимании. По поводу форм степеней сравнения прилагательных в лингвистической литературе высказываются противоречивые суждения: одни лингвисты (представители традиционного направления) утверждают, что формы степеней существуют, другие (представители широкого направления) что-то в степенях сравнения отрицают, что-то признают.

Основой для решения этого вопроса может послужить понимание признака предмета, выражаемого прилагательным, как градационного.

Рассмотрим несколько подробнее.

Градация (от лат. *gradatio* – «ступенчатое возвышение») – ступенчатая степень проявления признака предмета, выражаемого грамматическими формами одной и той же лексики прилагательного.

Наблюдаются три степени градации признака: нейтральная (или положительная), сравнительная и превосходная. Сравнительная и превосходная степени имеют две формы – синтетическую и аналитическую (простую и сложную): *храбрый* – *храбрее*, *храбрейший*, *более (менее) храбрый*, *самый храбрый*.

Степень проявления признака прилагательного прежде всего зависит от количества сравниваемых предметов. Если говорится о признаке одного предмета, но безотносительно к другим предметам носителям того же признака, то обычно имеется в виду положительная степень сравнения, или нейтральная градация признака: *интересная* книга, *умный* собеседник. Если сравниваются два однородных предмета по степени проявления в них одного и того же признака или сравнивается признак в одном и том же предмете, но в разные промежутки времени его проявления, то имеют в виду сравнительную степень: *Первая книга интереснее второй* (или *более интересная книга*); *Теперь брат стал умнее* (или *более умным*). Превосходной считается степень, если сравнивается степень проявления признака в трех и более однородных предметах и отмечается, что общий их признак в одном из них проявляется или содержится в большей степени, чем во всех остальных, или этот признак проявляется в нем самом безотносительно к этому же качеству в других предметах. В первом случае превосходная степень имеет значение суперлатива (от лат. *superlativus* – «превосходный»): *Это интереснейшая (самая интересная) книга из всех, прочитанных мной за последнее время*; *Талантливейший (самый талантливый) из писателей своего времени*; во втором – элитива (от лат. *elativus* – «возвышающий»): *активнейшее участие*, *милейший человек*, *полнейший невежда*.

В относительных и притяжательных прилагательных невозможно количественное изменение признака предмета. Поэтому в них и не обнаруживается, точнее – отсутствует градационный признак.

Полагаем, что предложенное понимание степеней сравнения как градационное изменение признака несколько не противоречит их традиционной трактовке, а лишь уточняет ее.

С точки зрения градационного изменения признака и рассмотрим интерпретацию степеней сравнения в «Русской грамматике» и в монографии И.Г.Милославского «Морфологические категории современного русского языка».

1. «Русская грамматика» отмечает только две степени – положительную и сравнительную в синтетической форме¹⁹. Отрицаются аналитические формы сравнительной степени, потому что более или менее «сохраняют свое лексическое значение», и это препятствует «превращению сочетаний *более грустный*, *менее веселый* в аналитические формы сравнительной степени»²⁰. Получается, что для образования аналитической формы нужно лексическое обесцвечивание слов или каких-либо ее компонентов. Практика, однако, показывает, что сохранение словом своего лексического значения несколько не препятствует включению его в аналитическую форму. Вспомним, например, аналитические падежи (*говорить о площади*, *пойти в кино*) или сложные формы будущего времени (*стану рассказывать*, *будем бороться*). К тому же согласно «Словарю русского языка» слова *более* и *менее* не однозначны и могут быть компонентом сравнительной степени аналитической формы²¹.

Для отрицания превосходной степени прилагательных никакой убедительной аргументации «Русской грамматикой» не приводится, кроме замечания, что они (и синтетической, и аналитической форм) имеют «значение большой степени проявления признака», что «не выражают особого морфологического значения и представляют собою словообразовательные типы»²². Мы же считаем, что они выражают «особое морфологическое значение»: проявление не просто большой, а высшей степени признака предмета, что находит свое формальное выражение в суффиксах прилагательного

-ейш-, *-айш-* или присоединении слова *самый* к положительной степени. Доказательства же того, что прилагательные превосходной степени не представляют собой словообразовательных типов, мы приведем ниже.

О градационном признаке (точнее – значении) говорит и «Русская грамматика», но понимает его как проявление слабой или высокой степени качества прилагательного, как усиление или ослабление признака по наклонной прямой, вне сравнения с качеством других однородных предметов (*беловатый, моложавый, сильнейший, сверхдальний, ультрамодный*). Но градация ведь это не наклонная прямая, а «ступенчатое возвышение», образно говоря, ступени, по которым мы восходим на гору или спускаемся с нее, но также по ступеням. Поэтому в грамматике наблюдаются два вида градации – восходящая и нисходящая. Градационное же значение признака «Русской грамматикой» не отмечено такими градиентами (ступенями), а они существуют в самой лексико-грамматической системе прилагательных.

И.Г.Милославский констатирует наличие сравнительной и превосходной степеней синтетической и аналитической форм, отмечая, что словоформы типа *добрейший* «являются в системе частей речи стопроцентными прилагательными»²³. Он, как и «Русская грамматика», считает эти формы предметом словообразования. Пока заметим, что если бы И.Г.Милославский был последовательным, то формы типа *добрейший* он не должен был признавать стопроцентными прилагательными: ведь они не имеют краткой формы.

2. И.Г.Милославский считает: «Словоформы типа *добрее* не обладают морфологическими категориями прилагательных. По своим синтаксическим свойствам они приближаются к наречиям, будучи признаком признака»²⁴.

Известно, что носителями морфологических категорий имен (рода, числа, падежа) или глагола (лица, числа) являются их флексии, даже нулевые: *рук-а* (флексия *-а* выражает род, падеж, число), *красив-ый, -ая, -ое, -ые; красив, -а, -ы* и т. д. Суффикс обычно не может выражать этих категорий. В формах прилагательного сравнительной степени *-ее(-ей), -е, -ше* – суффиксы. Так что отсутствие в синтетической форме сравнительной степени морфологических категорий – вполне нормальное явление. Да и нет необходимости в их выражении: форма *красивее* может характеризовать лицо и мужского, и женского пола, а также существительные среднего рода – независимо от числа. Но если появляется необходимость дифференцированного выражения морфологических категорий рода, числа или падежа, то тогда используется аналитическая форма сравнительной степени: *более (менее) красивый, -ая, -ое, -ые, -ого, -ему* и т. д. Таким образом, формы сравнительной степени прилагательного чрезвычайно гибки в выражении качественного признака предмета.

Выражаем сомнение в том, что сравнительная степень является «признаком признака». Больше оснований полагать, что она – непосредственный выразитель признака предмета: «Под ним *струя светлей* лазури, над ним луч солнца золотой» (М.Ю.Лермонтов); «*Жарче роз благуханье, звонче голос* стрекозы» (Ф.И.Тютчев).

3. И.Г.Милославский полагает, что между словоформами *добрый – добрее – добрейший* – словообразовательные отношения, а поскольку это так, то они «принадлежат к разным лексемам»²⁵. Однако, как убедительно свидетельствуют исследования, это совсем не так: превосходная степень синтетической формы первоначально была полной формой сравнительной степени: *сильнейший* (полная форма сравнительной степени) – *сильнее* (краткая), а затем в истории русского языка полная форма получила значение превосходной степени²⁶. Таким образом, степени сравнения традиционно рассматривались как формы одной и той же лексемы имени прилагательного. Словоформами одной лексемы остались они, несмотря на сложный путь своего развития, и в современном русском языке. Правда, как отмечает энциклопедия «Русский язык», существуют два понимания лексемы – широкое и узкое. Широкое понимание рекомендуется В.В.Виноградовым для того, чтобы отразить различие между словом как системой грамматических форм или его отдельной словоформой и словом как совокупностью реализующих его лексико-семантических вариантов. О более узком понимании читаем: «В значениях словоформ лексема выражает то, что остается неизменным при всех грамматических видоизменениях, и отражает идею тождества слова самому себе», то есть то, что выражает «значение основы полнозначного слова»²⁷. По существу, ни широкое, ни узкое понимание лексемы не дает никаких оснований рассматривать словоформы типа *добрый – добрее – добрейший* как разные лексемы. Это словоформы одной и той же лексемы, но только обозначающие различные градации одного и того же признака. Нельзя не согласиться с В.В.Виноградовым, что «формы сравнительной степени (мы бы добавили: и превосходной.– М.Л.) чаще всего сохраняют в чистом виде свой прилагательный и наречный... облик», что «они грамматически неотделимы от полных имен прилагательных и наречий»²⁸. Следовательно, в

формах типа *добрый – добрее – добрейший* отношения не словообразования, а формообразования.

4. У И.Г.Милославского нет твердого мнения относительно статуса сравнительной степени прилагательного. В учебнике «Современный русский язык» он полагает, что сравнительная степень «представляет собой разряд с особым словообразовательным значением внутри наречий»²⁹, а в «Морфологических категориях» – что «относятся к неизменяемым знаменательным частям речи, отличаясь от «классических» наречий лишь «обычностью» своей атрибутивной синтаксической функции»³⁰.

Вторая точка зрения не является новой: в лингвистической литературе встречается мнение, что синтетическая форма сравнительной степени прилагательного в совокупности с этой же формой качественного наречия представляет собой самостоятельную часть речи – *компаратив*.

Мы полагаем, что сравнительная степень прилагательных относится ни к какому-либо разряду наречий, ни к самостоятельным частям речи, хотя бы и неизменяемым. Ведь для того чтобы считать какую-либо группу слов самостоятельной частью речи, нужно, чтобы она имела свой частеречный объект, не совпадающий с частеречным объектом другой части речи. Но сравнительная степень прилагательного (да и наречия) не имеет своего специфического частеречного объекта. Ее частеречное значение совпадает с частеречным значением положительной степени прилагательного – быть атрибутивным признаком предмета, но одним из его градационных признаков. Следовательно, сравнительная степень – градиента, одна из форм имени прилагательного.

Итак, широкое понимание прилагательных на самом деле представляет собой их узкое, то есть ограниченное, понимание, потому что при рассмотрении прилагательных наблюдается ориентация главным образом на специфику их формы, а частеречная семантика слов, которые из других лексико-грамматических классов произвольно включаются в состав имени прилагательного, и особенности их исторического развития не учитываются. Таким образом, широкое понимание прилагательных не оправдано их историческим развитием, а объясняется преимущественно сугубой морфологизацией.

Для сторонников широкого понимания прилагательных характерен во многих случаях отказ от научной преемственности, от научных достижений традиционного учения о прилагательных. Пренебрежение же принципом историзма приводит к искажению языковых реалий. А отсюда некоторая искусственность и надуманность, даже субъективизм в теоретических рассуждениях о прилагательных.

Традиционное (узкое) же понимание прилагательных является закономерным развитием учения о прилагательных русского языка, и дальнейшие исследования в области прилагательных должны быть направлены на изучение взаимосвязи содержания и формы прилагательных, их взаимодействие не только между собой, но и с другими частями речи в процессе исторического развития.

Примечания

¹ Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983. С. 244–245.

² См.: Русская грамматика. М., 1980. Т. 1. С. 556; Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой. М., 1989. С. 447.

³ См.: Русская грамматика. С. 543; Современный русский язык. С. 449.

⁴ См.: Русская грамматика. С. 543–544; Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. С. 138–140.

⁵ См.: Русская грамматика. С. 541; Современный русский язык. С. 448; Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972. С. 192.

⁶ См.: Русская грамматика. С. 542; Современный русский язык. С. 297; Виноградов В.В. Русский язык. С. 124.

⁷ Милославский И.Г. Морфологические категории... С. 106.

⁸ См.: Современный русский язык. С. 443.

⁹ См.: Милославский И.Г. Морфологические категории... С. 109, 110.

¹⁰ Там же. С. 44.

¹¹ Там же. С. 116.

¹² Молотков А.И. Есть ли в русском языке категория неизменяемых прилагательных? // Вопросы языкознания. 1960. № 6. С. 73.

¹³ Немченко В.Н. О разграничении частей речи в современном русском языке. Горький, 1975. С. 66–68.

¹⁴ Виноградов В.В. Русский язык. С. 165.

¹⁵ Там же. С. 192.

¹⁶ Подробнее о частеречном объекте числительных см.: Лукин М.Ф. К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1987. № 6.

¹⁷ См.: Русская грамматика. С. 574.

¹⁸ Иванов В.В. Историческая грамматика... С. 253.

¹⁹ См.: Русская грамматика. С. 547.

²⁰ Там же. С. 562.

²¹ См.: Словарь русского языка: В 4 т. М., 1967–1961.

²² Русская грамматика. С. 547.

²³ Милославский И.Г. Морфологические категории... С. 119.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ См., например: Иванов В.В. Историческая грамматика... С. 318.

²⁷ Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ф.П.Филин. М., 1979. С. 123.

²⁸ Виноградов В.В. Русский язык. С. 212.

²⁹ Современный русский язык. С. 291.

³⁰ Милославский И.Г. Морфологические категории... С. 119.

Лукин М.Ф. О широком и узком понимании прилагательных в грамматиках современного русского языка // Филологические науки. 1991. № 1.

Задание

Проведите сопоставительный анализ взглядов на имя прилагательное с точки зрения узкого и широкого понимания этой части речи. Дополните соответствующей информацией § 2 «Имя прилагательное» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Почему синхронное изучение морфологической системы современного русского языка немислимо без диахронии? Докажите примерами из настоящей статьи.

2. Какое содержание вкладывается лингвистами в **узкое** и **широкое** понимание прилагательного как части речи?

3. В чем, по мнению М.Ф.Лукина, заключается «научная некорректность» широкого понимания прилагательного как части речи?

4. Как рассматривают степени сравнения прилагательных представители «традиционного» и «широкого» направлений?

А.Е. Сунрун

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ

Вопрос о числительных в русской лингвистической литературе получил освещение как в общих грамматических курсах, так и в отдельных работах.

Как известно, античная грамматика не выделяла числительных как особой части речи¹. Не находим их в классификациях частей речи в переводе сочинений Доната на русский язык в середине XVI в., а также в грамматике Мелетия Смотрицкого (1619). Однако при научном изучении русского языка, начатого М.В.Ломоносовым, своеобразие числительных привело к тому, что их стали так или иначе выделять как особый разряд слов.

М.В.Ломоносов посвятил именам числительным главу 7 наставления третьего («О имени») «Российской грамматики»². Выделив таким образом числительное, наряду с существительным и прилагательным, среди имен, М.В.Ломоносов различал числительные «первообразные» (по современной терминологии – количественные) и «производные» (порядковые, а также собирательные и слова типа *полтора*, *полтретьего* и пр.). М.В.Ломоносов рассматривал склонение числительных. Кроме того, в главе, посвященной «сочинению имен»³, отметил некоторые синтаксические особенности числительных – особенности их сочетаний с именами существительными и прилагательными. М.В.Ломоносов, будучи ближайшим предшественником

сравнительно-исторического языкознания, намеревался использовать числительные как одну из ярких иллюстраций, показывающих «сродственность» и «несродственность» языков, что видно из дошедшего до нас наброска⁴.

А.Х.Востоков рассматривал имена числительные в особой главе об имени числительном⁵, разделяя их на количественные и порядковые. Им выделены «имена количественные дробей» и «количественные производные» (собирательные). А.Х.Востоков также пытался разрешить вопрос об употреблении прилагательных в сочетании с числительными.

Академическая грамматика И.И.Давыдова⁶ относилась к числительным как к особой части речи к словам служебным и подчеркивала их близость к местоимениям. Четко ограничив числительные количественные и порядковые, рассмотрев их склонение (сходное с существительными или прилагательными, за исключением *два, три, четыре, оба, двое, четверо, полтора*) и образование, И.И.Давыдов нечетко, однако, определяет числительные дробные («имеющие вид существительных и прилагательных») и числительные «в виде» существительных (*пара, двойка, десяток, дюжина*), прилагательных (*двое, двойной, вторичный* и др.), наречий (*вдвое* и под.), не указывая, к какой части речи («стихии») относятся эти слова.

Первое столетие изучения русских числительных завершает Ф.И.Буслаев. В его «Исторической грамматике русского языка»⁷ рассматривалось образование сложных, порядковых, собирательных числительных. Являясь представителем логического направления, Ф.И.Буслаев выделял числительные как группу слов, характеризующуюся специфическим значением количества. По форме же Ф.И.Буслаев считал их либо существительными (количественные от *пяти*), либо прилагательными, либо отличающимися от тех и других «своею собственной формой» (*два, три, четыре*). Ф.И.Буслаев рассматривал также основные случаи сочетания числительных с существительными и прилагательными. Ф.И.Буслаев отмечал, что «в последнее время» усиливается логическое понимание числительных, то есть утрачивается их понимание как существительных. Как и предыдущие авторы, Ф.И.Буслаев не пришел к пониманию части речи как лексико-грамматической категории, характеризующейся семантическими, и грамматическими приметами. Числительное у Ф.И.Буслаева выделялось в особую часть речи (служебную) по семантическому признаку, отрывавшемуся представителями логического направления от морфологических и синтаксических особенностей.

Новым шагом вперед в изучении числительных были труды А.А.Потебни. Для А.А.Потебни характерен был подход к языку как к явлению развивающемуся и изменяющемуся. А.А.Потебня воспроизводил «исторический процесс преобразования количественных имен существительных (*5 – 10, 100 – 1000, сорок*) и прилагательных (*один, два, три, четыре*) в особый грамматический класс имен числительных»⁸. В первой части труда «Из записок по русской грамматике» А.А.Потебня отмечал, что числительное, при всей отвлеченности числа, «не есть слово формальное», имеет «как логические, так и формальные стихии, то есть имеет и свое специальное содержание, и отношение к грамматической категории существительного, прилагательного, наречия, рода, падежа, числа и пр.»⁹. Таким образом, А.А.Потебня, в отличие от своих предшественников (И.И.Давыдова, Ф.И.Буслаева), относил числительное в разряд **знаменательных слов**, отмечая вместе с тем, пусть еще не в развернутом виде, наличие формальной специфики числительных, связанной с их лексическими, семантическими особенностями. В четвертом томе «Записок» числительным посвящена небольшая глава¹⁰, изобилующая тонкими наблюдениями над превращением существительных в числительные, делающая попытки объяснить ряд интересных грамматических особенностей числительных (предлог *о* с числительными, форма числа сказуемого при сочетаниях с числительными, инверсия при обозначении приблизительности, форма существительного при числительных 2, 3, 4 и др.), содержащая интересные замечания о строении сложных числительных и т. д. Труды Потебни явились большим шагом в изучении числительных как части речи; важнейшим его достижением был исторический подход к вопросу.

Мысль о классификации частей речи **по совокупности** лексических (семасиологических), морфологических и синтаксических признаков, порожденная всем предыдущим развитием русской грамматической науки, нашла свое дальнейшее развитие в трудах А.А.Шахматова¹¹. Но А.А.Шахматов занимался числительными лишь попутно, и при определении числительных как части речи у него возобладали семасиологические мотивы; в «Синтаксисе русского языка» в ряду числительных оказались вместе с порядковыми, собирательными и количественными такие слова, как *пара, десяток, сотня, дважды, вдвоем, четверть*, относимые по грамматиче-

ским признакам к другим частям речи. Значительную ценность для изучения числительных имеют тонкие наблюдения над склонением числительных, которые собраны в главе о числительных шахматовского «Очерка современного русского литературного языка», а также многочисленные замечания о синтаксических особенностях числительных в первых частях «Синтаксиса русского языка».

Как и А.А.Шахматов, В.А.Богородицкий является представителем психологической школы в русской грамматической науке. В.А.Богородицкий выделяет числительные по признаку семантики, различая в их среде количественные, которые (начиная с *пяти*) «имеют форму существительного», и порядковые, которые «по своей форме являются прилагательными». В схеме частей речи, приводимой В.А.Богородицким, числительные занимают место в группе «слов с собственным значением», подчиненных существительным¹².

Таким образом, оказывается, что представители психологического направления, сделав известный шаг вперед в изучении числительных и в признании их как особой части речи, все же не *решили вопроса о месте группы числительных в системе частей речи*, что связано с недоработкой у них самой системы частей речи, а также *не решили вопроса о составе этой группы*.

Другим путем пошли в классификации частей речи представители морфологической («формальной») школы в русской грамматической науке. Естественно, что и числительные заняли в этой классификации иное место. Ф.Ф.Фортунатов основное внимание при классификации слов обратил на формообразование. Применительно к русскому языку его идеи разработал в ранний период своей деятельности проф. М.Н.Петерсон¹³. При делении слов на имеющие формы словоизменения и не имеющие таковых, количественные числительные оказываются у М.Н.Петерсона в группе падежных слов, а порядковые – в группе самостоятельных родовых слов. Следует отметить, что при классификации слов по значению в группу падежных слов, обозначающих количество, вносятся слова *пять, десять, сто, тысяча, множество*, а слова *один, два, три, четыре* не упоминаются ни здесь, ни в другом месте. Положительным моментом было у представителей формального направления пристальное внимание к форме слова, позволившее заметить многие существенные специфические черты различных частей речи, в том числе и числительных. Но числительные у них, поскольку единственным критерием выделения частей речи оказывались формы словоизменения, естественно, не рассматривались как особая часть речи, что мешало выяснению некоторых их общих свойств¹⁴.

Стремясь преодолеть недостатки морфологического направления, А.М.Пешковский пытается синтезировать взгляды фортунатовской школы с потебнианством¹⁵. А.М.Пешковский понимал невозможность отсечения форм словоизменения от всех прочих особенностей слов, но в своих попытках преодолеть этот «морфологический нигилизм» А.М.Пешковский оказался эклектиком. Представляя собой компромисс между общепринятой схемой деления частей речи и формально-грамматическими классами, классификация А.М.Пешковского *не признает за числительными права именоваться частью речи*. Количественные числительные (от *двух* до *ста*) входят в состав существительных, причем А.М.Пешковский отмечает их «важные особенности в склонении и в *синтаксическом употреблении*» и делает ряд интересных наблюдений над этими особенностями.

Если бросить общий взгляд на грамматические учения XIX и начала XX вв., то нельзя не отметить, что, несмотря на различные точки зрения и различную полноту учета фактов, несмотря на различный подход к изучению фактов языка, *представители всех направлений так или иначе вынуждены были выделять числительные в составе частей речи*.

Даже избегавшие самого слова *числительное* М.Н.Петерсон и А.М.Пешковский не могли полностью «влиять» числительные в другие части речи. И дело здесь не в традиции, во всяком случае, не только в традиции. Дело в том, что *семантические и грамматические особенности числительных были чересчур явными*. Быть может, частица «здравого смысла», заключенная в этом факте, и повернула внимание языковедов уже в советское время к изучению специфических особенностей числительных, а вместе с тем привела к всеобщему признанию числительных как особой части речи.

Так, в своей известной статье о частях речи Л.В.Щерба¹⁶, справедливо отнеся порядковые слова в разряд прилагательных, отмечает, что «особой категорией приходится признать слова количественные». Важнейшим признаком числительных Л.В.Щерба считает особые их сочетания с существительными. Любопытно справедливое указание Л.В.Щербы о том, что, лишь «насилуя

непосредственное языковое чутье», можно смешивать числительное с существительным, интересны также его наблюдения над порядковыми и над словом *тысяча*. Несмотря на отдельные недостатки (относящиеся, впрочем, не к характеристике числительных) и на ее эскизный характер (в частности, и на числительных Л.В.Щерба остановился лишь коротко), статья Л.В.Щербы «оказала сильное освежающее влияние на русскую грамматическую традицию»¹⁷.

Отмечая, что полную характеристику частей речи дает только учет семантических, морфологических и синтаксических моментов, относит к особой полнозначной части речи числительное Л.А.Булаховский¹⁸. Указывая на ряд морфологических и синтаксических особенностей, Л.А.Булаховский замечает, что количественные числительные выделяются в особую часть речи с большим основанием, чем порядковые.

Как особая часть речи выделяются числительные и в других научных грамматиках. Так, в классификации В.Н.Сидорова они оказываются в числе частей речи (самостоятельных слов, имен)¹⁹, причем порядковые и слово *один* относятся к прилагательным. С.И.Абакумов помещает числительные как часть речи вместе с местоимениями и модальными словами в группу «Слова, обозначающие отношения», входящую в число знаменательных частей речи²⁰. А.И.Ефимов в коллективном вузовском курсе морфологии стремится обосновать отнесение к числительным порядковых²¹. Другие грамматические труды²², в том числе и «Грамматика русского языка», изданная АН СССР²³, выделяют числительные в особую часть речи и, подходу менее строго к принципам классификации частей речи, хотя и отмечают, что порядковые весьма сходны с прилагательными, относят их к числительным.

Классификация частей речи и характеристика числительного как части речи, данная в труде акад. В.В.Виноградова «Русский язык», представляется наиболее обоснованной и глубокой²⁴. Числительные, как правильно отмечает В.В.Виноградов, находятся в процессе сложения. В.В.Виноградов фиксирует свое внимание на выяснении грамматической специфики числительных. Он подчеркивает усиливающуюся в истории русского языка **абстрактность** числительных, отсутствие грамматического рода в большинстве количественных числительных; отмечает противопоставление прямых и косвенных падежей в склонении числительных и специфические особенности в сочетаниях числительных с существительными; указывает на множественность и раздробленность типов словоизменения числительных. В результате подробного анализа фактов языка В.В.Виноградов приходит к обоснованному выводу, что к категории числительных относятся количественные числительные от *одного* до *тысячи* [причем в крайних членах этого ряда с признаками числительных совмещаются признаки местоимения (*один*) и существительного (*тысяча*)], а также собирательно-разделительные числительные (*двое, четверо* и т. д.). Кроме того, «в категорию числительных входят также слова, обозначающие неопределенное количество: *сколько, столько, несколько, много, немного* (и в основной форме слова: *мало, достаточно*)». Порядковые В.В.Виноградов с полным основанием относит к относительным прилагательным²⁵.

Наряду с общими трудами по русскому языку, затрагивающими числительные, в советское время появился и ряд специальных работ, посвященных числительным.

Примечания

¹ Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936. С. 22, 36, 70, 79, 81–82, 118.

² Ломоносов М.В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 475–478.

³ Там же. С. 557–559.

⁴ Там же. С. 652–653. Ср.: Кузнецов П.С. О трудах М.В.Ломоносова в области исторического и сравнительного языкознания // Ученые записки МГУ. М., 1952. Вып. 150. Русский язык. С. 19.

⁵ Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. 3-е изд. СПб., 1838. С. 66–68, 252–253.

⁶ Опыт общесравнительной грамматики русского языка. 2-е изд. СПб., 1853. С. 236–247, 324.

⁷ Буслав Ф.И. Историческая грамматика русского языка. М., 1959. С. 149–150; 429–442.

⁸ Виноградов В.В. О IV томе «Из записок по русской грамматике» А.А.Потебни // Труды ИРЯз. М.; Л., 1949. Т. 1. С. 258.

⁹ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М., 1958. Т. 1–2. С. 36.

¹⁰ Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. М.; Л., 1941. С. 243–251.

¹¹ Из трудов А.А.Шахматова по современному русскому языку (Учение о частях речи). М., 1952. С. 126–129, 192–194.

¹² Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики. 5-е изд. М.; Л., 1935. С. 106, 159–160.

¹³ Петерсон М.Н. Русский язык. М.; Л., 1925. С. 24–31. М.Н.Петерсон впоследствии изменил свои взгляды на вопросы классификации слов по частям речи. См. его статью «О частях речи в русском языке» в сборнике «Вопросы грамматического строя» (М., 1955), где отмечено, что «числительные занимают особое положение по значению, по морфологическим и синтаксическим свойствам» (С. 186).

¹⁴ Взгляды, близкие к точке зрения морфологической школы, недавно были сформулированы М.В.Пановым в статье «О частях речи в русском языке» (Филологические науки. 1960. № 4. С. 13–14). Не входя в подробное рассмотрение этой интересной статьи, следует подчеркнуть мысль, высказанную в начале и в конце статьи *о возможности различных классификаций слов* (С. 3, 14). Правомерна и выдвигаемая автором классификация, хотя отдельные его замечания (в частности, о свойствах числительных) не бесспорны. Но, пожалуй, целесообразно применить в данном случае, например, термин «морфологический класс слов», а не «часть речи», оставляя последний для лексико-грамматической группировки слов.

¹⁵ Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 2-е изд. М., 1920. С. 40–80, 417–421. Несколько иначе в последующих изданиях, ср.: 7-е изд. М., 1956. С. 62–152, 437–440.

¹⁶ Щерба Л.В. О частях речи в русском языке. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 73–74.

¹⁷ Виноградов В.В. Современный русский язык. М., 1938. Вып. 1.

¹⁸ Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Киев, 1952. С. 126, 223–224.

¹⁹ Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. М., 1945. Ч. 1. С. 83–87, 137–143.

²⁰ Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. М., 1942. С. 63.

²¹ Современный русский язык. Морфология. М., 1952. С. 219–232.

²² Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. М., 1958. Ч. 1. С. 249–259.

²³ Грамматика русского языка. Т. 1. С. 368–386.

²⁴ Виноградов В.В. Русский язык. М.; Л., 1947. С. 38–44, 238–316.

²⁵ Близка к этой, как уже отмечалось, позиция Н.М.Шанского в распространенном вузовском учебнике: Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык. М., 1964. С. 297–317.

Супрун А.Е. Из истории изучения числительных // Супрун А.Е. Имя числительное и его изучение в школе. М., 1964.

Задание

Выделите основные этапы изучения числительного русскими лингвистами и дополните соответствующей информацией § 3 «Имя числительное» второго раздела настоящего учебного пособия.

М.Ф. Лукин

К ВОПРОСУ О ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКОМ СТАТУСЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

О частеречном объекте числительных. В морфологии современного русского языка весьма существенным является вопрос о частях речи. Но что такое части речи, какова их лексико-грамматическая природа, у языковедов нет единого мнения: ими предлагаются различные принципы частеречной классификации. По этой же причине у нас до сих пор нет какой-либо одной общепринятой классификации слов на морфологическом уровне.

В грамматиках в основном правильно определяется грамматический объект каждой части речи. Исключение составляют числительные. Отечественные грамматики (прошлого и настоящего времени) традиционно трактуют их как слова, обозначающие преимущественно количество (или число) предметов: «Между прилагательными особо примечаются имена *числительные*, то есть число вещей показывающие...» (1); «*Имя числительное* – это часть речи, обозначающая количество и выражающая это значение в морфологических категориях падежа (последовательно) и рода (непоследовательно)...» (2. С. 573); «К числительным как части речи относятся такие лексемы, которые имеют значение количества» (3. С. 297); «Значение имени числительного как части речи – точное обозначение количества предметов...» (4).

Серьезным недочетом в понимании частей речи в последнее время, на наш взгляд, является их сугубая морфологизация, то есть «объединения морфологических форм слов на основе общности их словоизменительных морфологических значений, а также тех формальных средств, с помощью которых эти значения выражаются» (2. С. 459), не учитывающая возмож-

ность частеречной омонимии. В сфере числительных, например, это привело к тому, что: 1) числительное *один* квалифицируется как прилагательное, а *тысяча, миллион, миллиард* – как существительные (2. С. 573; 3. С. 387); 2) порядковые числительные исключаются из системы числительных и рассматриваются как порядковые (6. С. 192; 2. С. 573) или количественные прилагательные (3. С. 293), а собирательные числительные из количественных числительных выделяются в самостоятельный разряд (2. С. 573; 3. С. 299); 3) дробные числительные лишаются права даже называться числительными, потому что «эти феномены представляют собою такое сочетание количественного числительного с порядковым прилагательным, в котором опущено подразумеваемое существительное *часть*» (7).

Такая трактовка числительных, по нашему мнению, неверна, потому что не учитывает специфики исторического развития данной категории. Назрела настоятельная потребность в ее научном пересмотре.

Для правильного понимания лексико-грамматической природы числительных и специфики их исторического развития прежде всего важно выяснить, что является объектом числительных как части речи, какие явления действительности они называют и каковы средства их выражения. Если бы числительные обозначали только количество лиц или предметов, то к ним следовало бы отнести и так называемые счетные существительные типа *пара, пятерка, сотня*, и это нисколько не противоречило бы приводимым определениям. Однако никто этого не делает.

Объект имени числительного как части речи, на наш взгляд, в синхронном плане – это сложившаяся к настоящему времени счетная система (количественная и порядковая) и каждая единица этой системы, в диахронном – история их развития.

Есть различие между словами *количество* и *число*. Количество всегда имеет конкретный характер, а число – абстрактный. Счетная система непосредственно связана с абстрактными числами, а не с количеством.

Число, основное математическое понятие, в устной речи воспроизводится в форме слов, в письменной – обозначается специальными знаками (цифрами или буквами). В многовековом опыте поколений сложилось представление об отвлеченном характере чисел, а следовательно, и слов, выражающих эти числа.

В.В.Иванов говорит уже об абстрактных числах как *системе* и связывает ее формирование с развитием абстракции в мышлении человека: «Развитие системы абстрактных чисел свидетельствует о степени развития абстракции в мышлении людей, и поэтому важно учитывать наличие *системы* таких *чисел* (курсив наш.– Л.М.) в том или ином языке» (8. С. 327). Эта система чисел – *счетная система*.

Современная русская счетная система основана на десятичной нумерации. В ней все числа от 1 до 9 обозначаются индивидуальными символами 1, 2, 3, ... 9. К ним присоединяется еще знак 0 для обозначения нуля. Каждое число может быть изображено только при помощи этих десяти знаков по принципу позиционного значения, сущность которого в том, что каждый знак может изменять свое значение в зависимости от позиции (места) в числе. Благодаря своей краткости, возможности записи бесконечно большого или, наоборот, бесконечно малого числа, удобству разных математических действий над числами, десятичная система полностью удовлетворяет потребности в счете.

Единицы счетной системы – это числа, выражаемые счетными словами – числительными. Но не все слова, имеющие числовую семантику, могут быть рассмотрены как числительные. К числительным нельзя отнести так называемые счетные существительные, потому что они не представляют собой последовательной счетной системы и, кроме числового значения, имеют еще и другую, дополнительную семантику – значение предметности [ср., например: *тройка*¹ (лошадей) и *тройка*² (оценка)].

Следует отметить такие виды счетной системы: количественную, партитивную (как особый тип количественной) и порядковую.

Общая характеристика количественной счетной системы. Абстрактных чисел бесконечное множество. Расположенные в определенной последовательности (от одного – меньшего числа к другому – следующему, большему), они образуют счетную систему, выражаемую словами: *один, два, три, ... сто, сто один, ... девятьсот девяносто девять, тысяча, ... миллион, ... миллиард, ... триллион, ... квадрильон*.

Натуральных чисел бесконечное множество, но слов для их выражения не так уж много – всего 41. Комбинация же этих слов способна выразить все бесконечное множество чисел.

Как ни одно число не может быть исключено из счетной системы, так и ни одно числительное, выражающее числовую единицу этой системы, тоже не может быть исключено из нее. В самом деле, если *один* исключить из состава числительных и отнести к прилагательным, то наша счетная система, выражаемая числительными, останется без своей начальной единицы, начнется сразу с *двух*. Если слово *тысяча* исключить из состава числительных, то счетная система после *девятьсот девяноста девяти* останется без последующей единицы счета, в системе образуется словесный пробел, и т. д. То же самое можно сказать и относительно слов *миллион*, *миллиард* и им подобных.

Собирательные числительные (одна из групп количественных числительных) представляют собой замкнутую, весьма ограниченную счетную систему, образованную от определенно-количественных числительных только первого десятка (за исключением его начальной единицы).

Русская счетная система в математико-лингвистическом аспекте. Структуру современной русской счетной системы количественных числительных (основного разряда имени числительного) в математико-лингвистическом аспекте можно представить следующим образом. Математики выделяют иерархические классы натуральных (целых) чисел: 1) единицы, 2) десятки, 3) сотни, 4) тысячи, 5) миллионы, 6) миллиарды (= биллионы), 7) триллионы, 8) квадрильоны, 9) квинтильоны, 10) секстильоны, 11) септильоны и т. д., каждый в 1000 раз больше предшествующего. Эти классы образуют циклы – более крупные числовые системы. Циклы – это последовательные этапы формирования счетной системы.

Рассмотрим несколько подробнее структуру циклов.

Первый цикл. Он состоит из четырех классов. Первый класс – класс единиц, содержащий числа от 0 и 1 до 9. В математике они называются **узловыми**, то есть не разложимыми на составные числовые наименования. Числительные первого класса по структуре представляют собой простые однокорневые слова.

Второй класс – от 10 до 19. К *десяти* последовательно прибавляем числа первого класса. Десять – простое однокорневое числительное. Остальные – сложные слова. Мы говорим: *одинадцать*, ... *девятнадцать*. Здесь *на* отражает древний предметный счет: «положить *один* (какой-то предмет) *на десять* (других предметов)».

Третий класс – круглые десятки от 20 до 90. Числительные, называющие круглые десятки, представляют собой сложные слова: *двадцать*, *тридцать* (за исключением *сорок*). При склонении сложные определенно-количественные числительные, начиная с *пятидесяти*, обнаруживают две флексии: внешнюю и внутреннюю (например, *о восьмидесяти*). При дальнейшем счете к каждому десятку последовательно прибавляются единицы первого класса, сочетание с которыми образует уже составные числительные: *двадцать один*, ... *девяносто девять*. Прибавление еще одной единицы к 99 вызывает появление нового класса (сотен).

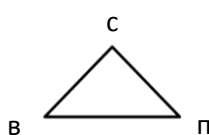
Четвертый класс – класс круглых сотен (от 100 до 900). По морфемному составу это сложные числительные (за исключением *сто*). В сочетании же с числительными первого, второго и третьего классов они рассматриваются как составные. Последовательное прибавление к каждой сотне чисел предшествующих классов вызывает появление новой сотни. Число 999 замыкает первый цикл счетной системы. Прибавление к нему еще одной единицы рождает новое число – 1000 (*тысячу*), первую единицу пятого класса, нового – второго цикла.

Второй цикл. Пятый класс – класс тысяч, образующих новый цикл. Особенность его в том, что счет в нем, как и в первом классе, начинается с единицы, но единицы более высокого иерархического класса – *тысячи*: счет в этом цикле идет уже на тысячи. Последовательно прибавляются счетные единицы первого, второго, третьего, четвертого классов (от 1001 до 999 999). Числительные этого цикла – составные. Числом 999 999 замыкается второй цикл. Прибавление к этому числу еще одной единицы образует новое узловое число (*миллион*), новый класс (миллионов) и новый цикл.

Третий цикл. Шестой класс – класс миллионов. Как цикл он представляет сложную многоступенчатую числовую иерархию. Здесь так же, как и в предыдущих циклах, счет начинается с единиц, но с единиц более высокого класса – с единиц миллионов и последовательно присоединяемых к нему чисел первого и второго циклов – до 999 999 999. С *миллиарда* начинается новый класс и новый (четвертый) цикл. Такова специфика русской счетной системы, построенная на принципе последовательно расширяющихся чисел.

Как показывает структура счетной системы, специфика второго, третьего и четвертого циклов в том, что каждый из них начинается с узловых чисел первого класса, которые **подвергают счету эти самые начальные единицы высших циклов** (*тысяча, миллион, миллиард*). Счет обычно начинается с *двух* (*две тысячи, два миллиона* и т. д.). Правда, следует заметить, что нормативным считается употребление начальной единицы высшего цикла не только в эллиптической форме сочетания (то есть просто *тысяча, миллион, миллиард*), но и в полной (*одна тысяча, один миллион, один миллиард*). В полной форме структура первой части таких сочетаний создается по аналогии с моделью **именных словосочетаний**, имеющих числительные первого цикла (*одна туча, пятьдесят лимонов, сто отрядов*), но только объектом счета в них являются уже не предметы, а, повторяем, **начальные единицы счетных циклов** (*одна тысяча, пятьдесят миллионов, сто миллиардов*). В этом, оказывается, секрет того, что числительные *тысяча, миллион, миллиард* лингвистами принимаются за существительные. И это неудивительно: начальные единицы (узловые числа) высших циклов имеют признаки существительного, в то же время не являясь им. Это **ложные существительные, грамматические миражи существительных**, так долго вводившие в заблуждение ученых. И если бы вместо *тысяча, миллион, миллиард* были бы какие-то другие слова-нумералы, употребленные в значении узловых чисел высших циклов, то и они подверглись бы счету и имели признаки существительных. Такова уж особенность русской системы счисления с ее циклами, такова ее неумолимая логика: **в высшем цикле не только повторяются счетные единицы низших циклов и классов, но и подвергаются счету сами начальные единицы этих циклов, сами низшие числовые циклы**. Об этом убедительно свидетельствует и то, что и в древности начальные единицы циклов имели признаки существительных, и наши предки подвергали счету начальные единицы циклов своей счетной системы. Это подтверждает этимология современных числительных. Например, у В.В.Иванова: *три* дес#те > *тридцать*, *дѣвѣ сътѣ* > *двести*, *пѣть сътъ* > *пятьсот* (8. С. 324–327). Счет числительных в древнерусском языке вообще был обычным явлением. И.И.Срезневский отмечает, что у наших предков «был в ходу счет по девяностам»: *два девяноста, съ тремя девяности* (9. Стлб. 650), а иногда и по **девяткам**: *тридевять*, от которого образовался фразеологизм «*тридевятое царство*» (9. Стлб. 651).

И еще одно веское доказательство. Хотя А.А.Реформатский отрицает то, что *тысяча, миллион, миллиард* являются числительными, в то же время он дает удивительно простой ключ к правильному решению этого вопроса:

«В обычном треугольнике слова (слово – вещь – понятие) отсутствует левый угол. Число не вещь, а понятие» (5. С. 388). Применим этот треугольник по отношению к словам *тысячница, миллионер, миллиардер* – треугольник будет заполнен: они существительные, а при рассмотрении слов *тысяча, миллион, миллиард* левый угол у треугольника будет отсутствовать.

И неудивительно: ведь они никакой «вещи», никакого предмета не называют. Их номинативные значения выражают не предметность, а понятие числа, причем конкретного числа счетной системы русского языка. В заключение хочется отметить, что слова *тысяча, миллион, миллиард* в русском языке появились как числительные, выполняли и сейчас выполняют роль числительных. Правда, «Словарь современного русского языка» указывает, что эти слова могут быть употреблены: 1) в своем обычном значении числительных: *тысяча рублей; двести тысяч десятин лесу*; состояние, равное *шести миллионам рублей*; в *два миллиарда раз* обильнее и 2) в значении большого количества, множества кого или чего-либо: *тысяча извинений; тысячи людей; миллион снежинок, миллиарды людей, миллиарды звезд, миллиарды миллиардов* (10. Т. 6. Стлб. 985, 987. Т. 15. Стлб. 1199).

Во втором случае, как видим, наблюдается передвижение этих слов из разряда определенно-количественных в разряд неопределенно-количественных числительных. Среди примеров, приводимых в данном словаре, встречаются и случаи употребления этих числительных в значении существительных: *разговаривать с тысячами* (людей), *судьбы миллионов, мечтать о миллионах* (большом состоянии, капитале). Одно ясно: первичная их функция – функция числительных, употребление же в значении неопределенно-количественных числительных и в значении существительных – позднейшая трансформация, а не первичное их значение (11, 12).

Партитивная счетная система. Дробь в математике – число, составленное из целого числа долей единицы, качественно однородной, а поэтому и принятой за единицу измерения. Существуют дробные числа – существуют и слова, выражающие их значения. Эти слова – дробные числительные.

Дробные числительные могут последовательно выражать систему партитивных чисел: *одна вторая, одна третья, одна четвертая, ... одна тысячная, ... одна миллионная, ...* и т. д.; *две третьих, ... две сотых* и т. д.; *девятьсот девяносто девять миллиардных* и т. д. Они оформились на основе эллипсиса существительного **часть** или **доля** в количественном словосочетании и обозначают дробную (не целую) величину, по своей структуре являющуюся составным числительным: в них количество долей (числитель) выражается определенно-количественным числительным, а название частей (знаменатель) – родительным падежом множественного числа порядковых числительных.

Грамматическая специфика дробных числительных охарактеризована Н.М.Шанским и А.Н.Тихоновым (13). В «Русской грамматике» о дробных числительных говорится: «В некоторых классификациях к составным числительным причисляются так называемые дробные числительные типа *две пятых* (подразумеваются доли единицы), *семь двадцатых, девять тридцать вторых*... Однако такие сочетания не могут быть отнесены к числительным. Они представляют собой имеющие количественное значение сочетания слов (часто с союзом *и*), относящихся к разным частям речи» (2. С. 574).

Из заключительного предложения этого отрывка можно сделать вывод, что в «Русской грамматике» аксиомой считается то, что сочетания слов разных частей речи не могут образовывать новой – третьей части речи. Однако это не аксиома, а гипотеза, требующая доказательств. Легче доказывается противоположное: сочетания разных слов (предлога и существительного): *в обхват, на дом, на ходу, с налету* – рассматриваются в «Русской грамматике» (и вполне справедливо!) как наречия (2. С. 405–406), а сочетания служебных слов с существительными или деепричастиями: *без сопровождения, в течение, по направлению, по поводу, несмотря на, исходя из* – как предлоги (2. С. 707–709).

Из приводимых примеров можно сделать вывод: сочетания слов разных частей речи могут образовать новую часть речи (конечно, одну из тех, которые уже имеются в частеречной системе русского языка). К тому же дробные числительные – сочетание не разных частей речи, а двух разрядов одной и той же части речи – количественных и порядковых числительных.

Порядковая счетная система. Числа, кроме указания на количество предметов, выполняют еще и функцию порядкового счета – счетного порядка следования однородных предметов: *первый, второй, третий, ... сотый, ... тысячный, ... миллионный*.

Порядковые числа выражаются счетными словами, называемыми **порядковыми числительными**. По морфологическим и синтаксическим признакам порядковые числительные очень сходны с прилагательными. Это и послужило основанием включать их в разряд относительных прилагательных и рассматривать как порядковые прилагательные.

Однако порядковые слова все же следует отнести к системе числительных, а не прилагательных, и вот почему.

1. Относительные прилагательные и порядковые числительные объединены в одну часть речи искусственно: они имеют разные объекты отражения действительности. Признак предмета, выраженный относительными прилагательными, раскрывается через его отношение к предмету (*кожаный портфель*), действию (*спасательная лодка*) или обстоятельству (*вчерашние новости*). А порядковые числительные своим объектом имеют только порядковый счет, только порядковую счетную систему, то есть такой признак, который прилагательным несвойственен.

Правда, относительные прилагательные могут указывать и на отношение к числу: *двадцатиградусный мороз* (*мороз* и *двадцать градусов*), *пятнадцатилетний возраст* (*возраст* и *пятнадцать лет*). Но это **сложные** относительные прилагательные. Они указывают на количественный признак, а не на порядковый счет: мороз на сколько градусов? на двадцать и т. п. А порядковые числительные, употребленные в значении прилагательных, приобретают качественную семантику, переставая при этом обозначать порядковый счет. Ср., например: *десятитысячный трактор*, выпущенный заводом, и *десятитысячный город* (в значении «имеющий десять тысяч жителей»). Способ их различения – постановка вопроса: «который?» – для порядковых числительных и «какой?» – для относительных прилагательных.

2. Порядковые числительные образуются от определенно-количественных числительных, и поэтому между ними наблюдается такая семантическая и словообразовательная связь, которая допускает их взаимное преобразование: *три стола* ↔ *третий стол*, *пять домов* ↔ *пятый дом*.

3. Окончания порядковых числительных *-ый, -ой, -ий* омонимичны флексиям прилагательных, а это дает основание порядковые числительные и прилагательные рассматривать как грамматические (частеречные) омонимы. Ср., например: *столовая комната* и *студенческая столовая; раненный осколком снаряда боец, раненый боец тихо стонал* и *раненый отправлен в госпиталь*. Ведь в подобных однокорневых словоформах их флексии рассматриваются как омонимичные и даже как суффиксы-окончания разных частей речи (6. С. 158). Так почему же разно-корневые слова (порядковые числительные и относительные прилагательные), семантически и деривационно далекие между собой, объединяются в одну часть речи? Серьезного научного ответа на этот вопрос современные грамматики не дают.

«В мире нет ничего, кроме движущейся материи, и движущаяся материя не может двигаться иначе, как в пространстве и во времени» (14). Любая из форм движущейся материи может быть охарактеризована в счетном аспекте. Мерой форм движущейся материи (дискретной и предварительно дискретизированной для счета) является число, система чисел, которые выражают различие между их единичностью и точным множеством даже в разноструктурных языках (15). В русском языке число, система чисел выражается счетными словами, которые в грамматике называются числительными.

При рассмотрении некоторых основных вопросов лексико-грамматического статуса числительных мы исходили из комплекса критериев выделения частей речи, предложенного «Русской грамматикой»: «*Части речи* – это грамматические классы слов, характеризующиеся совокупностью следующих признаков: 1) наличием обобщенного значения, абстрагированного от лексических и морфологических значений всех слов данного класса; 2) комплексом определенных морфологических категорий; 3) общей системой (тождественной организацией) парадигм и 4) общностью основных синтаксических функций» (2. С. 457). Такое понимание частей речи в целом заслуживает положительной оценки, хотя, следует заметить, нет ни одной части речи, которая строго отвечала бы всем этим требованиям.

Глагол, например, представляет собой соединение весьма разнородных грамматических явлений: прежде всего форм (спрягаемых и неспрягаемых, подразделяющихся на склоняемые и неизменяемые), затем многочисленных категорий – классифицирующих и дифференцирующих (вид, залог, наклонение, время, лицо, число, род, а если причастие – падеж, полная и краткая форма). Глагол и синтаксически неоднороден: его формы (то одни, то другие) могут выполнять функции всех членов предложения – главных и второстепенных. Однако такая их грамматическая пестрота не явилась препятствием к объединению всех глагольных форм в одну самостоятельную часть речи – глагол, потому что у них имеется три общих постоянных признака: значение действия в широком понимании, переходность–непереходность и категория вида.

Поразительна частеречная пестрота и категории наречий, которая, по образному выражению В.В.Виноградова, «исстари являлась свалочным местом для всех так называемых «неизменяемых» слов» (6. С. 569). Поэтому-то «Русской грамматикой» они как часть речи определяются преимущественно по семантическому признаку (2. С. 703).

Числительные по своей деривационной и морфологической пестроте, по многообразию синтаксических функций не представляют частеречного исключения:

1) каждый их лексико-грамматический разряд, каждая их группа выделяется своей словообразовательной спецификой;

2) характерной чертой количественных числительных является полное отсутствие у них категории рода (за исключением *один, два*) и числа (за исключением *один*): ведь они выражают абстрактные числа, а при обозначении точного количества предметов сочетаются с существительными разных родов;

3) каждая семантико-деривационная группа количественных числительных имеет свою парадигматику. У нумератива *один* она омонимична парадигматике прилагательных, а у числительных *тысяча, миллион, миллиард* – падежно-числовым формам существительных;

4) у порядковых числительных материальное выражение категорий рода, числа и падежа **омонимично** материальному выражению этих же категорий у прилагательных.

Но объединяет все числительные общий объект – **счетная система** русского языка, которую они выражают в различных аспектах, – и общеименная категория падежа.

В связи с этим возникает необходимость пересмотреть существующую ныне точку зрения, согласно которой числительные – это слова, обозначающие только количество предметов. Числительным, на наш взгляд, следует дать такое определение: «**Числительное** – это именная

часть речи, выражающая существующую в современном русском языке количественную и порядковую счетную систему, а также единицы этой системы, имеющие общую парадигматику по семантико-деривационным разрядам и группам».

История русского языка показывает эволюционное развитие счетной системы в течение ряда эпох. Числительные для выражения счетных единиц выделялись из синкретичного древнерусского имени, и поэтому неудивительно, что одни числительные имеют омонимичные формы существительных, другие – прилагательных (16). Выделились. Так зачем же теперь снова числительные объединять с ними?!

На основе конкретного количества предметов формируется понятие абстрактного числа, а затем на основе конкретного количества предметов и последовательно расширяющихся абстрактных чисел сформировалась современная счетная система. Таким образом, специфика исторического развития числительных – от названия количества конкретных предметов к абстрактному числу и к выражению абстрактной счетной системы. <...>

Литература

1. «Русская грамматика» Антона Алексеевича Барсова. М., 1981. С. 99.
2. Русская грамматика. М., 1980. Т. 1.
3. Современный русский язык / Под ред. В.А.Белошапковой М., 1981.
4. Янко-Триницкая Н.А. Русская морфология. М., 1982. С. 59.
5. Реформатский А.А. Число и грамматика // Вопросы грамматики: Сб. статей к 75-летию акад. И.И.Мещанинова. М., Л., 1960.
6. Виноградов В.В. Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
7. Милославский И.Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981. С. 123.
8. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. М., 1983.
9. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. СПб., 1893. Т. 1. С. 650, 651.
10. Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М., Л., 1948 – 1965.
11. Лукин М.Ф. Трансформация частей речи в современном русском языке. Донецк, 1973. С. 53–54.
12. Лукин М.Ф. Морфология современного русского языка. М., 1973. С. 103.
13. Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. М., 1981. С. 146. Ч. 2. Словообразование. Морфология.
14. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Полн. собр. соч. Т. 18. С. 181.
15. Швачко С.А. Языковые средства выражения количества в современном английском, русском и украинском языках. Киев, 1981.
16. Иванов В.В., Потиха З.А. Исторический комментарий к занятиям по русскому языку в средней школе. М., 1985. С. 102.

Лукин М.Ф. К вопросу о лексико-грамматическом статусе числительных в современном русском языке // Вопросы языкознания. 1987. № 6.

Задание

Сформулируйте точку зрения автора статьи на числительное как часть речи в современном русском языке и дополните данной информацией § 3 «Имя числительное» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Почему, по мнению М.Ф.Лукина, требует пересмотра определение грамматического объекта имени числительного как части речи?
2. Что, по мнению М.Ф.Лукина, является объектом имени числительного как части речи?
3. Какие виды счетной системы выделяются в современном русском языке и в чем специфика каждого вида?

ЯВЛЯЮТСЯ ЛИ МЕСТОИМЕННИЯ ЧАСТЬЮ РЕЧИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ?

Вопрос о частях речи в русском языке принадлежит к числу «вечных» вопросов. Однако невозможность окончательного их решения не означает невозможности движения в направлении к решению.

К сожалению, большинство наших грамматик – от академической до школьной – предпочитают не замечать достижений лингвистов в области учения о частях речи. К числу таких незамечаемых достижений относятся работы о положении местоимений среди частей речи. И в академической грамматике 1970 г., и в школьной грамматике, вышедшей первым изданием в 1971 г., выделяются местоимения как часть речи, хотя объем местоимений как части речи и толкуется в обеих указанных работах по-разному¹.

Сомнения в существовании местоимений как части речи высказал еще А.А.Потебня, деливший все слова на два лексико-семантических типа: на слова 1) «качественные», отражающие действительность в ее конкретных признаках, и 2) «указательные», означающие явления и восприятия указанием на их отношение к говорящему лицу.

В советское время местоимениям отказывали в статусе частей речи такие, например, лингвисты, как В.В.Виноградов, А.М.Пешковский, М.И.Стеблин-Каменский. В.В.Виноградов писал: «Если местоимения собрать в один класс, то нарушится цельность системы частей речи: в классе местоимений окажутся слова разной грамматической природы. Объединение местоимений возможно лишь на основе лексико-семантических признаков. Но тогда к местоимениям придется отнести и некоторые из тех слов, которые являются существительными, прилагательными, наречиями, союзами и даже глаголами»². В.В.Виноградов решительно возражал против включения в местоимение прилагательных *этот, весь, каждый, всякий* и других, числительных *столько, сколько*, наречий *здесь, так, по-моему* и др. Однако ученый полагал, что предметно-личные местоимения обладают некоторыми грамматическими особенностями, позволяющими видеть в этих лексемах «грамматические пережитки местоимений как особой части речи в русском языке».

Как известно, к предметно-личным местоимениям относятся следующие лексемы: *я, ты, мы, вы, он, она, оно, себя, кто, никто, некто, кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кое-кто, некого, что, ничто, нечто, что-то, что-нибудь, что-либо, кое-что, нечего*.

Рассмотрим подробнее их грамматические особенности³.

Категория числа. Среди предметно-личных местоимений выделяются лексемы, чуждые идее счета: *я, ты, мы, вы* (в настоящее время нет нужды доказывать, что *мы* не мн. ч. от *я*, а *вы* – мн. ч. от *ты*) – и не чуждые идее счета: *он, она, оно, себя*, видимо, *кто* и производные от него. Сложнее обстоит дело с лексемой *что* и производными от нее. Предельная обобщенность семантики наводит на мысль, что указание на количественное противопоставление чуждо этим лексемам. Однако способность указывать на конкретный предмет или явление позволяет предполагать возможность содержательных противопоставлений по числу. Оставим этот вопрос пока открытым.

Лишь лексемы *он, она, оно* морфологически выражают противопоставление по числу – *они*. Наличие омонимичных форм множественного числа встречается и у существительных, ср.: *супруги* мн. ч. от *супруг* и от *супруга*. Остальные лексемы выражают значение числа синтаксически. *Я* и *ты* имеют синтаксическое единственное число. Они тождественны в отношении к категории числа таким существительным, как *листва, молодежь, совесть, МГУ, Тбилиси*. *Мы* и *вы* имеют синтаксическое множественное число. В отношении категории числа они тождественны таким существительным, как *дрожжи, финансы, хлопоты, Черемушки, Сочи*. Лексема *себя*, а также *кто* и производные от него могут иметь синтаксическое единственное и множественное число (*кто такие, приходили кое-кто, нечем заменить таких* и т. д.). Эти лексемы в отношении к категории числа тождественны таким существительным, как *пальто, какаду, такси*, и другим неизменяемым существительным, не чуждым идее счета.

Вернемся к лексеме *что* и производным от нее. Если считать их чуждыми идее счета, то с точки зрения грамматической категории числа они ведут себя так же, как *я, ты, МГУ*, то есть обладают лишь синтаксическим единственным числом. Если же не считать лексему *что* и производные от нее чуждыми идее счета, то они, как кажется, выступают единственными в своем

роде. В самом деле, идея счета присутствует, а средств для ее выражения – ни морфологических, ни синтаксических – нет. Однако эта уникальность указанных лексем в отношении категории числа кажущаяся. В таком же положении находятся в русском языке существительные *сани, брюки, ножницы, ворота, щипцы* и т. д. Они не чужды идее счета, однако не имеют ни морфологических, ни синтаксических средств для выражения числовых противопоставлений (ср.: *новые сани* об одних и о многих санях). Вся разница между лексемами типа *что* и *сани* заключается в синтаксическом значении числа: в первом случае – единственное, во втором – множественное. Никаких глубоких, принципиальных различий между лексемами двух типов нет.

Таким образом, при любой трактовке содержательных свойств лексемы *что* и производных от нее так называемые местоимения-существительные не обладают в отношении категории числа никакими особенностями, каких нет у имен существительных. <...>

Категория рода. Если признать существование 3 традиционных грамматических родов, то многие существительные, равно как и местоимения *мы* и *вы* (ведь они не формы местоимений *я* и *ты* соответственно), окажутся не охарактеризованными по роду. Если принять систему из 4 родов (включая и парный), то все существительные и предметно-личные местоимения окажутся охарактеризованными по роду. *Мы* и *вы* тогда следует относить к парному роду. Есть, однако, и другое решение: считать *мы* и *вы* лексемами с дефектной парадигмой (как *детушки* и *девушата*). В этом случае *мы* и *вы* можно отнести к любому из трех родов.

И при 3-, и при 4-родовой системе у одних лексем местоимений род будет определяться однозначно, а у других – неоднозначно. Впрочем, неоднозначное определение родовой принадлежности характеризует и некоторые существительные. Речь идет о существительных так называемого общего рода типа *неряха, невежда, сирота, староста* и т. д. Местоимение *что* и производные от него принадлежат к среднему роду. Местоимение *нечего* из-за дефекта в парадигме – отсутствия формы именительного падежа – теоретически может принадлежать и к мужскому, и к среднему роду. Однозначно определяется род у местоимений *он, она, оно*. Это мужской, женский и средний соответственно. Все остальные местоимения определяют значение рода неоднозначно. *Я* и *ты*, как и существительные общего рода, могут принадлежать и к женскому, и к мужскому роду (*Я пришел; Я пришла; Что с тобой неразумным (и неразумной) делать?* и т. д.).

В.В.Виноградов приводит примеры, когда в исключительных контекстах *я* может получать значение и среднего рода (*дитя* или *горлышко бутылки*, говорящие о себе). Ко всем трем (или четырем) родам может относиться местоимение *себя*. Местоимение *кто* и производные от него по преимуществу относятся к мужскому роду, но могут относиться и к женскому (*Кто такая? Была ли кто-нибудь из нас довольна своей судьбой?*). Таким образом, может показаться, что род у местоимения *кто* и производных от него функционирует таким же образом, как и у существительных общего рода. Однако это не совсем так. У существительных общего рода женский род указывает на лицо женского пола, мужской род – мужского. Перед нами равнозначная эквиполентная оппозиция.

У местоимений типа *кто* по этому признаку налицо привативная оппозиция. Мужской род оставляет пол лица невыраженным (*Кто пришел? Кто-нибудь из женщин был здесь?*), женский род явно указывает на женский пол (*Появилась некто в белом*). Указанное местоимение, таким образом, ближе по родовой характеристике к таким «кандидатам» в слова общего рода, как *врач, инженер, агроном*. Женский род глагола в прошедшем времени у лексем *кто* и *врач* указывает на женский пол лица. Мужской род оставляет вопрос о поле лица открытым. Однако по родовой характеристике *кто* отличается и от *врач*, так как в принципе может сочетаться с прилагательными и глаголами и мужского, и женского рода. *Врач* обычно не сочетается с прилагательными в форме женского рода.

Итак, местоимения *я, кто* и производные от него устроены в отношении категорий рода не совсем так, как существительные общего рода: *я* имеет не 2 рода, а более; *кто* и производные от него дают противопоставлениям по роду иное, чем у обычных существительных общего рода, номинативное наполнение. Вряд ли, однако, эти обстоятельства могут служить основанием для выделения местоимений в особую часть речи. Части речи выделяются на основе **наличия** или **отсутствия** грамматических категорий, а не на основе тех значений, которые принимают грамматические категории в том или другом случае (ср.: «наклонение» – и «изъяв.», «сослаг.», «повелит.»; «падеж» – и «им.», «род.», «дат.» и т. д.). Но если, допустив логическую ошибку, принять за осно-

вание не сам общий признак, а его конкретное значение, то в местоимение как часть речи не попадут ни *мы*, ни *вы*, ни *он*, *она*, *оно*, ни *что* и производные от него. Ведь у всех этих лексем категория рода устроена так же, как у обычных существительных.

Одушевленность – неодушевленность. В соответствии с этой грамматической категорией большинство обсуждаемых лексем не обладает специфическими особенностями: *что* и производные от него – неодушевленные; *кто* и производные от него, *я*, *ты*, *мы*, *вы* – одушевленные.

И одушевленными, и неодушевленными могут быть *он*, *она*, *оно*, *себя*. В этом, однако, нет ничего необычного, ведь и одушевленными, и неодушевленными (с грамматической точки зрения) могут быть и существительные, такие как *вирус*, *микроб*: *Знаю этого микроба* и *Знаю этот микроб*. <...>

Сторонники сохранения местоимения как части речи указывают на специфику связи местоимений-существительных с определяющими словами. Однако специфика эта никакого отношения к роду как грамматической категории не имеет. Для категории рода и одушевленности не существенно, как много изменяемых прилагательных может быть присоединено к данному существительному или местоимению (кстати, В.В.Виноградов убедительно показал, что местоимения легко соединяются с такими показывающими значение рода лексемами, как *один*, *сам*, *весь*, *первый*). Для категорий рода и одушевленности существительных тем более несущественно, будет ли определяющее слово стоять в препозиции или постпозиции, возникнет ли полупредикативная связь или нет.

Таким образом, внимательное рассмотрение грамматических категорий неизбежно приводит к мысли об отсутствии морфологических оснований для выделения предметно-личных местоимений в особую часть речи. Справедливости ради следует заметить, что среди существительных нет лексем, являющихся одновременно существительными общего рода и имеющими какие-либо аномалии в отношении числа. Все существительные общего рода не чужды идее счета и морфологически выражают противопоставление по числу. Наличие у местоимений такой контаминации «отклонений от нормы», разумеется, не может быть основанием для выделения их в особую часть речи. Но если вопреки логике возникнет такое допущение, за пределами местоимений как части речи останутся лексемы *мы*, *вы*, *он*, *она*, *оно*, *что* и производные от него.

Выделение предметно-личных местоимений в особую часть речи иногда аргументируют особенностями их склонения (супплетивизм, наращение *н*, разрыв основы). С этим нельзя согласиться. Части речи не выделяются на основе типов словоизменения хотя бы потому, что невозможно найти разумных оснований, по которым одни типы словоизменения формируют существительные, другие – прилагательные, третьи – местоимения. Но даже если бы такие основания были найдены, из существительных прилагательными стали бы такие лексемы, как *парикмахерская*, *булочная*, *прохожий*, *мостовая*. На том же основании из глаголов следовало бы, например, исключить лексемы *идти* (потому что *шел*), *слать* (потому что *шлю*).

Однако в связи с категорией падежа у местоимений-существительных необходимо сделать следующее замечание. В грамматике обычно русская падежная система выступает как шестичленная в соответствии с формами словоизменения местоимений *кто* и *что*. Однако изменение русских существительных по падежам не укладывается в это прокрустово ложе (местный падеж, второй родительный и т. д.). Дело в том, что ни одно русское существительное, в том числе и местоименное, не содержит в своей парадигме всех тех различий, которые формируют систему русских падежей.

Школьная грамматика при помощи различного рода вопросов рекомендует определять не только падежи, но и род существительных, вид глагола, части речи. А что представляют собой все эти вопросы, как не местоимения? Поэтому в связи с проблемой местоимений «вопрос о вопросах» заслуживает специального рассмотрения.

Школьная практика демонстрирует эффективность применения вопросов, в частности, при морфологическом разборе. Выше отмечалось, что определение падежа существительных по вопросам дает несколько упрощенную картину русской падежной системы. Как, например, с помощью вопросов определить разницу между *в лесу* (ком? чем?) и *о лесе* (ком? чем?)? Вопросы одинаковые, следовательно, и падеж в обоих случаях один и тот же. Но формы существительных различны, следовательно, и падежи разные, чего, однако, с помощью вопросов обнаружить не удастся. Или другой случай. Надо определить вид глагола в предложении *Где вы шли это пальто?* Вопросы «что делали» и «что сделали?» в этой ситуации одинаково допустимы. Значит, они указывают, что глагол двувидовой. В действительности это не так...

Поэтому вопросы являются хотя и эффективным, но не универсальным средством морфологического анализа. Кроме этого, анализ по вопросам применим только при изучении родного языка. Изучающий неродной язык не знает, какой вопрос образует правильное предложение, а какой – неправильное или иное по смыслу. Таким образом, вопросы – это некоторый рабочий прием, «прибор», которым можно успешно пользоваться при изучении многих (но не всех!) морфологических явлений родного (и только!) языка.

К сожалению, даже в известной школьной грамматике⁴ вопросительным местоимениям *кто, что, какой, чей, который, сколько* отводится не вспомогательная, а основополагающая роль в формировании грамматического мышления учащихся. Через эти местоимения определяются части речи. Но ведь определение существительного через *кто, что*, прилагательного через *какой, чей, который* уже имплицитно означает включенность указанных местоимений в соответствующую часть речи! Следовательно, по самому определению, например, существительные и прилагательные, *кто, что, какой, чей, который* не могут быть включены в местоимение как в часть речи.

В упомянутой школьной грамматике местоимение определяется как «часть речи, которая указывает на предметы, признаки и количества, но не называет их». Значит, местоимения – это и такие лексемы, как *вещь* (*Бал – вещь хорошая*); *определенный* (*Достигнут определенный прогресс*); *иначе, так*. Но если последние два слова – местоимения (это явно следует из цитированного определения), то как следует относиться ко второму предложению из этого же определения: «Все местоимения изменяются по падежам»? С другой стороны, слова *я, ты, некто*, определяемые той же грамматикой как местоимения, явно подходят под определение существительных, данное там же: «Имя существительное – часть речи, которая обозначает предмет и отвечает на вопросы «кто?», «что?». Имена существительные относятся к мужскому, женскому или среднему роду, являются собственными или нарицательными, одушевленными или неодушевленными. Большинство имен существительных изменяется по падежам и числам».

Итак, «школьные» местоимения не могут быть выделены в часть речи на семантическом основании. Местоименные существительные не могут образовать особой части речи, выделяемой на морфологических основаниях. Однако местоименные лексемы, бесспорно, обладают рядом синтаксических особенностей. У местоименных существительных отсутствует, например, так называемый родительный притяжательный, ср.: *отцов дом* и *дом отца*, но *мой дом* не «трансформируется» в *дом меня*. Классификация словоформ (не лексем!) на основе их синтаксических функций представляет собой актуальную задачу русского языкознания. При этом надо ясно понимать, что эта классификация будет очень мало походить на традиционное выделение частей речи. В ней, в частности, краткие прилагательные будут противопоставлены полным, именительный падеж существительных – другим падежам и т. д. Без сомнения, в *такой* классификации местоимения не сохранят единства, но займут свое особое место.

Примечания

¹ Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 305; Русский язык: Учеб. пособие для 5 класса. М., 1972. С. 176.

² Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972. С. 258.

³ Ср. подобный анализ в кн.: Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 61–62, 80–82.

⁴ Русский язык: Учебник для 5 класса. М., 1973.

Милославский И.Г. Являются ли местоимения частью речи в русском языке? // Проблемы теории и истории русского языка. М., 1980.

Задание

Изложите в тезисной форме основные положения данной статьи и определите свое отношение к проблеме местоимения как части речи. Дополните данной информацией § 4 «Местоимение» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Какой круг местоименных слов рассматривает в своей статье И.Г.Милославский?

2. Какие аргументы приводит И.Г.Милославский в пользу того, что нет «морфологических оснований для выделения предметно-личных местоимений в особую часть речи»?

3. Как позиция И.Г.Милославского в отношении местоимения как части речи соотносится с позицией авторов Русской грамматики (М., 1980. Т. 1), выделяющих в качестве части речи местоимение-существительное?

Л.Я. Маловицкий

О МЕСТОИМЕНИИ «ОН»

Традиционное понимание местоимения *он* как личного в последнее время отвергается некоторыми русистами. Так, в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) это местоимение называется указательным. Для такого утверждения есть некоторые основания. Действительно, местоимение *он*, генетически указательное, в современном языке сохраняет некоторые формальные и семантические черты, общие с указательными. Совпадают падежные флексии данных местоимений (*его – этого; их – этих* и т. п.). Анафоричное значение присуще местоимениям *он* и *этот*. Форма среднего рода *оно* способна выступать с указательным значением, близким по значению к *это*.

Однако даже все эти формальные и семантические признаки у местоимения *он* и указательных местоимений не являются адекватными.

Падежная парадигма *он – его* расходится с парадигмой указательных местоимений постоянным совпадением форм винительного и родительного падежей (*его, ее, их*) вне зависимости от указания на одушевленный или неодушевленный предмет (*увидели его – человека, самолет* и т. д.) и супплетивностью основ (*он – его, она – ее, они – их*). Супплетивность склонения и совпадение форм винительного и родительного падежей – характерные особенности парадигмы местоимений и 1-го, и 2-го лица.

Местоимение *оно* существенно отличается от указательного *это* в семантическом отношении: местоимение *он* чаще всего характеризуется конкретной предметной отнесенностью в соответствии с контекстом, тогда как местоимение *это* чаще всего выражает обобщенно-указательное значение и соотносится с целым предложением и текстом. Так, в предложении:

Чем менее доступно место, тем *оно* интереснее для геолога. (Комсомольская правда. 1970. 28 ноября) – подстановка *это* вместо *оно* кардинально меняет смысловые отношения. Обобщающая сила местоимения столь велика, что оно с полным основанием рассматривается как структурный элемент сложного целого, как «представитель» придаточной части в структуре главной¹. Ср. также конструкции типа *Наши дети – это наше будущее*, где обобщение приобретает степень грамматической абстракции и где *это* теряет категориально-прономинальное значение.

Тем не менее данные частные наблюдения не дают права для окончательного определения статуса местоимения *он* в современном русском литературном языке. Для этого требуется рассмотрение системных связей местоимения *он*, прежде всего его отношения к личным местоимениям.

Система личных местоимений современного русского языка характеризуется двумя противопоставлениями: по участию в речевом (коммуникативном) акте и по указанию на лицо. Местоимение 1-го лица обозначает говорящего (адресанта) с позиции самого говорящего, а местоимение 2-го лица – слушающего (адресата). Поскольку обобщение предполагает обмен информацией, постольку корреляция 1-го и 2-го лица обратимая, то есть 2-е лицо в ответе становится адресантом и выражается местоимением 1-го лица, а 1-е лицо занимает позицию 2-го (адресата) и выражается местоимением 2-го лица (*Ты читал эту книгу? – Нет, я ее не видел* – здесь *ты* и *я* указывают на одного и того же человека, обладают одной и той же предметной отнесенностью).

Местоимение *он* занимает особое положение в системе личных местоимений: оно обозначает объект, не участвующий в речевом акте. В.А.Богородицкий подразделял личные местоимения на диалогические (1-го и 2-го лица) и местоимение 3-го лица, «стороннего разговаривающим»².

Однако местоимение *он* способно также выражать и участие в речевом акте, если это участие не соотносится с моментом речи³. Как известно, сама элементарная коммуникация обеспечивается говорящим и слушающим. Этот коммуникативный минимум передается местоимениями 1-го и 2-го лица. Однако речевое общение не всегда уместается в двучленную схему. Оно значительно полнокровнее, сложнее, богаче. Во-первых, диалог может вестись третьим лицом (*Он сказал мне*), во-вторых, диалог может идти о третьем лице (*Я приглашу его к тебе*).

Естественно, что выделенные общие случаи усложнения коммуникативного акта включают в себя значительное число разновидностей.

Е.Бенвенист заметил, что если 1-е и 2-е лицо соотносены с моментом речи, то 3-е лицо не выявляет такой соотношенности⁴. Действительно, о третьем лице как об участнике коммуникации можно говорить лишь тогда, когда повествуется о диалоге в прошлом или в будущем времени. Даже в ситуации *Я слышу, что он тебе говорит* факт общения между *он* и *ты* предстает для *я* свершившимся, поскольку *я* прерывает диалог.

Следовательно, местоимение *он* способно выражать как участие, так и неучастие в коммуникативном акте, то есть является нейтральным, неотмеченным членом противопоставления по принципу неучастия в акте коммуникации. Эта нейтральность проявляется в контекстуальных значениях местоимения *он*. Как известно, местоимение *он* может выступать как в значении «чужой», «враг» и т. д., так и в значении «близкий», «любимый». Развитие семантических вариантов «чужой», «враг» и т. п. можно объяснить конкретизацией значения «сторонний говорящему». (Здесь значение 3-го лица противопоставлено значениям 1-го и 2-го лица: *мы* и *они*). Ср. постепенное усиление значения «сторонности» в следующих примерах:

Я казался себе в эти минуты посторонним. Это был не я. Это был – *он*. (Ю.Герман. Наш друг – Иван Бодунов). – Не следует думать, что я – или, если вам угодно, тот молодой человек – находился в творческой командировке... *Он* был командирован отделением Югроста. (В.Катаев. Трава забвения). – Восточные языки – вот главное! – воскликнул он. – На восточные языки *их* недостает... – Он не без иронии произносил «их», что означало «тех... не столько родовитых, сколько имущих». (С.Дангулов. Дипломаты). – Это *они* [немцы.– Л.М.], Толя, это *они*! – прошептала Вера, крепко прижимаясь к Анатолию. Он попытался овладеть собой и сказал: – Почему именно «они»? Может быть, это наши! (А.Чаковский. Блокада). – Как же велико различие, – размышлял я, – между нашим и тем мирами! *Мы* и *они* – два социальных полюса. (В.Емельянов. О времени, о товарищах, о себе...).

Значение неучастия в речевом акте, значение «сторонности» накладывает ограничения этического характера на употребление местоимения *он* по отношению к присутствующему при разговоре:

– Что еще за спор? – сурово спросила она [мать.– Л.М.]. – А чего же *она* [бабушка – Л.М.] говорит, – сказал я, – что я сказал «хатуп». – Не *она*, а бабушка, – поправила мать. (В.Войнович. Два товарища).

Вторая линия семантических вариантов объясняется тем, что местоимение *он*, входя в систему личных местоимений, способно в определенных условиях обозначать лицо, участвующее в коммуникативном акте, и становиться в один ряд с местоимениями 1-го и 2-го лица. Отсюда – контекстуальные значения «близкий», «любимый»:

Она меняла прически и платья. *Она* училась и была на войне. *Она* рожала и опять училась. *Она* хоронила близких. «*Она*», а хочется сказать «*мы*». Но нет – не скажу так. Я опять скажу «*она*». *Она* всегда была такой и теперь стала еще лучше. (С.Баруздин. Повторение пройденного).

Ср. блестящее использование этого значения А.С.Пушкиным в стихотворении «*Она*»:

- «Печален ты; признайся, что с тобой».
- Люблю, мой друг! – «Но кто ж тебя пленила?»
- Она. – «Да кто ж? Глицера ль, Хлоя, Лиля?»
- О нет! – «Кому ж ты жертвуешь душой?»
- Ах, ей! – «Ты скромн, друг сердечный!
- Но почему ж ты столько огорчен?
- И кто виной? Супруг, отец, конечно...».
- Не то, мой друг! – «Но что ж?» – Я ей не *он*.

По указанию на лицо местоимение *он* также нейтрально: оно может указывать как на одушевленный, так и на неодушевленный предмет (лицо):

Я знал *рабочего*. *Он* был безграмотный. (В.Маяковский. Владимир Ильич Ленин). Белеет *парус* одинокий в тумане моря голубом. Что ищет *он* в стране далекой? Что кинул *он* в краю родном? (М.Лермонтов. Парус).

Таким образом, местоимение *он*, несомненно, входит в разряд личных местоимений, что подтверждается многочисленными фактами.

Во-первых, в системе личных местоимений это местоимение выступает нейтральным членом, тогда как в системе указательных местоимений для него нет места. Во-вторых, на фор-

мально-грамматическом уровне местоимение *он* характеризуется супплетивностью склонения и формой вин. падежа, общей с родительным, что свойственно парадигме личных местоимений и не свойственно парадигме указательных. В-третьих, функциональное местоимение *он* также квалифицируется как личное. Оно выполняет функции подлежащего и дополнения и не употребляется в роли определений. Для указательных местоимений наиболее характерна атрибутивная функция, а не субъектно-объектная.

Поэтому нам представляется справедливым утверждение, что местоимение *он* в современном русском литературном языке нельзя считать указательным⁵.

Примечания

¹ См.: *Полищук В.М.* Сложноподчиненные предложения с конструктивным местоимением «это» в главной части // Русский язык в школе. 1970. № 6. С. 93.

² *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935. С. 160.

³ З.М.Мурыгина местоимение 3-го лица называет «потенциальным участником коммуникации». См.: *Мурыгина З.М.* Дейктические значения личных местоимений *мы, вы* в русском языке // Язык и человек. М., 1970. С. 219.

⁴ *Benvenist E.* La nature des pronoms. «For Roman Jakobson». The Hague, 1956. P. 35, 37.

⁵ См.: *Бондарко А.В., Кодухов В.И.* О новой модели описания грамматического строя русского языка // Вопросы языкознания. 1971. № 6. С. 35; *Моисеев А.И.* Грамматика современного русского литературного языка // Русский язык в школе. 1972. № 1. С. 110.

Маловицкий Л.Я. О местоимении «он» // Русский язык в школе. 1973. № 1.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией § 4 «Местоимение» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Почему местоимение «он» занимает особое положение в системе личных местоимений?
2. Какими фактами подтверждает Л.Я.Маловицкий тезис о том, что местоимение «он» входит в разряд личных местоимений?

А.В. Бондарко

СТРОЕНИЕ СИСТЕМЫ ВРЕМЕН И СЕМАНТИЧЕСКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ЕЕ ЧЛЕНОВ

Начнем с центрального для данной системы понятия – *момента речи*. Необходимо различать *внеязыковой момент речи* и *момент речи языковой, грамматический*. Внеязыковой момент речи – это элемент объективного времени. Говорящий определяет время действия с точки зрения момента своей речи, но данный момент находится вне языка, так же, как вне языка находятся действия и предметы, явления и отношения реальной объективной действительности. Грамматический же момент речи представляет собой отражение реального момента речи в языке. Это элемент системы языка. Он заключен в самой системе временных форм русского глагола, в дифференциальных семантических признаках данной системы. Отношение к грамматическому моменту речи отличает одну форму времени от другой. Каждая временная форма несет в своем грамматическом значении определенное отношение к этому ориентиру. Так, если мы возьмем вне контекста форму *буду писать*, то в ней уже заключено отношение следования с точки зрения грамматического момента речи. Взятая вне контекста форма *писал* заключает в себе отношение предшествования, а форма *пишу* – отношение одновременности. Указанные временные отношения фиксируются и выражаются в системе времен, а тем самым находят грамматическое выражение и момент речи как центр этой системы и основной принцип ее организации.

Говорящий в реальном акте речи использует ту форму, которая своим грамматическим значением соответствует цели и смыслу высказывания. И тогда временное отношение к грамматическому моменту речи, заключенное в форме, связывается с внеязыковым моментом речи. *Я буду тебе писать* – это будущее с точки зрения момента речи говорящего. *Он обещал, что будет писать* – это будущее с точки зрения момента прошлого, к которому относится действие *обещал*.

Итак, следует различать постоянно движущийся момент речи как элемент объективного времени и отражение понятия об этом моменте, зафиксированное в системе грамматических форм глагола. В речи, в конкретном высказывании говорящий, устанавливая время действия, ориентируется на момент своего высказывания или на какой-то другой момент внеязыкового времени. Но для выражения временного отношения действия в данном конкретном случае речи используются грамматические формы языка, в которых уже заложено грамматическое значение времени, установленное не говорящим, а грамматической языковой системой.

Обычно система времен изъявительного наклонения представляется следующим образом:

Прошедшее	Прошедшее несовершенное (открывал)	Прошедшее совершенное (открыл)
Настоящее	Настоящее несовершенное (открываю)	–
Будущее	Будущее несовершенное (буду открывать)	Будущее совершенное (открою)

В этой схеме¹ дана система трех времен, из которых прошедшее и будущее представлены формами как несовершенного, так и совершенного вида, тогда как настоящее время выступает только в несовершенном виде. Вопрос о трактовке формы типа *открою* – один из наиболее сложных в проблематике системы времен изъявительного наклонения. Поэтому ему следует уделить особое внимание.

Изолированное положение настоящего несовершенного, не имеющего соответствия в совершенном виде, связано с тем, что формы совершенного вида типа *открою* не могут выступать в значении конкретного настоящего времени момента речи. Однако давно уже была отмечена способность форм типа *открою* выражать другие семантические разновидности настоящего времени (настоящего неактуального), не связанные с выражением конкретного действия, протекающего именно в момент речи. <...>

Форму типа *открою* мы трактуем как многозначную, семантически двойственную. Эта форма обладает двумя частными значениями – будущего и настоящего неактуального, полностью оправдывая, таким образом, название формы настоящего-будущего совершенного². Распадение семантики этой формы на два временных значения подчеркивается и усиливается наличием в несовершенном виде двух различных форм для выражения настоящего и будущего времени: *открою* противопоставляется, с одной стороны, форме *открываю*, а с другой – *буду открывать*. Каждое из указанных частных значений является вариантом общего значения данной формы, заключающегося в потенциальной способности выражать эти временные отношения.

Основным (главным) значением формы настоящего-будущего совершенного следует признать значение будущего. Это значение не ограничено какими-либо специальными условиями контекста. Оно синтаксически свободно. Иначе обстоит дело со значением настоящего неактуального. Выражение этого значения является побочной функцией рассматриваемой формы. Для его реализации необходимы особые условия контекста. Так, для понимания действия, выраженного формой типа *открою*, как настоящего необходимо, чтобы была обозначена или подразумевалась его повторяемость, обычность. Как правило, при этом в контексте выступают соотносенные друг с другом действия в кратно-парной или кратно-цепной конструкции. Могут быть и другие специальные условия, например, наличие отрицания и модального оттенка невозможности (*Никак не найду книгу*). Напротив, для понимания действия как будущего достаточно отсутствия тех особых условий, которые необходимы для выражения настоящего неактуального (*Я найду книгу* и т. п.).

Значение абстрактного настоящего, как и всякое частное значение, представляет собой результат взаимодействия грамматической формы и контекста. Это значение потенциально заложено в самой форме настоящего-будущего совершенного, но для своей реализации оно нуж-

дается в помощи контекста. Контекст должен «выключить» основное значение будущего времени и создать благоприятные условия для проявления значения настоящего неактуального, «включить» это значение и принять участие в его выражении.

Итак, систему времен изъявительного наклонения целесообразно представить следующим образом:

Прошедшее	Прошедшее несовершенное (<i>открывал</i>)	Прошедшее совершенное (<i>открыл</i>)
Настоящее	Настоящее несовершенное (<i>открываю</i>)	Настоящее будущее совершенное (<i>открою</i>)
Будущее	Будущее несовершенное (<i>буду открывать</i>)	

В эту систему включены лишь регулярно образуемые и активно функционирующие формы. Поэтому здесь не отмечены выходящие из живого употребления непродуктивные формы типа *сизживал, певал, едал*. Такие формы не относятся к активному и регулярному ядру временной системы, а лишь примыкают к нему. Употребление этих форм с основным значением «давнего обыкновения» детально и всесторонне описано в ряде специальных работ³. Поэтому возвращаться к ним в дальнейшем изложении мы уже не будем.

К временной парадигме примыкают аналитические конструкции: *стану* + инфинитив, *бывало* + прошедшее несовершенное, *бывало* + настоящее-будущее совершенное. Эти конструкции неравноценны. Первая из них близка к аналитической форме будущего, другие ближе к свободным синтаксическим сочетаниям. Такие конструкции выходят за пределы морфологической системы временных форм.

Вернемся к представленной выше системе времен изъявительного наклонения.

Является ли различие между формами типа *открывал* и *открыл*; *открываю* и *открою*; *буду открывать* и *открою* только видовым или вместе с тем и временным? От решения этого вопроса зависит определение состава форм времени и во многом – понимание соотношения между категориями вида и времени.

В современной лингвистической литературе широко распространен тот взгляд, что между формами типа *буду открывать* и *открою* (в значении будущего) существует следующее различие временного характера: *буду открывать* обозначает действие, всецело отнесенное к будущему, тогда как *открою* может обозначать будущее, связанное с настоящим. Так, В.В.Виноградов пишет: «В отличие от описательной формы будущего времени несовершенного вида форма будущего времени совершенного вида не противопоставляет будущего действия плану настоящего. Выражаемое ею действие как бы исходит из настоящего времени, простираясь в будущее в завершительных моментах процесса, в его результате, между тем как начало действия может относиться и к настоящему времени»⁴. Действительно, форма настоящего-будущего совершенного может выражать в контексте охарактеризованное В.В.Виноградовым значение. Уже С.О.Карцевский отмечал, что «предложение *Она сейчас оденется к обеду* может обозначать, что это лицо сейчас окончит свой туалет, уже начатый раньше»⁵. Ср. также: – *Скоро стемнеет*, – заметила Соня. (Ю.Казаков. Некрасивая). Однако возможность выражения указанного оттенка зависит от ситуации («скоро стемнеет» – значит, сейчас, может быть, уже темнеет), от контекста, который содержит указание на то, что действие в своем начале относится к настоящему. Если таких указаний нет, то рассматриваемая форма выражает действие, целиком отнесенное к будущему. Например: [Крылов]. *Садись, я тебе сейчас сводку всех писем продиктую*. (К.Симонов. Доброе имя). Ср. совместное употребление форм настоящего-будущего совершенного и будущего несовершенного: – Сейчас *хозяин придет, ужинать будем*. (В.Панова. Рабочий поселок). Подобные примеры обычны.

Примечательно, что формы будущего несовершенного также могут обозначать действие, которое, как это вытекает из контекста, относится не только к будущему, но и к настоящему (будущее действие является продолжением настоящего)⁶. Например: – *Долго будешь плескаться?* – сказал Сергей задумчиво. (Ю.Бондарев. Тишина); *Плакала... над тем еще, что сейчас сидит одна у моря, темного и вечного, которое все так же будет шуметь и после ее смерти*. (А.Чехов. Человек в пенсне).

К этому следует добавить, что возможность выражения формами типа *открою* действия, заканчивающегося в будущем, но начатого в настоящем, ограничена и лексически. Уже то, что

речь идет о «завершительных моментах процесса», «его результате», показывает, что такое значение могут выражать только те глаголы, семантика которых позволяет выделить завершительный момент действия. Это глаголы результативного способа действия. Например: *Он сейчас доиграет; ...опьянеет; ...приготовит; ...упакует* и т. п. Глаголы ряда других способов действия не могут выражать отнесенный к будущему результат ранее начатого действия. Например: *Он сейчас толкнет, ...махнет; ...заговорит, ...засмеется; ...поплывет, поползет; ...полежит, посидит* и т. п.

Из сказанного выше вытекает, что нельзя видеть временное различие между формами типа *открою* и *буду открывать* в том, что первые выражают действие, которое «осуществится в будущем как результат настоящего»⁷, а вторые – действие, которое «будет происходить после момента речи и полностью отделяется от настоящего»⁸.

Между формами типа *открою* и *буду открывать* действительно существует временное различие, но заключается оно в другом: *открою* – форма со значением будущего и настоящего неактуального, тогда как *буду открывать* – форма, имеющая лишь значение будущего. Эти формы не совпадают по «временному объему» их значений. Временное различие существует, естественно, и между формами типа *открываю* и *открою*: первые имеют значение настоящего, а вторые – будущего и настоящего неактуального. Таким образом, *открываю, открою* и *буду открывать* – три различные формы времени.

Каково соотношение между формами типа *открывал* и *открыл*? Различаются ли они только по виду или также и по времени?

Между указанными формами существуют различия, имеющие отношение к семантике времени.

1) Прошедшее несовершенное обычно обозначает действие в прошлом безотносительно к его последствиям для настоящего, действие, полностью отделенное от настоящего (например: *Птицы летели низко над водой*)⁹. Лишь в редких случаях, в особых условиях употребления некоторых глаголов возможно выражение этими формами состояния (результата предшествующего действия), актуального для настоящего, например: – *Нет, как же? – возразила она. – Все-таки он многое видел, образован?* (Л.Толстой. Анна Каренина). Все же это редкие исключения. Формы же прошедшего совершенного могут выражать как действие в прошлом безотносительно к настоящему (*Подожел, остановился и сказал...*), так и прошедшее действие, последствия которого актуальны для настоящего (*Я проголодался; Он устал* и т. п.).

2) Прошедшее несовершенное может обозначать как конкретное локализованное во времени действие, так и действие абстрактное, не занимающее определенного положения во времени. Ср.: *Отец долго открывал дверь впотьмах...* (В.Амлинский. Тучи над городом встали) и *Отец каждый раз долго открывал дверь...* В отличие от прошедшего несовершенного, формы прошедшего совершенного в прямом употреблении могут обозначать только действие, которое занимает определенное место во времени: *Мы встретились с ним на улице*, но невозможно *Часто (обычно, иногда* и т. п.) *мы встретились с ним*. Если даже форма прошедшего совершенного выступает в суммарном значении (*Мы два раза встретились с ним на улице*), прикрепленность суммы повторяющихся актов к определенному отрезку времени сохраняется. Формы прошедшего совершенного могут обозначать в контексте повторяющееся, обычное действие, лишённое временной конкретности, только в особых условиях переносного употребления. Речь идет о функционировании этих форм в контексте со значением обычного или обобщенного действия, например: *И то же бывает, когда ранним утром по росистой траве вышел куда-нибудь и вдруг по следам на траве догадался, что впереди тебя идет кто-то другой. Сразу свертываешь в другую сторону...* (М.Пришвин. Календарь природы). Формы *вышел, догадался* сами по себе обозначают конкретное единичное действие. На значение общности указывают другие элементы контекста.

Важно подчеркнуть, что и в тех случаях переносного употребления, когда формы типа *закрыл* оказываются в контексте со значением повторяемости, сохраняется (хотя лишь как переносный) оттенок конкретности временной локализованности действия. Поэтому приведенные выше «исключения» не опровергают того правила, что формам прошедшего совершенного присущ признак локализованности действия во времени, тогда как формы прошедшего несовершенного не обладают этим признаком, то есть могут обозначать действия как локализованные во времени, так и нелокализованные. Заметим, что речь идет о временной нелокализованности действия в смысле его абстрактности (повторяемости, общности). В другом смысле –

чисто хронологическом – действие локализовано в области прошлого, ограничено рамками отрезка времени, предшествующего моменту речи.

Значение локализованности/нелокализованности действия во времени, как уже было отмечено, имеет отношение не только к виду (и шире – к аспектуальности), но и ко времени (и шире – к темпоральности). С этим семантическим признаком связаны различия между частными значениями форм прошедшего несовершенного, с одной стороны, и форм прошедшего совершенного – с другой (ср., в частности, имперфектное значение первой формы и аористическое значение второй). Существенно и то обстоятельство, что перфектное значение представляет собой одно из основных значений форм типа *открыл*, но не является основным для форм типа *открывал* и встречается при их функционировании лишь в отдельных особых случаях. Таким образом, между формами типа *открывал* и *открыл* существуют не только видовые различия, но и различия, имеющие отношение к семантике времени.

Сказанное выше дает основания выделять пять видо-временных форм.

Несколько замечаний о терминологии. Рассматриваемые нами формы представляют грамматические категории времени и вида (так же, как категории наклонения, лица, залога). Следовательно, в зависимости от того, о какой категории идет речь, эти формы можно называть временными, видовыми формами изъявительного наклонения, того или иного лица и т. д. Важно, однако, что мы имеем дело с формами, которые объединяются и различаются по отношению к временным, видовым и видо-временным семантическим признакам, причем временные, видовые и видо-временные значения взаимодействуют, оказываются тесно связанными друг с другом. Поэтому мы имеем основания говорить не только о формах времени и формах вида (о временах и видах), но и о видо-временных формах.

По чисто временным признакам предшествования, одновременности и следования по отношению к грамматической точке отсчета указанные выше видо-временные формы объединяются в три «временных ряда»: прошедшее (*открывал* – *открыл*), настоящее (*открываю* – *открою*) и будущее (*буду открывать* – *открою*). Форма настоящего-будущего совершенного (*открою*), как мы видим, относится и к ряду будущего, и к ряду настоящего. Таким образом, в нашей системе пяти видо-временных форм находит отражение – в трех временных рядах – и традиционная система трех времен.

Система видо-временных форм и временных рядов может быть представлена в следующей схеме, где *П.* – предшествование по отношению к грамматическому моменту речи, *Одн.* – одновременность,

С. – следование, *Л.* – локализованность действия во времени, *Перф.* – перфектность, то есть выражение актуальности последствий действия для более позднего временного плана. Отношение форм времени к этим семантическим признакам отмечается уже использованными нами знаками: + (данный признак выражен), – (данный признак при прямом употреблении формы исключен), $\bar{+}$ (признак не выражен, но и не исключен, то есть он может быть выражен, но не выражается обязательно), $\bar{+}$ (возможность выражения данного признака ограничена), $\bar{+}$ (ограничена возможность невыражения данного признака).

Формы прошедшего совершенного и несовершенного противостоят всем остальным временным формам по целому ряду признаков. Только эти формы выражают предшествование действия по отношению к грамматической точке отсчета; только они могут выражать перфектное значение; лишь в рамках прошедшего времени – у форм прошедшего совершенного – оказывается постоянным признак временной локализованности действия. Противопоставление прошедшего времени «непрошедшим временам» не исключает, однако, и других линий противопоставлений. Формы, относящиеся к ряду настоящего, в отличие от всех других форм, выражают (формы типа *открываю*) или могут выражать (формы типа *открою*) одновременность по отношению к грамматической точке отсчета. Формы, относящиеся к ряду будущего, выражают (формы типа *буду открывать*) или могут выражать (формы типа *открою*) следование по отношению к грамматической точке отсчета.

Временные ряды	Семантические признаки	П.	Одн.	С.	Л.	Перф.
	Видо-временные формы					
Прошедшее	прошедшее несовершенное (открывал)	+	-	-	- +	- (+)
	прошедшее совершенное (открыл)	+	-	-	+	- +
Настоящее	настоящее несовершенное (открываю)	-	+	-	- +	-
	настоящее-будущее совершенное (открою)	-	- (+)	(-) +	(-) +	-
Будущее	будущее несовершенное (буду открывать)	-	-	+	- +	-

Внутри системы времен изъявительного наклонения представлены оппозиции разных типов.

По принципу *эквиполентной оппозиции*¹⁰ противопоставлены друг другу временные ряды (ряд с признаком *Одн.* противостоит ряду с признаком *С.* и ряду с признаком *П.*; противостоят друг другу также ряды с признаками *С.* и *П.*). Каждый ряд по присущему ему признаку может быть противопоставлен двум другим рядам, объединенным выражением противоположного признака: ряд настоящего противостоит рядам прошедшего и будущего, объединенным как «ненастоящие», ряд прошедшего противопоставлен двум другим рядам – «непрошедшим», противопоставлены друг другу также ряд будущего и объединенные «небудущие» ряды. В данном случае мы имеем дело с оппозицией антонимической. Такую оппозицию можно рассматривать как особую разновидность оппозиции эквиполентной, так как корреляту, обладающему определенным признаком, противостоит коррелят, который также обладает собственным признаком, хотя он и определяется «отрицательно».

По принципу *привативной оппозиции*¹¹ прошедшее совершенное противопоставлено с точки зрения признака *Л.* прошедшему несовершенному как маркированный член оппозиции немаркированному. Аналогичный характер имеет противопоставление по данному признаку прошедшего совершенного и всех остальных видо-временных форм. Поскольку форма настоящего-будущего совершенного относится и к ряду будущего, и к ряду настоящего, не обладая ни признаком *С.*, ни признаком *Одн.* как постоянным, инвариантным, эта форма является немаркированным членом двух привативных оппозиций: «открою [*Одн.* $\bar{+}$]: открываю [*Одн.* +]» и «открою [*С.* $\bar{+}$]: буду открывать [*С.* +]».

Особый тип оппозиции представлен в тех случаях, когда одна форма характеризуется нейтральным отношением к данному признаку, то есть может его выражать, а может и не выражать [$\bar{+}$], а другая отличается ограниченной возможностью его выражения [$\bar{+}$] или невыражения [$\bar{+}$]. Такова оппозиция форм прошедшего совершенного и несовершенного по отношению к признаку *Перф.*: «открыл [*Перф.* $\bar{+}$]: открывал [*Перф.* $\bar{+}$]». К этому же типу относится оппозиция форм настоящего-будущего совершенного, с одной стороны, и форм будущего, настоящего и прошедшего несовершенного – с другой, по отношению к признаку *Л.*: «открою [*Л.* $\bar{+}$]: буду открывать, открываю, открывал [*Л.* $\bar{+}$]».

Поскольку речь идет не о наличии или отсутствии данного признака, а о различии в «степени свободы» его проявления, в степени его ограниченности определенными условиями, рассматриваемые противопоставления напоминают в известном отношении *градуальные (ступенчатые) оппозиции* Н.С.Трубецкого. Все же мы бы воздержались от полной аналогии. У Н.С.Трубецкого речь идет о чисто количественных различиях, например, между различными степенями высоты тона, тогда как в нашем случае мы имеем дело не только с количественными, но и с качественными различиями в закономерностях употребления формы. Следует под-

черкнуть, что основную роль в системе времен изъявительного наклонения играют оппозиции эквиполентные и привативные. <...>

Примечания

¹ Подобная схема вытекает из господствующего, наиболее обычного взгляда на систему времен. См., например: Современный русский язык. (Морфология. Синтаксис) / Под ред. Е.М.Галкиной-Федорук. М., 1964. Ч. 2. С. 168–169.

² Этот термин используется во многих работах, однако в него вкладывается иной смысл: речь идет о форме, образованной по типу форм настоящего времени, но имеющей основное значение будущего. (См.: Грамматика русского языка. М., 1953. С. 486).

³ См., например: *Иванчикова Е.А.* Употребление многократных бесприставочных глаголов в русском литературном языке XIX века // *Материалы и исследования по истории русского литературного языка*. М., 1957. С. 240–277; *Прокопович Е.Н.* Функции многократных бесприставочных форм глагола в русском литературном языке второй половины XIX в. // *Вопросы языкознания*. 1963. № 2. С. 94–102; *Она же.* О стилистическом использовании многократных бесприставочных форм глагола в современном русском языке // *Русский язык в школе*. 1964. № 4. С. 85–87.

⁴ *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). С. 557–562.

⁵ *Karcevski S.* Systeme du verbe russe. Prague, 1927. P. 153.

⁶ Этот факт отмечен Е.Кржижковой (Некоторые проблемы изучения категории времени в современном русском языке // *Вопросы языкознания*. 1962. № 3. С. 25).

⁷ Грамматика русского языка. Т. 1. С. 486.

⁸ Там же. С. 489.

⁹ См.: *Виноградов В.В.* Русский язык (Грамматическое учение о слове). С. 557; Грамматика русского языка. Т. 1. С. 489.

¹⁰ Эквиполентными (равнозначными) Н.С.Трубецкой называет такие оппозиции, члены которых логически равноправны. (Основы фонологии. М., 1960. С. 83).

¹¹ Под привативной оппозицией в области семантической морфологии вслед за Р.О.Якобсоном и рядом других ученых мы подразумеваем такую оппозицию, у которой маркированный член обладает определенным семантическим признаком, а немаркированный не содержит в своей семантике данного признака. Это означает, что он, с одной стороны, может выражать противоположный признак, а с другой – может использоваться при имплицитном (неспециальном) выражении функций маркированного члена.

Бондарко А.В. Строение системы времен и семантическое содержание ее членов // *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. М., 1971.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией § 5 «Глагол» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Что такое **языковой** и **внеязыковой** моменты речи?
2. Как трактует А.В.Бондарко глагольную форму типа *открою*?
3. В каком виде представляет А.В.Бондарко систему времен изъявительного наклонения?
4. В чем, по мнению А.В.Бондарко, заключается временное различие форм типа *открою* – *буду открывать*; *открывал* – *открыл*?
5. Почему формы изъявительного наклонения глагола можно называть видо-временными?
6. Какими основными семантическими признаками характеризуются видо-временные формы глагола?
7. Какие видо-временные формы и по принципу каких оппозиций противопоставлены в современном русском языке друг другу?
8. Как согласуется система пяти видо-временных форм с традиционной системой трех времен?

О ЗАЛОГАХ РУССКОГО ГЛАГОЛА

В настоящее время проблематика, связанная с категорией залога русского глагола, по-прежнему вызывает живой интерес лингвистов, которые на этот счет высказывают самые различные мнения.

В настоящей статье делается попытка дать обзор основных работ, посвященных категории залога русского глагола¹, что представляется вполне актуальным, так как существующие исследования обзорного характера (1–4) написаны сравнительно давно и, естественно, не отражают современных концепций залога, на изложение которых здесь обращается основное внимание.

I. Основы учения о залогах, как известно, были заложены уже в грамматиках XVIII–XIX вв. и связаны с такими именами, как М.В. Ломоносов, А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев, Г.Павский.

Число залогов, выделяемых ими, различно: от шести у Ломоносова – действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний (*сплю, хожу*) и общий (*боюсь, кланюсь*) – до трех у Павского (действительный, страдательный и средний). В этих классификациях, еще в значительной мере отражающих влияние греко-латинской традиции, отсутствует единый принцип выделения залоговых значений. В них перемешаны различные категории и признаки глагола: переходность/непереходность (действительный и средний залогов), способность/неспособность глагола употребляться без *-ся* (общий и возвратный залогов), активность/пассивность глагола, его значение и форма. Подобные классификации вызвали справедливый протест многих лингвистов – ср. известные высказывания В.И. Даля и Н.П. Некрасова, которые выступали против старых учений о залоге, называя их «школярством», «путами», «напрасным стремлением науки охватить всю жизнь русского глагола»².

II. Пытаясь положить конец путанице во взглядах на залог, последующие исследователи обратились к форме глагола и различали залогов в зависимости от наличия/отсутствия у глагола аффикса *-ся*.

Первым, кто использовал морфологический принцип классификации, был К.С. Аксаков (5). Однако он не был до конца последователен – у невозвратных глаголов он выделял еще средний и действительный залогов (в соответствии с переходностью/непереходностью глагола), которым, в свою очередь, противопоставлял страдательный; у возвратных глаголов в зависимости от различного отношения действия к субъекту также выделялся ряд залогов.

Четкая и непротиворечивая классификация была, по-видимому, впервые предложена Ф.Ф. Фортунатовым (6). В основе его классификации лежит признак переходности/непереходности глагола. Все переходные глаголы образуют невозвратный (переходный) залог, все непереходные, образованные от переходных путем присоединения *-ся*, – возвратный (непереходный) залог. Остальные глаголы, несоотносимые с глаголами без *-ся* (*бояться, лениться*), образованные от непереходных (*хвастаться, краснеть, икает, спит*), а также непереходные средние (*краснеть, сидеть, болеть*) значения залога не имеют. У глаголов возвратного залога выделяются значения: прямо-возвратное (*одеваться, краситься*), взаимное (*любить, грызть*), изменения состояния субъекта (*гнуться, сердиться, мириться*), действия, отвлеченного от объекта (*кусаться, проситься, обещаться*), и страдательное (*строиться, распеваться*).

Таким образом, морфологический принцип классификации в схеме Фортунатова находит самое четкое выражение. В соответствии с этим принципом: 1) залогов глагола охватывают все глаголы, а только удовлетворяющие признаку соотносительности форм; 2) у личных глаголов отсутствует страдательный залог, а выделяется страдательное значение. Страдательный залог имеется только у причастий. <...>

В последнее время этого же принципа при делении глаголов на залогов придерживается К.А. Тимофеев (11–13), который выделяет два залога: действительный и возвратный (средний). К первому относятся как переходные, так и непереходные глаголы, так как они «обозначают действие, совершаемое субъектом, то есть исходящее от него». К возвратному (среднему) залогов относятся глаголы, которые содержательно обозначают действие, исходящее от субъекта и направленное на него или в той или иной мере затрагивающее его сферу. Далее автор замечает, что «наиболее общими значениями среднего залога являются сосредоточенность действия в пределах его субъекта, заинтересованность субъекта в производимом им действии, обычность для субъекта производимого им действия» (11. С. 9).

Таким образом, оказывается, что глаголы возвратного залога, обозначающие, как и глаголы действительного залога, действие, исходящее от субъекта, изменяют характер действия по отношению к объекту. Это, по-видимому, и составляет основу такого деления на действительный и возвратный залого.

Подводя итог морфологическим классификациям, заметим, что принцип деления на возвратный и невозвратный залого – наличие/отсутствие *-ся* у глагола – используется разными исследователями для оформления различного содержания, вкладываемого ими в эту глагольную категорию. В зависимости от этого категория залога охватывает только часть глаголов (Ф.Ф.Фортунатов, М.Н.Петерсон, В.К.Поржезинский) или все глаголы русского языка (Р.О.Якобсон, К.А.Тимофеев).

Отметим также, что страдательное значение возвратного глагола качественно отличается от всех других значений возвратных глаголов. При образовании возвратного глагола со страдательным значением происходит синтаксическая трансформация предложения – грамматическим подлежащим становится дополнение невозвратного глагола, чего не происходит при образовании возвратных глаголов с другими значениями.

Все это говорит о том, что страдательное значение возвратного глагола не является чисто морфологическим, и действительно «трудно сомневаться в том, что соотношение и противопоставление активных и пассивных оборотов – историческое зерно категории залога» (Виноградов В.В. С. 639). А если не ограничивать категорию залога только формой слова и учитывать синтаксис предложения, то нет смысла принципиально различать категорию залога у личного глагола и у причастий, как это делается в морфологических классификациях.

На указанные недостатки морфологических классификаций обращается внимание и в других работах, посвященных категории залога³.

III. В отличие от предшествующих, в описываемых ниже классификациях залог не считается исключительно морфологической категорией, получающей выражение в пределах одного слова. Наряду с морфологическим способом выражения залогового значения признается и синтаксический – при помощи формы краткого причастия прошедшего времени.

Подобные классификации основываются на различных соотношениях, существующих между понятийными категориями: действием, его субъектом и объектом, с одной стороны, и выражающими их грамматическими категориями сказуемого, подлежащего и дополнения – с другой.

Все эти классификации можно разделить на три группы:

1. Первой точки зрения, согласно которой залог выражает отношение глагола к дополнению, придерживаются немногие исследователи.

В.А.Богородицкий (14) считал, что переходность/непереходность глагола служит основанием для деления глаголов на разные залого. Исходя из этого, он различал действительный (переходный) и средний (непереходный) залого, считая все остальные «частными случаями этих главных» – страдательный как «обратный» к действительному, а первично-средний (*иду*), возвратно-средний (*бьюсь о стену*) и взаимно-средний (*бьемся на шпагах*) как частные подразделения среднего.

Этот же принцип использует в своей схеме А.Б.Шапиро (2). Под залогом им понимается «та сторона в значении глагола, которая указывает на наличие или отсутствие при представлении признака, обозначаемого глагольной основой, также представления объекта, на который переходит данный признак в процессе своего проявления» (С. 60). Поэтому выражение залогового значения, по мнению автора, должно прежде всего носить характер синтаксический, то есть оно должно заключаться в известных формах сочетания глагола с объектом. Исходя из этого, выделяются два залога – переходный и непереходный. <...>

А.М.Финкель (15) к переходным относит не только глаголы, требующие прямого дополнения, но и возвратные в собственно-возвратном (*мыться*), взаимно-возвратном (*обниматься*) и страдательном значениях. У спрягаемых глаголов он, таким образом, выделяет два залога – действительный (невозвратные переходные глаголы и возвратные глаголы в указанных выше значениях) и средний (все остальные глаголы). У него категория залога охватывает все без исключения глаголы русского языка. Если при делении спрягаемых глаголов на залого принципом является свойство переходности/непереходности глагола, то основой выделения залогов у причастий является их активность/пассивность, что приводит к различению у них действительного и страдательного залогов (*ястреб, завидевший добычу; книга, читаемая мной*).

Такая классификация вызывает возражения. Есть ряд причастий, не обладающих формальными показателями страдательного залога и в то же время удовлетворяющих его содержательной интерпретации: *строящееся здание, читавшаяся книга, воздвигавшийся памятник*. Хотя они, как и синонимичные им страдательные причастия (*построенные дома, прочитанная книга, воздвигнутый памятник*), обозначают действие, направленное на подлежащее, тем не менее, по классификации автора, их следует отнести к действительному залого. Аналогично этому спрягаемый глагол и страдательное причастие, образованные от одной основы, будут также относиться к разным залогам (*книга читается учеником* – переходный (действительный) залог; *книга, читаемая учеником* – страдательный залог). <...>

В отношении классификаций, основанных на этом принципе, можно заметить, что переходность/непереходность глагола, будучи, несомненно, связанной с категорией залога, «так как система активных и пассивных оборотов связана с дифференциацией переходных и непереходных глаголов» (В.В.Виноградов), вовсе не совпадает с категорией залога⁴.

2. Вторая точка зрения насчитывает гораздо большее, чем первая, число последователей. В соответствии с ней категория залога выражает отношение глагола не только к дополнению, но и к подлежащему. При этом залого выделяются исходя из специфического для каждого исследователя учета взаимоотношений субъекта и объекта действий к подлежащему и дополнению.

Рассмотрим представителей этого типа классификации залогов.

К ним прежде всего нужно отнести С.Булича, который в «Энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона (17) писал, что «залог – особый вид глагольных форм, выражающий различное отношение между сказуемым, подлежащим и дополнением», и выделял три залога – действительный, «выражающий действие подлежащего, переходящее на другой предмет»; страдательный, «выражающий действие, испытываемое самим подлежащим со стороны другого предмета», и средний, выражающий действие подлежащего, не переходящее на другие предметы. <...>

А.В.Попов считает залог «известного рода отношением между производителем действия, объектом и подлежащим» (С. 302). Сообразно с этим выделяются: «1) действительные глаголы..., при которых подлежащим является производитель действия; объекта может или вовсе не быть (непереходное действие) или может быть один и даже (редко) два (переходное действие); 2) медиальные глаголы..., при которых производитель действия является вместе и подлежащим, и объектом... Один из видов *media* составляют глаголы взаимные; страдательные глаголы..., при которых производитель действия вполне или в значительной мере игнорируется, а подлежащим является или второстепенный с логической точки зрения предмет, на котором проявляется действие (являющийся в действительных оборотах объектом), или грамматического подлежащего вовсе нет...» (С. 303).

Из этой схемы видно, что страдательный залог определяется как полная противоположность действительному: если в действительном залого у глагола может не быть дополнения, то в страдательном залого возможен случай, когда у глагола нет подлежащего, то есть речь идет о безличных страдательных оборотах типа: *О деньгах не заговаривалось*, которые не характерны для современного состояния русского языка. Заметим, что в классификации отсутствует случай, когда производитель действия не выражен ни подлежащим, ни дополнением (*Светает*).

Близкой к указанной и основанной на ней является классификация, предложенная А.И.Моисеевым (21), по мнению которого, «залог выражает отношение действия, выраженного глаголом-сказуемым, и субъекта (производителя) этого действия к подлежащему и дополнению предложения» (С. 219).

Автор выделяет: 1) действительный залог, «если субъект действия, выраженного глаголом-сказуемым, совпадает с подлежащим предложения, а объект действия – с дополнением (*Секретарь подписывает протокол*), 2) страдательный, если, наоборот, субъект совпадает с дополнением, а объект с подлежащим (*Протокол подписывается секретарем*), 3) средний, если субъект совпадает с подлежащим, а дополнения вообще нет (*Мальчик бежит*), 4) безличный, если при глагольном сказуемом вообще нет и не может быть подлежащего (*Светает*)» (С. 220).

Таким образом, в схеме Моисеева действительный залог, выделяемый в зависимости от наличия/отсутствия объекта, распадается на два – действительный и средний и добавляется отсутствующий в предыдущей схеме случай безличности подлежащего. Между прочим, если эту классификацию продолжить, считая, как это принято здесь, отсутствие подлежащего или до-

полнения отдельным залогом, то добавится еще один залог, образуемый глаголами, у которых не может быть подлежащего, но есть дополнение: *несет сыростью, тянет дымом*.

Морфологические концепции залога, идущие от Ф.Ф.Фортунатова, и синтаксические взгляды на залог, выраженные последователями А.А.Потебни, соединяет классификация, предложенная А.А.Шахматовым. В наиболее законченном виде она содержится в «Синтаксисе русского языка» (22).

Противопоставляя действительный залог страдательному, автор замечает, что «страдательный залог своей формой показывает, что сочетавшееся с ним название субстанции перестает быть производителем действия *agens*, а превращается в его *patiens*» (С. 480), то есть эти залогом различаются в зависимости от того, является ли подлежащее *agens* или *patiens*. А.А.Шахматов, кроме этого, выделяет еще возвратный залог, противопоставляя его тому же действительному, обозначающему «проявление признака безотносительно к его субъекту». Возвратный залог выражает «наличность при данном глагольном признаке в качестве объекта самого субъекта». К этому залогом относятся глаголы на *-ся*, образованные как от переходных, так и от непереходных глаголов.

На таком же трихотомическом признаке строится классификация залогов в академической грамматике русского языка (23), а также других грамматических курсах⁵ и многочисленных работах, разделяющих эту точку зрения.

В этой грамматике под залогом понимается категория глагола, которая «обозначает отношения между субъектом действия (производителем действия) и объектом, находящие свое выражение в форме глаголов» (С. 410). Существенным отличием классификации, предлагаемой в грамматике, является использование принципа соотносительности, по которому только переходные глаголы образуют залогом, так как только они «могут показывать изменения в отношениях между производителем действия и объектом действия путем изменения форм». В соответствии с этим категория залога здесь распространяется только на переходные глаголы и глаголы, образованные от переходных путем присоединения *-ся*.

Далее выделяются три залога – действительный, к которому относятся «переходные глаголы, обозначающие действие, которое активно направлено на прямой объект»; возвратно-средний, к которому относятся глаголы на *-ся*, образованные от глаголов действительного залога, с общим значением «сосредоточенности действия на самом производителе его»; и страдательный, к которому относятся глаголы на *-ся*, образованные от глаголов действительного залога, причем под страдательностью понимается «такое отношение между производителем действия и объектом действия, когда реальный объект действия выступает в предложении как подлежащее – в форме именительного падежа, а реальный производитель действия выступает как дополнение в форме творительного падежа без предлога» (С. 414).

Такая формулировка залогов содержит в себе противоречие. Дело в том, что возвратно-средний и страдательный залогом определяются исходя из различных принципов.

Действительный и страдательный залогом противопоставляются в зависимости от различной выраженности (в подлежащем или дополнении) производителя действий. Принцип же противопоставления возвратно-среднего залога действительному («сосредоточенность действия на производителе») качественно отличается от принципа противопоставления действительного и страдательного залогов⁶. Если признавать, что определение глагольной категории должно базироваться на одном каком-либо принципе, то следует сделать вывод, что первое различие (действительного и страдательного оборотов) необходимо признать залоговым (что естественно при сравнении с категорией залога в других языках), в то время как второе различие между невозвратным и возвратным глаголами залоговым считать не следует.

Классификация академической грамматики отличается от предшествующих этого же типа тем, что: 1) признавая принцип соотносительности, она не все глаголы относит к категории залога и 2) отсутствие выраженности субъекта действия не считает залогом (ср. схему А.И.Моисеева). Несмотря на эти различия, все предыдущие классификации сходны с академической грамматикой в главном – все они базируются на трихотомическом принципе, выделяя в том или ином виде сформулированный третий залог, отличный от действительного и страдательного. Именно поэтому сказанное выше о классификации академической грамматики вполне применимо и к этим классификациям.

3. Разберем, наконец, классификации, в которых основой деления глаголов на залогом служит различие в отношениях между действием и его субъектом, сказуемым и подлежащим.

Впервые этот принцип последовательно применил Д.Н.Овсянко-Куликовский (25), который залогами называл «те глагольные формы, в которых воспроизведено отношение подлежащего, как лица действующего, к сказуемому, как к действию, с точки зрения подлинности, фиктивности и мнимости роли подлежащего как производителя признака, данного в лексическом значении глагола-сказуемого» (С. 127). В соответствии с этим к действительному залогу относятся глаголы (переходные и непереходные), подлежащее которых является действительным (*гуляю, пою*) или фиктивным (*Камень лежит*) производителем действия (*Он был избран огромным большинством в городские головы* – полная мнимость подлежащего; *Эта книга читается* – неполная мнимость).

Характеризуя эту классификацию, многие исследователи справедливо полагают, что в ней категория залога представлена слишком психологично, без указания грамматических признаков залогов⁷.

Психологизм Д.Н.Овсянко-Куликовского пытался преодолеть А.А.Шахматов (см. выше), к которому в понимании и толковании действительного и страдательного залогов близок С.О.Карцевский (26, 27). Он относит глаголы к этим двум залогам в зависимости от того, является ли подлежащее в то же время производителем действия (*Крестьяне вспахали поле*) – в частном случае неопределенным (*Поле вспахали*) – или объектом действия (*Поле вспахано крестьянами*). <...>

С оригинальной концепцией залога в последнее время выступил А.В.Исаченко, активно защищающий применение дихотомического принципа в области грамматики⁸.

В своей книге «Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким» (34) А.В.Исаченко различает у глагола два залога – действительный и страдательный⁹.

Автор считает, что «решающим для характеристики глагольного залога в собственном смысле этого термина является то, что сводится к разнице в природе отношений между подлежащим и глаголом» (С. 354). Грамматические соотношения между действительным залогом и страдательным представляются в виде двучленной оппозиции. В качестве сильного, маркированного члена оппозиции выступает пассив. В пассивном обороте действие, выраженное глаголом, представляется как направленное на субъект предложения. Вот эта направленность глагольного действия на субъект и является общим семантическим признаком, характеризующим пассив. Действительный залог, являясь слабым, немаркированным членом залоговой оппозиции, не имеет своего «положительного» значения. Активная глагольная форма **не выражает направленность глагольного действия на субъект**. Следовательно, все без исключения глагольные формы, не обладающие пассивным значением, относятся к активу.

Автор считает, что «актив, как глагольная категория, не имеет ничего общего с активным действием и ни в коей мере не зависит от переходности/непереходности глагола». К активному залогу относятся не только непереходные глаголы, но и безличные – *светает, вечерет*, так как у них также не выражено пассива¹⁰.

Итак, категория залога, по А.В.Исаченко, охватывает все без остатка глаголы русского языка.

Четкая и последовательная в определении классификация залогов, предложенная А.В.Исаченко, формально непротиворечива. Однако применение принципа привативных оппозиций к описанию категории залога русского глагола вызывает возражение.

Выше было приведено замечание А.В.Исаченко о том, что актив не зависит от переходности/непереходности глагола. Однако пассив зависит от переходности глагола: общеизвестно, что в русском языке только переходные глаголы могут употребляться в пассивной конструкции. Значит, связь залога с переходностью глагола все-таки существует. Именно поэтому, по нашему мнению, в категорию залога неправомерно включать непереходные глаголы, которые не выражают разницы в природе отношений между подлежащими и глаголом (см. выше). За это справедливо критикует автора М.М.Гухман (32): «Возражения вызывает та часть концепции А.В.Исаченко, которая связана с утверждением, что категория залога, подобно категории вида, присуща всем глаголам. ...Оппозиции, образующие грамматические парадигмы, специально строятся на соотносительности двух словоформ одной лексической единицы, а не на соотносительности двух категорий, существующих в разных лексических рядах. Практическое включение непереходных глаголов в бинарную залоговую оппозицию противоречит основным положениям А.В.Исаченко, поскольку он рассматривает залог как форму словоизменения глагола, а не как различительный признак глагольной лексемы» (С. 13–15).

IV. В заключение попытаемся сформулировать наше понимание категории залога.

С этой целью рассмотрим, как изменяется значение глаголов при присоединении ими аффикса *-ся*. Подобные возвратные глаголы (*Vся*) разделим на две группы.

В первую группу войдут глаголы, лексическое значение которых изменяется в результате присоединения *-ся*.

1. К ним прежде всего относятся «откаузативные» глаголы, то есть теряющие значение каузации в широком смысле (*Caus*), которое имеется у соотносительных глаголов (*V*).

Это соотношение наблюдается у многочисленной группы глаголов, обозначающих психическое состояние человека: *радоваться, беспокоиться, восхищаться, сердиться, волноваться, огорчаться, печалиться* и т. д.

Потеря каузативности имеет место также у таких глаголов, как: *кататься, усложняться, подниматься, разоряться (разорять конкурента – конкурент разорился), литься (лить воду – вода льется), закрываться (закрывать собрание – собрание закрылось), рассеиваться (рассеивать сомнения – сомнения рассеялись), строиться (строить войска – войска построились), поселяться, мириться, разлучаться, останавливаться, лишаться, освободиться* и т. д.

2. В первую группу войдут также глаголы, которые обозначают (большую или меньшую) способность субъекта подвергаться действию, обозначенному *V*: *мост разводится – разводной мост, дом не разбирается – неразборный дом, препятствие преодолевается – преодолимое препятствие, пространство не простреливается – мертвое пространство, задача легко решается – легкая задача* и т. д.

3. В эту группу включаются глаголы, у которых при переходе к *Vся* происходит имперсонализация субъекта. Такие *Vся* обозначают предрасположенность субъекта к физическому или психическому действию, обозначенному *V*: *ему ложится – тянет полежать, спится – клонит в сон, зеваётся – хочется зевать. Vся* с отрицанием означают либо отсутствие предрасположенности к действию (*мне не спится, не пьется, не гуляется, не читается = не хочется спать, пить, гулять, читать*), либо невозможность совершить действие: *ему хочется полежать (работать, спать), но не ложится (не работает, не спится)*.

Если залог считать грамматической категорией, то ее должны составлять глаголы, имеющие одно и то же лексическое значение. Исходя из этого, рассмотренные выше глаголы стоят вне категории залога.

Вторую группу образуют возвратные глаголы, лексическое значение которых не изменяется в результате присоединения *-ся*.

1. В некоторых случаях *Vся* и *V* являются просто синонимами: *Он долго стучал(ся) в дверь; Этот мальчик очень балует(ся) и не слушает(ся) родителей.*

2. В других случаях глаголы присоединяют аффикс *-ся*, если в предложении по тем или иным причинам отсутствует прямое дополнение. Это имеет место, когда:

объект действия совпадает с субъектом (*мальчик моется, братья обнимаются*);

объект действия становится одним из его субъектов (*он обнимает брата – он обнимается с братом*);

объект действия неважен для говорящего и акцентируется само действие (*собака кусается, он дразнится, девочка прищурилась*);

прямое дополнение переходит в косвенное: *задержать письмо – задержаться с письмом, учить иностранный язык – учиться иностранному языку, таскать чемодан – таскаться с чемоданом.*

3. Во вторую группу входят также возвратные глаголы, предложения с которыми синонимичны по смыслу предложениям с соответствующими невозвратными глаголами, так как они выражают один и тот же факт реальной действительности. Изменения, которые происходят при переходе от *V* к *Vся*, состоят лишь в том, что дополнение *V* становится подлежащим *Vся*, а подлежащее *V* трансформируется в косвенное дополнение *Vся*.

Например:

Руда содержит железо – В руде содержится железо.

Она вспомнила город – Ей вспомнился город.

Метро отличает удобство – Метро отличается удобством.

Она родила сына – У нее родился сын.

Его лечил известный окулист – Он лечился у известного окулиста.

Регулярным способом выражения такого отношения является пассив: *Мальчик читает книгу – Книга читается мальчиком.* <...>

Если признавать, что страдательное значение глагола является залоговым, то в русском языке глаголы, способные выражать различную направленность глагольного действия, будут иметь два залога: действительный и страдательный.

В действительном залоге глагол обозначает действие, направленное на внешний по отношению к субъекту объект, выраженный в форме дополнения. В языке это выражается нулевым окончанием глагола. К действительному залогу относятся глаголы, у которых дополнение выражено существительным в винительном падеже без предлога (*Мальчик читает книгу*). В частном случае подлежащее может быть не выражено и является неопределенным (*В классе читают интересную книгу*).

В страдательном залоге глагол обозначает действие, направленное на внешний по отношению к субъекту объект, выраженный в форме подлежащего предложения. В языке эта направленность выражается: у глаголов совершенного вида краткой формой страдательного причастия прошедшего времени (*Дом был (будет) построен*) – аналитический способ; у глаголов несовершенного вида возвратной формой переходного глагола (*Дом строится*) – синтетический способ. Глагол в форме страдательного залога способен сочетаться с дополнением в творительном падеже без предлога (*Дом строится рабочими*), обозначающим субъект глагольного действия. Статистически нормальным как раз является случай, когда это дополнение не выражено.

Таким образом, по определению, приведенному выше, действительный и страдательный залоговые русские глаголы составляют эквиополентную (равнозначную) оппозицию. Глаголы, образующие эти залоговые, оказываются противопоставленными друг другу: отображая одни и те же отношения между субъектом и объектом действия, они по-разному членят действительность.

Все глаголы, стоящие вне указанного противопоставления (в том числе и возвратные: *Они обнимаются; Сосед строится; Дети моются; Мальчишки дразнятся* и т. д.), не входят в категорию залога.

На эквиополентность соотношения действительного и страдательного залогов указывает М.В.Панов (36). Сходные мысли можно найти также в работах И.И.Мещанинова (16. С. 64), Г.О.Винокура (37. С. 407), М.М.Гухман (32. С. 12) и других исследователей.

Примечания

¹ Список этих работ дан в конце статьи. При дальнейшем разборе в скобках указывается порядковый номер работ из данного списка.

² См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. 1880. Т. I. С. XX–XXX; *Некрасов Н.П.* О значении форм русского глагола. СПб., 1855. С. 837.

³ Ср. замечание о схеме Ф.Ф.Фортунатова, сделанное В.В.Виноградовым: «В фортунатовской концепции залога морфологические признаки явно возобладали над синтаксическими. Отношение к субъекту, обобщенное до понятия непереходности, вовсе не исчерпывало тех синтаксических явлений, которые сочетались с категорией залога. Проблема залоговых различий отрывалась от вопроса о строе предложения и его типах» (С. 615–616). См. также аналогичное замечание А.Б.Шапиро (С. 37).

⁴ Ср. аналогичные замечания по этому поводу у И.И.Мещанинова (16. С. 63, 64), В.В.Виноградова (3. С. 494), Б.Д.Рабиновича (4. С. 335).

⁵ См., например: *Современный русский язык*. М., 1964. С. 228–230; *Голанов И.Г.* Морфология современного русского языка. М., 1965. С. 170–182.

⁶ См.: *Исаченко А.В.* (24. С. 358) и *Рабинович Б.Д.* (4. С. 118).

⁷ См., например: *Шапиро А.Б.* (2. С. 30); *Виноградов В.В.* (3. С. 627).

⁸ См.: *Исаченко А.В.* О грамматическом значении // *Вопросы языкознания*. 1964. № 1. С. 28–43; *Он же*. Бинарность, привативные оппозиции и грамматические значения // *Вопросы языкознания*. 1963. № 2. С. 39–56.

⁹ Аналогичным принципом при выделении этих двух залогов пользуются авторы *Современного русского языка* (28). В английском языке эти же два залога различают А.И.Смирницкий (29) и Л.С.Бархударов (30).

¹⁰ А.И.Смирницкий также относит непереходные глаголы к активному залогу, считая, что «наличие дополнения при определении залога совершенно несущественно: оно имеет лишь значение для определения переходности/непереходности» (С. 266). Л.С.Бархударов, однако, «собственно непереходные глаголы (*идти*,

лежать) лишает категории залога, включая в нее глаголы только переходные и выступающие как в переходном, так и непереходном значениях (to open the door – the door opened).

¹¹ См. об этом: *Гухман М.М.* (31. С. 29).

Литература

1. *Мучник И.П.* О залогах русского глагола // Ученые записки кафедры русского языка Московского государственного пединститута. 1938. Вып. 2.
 2. *Шати́ро А.Б.* О залогах в современном русском языке // Ученые записки Московского городского пединститута. М., 1941. Т. 5. Вып. 1.
 3. *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1947.
 4. *Рабинович Б.Д.* О залогах в восточнославянских языках // Ученые записки Чувашского государственного пединститута. Чебоксары, 1955. Вып. 11.
 5. *Аксаков А.К.* Критический разбор «Опыта исторической грамматики Ф.И.Буслаева» // Сочинения филологические. Ч. 1.
 6. *Фортуатов Ф.Ф.* О залогах русского глагола // Известия Академии наук. 1899. Т. 4. Кн. 4.
 7. *Петерсон М.Н.* Лекции по современному русскому литературному языку. М., 1941.
 8. *Поржезинский В.К.* Возвратная форма глаголов в литовском и латышском языках. М., 1903.
 9. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1961.
 10. *Jakobson E.* Shifters, Verbal Categories, and the Russian Verb. Harvard University, 1957. P. 4.
 11. *Тимофеев К.А.* К вопросу о залогах русского языка // Русский язык в школе. 1958. № 2. С. 8–11.
 12. *Тимофеев К.А.* Еще раз о залоге русского глагола // Русский язык в школе. 1964. № 4. С. 81–84.
 13. *Тимофеев К.А.* Еще раз о залоге русского языка // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1965. Т. 257. С. 49–57.
 14. *Богородицкий В.А.* Общий курс русской грамматики. М.; Л., 1935.
 15. *Финкель А.М., Баженов Н.М.* Курс современного русского литературного языка. 2-е изд. Киев, 1965.
 16. *Мещанинов И.И.* Общее языкознание. Л., 1940.
 17. *Брокгауз, Ефрон.* Энциклопедический словарь. Т. 23. С. 193.
 18. *Потебня А.А.* Из записок по русской грамматике. М.; Л., 1941. Т. 4.
 19. *Гвозди́ков Б.* Опыт классификации залогов русского глагола // Русский филологический вестник. Варшава, 1904. Т. 4.
 20. *Попов А.В.* Синтаксические исследования. Воронеж, 1881.
 21. *Моисеев А.И.* О категории залога в русском языке // Ученые записки Ленинградского государственного университета. Л., 1958. Т. 225. Серия филологических наук. Вып. 38.
 22. *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. М.; Л., 1941.
 23. Грамматика русского языка. М., 1960. Т. 1.
 24. *Исаченко А.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Братислава, 1960. Ч. 2.
 25. *Овсянко-Куликовский Д.Н.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. 1912.
 26. *Karcevski S.* System du verbe russe. Prague, 1925.
 27. *Карцевский С.О.* Повторительный курс русского языка. М.; Л., 1928.
 28. Современный русский язык. М., 1964. Ч. 2. Морфология. Синтаксис.
 29. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М., 1959.
 30. *Бархударов Л.С.* К вопросу о бинарности оппозиций и симметрии грамматических систем // Вопросы языкознания. 1966. № 4. С. 98, 99, 108.
 31. *Гухман М.М.* О единицах сопоставительно-типологического анализа грамматических систем. Структурно-типологическое описание современных германских языков. М., 1966.
 32. *Гухман М.М.* Развитие залоговых противопоставлений в германских языках. М., 1954.
 33. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1959.
 34. *Жолковский А.К., Леонтьева Н.Н., Мартельянов Ю.С.* О принципиальном использовании смысла при машинном переводе // Машинный перевод. Труды ИТМиВТэ. М., 1961. Вып. 2.
 35. *Жолковский А.К., Мельчук И.А.* О системе семантического синтеза. Строение словаря // НТИ. 1966. № 11.
 36. *Панов М.В.* Русский язык. Языки народов СССР. М., 1966.
 37. *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
- Королев Э.И.* О залогах русского глагола // Мысли о современном русском языке. М., 1969.

Задания

1. В форме тезисов дополните соответствующей информацией § 5 «Глагол» второго раздела настоящего учебного пособия.
2. Сформулируйте свое отношение к проблеме категории залога глагола.

Контрольные вопросы

1. В чем основной недостаток учения о залогах в грамматиках XVIII–XIX веков?
2. В чем суть классификаций залогов, основанных на морфологическом принципе? на морфолого-синтаксическом принципе?
3. Как понимает категорию залога глагола Э.И.Королев?

А.К. Коневецкий

ПРОБЛЕМА СТАНОВЛЕНИЯ НАРЕЧИЙ КАК ОТДЕЛЬНОЙ ЧАСТИ РЕЧИ

Наречие как часть речи выделили еще античные грамматисты, но долгое время представления о наречии были нечеткими. И хотя вопросы словообразования стали разрабатываться русскими лингвистами начиная с М.В.Ломоносова, образованием наречий долго никто специально не занимался. Лишь попутно в грамматиках делались различного рода классификации, при этом наречие как самая неопределенная в морфологическом отношении часть речи рассматривалось языковедами в основном с точки зрения семантики и синтаксиса. Еще сравнительно недавно существовало представление о наречии как в большой мере неграмматической категории (Ф.Ф.Фортунатов, А.М.Пешковский). Называли наречия аморфной частью речи, свалочным местом грамматики. Только в работах советских языковедов В.В.Виноградова¹ и Е.М.Галкиной-Федорук² наречия как часть речи получили более четкое морфологическое и семантическое определение. Но представление о вторичности этой части речи, о ее позднем происхождении все еще сохраняется. И в настоящее время оно является распространенным. Типично высказывание В.И.Собинниковой в учебнике «Историческая грамматика русского языка», изданном в 1984 году: «Морфологический состав большей части наречий ясен, что свидетельствует о довольно позднем происхождении этой части речи»³. В качестве аргументов, подтверждающих такую точку зрения, обычно выдвигаются следующие: 1) нет русских наречий, возводимых к индоевропейскому языку-основе; 2) наречия образуются от других частей речи; 3) семантический круг наречий очень широк. Вряд ли можно назвать такой подход к наречиям историческим. Нельзя рассматривать возникновение той или иной части речи, дальнейшее ее развитие вне связи с постепенным нарастанием элементов нового и отмиранием старого. Наречия могли возникнуть и на неширокой базе, а потом постепенно ее расширить как в морфологическом, так и в семантическом плане. Как-то не учитывается, что адвербиализация – не окончательный процесс, а лишь первый шаг в развитии неизменяемых форм от изменяемых. Продолжением этого процесса является переход наречий в предлоги, приставки, союзы, частицы. Процесс этот постоянен, и древнейшие наречия следует искать в служебных словах, то есть в первообразных предлогах-приставках, союзах и частицах. Проявления названного процесса во всех его этапах ясно прослеживаются в письменный период. К примеру, современный предлог-приставка *под* восходит через адverb *под* к падежной форме существительного *под*, известного в нешироком употреблении и сейчас. Древнее местоименное наречие *куда* функционирует в современном русском языке и как наречие, и как союзное слово, и как частица⁴. Примеры можно было бы множить и множить. Ряд наречий, восходящих к падежным формам имен существительных, в письменный период уже предлоги: *сквозь, между, меж, среди, вне*. Некоторые из них уже восприняли функцию приставки: *международный, межвидовой, средиземный, внеземной, вокругфутбольный, окололитературный*... Применяя метод актуализма, то есть продолжая в прошлое линию развития наречных форм, мы ясно видим, где должно искать остатки древних наречных форм. <...>

Факты, приведенные выше, дают основание говорить, что образование наречий началось еще в далекие дообщиндоевропейские времена. В языках не только индоевропейских, но и в уральских, тюркских, иберо-кавказских и других общим является то, что путем адвербиализации местоименных, именных и глагольных форм возникали наречия разного значения. Наречия

эти в свою очередь вследствие большего абстрагирования значений переходили в разряды служебных слов – предлоги, послелого, союзы, частицы. Наличие приглагольных обстоятельств, их функциональная общность при материальном различии и отсутствии генетического тождества в языках, далеких друг от друга, позволяет думать, что механизм образования наречий очень древен, он запущен на самой ранней стадии развития языка, если работает сходно в языках разных семей. Прослеживается всеобщая необходимость, даже обязательность присутствия в языке элементов, указывающих на обстоятельства. В таком случае время зарождения наречия как части речи надо связывать со временем происхождения языка вообще. Указание на обстоятельство действия (прежде всего пространственное) должно было присутствовать в речи изначально, поскольку конкретные действия обычно протекают в конкретных обстоятельствах.

Потребность в коммуникации, возникшая в первичных коллективах людей, породила и средства коммуникации, она же и закрепляла, изменяла и совершенствовала эти средства. По существующей теории зарождение и первоначальное развитие языка протекали в условиях пантомимы. Пантомиму **сопровождали** выкрики, они были частью синкретического языка; на втором этапе выкрики стали **заменять** собственно пантомимические элементы; на третьем этапе **символизация** звучания, образ превращается в значение слова-предложения. В данном случае очень важен вывод о том, что постепенно в сознании человека образ превращается в **лексическое значение** звучащего слова, основным значением которого становится «мысль о роли объекта или действия **в некоторой реальной ситуации**»⁵. Этим самым подтверждается мнение, что изначально действие и обстоятельство действия были тесно связаны. «В действительно первобытной речи особой категории глагола не было вовсе, а когда возникли глаголы, то и тогда особого глагола для понятия «ходить» не было: были звуковые символы для выражения... указания места назначения, куда всегда предполагалось шествие, нельзя было выражать, что кто-либо «идет» вообще, а непременно в какую-либо сторону»⁶. Как показали наблюдения А.П.Рифтина, остатки того состояния языка, когда действия не мыслились отвлеченно, но всегда включали в себя обстоятельственную характеристику, можно встретить и сейчас в ряде африканских и в арабском языках. Это заставило его прийти к выводу, что наречия появляются одновременно с глаголами и выступают как признак при них; то, что сейчас является наречием, когда-то входило в качестве неразрывной составной части в семантику действия или состояния; и лишь со временем характеристика действия или состояния выделяется из семантики общего слова, действие (глагол) и его характеристика (наречие) начинают выражаться особыми словами⁷. О вычленении обстоятельственных слов из глагола свидетельствует, по наблюдениям А.П.Юдакина, и развитие китайского языка⁸.

И до сих пор обстоятельство, по мысли И.И.Мещанинова, является выразителем предикативных признаков, присущих или приурочиваемых другому слову; обстоятельства, выражаемые отдельными словами, могут тесно связываться со сказуемым, даже включаться в него; обстоятельственные слова, наречия в ряде случаев семантически настолько тесно связаны со сказуемым, что могут быть поняты как образующие с ним одно целое по смысловому содержанию и по синтаксическому построению⁹. Только на новом этапе развития языка, в новых синтаксических построениях обстоятельства получают полное право на самостоятельность, на отдельное от глагола существование и даже развивают способность семантически относиться к другим словам, именам¹⁰.

Исходя из теории синтаксиса простого предложения, к признанию древности наречий приходит и В.С.Юрченко. Развивая учение о становлении простого предложения, он утверждает, что исходной структурой было двусоставное предложение, причем обязательно такое, которое было распространено приглагольным второстепенным членом – дополнением или обстоятельством (они оба интерпретируются как единый член предложения – атрибут в широком смысле). Наречие, вначале неморфологизированное, а затем морфологизированное, служило формой выражения одного из конститутивных членов предложения – обстоятельства, без которого не могла возникнуть, а в дальнейшем развиваться и функционировать коммуникативная единица языка – предложение. Этот вывод заставляет В.С.Юрченко прямо заявить, что наречие – первичная часть речи, такая же древняя, как имя и глагол¹¹.

Для осуществления общения коллективом первоначально были выделены аморфные языковые знаки, с помощью которых можно было назвать лица, действия, его объекты, место действия. Значения эти выражались, скорее всего, комплексно. Но постепенно должна была произойти специализация таких звуковых комплексов путем их дифференциации. Пранаречия так

же, как и праглаголы, праимена, возникли на базе тех слогов-частиц, которые, как предполагают, были первыми членораздельными звуками, произнесенными первобытным человеком¹². Вполне вероятно, что на очень ранней ступени развития языка некоторые из первичных слогов-частиц уже специализированно стали передавать пространственные понятия, близкие к понятиям «на этом месте», «на том месте», «на это место», «на то место» и т. п., поскольку первоначально человеческое мышление выделило пространственные отношения, как наиболее очевидные, и лишь потом все остальные. Понятия эти для того времени были, вероятно, конкретны, поскольку жизнь первобытного человека ограничивалась узким кругом интересов в ограниченном пространстве. Из того же контингента первичных слогов-частиц выделился со временем надкласс указательных частиц (дейктических слов), на базе которых возникли местоименные основы.

По мере оформления частей речи база для образования наречий становится шире. С установлением изменяемых классов слов источником пополнения наречий стали падежные формы субстантивированных и прономинализированных дейктических слов. На этом этапе и возникает такой способ образования наречий, как адвербиализация. С этого периода перед нами уже собственно наречия. В окружении изменяемых слов наречия, будучи всего лишь семантической характеристикой действия, сохраняют свой древнейший признак – неизменяемость. В дальнейшем, в связи с тем, что грамматический строй в своем развитии претерпевал значительные изменения как в отношениях между отдельными классами слов, так и внутри частей речи, языковой материал, предлагаемый наречному словообразованию, расширялся, в морфологическом оформлении наречий происходили качественные сдвиги, возникали новые возможности, которые обеспечивались новым состоянием языка. <...>

Новые возможности для образования наречий появились в языке с появлением такого морфологического средства, как сложение основ. Именно сложением падежных форм местоименных основ образовались когда-то наречия типа *куда, где, когда*. В результате развития системы падежных форм имени стали возможны наречия *дома, вчера, домой, долой, вон, днесь, вечер, горе, долу, ныне, тихо, братски, пятью* и другие. С установлением в языке предложно-падежных форм связано становление сложной системы наречий предложно-падежного образования: *вверх, назад, снизу, посреди, около, докрасна, заживо, вдвое, заодно* и множество подобных. Со временем в сферу наречий втягивались новые формы, глагольные (*молча, лежа, стоя, играючи...*) и даже словосочетания, способные выражать обстоятельственные значения (*сегодня, тотчас, покамест, вдругоряд, восвояси, дважды...*)¹³.

Развитие науки о русском языке шло, а можно сказать, и до последнего времени идет таким образом, что роль наречия в грамматической системе, да и в синтаксисе, фактически оказывается приниженной. Ретроспективный взгляд на развитие наречий показывает, что эта часть речи не поздняя и не вторичная. Совсем наоборот, все изложенное выше заставляет смотреть на наречие как на очень важное и нужное звено в развитии грамматического строя языка. Это своеобразный центр, в котором формы знаменательных частей речи, пройдя процесс абстрагирования, становятся источником развития и дальнейшего пополнения классов служебных слов.

На новом этапе развития языка роль наречий в его системе еще более повышается. Это находится в прямой связи с тем, что у наречий, наряду с их морфологическим и семантическим разнообразием, развиваются новые синтаксические функции. Кроме древнейшей обстоятельственной функции, наречия принимают на себя функцию определительную, а затем осваивают и функцию предиката. Таким образом, тенденция к аналитизму, одна из действующих в развитии русского языка, нашла в наречии такую форму, которая, оставаясь неизменной, оказалась способной выполнять ряд функций, свойственных только изменяемым формам.

Примечания

¹ Виноградов В.В. Современный русский язык. М., 1938. Вып. 2.

² Галкина-Федорук Е.М. Наречие в современном русском языке. М., 1939.

³ Собинникова В.И. Историческая грамматика русского языка. Воронеж, 1984. С. 225.

⁴ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1956. Т. 5. С. 1786–1789.

⁵ Якушин Б.В. Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности // Онтология языка как общественного явления. М., 1983. С. 101.

⁶ Марр Н.Я. По этапам развития яфетической теории. М.; Л., 1926. С. 325.

⁷ *Рифтин А.П.* Об образовании наречий // Ученые записки Ленинградского государственного университета. М., 1940. Вып. 6. № 60.

⁸ *Юдакин А.П.* Становление наречия как части речи // Языковая практика и теория языка. М., 1978. Вып. 2.

⁹ *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. Л., 1978. С. 160, 162.

¹⁰ *Мещанинов И.И.* Члены предложения и части речи. С. 163; *Рифтин А.П.* Об образовании наречий. С. 55–56.

¹¹ *Юрченко В.С.* О взаимосвязи мышления, языка и речи на коммуникативном уровне // Язык и мышление. М., 1967. С. 138; *Он же.* Простое предложение в современном русском языке. Саратов, 1972. С. 97.

¹² *Леонтьев А.А.* Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963. С. 69–70; *Ветров А.А.* Семиотика и ее основные проблемы. М., 1968. С. 221.

¹³ Полнее о ступенях в развитии словообразования наречий и этапах их морфологического оформления говорится в нашей работе: Словообразование наречий. Вильнюс, 1976.

Коневецкий А.К. Проблема становления наречий как отдельной части речи // Развитие частей речи в истории русского языка. Рига, 1988.

Задание

Сформулируйте основную мысль данной статьи и дополните соответствующей информацией § 6 «Наречие» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Каковы аргументы в пользу того, что наречие – вторичная часть речи позднего происхождения?
2. Почему, по мнению А.К.Коневецкого, наречие – первичная часть речи?

А.Б. Шапиро

ЕСТЬ ЛИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ КАК ЧАСТЬ РЕЧИ?

О «категории состояния» за последние два-три десятилетия писали многие. Фигурирует она и в программах и учебных пособиях по современному русскому языку для высшей школы. Считается бесспорным, что «категория состояния» – особая часть речи в русском языке, занимающая в нем такое же место, как и все остальные части речи.

Теоретической разработкой вопроса о «категории состояния» занимались крупнейшие советские языковеды – Л.В.Щерба, И.И.Мещанинов и В.В.Виноградов. Некоторые интересные положения о «категории состояния» мы находим в недавно вышедшей работе А.В.Исаченко¹. <...>

Для решения вопроса о принадлежности слова или целого разряда слов к той или иной из существующих в языке частей речи нужно исходить из того, на каком принципе основано самое учение о частях речи. Тем более нужна полная определенность в указанной области, когда речь идет о формировании в языке новой части речи (независимо от того, закончился или еще продолжается процесс формирования). <...>

* * *

В ряде работ, опубликованных в последние десятилетия, все чаще и настойчивее проводится взгляд на части речи в русском языке как на классы слов, характеризующиеся разнородными признаками: не только морфологическими, но и синтаксическими, а также лексическими. А.А.Шахматов писал, что «морфологические признаки отнюдь не составляют сами по себе основания для различения частей речи»². Он неоднократно указывает на то, что препятствием к установлению принадлежности слов к той или иной части речи на основе их морфологических признаков является наличие в русском языке таких слов, которые морфологически не обнаруживают их связи со свойственными данной части речи грамматическими категориями (несклоняемые существительные, неспрягаемые глагольные формы – инфинитив, деепричастие и т. п.). Попытка А.А.Шахматова дать синтаксическую характеристику частей речи русского языка³ не может быть признана удачной. Эта характеристика не содержит в себе определений частей речи. Не удов-

летворившись, видимо, данными «определениями», А.А.Шахматов указывает на более глубокие основания для различения частей речи – основания семасиологические; он приходит к выводу, что «необходимо определить отношения частей речи к нашим психологическим представлениям»⁴. <...>

Изложенный выше взгляд Шахматова на части речи получил дальнейшее развитие в грамматических высказываниях Л.В.Щербы. Считая, что грамматические категории должны иметь «внешние выразители», Л.В.Щерба указывает, что эти внешние выразители могут быть самыми разнообразными по своему характеру. «Категории могут иметь по несколько формальных признаков, из которых некоторые в отдельных случаях могут и отсутствовать. Категория существительных выражается своей специфической изменяемостью и своими синтаксическими связями. Какаду не склоняется, но сочетания *мой какаду, какаду моего брата, какаду сидит в клетке* достаточно характеризуют *какаду* как существительное»⁵. <...>

* * *

Взгляды Л.В.Щербы на части речи встретили сочувствие у большинства русских грамматистов и нашли отражение во многих грамматических работах. За период, превышающий четверть века, в нашей печати не было сделано ни одной попытки критически рассмотреть и оценить концепцию Л.В.Щербы. Этим объясняется тот факт, что выделенная им новая часть речи – «категория состояния» – получила быстрое признание в широких лингвистических и педагогических кругах. «Категория состояния» как самостоятельная часть речи в русском языке – вполне последовательный вывод из общей теории частей речи, изложенной Л.В.Щербой. Обратив внимание на то, что в русском языке остается «ряд слов..., подведение которых под какую-либо категорию затруднительно» (речь идет о словах *нельзя, можно, надо, пора, жаль* и т. п.), Л.В.Щерба готов вначале примириться с отнесением их «по формальному признаку неизменяемости» к наречиям, с оговоркой, что эти слова «...употребляются со связкой и функционируют как сказуемое безличных предложений. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что указанные слова не подпадают под категорию наречий, так как не относятся ни к глаголу, ни к прилагательному, ни к другому наречию»⁶. К приведенным выше словам Л.В.Щерба присоединяет такие формы, как *холодно, светло, весело* и т. п. в фразах: *На дворе становилось холодно; В комнате было светло; Нам было очень весело* и т. п. «Может быть, – пишет Л.В.Щерба, – мы имеем дело здесь с особой **категорией состояния** (в вышеприведенных примерах никому и ничему не приписываемого – безличная форма) в отличие от такого же состояния, но представляемого как действие: *нельзя* (в одном из значений) | *запрещается; можно* (в одном из значений) | *позволяется; становится холодно | холодает...* Формальным признаком этой категории были бы неизменяемость, с одной стороны, и употребление со связкой, с другой...»⁷.

Внеся такое предложение, Л.В.Щерба тут же добавляет: «Однако мне самому не кажется, чтобы это была яркая и убедительная категория в русском языке»⁸. Как бы ослабив последней оговоркой свою «ответственность» за выдвинутую новую категорию, Л.В.Щерба переходит к постепенному расширению ее объема. Сперва он указывает, что в категорию состояния может быть введен и ряд слов, выступающих в личных конструкциях: *я готов, я должен, я рад, я способен, я болен, я намерен*. Таким образом, отбрасываются признаки безличности и неизменяемости, которые немногими строками выше были выдвинуты в качестве характерных для категории состояния. Вступив на этот путь, Л.В.Щерба пишет: «В конце концов правильны будут и следующие противоположения: *я весел* (состояние), *я веселюсь* (состояние в виде действия)... *он шумен* (состояние), *он шумит* (действие), *он шумливый* (качество)... и без параллельных глаголов: *он печален | он печальный... палка велика для меня | палка – большая...* То же по смыслу противоположение можно найти и в следующих примерах: *я был солдатом* (состояние: «*j'ai été soldat*») | *я солдатствовал* (состояние в виде действия) | *я был солдат* (существительное: «*j'ai été un soldat*»)». Наконец под **кате́горию состояния** следует подвести такие слова и выражения, как *быть навеселе, наготове, настороже, замужем, в состоянии, на чеку, без памяти, без чувств, в сюртуке* и т. п., и т. п. Во всех этих случаях *быть* является связкой... поэтому слова *навеселе, наготове* и т. д. едва ли могут считаться наречиями. Они все тоже выражают **состояние...**»⁹.

Так, начав с попытки **грамматического** выделения (пусть по синтаксическому признаку сочетаемости) слов, зачисляемых в «категорию состояния» как в особую часть речи, Л.В.Щерба приходит в конце концов к тому, что единственным признаком, объединяющим все слова, от-

носимые им к этой «части речи», оказывается их лексическое значение (конечно, в соответствующем грамматическом оформлении): это ясно вытекает из того, что зачисляя в категорию состояния такие слова, как *готов, болен, навеселе, без чувств* и т. п., он не дает в числе примеров таких слов, как *вежлив, прост, знаком, накоротке* (обозначающие не состояние, а взаимоотношение), *без танцев* (например, *Вечер будет без танцев*) и т. п.

Почувствовав уже в самом начале описания «категории состояния» шаткость занятой позиции, Л.В.Щерба в конце раздела, посвященного им этой «части речи», высказывается еще более осторожно. Он пишет: «Хотя все эти параллели едва ли укрепили мою новую категорию, так как слишком разнообразны средства ее выражения, однако несомненными для меня являются попытки русского языка иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях, но не получила еще, а может и никогда не получит общей марки. Сейчас формально **категорию состояния** пришлось бы определять так: это слова в соединении со связкой, не являющиеся однако, ни полными прилагательными, ни именительным падежом существительного; они выражаются или неизменяемой формой, или формой существительного с предлогом, или формами с родовыми окончаниями: *нуль* для мужского рода, *-а* для женского рода, *-о, -э (искренне)* для среднего рода, или формой творительного падежа существительных (теряющей тогда свое нормальное, то есть инструментальное значение)»¹⁰. Самый этот итог, к которому пришел Л.В.Щерба, как нельзя более выразителен. Оказывается, не только нельзя утверждать, что «категория состояния» укрепилась в русском языке как самостоятельный и грамматический класс слов (часть речи) наравне с другими классами, но возможно, что она никогда не получит «общей марки». В чем черпает Л.В.Щерба свое убеждение, что русский язык делает попытки «иметь особую категорию состояния, которая и вырабатывается на разных путях», – трудно сказать: ведь все те явления, которые зачисляются в наше время в «категорию состояния», существовали уже и в древнерусском языке (подробнее об этом см. ниже) и продолжали существовать в русском языке во все периоды его жизни вплоть до настоящего времени, причем не наблюдается никаких явлений, свидетельствующих об их морфологической и синтаксической концентрации вокруг каких-либо существенных, «ведущих» для всей категории признаков.

Попытка Л.В.Щербы дать «формальное» определение «категории состояния» чрезвычайно показательна: единственным позитивным «формальным» признаком оказалось употребление со связкой. Но ведь со связкой при выполнении функции составного сказуемого выступают вообще все части речи, не являющиеся глаголами, а также некоторые неспрягаемые глагольные формы (причастия, инфинитив). А далее идет ряд **негативных** признаков (не полное прилагательное, не именительный падеж существительного). И весьма характерно утверждение, что слова «категории состояния» могут выражаться формами существительных, «формами с родовым окончанием» *нуль, -а, -о* (добавим: согласуемыми с существительными-подлежащими в роде и числе), иначе говоря: слова, принадлежащие к этой новой «части речи», могут выражаться формами других частей речи. <...>

В.В.Виноградов значительно углубил учение о «категории состояния», опираясь, в основном, на мысли Востокова и Некрасова и на концепцию Щербы. Поставив «категорию состояния» в один ряд со всеми остальными частями речи, он характеризует ее следующим образом: «Под категорию состояния подводятся несклоняемо-именные и наречные слова, которые имеют формы времени (для прошедшего и будущего времени аналитические, образованные посредством присоединения соответствующих форм связки *быть*) и употребляются только в функции сказуемого»¹¹. Далее читаем: «Слова, относящиеся к категории состояния, выражают «недейственное» состояние, которое может мыслиться безлично (*досадно, стыдно*) или приписываться тому или иному лицу как субъекту, испытывающему это состояние (*я рад, ты должен* и т. п.). Так как формы времени в категории состояния аналитичны, то вся эта категория в целом носит яркий отпечаток аналитического строя. Формы; *я был рад* и *буду рад (будешь рад* и т. п.) – являются чистыми формами времени и наклонения, без всякой примеси видовых и залоговых значений»¹².

Употребление входящих в «категорию состояния» слов в функции сказуемого – признак синтаксический. Одного этого признака, как уже было сказано выше, недостаточно для определения части речи, к которой относится слово. Исходя именно из этого признака (употребление с «вспомогательными глаголами *есть, было, будет*», то есть в качестве сказуемых безличных

предложений), Востоков относил такие слова, как *весело, можно, нельзя, жаль* и т. п., к глаголам, с чем, как видим, не согласны ни Л.В.Щерба, ни В.В.Виноградов.

Рассмотрим другие признаки – морфологические, а именно – формы времени и наклонения, приписываемые В.В.Виноградовым «категории состояния». Кроме этих форм, в словах «категории состояния», развившихся из кратких прилагательных, усматривается также форма лица¹³. Наличие этой формы выводится из соотношения таких конструкций, как *я (ты, он) должен – должно, я (ты, он) виден – видно* и т. п. «Краткие формы имен прилагательных, утратив склонение и укрепившись в позиции сказуемого, приобретают оттенок времени», – пишет В.В.Виноградов. Это, видимо, надо понимать так, что поскольку краткие прилагательные постоянно употребляются как сказуемые, их форма ассоциируется с временным значением и поскольку для выражения прошедшего и будущего времен привлекается связка *был – буду*, с отсутствием такой связки ассоциируется представление о настоящем времени¹⁴. Это верно, но с существенной оговоркой: такая ассоциация относится к краткому прилагательному **как к сказуемому**, т. е. **как к члену предложения**, но не **как к части речи**. Как сказуемая конструкция, всякое краткое прилагательное, употребленное без связки, имеет значение настоящего времени. Но само по себе, как слово, **морфологически**, краткое прилагательное не включает в себе ни форм времени, ни форм наклонения, ни форм лица. Ведь именно потому краткие прилагательные, при выполнении ими их сказуемой функции, и нуждаются в связке, что сами они, в силу своей морфологической природы, лишены способности выражать категории времени, наклонения, лица, чем принципиально отличаются от спрягаемых форм глагола. И этой своей чертой краткие прилагательные (все сказанное относится в такой же мере и к кратким страдательным причастиям и наречиям на *-о*, и к таким словам, как *пора, жаль* и т. п.) ничем не отличаются от имен существительных и полных прилагательных, когда эти последние выступают в функции сказуемого [ср. *мой брат – учитель, мой брат – высокий; мой брат был (будет) учитель, высокий* и т. п.]. Тот факт, что краткое прилагательное употребляется исключительно в функции сказуемого, а существительные и полные прилагательные могут употребляться и в других синтаксических функциях, к характеру их **морфологической** структуры, какой она является в настоящее время, отношения не имеет.

Точно так же обстоит дело и с формой наклонения применительно ко всем разновидностям «категории состояния». *Я готов, мне весело, нам жаль его* в такой же мере являются конструкциями с «оттенком» изъявительного наклонения, в какой этот же «оттенок» свойствен таким конструкциям, как *я учитель, колхоз – богатый* и т. п. Значения других наклонений могут появиться только при введении связки (*я был бы готов, будь готов, мне было бы весело, нам было бы жаль его*; ср.: *я был бы учитель, колхоз был бы богатый* и т. п.), ибо категория наклонения свойственна глаголу и не свойственна никаким другим частям речи.

Что касается формы лица в применении к кратким прилагательным, то здесь не может быть речи о лице, свойственном глаголу: в понятие формы глагольного лица включается, помимо самой связи действия с его субъектом, также и представление **одного из трех лиц, противопоставляемого двум другим**, причем каждая из этих форм имеет свой звуковой показатель. Этого, конечно, нет и не может быть у краткого прилагательного в силу его грамматической природы и морфологического строения.

В.В.Виноградов указывает на то, что у кратких прилагательных в результате ограничения их синтаксических функций «...развиваются значения, несвойственные полным прилагательным, и складываются новые синтаксические связи»¹⁵. В качестве примера приводятся слова *готов* в значении «пьян», *повинен* в значении «обязан», *зол* в значении «сердит»; при этом указывается, что многие такие краткие прилагательные приобретают свойство управлять теми же косвенными падежами существительных, какими управляют глаголы той же основы: *зол – злиться* на кого-нибудь, *сердит – сердиться* на кого-нибудь, *жив – жить* чем-нибудь и т. п. Это верно, как верно и то, что не только краткие, но и многие полные прилагательные управляют теми же косвенными падежами, что и однородные по основе глаголы; ср. *склонный – склонен – склоняться* к чему-нибудь, *гордый – горд – гордиться* чем-нибудь и т. п. И поэтому вполне понятен вывод, что «лексические значения многих кратких форм не настолько далеко отошли от значений соотносительных полных форм, чтобы можно было видеть в них самостоятельные слова, оторвавшиеся от категории имени прилагательного. С именем прилагательным сближает эти формы общность словообразовательных признаков, у некоторых – наличие сравнительной степени. Кроме того, у многих кратких форм синтаксический отрыв от категории имени прилагательного не сопровождается изме-

нением их лексических значений (ср. *кроток* – *кроткий*; *задумчив* – *задумчивый* и т. п.)... Нечто подобное наблюдается и в отношениях многих качественных наречий на *-о*, *-е* и *-ски* к лексически однородным именам прилагательным»¹⁶.

Получается впечатление, что автор цитированных строк склонен оставить рассмотренные формы в общей системе имен прилагательных и наречий, так как дальше он пишет: «Однако в категории состояния есть целый ряд и таких слов, которые в современном русском языке уже не могут быть связаны ни с каким другим определенным грамматическим классом... Они образуют грамматическое ядро категории состояния»¹⁷. Имеются в виду такие слова, как *рад*, *горазд*, *солон*, *намерен*, далее – такие, как *стыдно*, *совестно*, *можно*, *нужно* и т. п., и, конечно, такие как *жаль*, *пора*, *недосуг*. Впрочем, формулировка «...в категории состояния есть целый ряд и таких слов...» говорит о том, что и краткие прилагательные, и наречия на *-о*, *-е*, *-ски* также входят в «категорию состояния». Здесь – явное противоречие: слова эти, с одной стороны – не самостоятельные, не оторвались от категории имени прилагательного и наречия, а с другой – принадлежат к «категории состояния».

По мысли В.В.Виноградова, неоднократно им подчеркиваемой, указанное противоречие «снимается» тем, что «категория состояния» – не окончательно сформировавшаяся часть речи с ярко очерченными границами и морфологическими показателями, а грамматическая категория, формирующаяся, активно развивающаяся «на почве сложного грамматического переплетения свойств и функций имени, глагола и наречия»¹⁸.

Для того чтобы утверждение о формировании и активном развитии «категории состояния» в русском языке могло считаться доказанным и бесспорным, необходимо аргументировать его специальным **историческим** исследованием, которое наглядно показало бы, как зародилась эта «категория», как шел, постепенно нарастая, процесс концентрации ее элементов вокруг определенного грамматического стержня, – процесс, приведший к тому, что появилась новая часть речи, занимающая равноправное положение среди всех других частей речи и могущая быть противопоставленной им на основе единого и существенного классификационного признака. Такого исследования не существует, а непосредственные наблюдения над историческими фактами говорят о противоположном – о том, что все те формы с их сказуемостными функциями, которые вводят в «категорию состояния» и Л.В.Щерба, и В.В.Виноградов, издавна существуют в русском языке и что никаких принципиально новых явлений в данной области не происходит. <...>

Выше уже были высказаны критические замечания по вопросу о наличии у этой «категории» форм времени и наклонения. Мы убеждены, что положение о наличии **морфологических** показателей времени и наклонения у «предикативов» свидетельствует о неразличении форм частей речи и форм членов предложения, то есть фактов морфологических и фактов синтаксических. Нам могут возразить, указав на аналитические формы будущего времени (*буду читать*), степеней сравнения (*более интересный, самый интересный*), всеми единодушно относимые к морфологии. Но есть глубокое различие между этими аналитическими формами и такими, как (я) *должен был, жаль было, было весело* и т. п.: у первых значение части речи (глагола, прилагательного) **распределено** между двумя лексическими единицами: так, в форме *буду читать* глагольные категории вида, залога, один из соотносительных показателей глагольного класса заключены в *читать*, а категории времени и наклонения – в *буду*; в форме *более интересный* все категории прилагательного (род, число, падеж, «полнота») заключены в *интересный*, а категория сравнительной степени – в *более*. У вторых же («предикативов») слова *должен, жаль, весело* и т. п. не заключают в себе **никаких** показателей принадлежности к особой части речи, а если и есть какие-либо морфологические показатели (например, формы рода и числа у таких слов, как *должен*, форма степени сравнения у таких слов, как *весело – веселее*), то они всегда «тянут» эти слова к одной из «старых» частей речи; грамматические же показатели (времени, наклонения, отчасти и вида) приходится искать во «вспомогательном глаголе», появляющемся только в предложении, когда соответствующее слово выступает в роли сказуемого.

* * *

Все изложенное говорит о том, что сторонниками «категории состояния» как особой части речи в русском языке исчерпаны все возможные аргументы для защиты их точки зрения. И тем не менее колебания и сомнения, высказанные основоположником учения о «категории состояния» – Л.В.Щербой, остаются неустраненными. И хотя нельзя отрицать того факта, что ряд типов аналитических сказуемых действительно может быть объединен по признаку обозначения этими сказуемыми «состояний» (в довольно широком понимании этого слова), сказуемые

эти тем не менее не образуют такого класса слов, который может претендовать на признание его самостоятельной частью речи.

Нужно ли во что бы то ни стало добиваться «общей марки» для рассматриваемого типа сказуемых? Так ли действительно важно найти особое морфологическое «гнездо» для этих сказуемых и дать ему название (кстати, и название-то придумать оказывается не просто)? Не важнее ли для правильного, то есть соответствующего реальной действительности, освещения грамматического строя современного русского языка описать то, что есть в языке, и так, как оно есть, положив в основу факты и явления только **продуктивные**? В результате такого описания и получится определенная **система классов слов** (конечно, с известными переходными степенями и смешанными группами). Для «категории состояния», как это вытекает из всего сказанного в настоящей статье, места в этой классификации быть не может.

Нередко возникает вопрос, по каким признакам можно отличать наречия от прилагательных (ср.: *медленно, часто, смешно* и т. п.). Для распознавания таких форм обычно выдвигается синтаксический критерий: считают, что в тех случаях, когда поясняется глагол или прилагательное, перед нами наречие, в остальных случаях – краткое прилагательное среднего рода. Однако с точки зрения морфологического отнесения таких слов, как *медленно, часто, смешно*, к кратким прилагательным или к наречиям решается в зависимости от того, является ли в них конечное *-о* показателем родо-числовой формы, то есть принадлежит ли данное слово к ряду с флексиями *нуль – -а, -о, -ы(-и)* (*смешон, смешн-а, смешн-о, смешн-ы*) или же оно таким показателем не является.

Наречия не имеют родо-числовых форм потому, что они им, в силу их значения как части речи, **не нужны**: наречие обозначает признак без соотнесенности с предметом. Оно может обозначать признак действия и признак другого признака, но оно может обозначать и признак, не соотносимый с носителем его. Последнее имеет место тогда, когда характер выражаемого наречием признака допускает отсутствие носителя.

В этих случаях признак приобретает те черты, которые превращают его в «качественное состояние» (В.В.Виноградов). Все это делает понятным, почему предложение, в котором утверждается наличие такого «качественного состояния», может быть только безличным, а слово, обозначающее состояние, выступает в качестве сказуемого такого предложения. Что «качественное состояние» непосредственно связано с характером лексического значения наречия, ясно видно из сравнения следующих наречий: *холодно, сухо, светло, хорошо, плохо, красиво, жалко, обидно, тревожно, опасно* и *грубо, случайно, терпеливо, гордо, часто, злобно, дружно*. Наречия первой группы могут выступать в функции «сказуемого» безличного предложения, наречия второй группы в этой функции выступать не могут. Показательно, что наречия, выступающие в сказуемой функции, могут сочетаться с наречиями места и времени, а также с дательным падежом существительного и местоимения, обозначающих субъект, испытывающий «состояние»; ср.: *здесь (теперь, брату) холодно; тогда (там, всем) было тревожно* и т. п. Наречия второй группы членами таких словосочетаний быть не могут.

Отказ от признания «категории состояния» как части речи приводит к тому, что некоторое количество слов, обычно включаемых в нее, остается «беспризорным», так как не может быть включено ни в один из существующих морфологических классов (*жаль, надо, можно, нельзя* и некоторые другие). Это факт, который остается только признать. Слова могут, в связи с общим ходом развития языка, выпадать из тех морфологических классов, в состав которых они ранее входили, не переходя в другие классы, но выполнять при этом те или иные синтаксические функции. Система взаимоотношений между частями речи и членами предложения не испытывает от этого никаких потрясений, так как она покоится на тех основаниях, которые создаются и поддерживаются взаимодействием только продуктивных и живых языковых фактов и процессов.

Примечания

¹ *Исаченко И.В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Морфология. Братислава, 1954. Ч. 1.

² *Шахматов А.А.* Синтаксис русского языка. 2-е изд. Л., 1941. С. 420.

³ «Существительное – это часть речи, не употребляющаяся в качестве обстоятельства и определения. Прилагательное – это часть речи, которая употребляется в качестве определения или сказуемого, а в нечленной форме также в качестве главного члена односоставного предложения. Наречие – это часть речи,

употребляющаяся в качестве главного члена односоставного предложения, а также в качестве обстоятельства» (Там же. С. 427).

⁴ Там же. С. 428.

⁵ *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // Русская речь / Под ред. Л.В.Щербы. Новая серия. Л., 1928. С. 8.

⁶ *Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке. С. 16.

⁷ Там же. С. 17.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 17–18.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ *Виноградов В.В.* Русский язык. М.; Л., 1947. С. 401.

¹² Там же. С. 401–402.

¹³ См.: Там же. С. 405.

¹⁴ Там же. С. 402.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 403–404.

¹⁷ Там же. С. 404.

¹⁸ Там же. С. 420–421.

Шапиро А.Б. Есть ли в русском языке категория состояния как часть речи? // Вопросы языкознания. 1955. № 2.

Н.С. Поспелов

В ЗАЩИТУ КАТЕГОРИИ СОСТОЯНИЯ

<...> В настоящей статье автор ставит своей задачей сделать некоторые наблюдения над грамматическими признаками слов категории состояния, указанными В.В.Виноградовым, но недостаточно раскрытыми в его книге «Русский язык». Первое, на что необходимо обратить внимание, – это то, что слова категории состояния, в отличие от наречий, вовсе не являются в строгом смысле этого понятия **неизменяемыми** словами. Им свойственно грамматическое различие форм времени и (в более ограниченном объеме) наклонения, и они всегда выступают в определенных формах времени и наклонения. Но, в отличие от спрягаемых форм глагола, слова категории состояния выражают грамматические значения прошедшего и будущего времени аналитически, посредством связки, являющейся в данном случае не отдельным служебным словом, а только необходимым компонентом аналитической формы слов данного лексико-грамматического разряда¹. При этом отсутствие связки при выражении настоящего времени оказывается значимым, и формы с подобным значением тоже являются потенциально аналитическими, как осложненные нулевыми показателями времени и наклонения (ср.: *холодно* и *было, будет холодно*).

Настоящее время в бессвязочных формах категории состояния (*холодно, жарко, стыдно* и т. п.) устанавливается как их грамматическое значение в соответствии с парадигматическим соотношением данных форм с формами прошедшего или будущего времени, конструируемыми посредством связки: *было холодно, будет жарко, стыдно было* и т. п. В этом основное структурное отличие слов данной категории от наречий, которые действительно являются неизменяемыми. Таким образом, в отличие от наречий, слова категории состояния характеризуются определенной парадигматической схемой², определенной закономерностью грамматических изменений, образующих систему грамматических форм времени и наклонения – то, что А.Г.Шанидзе называет *скривой* или *рядом*³. Слова категории состояния так же, как и глаголы, выражая то или иное грамматическое время, тем самым выражают и изъявительное наклонение. Кроме изъявительного наклонения, слова категории состояния могут иметь аналитически выраженные формы сослагательного наклонения (например, *Ему стыдно было бы так думать; Надо бы ему об этом сказать*). В плане грамматической характеристики слов категории состояния особенно важно подчеркнуть, что они, в отличие от глагола, не могут выражать побуждения к действию в форме повелительного наклонения.

Включаемые иногда в состав категории состояния слова *рад, горазд, прав, должен* и т. п. не отличаются парадигматически (они имеют синтетические формы рода и числа) от обычных кратких форм имен прилагательных и в их составе образуют непродуктивную группу, потерявшую соотношение с полными формами имен прилагательных⁴. В отличие от основного массива слов категории состояния, немногочисленные подобные слова допускают аналитическое

образование форм повелительного наклонения: *будь рад, горазд* и т. п. От спрягаемых форм глагола и кратких форм прилагательного⁵ слова категории состояния отграничиваются и тем, что не имеют грамматического изменения в лице, этой базы глагольного спряжения. Слова категории состояния – и в этом коренное отличие их от глаголов и кратких прилагательных – являются не предикативными словами вообще, а «безлично-предикативными словами», которые могут употребляться или бессубъектно, или с дательным субъекта в качестве конструктивно необходимого дополнения, или с инфинитивом для выражения действия, приписываемого субъекту. Это сближает их с безличными глаголами и с «глагольными предикативами», выражающими отрицание наличия чего-либо: *нет времени, не было возможности, не будет поезда, не было бы грозы* и т. п. Но от тех и других безлично предикативных образований слова категории состояния отличаются аналитическим выражением форм времени и наклонения.

Так же, как и «глагольные предикативы», слова категории состояния (и в этом их основное грамматическое отличие и от кратких прилагательных, и от наречий) не являются названиями признака чего-либо и поэтому они ни к чему не прилагаются и ни к чему не примыкают. Однако это не лишает их специфической для них грамматической сочетаемости со словами других лексико-грамматических разрядов. В строе предложения они управляют дательным падежом личного местоимения или имени существительного и могут сочетаться с инфинитивом и раскрывать свое конкретное содержание в зависимых от них придаточных предложениях, связанных с ними пояснительной синтаксической связью.

Именно эта характерная для слов категории состояния грамматическая сочетаемость и свойственное им грамматическое изменение времени и наклонения объединяют слова данной категории с глаголами, особенно безличными (*кажется, хочется*), и некоторыми непродуктивными группами кратких прилагательных (*рад, готов* и т. п.) и отделяют их от наречий как неизменяемой части речи. Необходимо в теоретическом плане отграничивать слова категории состояния и от предикативных наречий, входящих в состав сказуемого в сочетании с вспомогательными глаголами (например, *становилось холодно; стало темно*).

Предикативные наречия являются только первой ступенью в формировании слов категории состояния как особой части речи. Самый процесс перехода предикативных наречий в категорию состояния разъясняется В.В.Виноградовым следующим образом: «Преобразование... глагола *быть* в отвлеченную связку усиливало «предикативность» наречий. В сочетании *совестно было* слово *совестно* уже не могло осознаваться как наречие к глаголу *было*. Оно сливалось со связкой-морфемой *было* в одну составную грамматическую форму, форму прошедшего времени, от слова *совестно*. Но такое употребление наречий не мирилось с их функцией качественного и обстоятельственного отношения (ср. также развитие аналогичных процессов в сочетаниях кратких имен прилагательных со связкой). Ослабление и выветривание в связке *быть* лексических значений глагола приводило к переходу «предикативных наречий» в категорию состояния»⁶.

Следует при этом отметить, что новое грамматическое качество слов категории состояния находит себе выражение и в ином положении слов категории состояния в структуре сказуемого. Если предикативные наречия входят в состав сказуемого в качестве зависимых его членов, примыкающих к вспомогательному глаголу, то слова категории состояния представляют собою ядро, основную часть аналитической формы сказуемого, в состав которой связка входит только как грамматический показатель определенного времени и наклонения (в *совестно было* – прошедшего времени изъявительного наклонения).

Предикативные наречия, объединяясь в составе сказуемого с вспомогательными глаголами прошедшего времени несовершенного или совершенного вида (*становилось, стало*), в безличной их форме удерживают при этом лексико-грамматическое значение отдельного слова, обозначающего конкретный признак обобщенного действия, выражаемого вспомогательным глаголом.

Вот несколько характерных примеров из произведений А.Чехова.

– Становится свежо, – сказала Ольга Ивановна и вздрогнула. (Попрыгунья). Становилось грустно, когда они пели. (В родном углу). Без самовара в избе Чикильдеевых стало совсем скучно. (Мужики). – Сейчас пройдет... – прошипел Пантелей, садясь. – Потихе стало. (Степь); По лужам протянулись ледяные иглы, и стало в лесу неудобно, глухо и нелюдимо. (Студент).

Связочная функция вспомогательного глагола в конструкции с предикативными наречиями выступает отчетливее при наличии в предложении дополнения в дательном падеже с

значением субъекта – носителя состояния, выражаемого предикативным наречием в сочетании с вспомогательным глаголом.

Вот ряд примеров:

Ей становилось совестно и стыдно своих чувств. (И.Тургенев. Накануне). Базарову стало досадно. (И.Тургенев. Отцы и дети). Одинцовой стало и страшно, и жалко его. (И.Тургенев. Отцы и дети). Совестно стало ему перед доброю, смешною, благородною старушкой. (И.Тургенев. Дым). Грише стало горько. (А.Чехов. Кухарка женится). Егорушке стало скучно возле него. (А.Чехов. Степь).

При наличии дательного субъекта вспомогательный глагол, выполняя функцию связки, перестает быть основным компонентом составного сказуемого, и предикативное наречие становится главным членом в составе сказуемого. Однако вспомогательный глагол не теряет при этом видовых и залоговых значений. В тех же случаях, когда связочное значение в сказуемом выражается не вспомогательным глаголом, а связкой, утратившей грамматическое значение действия и не имеющей глагольных категорий вида и залога, из предикативных наречий при помощи связки как служебного слова образуется категория состояния как особая часть речи с аналитическим оформлением. При этом при отсутствии дательного субъекта в аналитической форме слов категории состояния удерживается в какой-то мере и экзистенциальное значение.

Вот ряд примеров подобного употребления слов категории состояния со связкой прошедшего и будущего времени, в которой удерживается наряду со служебным и экзистенциальное значение, или без связки, значимое отсутствие которой служит не только средством выражения настоящего времени, но и утверждением наличия определенного состояния, передаваемого знаменательной частью аналитической формы слов категории состояния:

Было тихо и уныло. (А.Чехов. Попрыгунья). Уже поздно. (А.Чехов. Володя большой и Володя маленький). Скучно, скучно, скучно! (А.Чехов. Учитель словесности). Как хорошо! – думал он. – Как хорошо! (А.Чехов. Архиерей). И он с жадностью ел и все повторял: – Ах, как вкусно! Ты попробуй! (А.Чехов. Крыжовник). – И долго ты у них пробудешь? – Не думаю. Чай, скучно будет. (И.Тургенев. Отцы и дети).

Бессубъектные конструкции с бессвязочным употреблением слов категории состояния близки к номинативным предложениям, в которых утверждается наличие чего-либо в реальной действительности (ср.: *Тишина* и *Тихо*; *Ветер* и *Ветрено* и т. п.). Этим объясняется возможность соотносительного употребления в определенных контекстах предложений, формируемых словами категории состояния с экзистенциальным значением, и номинативных предложений. Вот примеры из произведений А.Чехова:

Площадка для крокета. В глубине направо дом с большой террасой, налево видно озеро, в котором, отражаясь, сверкает солнце. Цветники. Полдень. Жарко. (Чайка, ремарка); *Пищик*: Постой... Жарко... Событие необычайнейшее. Приехали ко мне англичане и нашли в земле какую-то белую глину... (Вишневый сад).

Экзистенциальное значение сказуемых, выражаемых словами категории состояния, конкретизируется обстоятельствами места, времени, образа действия:

В саду было тихо и тепло. (Верочка). *Лопахин*: Холодно здесь чертовски. (Вишневый сад). Хорошо у вас здесь! – сказала Ольга, крестясь на церковь. (Мужики). В их большом каменном доме было просторно и летом прохладно... (Ионыч).

Отличие аналитических форм категории состояния от наречий отчетливо выявляется при их сочетании с примыкающими к ним наречиями:

Было нестерпимо жарко и душно. (Хористка).

В подобных случаях так же, как и при глаголах, наречие выступает в качестве средства синтаксической характеристики слов категории состояния.

Синтаксическая соотносительность слов категории состояния экзистенциального значения с глаголами выражается также в широкой возможности их объединения в составе сложносочиненных и бессоюзных предложений:

В комнате было темно, но лампадка перед образом уже не горела. (А.Чехов. Нахлебники). В саду было тихо, прохладно, и темные покойные тени лежали на земле. (А.Чехов. Невеста). Спать не хотелось, на душе было непокойно, тяжело. (Там же).

При сочетании слов категории состояния с дательным субъекта отчетливее выступает служебная функция связки (или ее значимого отсутствия) как морфемы времени и наклонения в составе аналитической формы. Знаменательная часть аналитической формы становится основным

средством выражения состояния, приписываемого какому-либо субъекту. Приведу несколько примеров в различных временных значениях:

Как тебе не стыдно, Евгений... (И.Тургенев. Отцы и дети). И жутко ему было, и сладко, и ни о чем он не жалел, и ничего не берег. (И.Тургенев. Дым). Думайте, что хотите, но мне будет скучно, когда вы уедете. (И.Тургенев. Отцы и дети). А вам стыдно, господин Чечевицын! (А.Чехов. Мальчики). Мне нехорошо... – сказал за дверью Дымов. (А.Чехов. Попрыгунья). – Скучно вам с нашим братом. (А.Чехов. Палата № 6). И ему было грустно, очень грустно! (А.Чехов. Степь). Должно быть, и подводчикам было жутко. (Там же). – Когда все будешь знать, тебе на всякой стезе легко будет. (Там же).

Слова категории состояния могут выражать состояние определенного субъекта и при отсутствии обозначения его формой дательного падежа. В таких случаях вся синтаксическая конструкция, в которую входит слово категории состояния, должна квалифицироваться как неполное по своей структуре безличное предложение⁷. Вот некоторые примеры, типичные для слов категории состояния при употреблении их без связки в форме настоящего времени:

– Скучно; работать хочется, а здесь нельзя. (И.Тургенев. Отцы и дети). – Стыдно, Петр Петрович! (А.Чехов. Дом с мезонином). В самом деле неловко. Я – учитель словесности, а до сих пор еще не читал Лессинга. (А.Чехов. Учитель словесности).

Как случаи субъектного употребления слов категории состояния следует рассматривать и все случаи примыкания к ним зависимого инфинитива, будет ли налицо дательный субъекта или его не будет в составе предложения. Ведь инфинитив всегда есть выражение действия, приписываемого какому-либо, хотя и потенциальному субъекту⁸. Как правильно отмечено Е.М.Галкиной-Федорук⁹, конструкции с постпозитивным инфинитивом, примыкающим к словам категории состояния, всегда выражают субъективную оценку, а не простую констатацию факта.

Вот несколько почерпнутых из произведений А.Чехова примеров такого по существу «субъектного» употребления слов категории состояния с примыкающим к ним инфинитивом, при отсутствии в составе предложения дательного субъекта.

Эпиходов: Как приятно играть на мандолине! (Вишневый сад). – Должно быть, совестно жениться... – думал Гриша. – Ужасно совестно! (Кухарка женится). Неужели не скучно быть простым, ничем не замечательным, неизвестным человеком, да еще с таким помятым лицом и с дурными манерами? (Попрыгунья).

Зависимость постпозитивного инфинитива от слов категории состояния отчетливо выделяется в подобных конструкциях при наличии дательного субъекта:

Лаптеву было уже неприятно оставаться подолгу дома. (Три года). Ему было тепло стоять около дьячихи. (Ведьма). Вот хорошо бы и ему, старику, совсем отказаться от мяса, от разных излишеств. (Печенег).

В тех случаях, когда инфинитив, обычно в препозиции, получает синтаксическую функцию подлежащего, слово категории состояния остается сказуемым, которое не имеет формы ни лица, ни рода и, не согласуясь с подлежащим, только координируется с ним. Вот примеры из произведений А.Чехова:

Даже слушать скучно. (Черный монах). Работать было трудно; ливень портил все, что мы успевали сделать. (Моя жизнь). – Да-с, – говорил Иван Абрамыч, задумчиво глядя в окно. – Жениться никогда не поздно. (Печенег). Вспоминать о вчерашней своей слабости ему не было стыдно. (Палата № 6). Дома и хворать легче, и жить дешевле; и недаром говорится: дома стены помогают. (Мужики). Опять молчание. С сжатой полосы несется тихая песня, которая обрывается в самом начале. Жарко петь... (Егерь). *Андрей:* По-моему, и участвовать в дуэли, и присутствовать на ней, хотя бы в качестве врача, просто безнравственно. (Три сестры).

Видеть в безлично-предикативных словах, сочетающихся с подлежащими-инфинитивами, краткие формы прилагательных препятствует отсутствие в подобных формах основного признака прилагательных – родоизменяемости. С другой стороны, выдвигание инфинитива в синтаксическую позицию подлежащего приводит только к синтаксической конверсии¹⁰ слов категории состояния и поэтому не может привести к образованию в качестве грамматического омонима новой части речи – краткого прилагательного. Поэтому и попытка Пешковского установить своего рода грамматическое соотношение между функцией инфинитива и грамматической природой предикативных форм на *-o*¹¹ не правомерна, так как основывается на предположении, что в одних случаях мы можем иметь дело с краткими прилагательными, а в

других – с предикативными наречиями. В связи с этим следует решительно отграничивать от слов категории состояния омонимические им краткие прилагательные, употребляемые в сказуемом главной части сложного предложения с придаточными, выполняющими смысловую и синтаксическую роль отсутствующего подлежащего:

...Известно, что наши губернские города горят через каждые пять лет. (И.Тургенев. Отцы и дети). Слышно, как на ключ запирают все двери, как потом отъезжают экипажи. (А.Чехов. Вишневый сад, ремарка). По лицу его видно было, что он хотел говорить и ждал для этого удобной минуты. (А.Чехов. Доктор). Ср.: Лица его не было видно. (Там же). Знаешь, очень возможно, что мне предложат приват-доцентуру по общей патологии. (А.Чехов. Попрыгунья). Ср.: Но Елена Николаевна! Разве ее возможно понять? (И.Тургенев. Накануне).

При словах категории состояния в сходной синтаксической позиции придаточные предложения выполняют не функцию подлежащего, а только раскрывают и разъясняют содержание главной части сложного предложения. Вот примеры из произведений А.Чехова:

Ему было досадно, что его не оставляют в покое люди. (Палата № 6). Ср.: Ей было досадно на себя. (Володя большой и Володя маленький). Ей было обидно, что за его больше чем двадцатилетнюю службу ему не дали ни пенсии, ни единовременного пособия. (Палата № 6). Ср.: Ей уже было жаль своих вещей, которые она сгоряча отдала, и было обидно. (Хористка). Хорошо, если бы брызнул дождь! (Степь). Ср.: Имеет человек в жизни зацепку – и хорошо ему. (Печенег).

Не могут быть включены в систему слов категории состояния и краткие страдательные причастия в безличном их употреблении, так как они, сохраняя залоговое, видовое и глагольное временное значение (значение перфекта, плюсквамперфекта), не перестали быть формами глагола. Например:

Возле блюдечка недоеденное яблоко, ножницы и тарелка, в которую приказано класть ореховую скорлупу. (А.Чехов. Детвора). Вероятно, ей, как самой образованной в доме, было поручено встретить и принять доктора... (А.Чехов. Случай из практики).

Другую продуктивную группу слов категории состояния представляют собою безлично-предикативные слова модального значения, не имеющие омонимических форм наречий (*надо, нужно, можно, нельзя, угодно* и т. п.), а также получающие модальное значение имена существительные (*пора, лень, охота* и т. п.), выпадающие из парадигматической схемы склонения и усваивающие себе парадигматическую схему грамматического изменения времени. Для данной серии слов категории состояния особенно продуктивно употребление их с зависимым от них инфинитивом, когда модальное значение слов категории состояния не осложняется каким-либо конкретным содержанием, так как это содержание выражается инфинитивом. Здесь возможны два случая.

В конструкциях с дательным субъекта слова категории состояния оказываются в двусторонней синтаксической связи, причем их связь с инфинитивом в составе сказуемого оказывается более тесной, чем их конструктивная связь с дополнением.

Мне нужно поговорить с вами, Иван Алексеич! (А.Чехов. Верочка). *Варя*: Студенту надо быть умным. (А.Чехов. Вишневый сад). Нам надобно теперь тесно сойтись друг с другом, узнать друг друга хорошенько, не правда ли? (И.Тургенев. Отцы и дети). Итак, вам угодно спорить, – извольте. (Там же). Солнце село, и мне пора было идти домой. (И.Тургенев. Ася). Костер горел уже не так ярко, и каждому было лень встать и подложить хворосту. (А.Чехов. Дуэль). И что вам за охота жить в городе летом! (И.Тургенев. Накануне).

При отсутствии дательного субъекта слова категории состояния с модальным значением находятся в односторонней и поэтому еще более тесной связи с инфинитивом. Вот примеры из произведений А.Чехова:

Надо молчать об этом... Надо не подавать вида. (Попрыгунья). Нужно бороться с собой. (Припадок). Разве можно давать детям деньги? И разве можно позволить им играть в азартные игры? (Детвора). И нельзя было понять, в чем ее горе. (В родном углу). Нет, ничего уже нельзя сделать! – вздохнул хозяин. (Каштанка). А в одежде спать нельзя. От этого одежда портится. Спать надо в постели, раздевшись... (Учитель словесности). Однако, пора спать, – сказал Буркин, поднимаясь. (Крыжовник). Грех убивать, грех, – что и говорить. (Печенег). С обывателей лил пот, как с заезженных лошадей, и на них же засыхал; лень было вытирать. (Брожение умов). – Охота же иметь такие картины! (Три года).

При отсутствии инфинитива вся синтаксическая конструкция, в которую входят слова категории состояния с зависимыми от них словами, воспринимается как неполная и получает то или иное содержание в зависимости от контекста:

Дальнейших объяснений не нужно. (И.Тургенев. Отцы и дети). Вам Ольгу Ивановну нужно? (А.Чехов. Попрыгунья). – Нам, старикам, на отдых пора. (А.Чехов. Палата № 6).

Примечательно, что слова категории состояния с модальным значением, в отличие от слов первой группы, могут получать значение сослагательного наклонения и в бессвязочной форме настоящего времени¹².

Вот примеры из произведений А.Чехова:

Нам надо бы прошение подать. (Печенег). *Трофимов*: Надо перестать восхищаться собой. Надо бы только работать. (Вишневый сад). Она давно уже ушла, и пора бы ей вернуться. (Спать хочется).

Среди слов категории состояния с модальным значением выделяются по своему значению лексические варианты *жаль* и *жалко*, выражающие чувство сожаления по отношению к кому-либо, чему-либо. В качестве слов категории состояния или (в сочетании с вспомогательными глаголами) в качестве предикативных наречий *жаль* и *жалко* выступают в безличных конструкциях, сочетаясь с дательным субъекта или, в случаях его отсутствия, сохраняя значение отнесенности к субъекту. Они характеризуются широким синтаксическим употреблением: и с зависимым инфинитивом, и с управляемым существительным или местоимением в значении объекта, и с зависимым от слова категории состояния придаточным дополнительным предложением.

а) С дополнением в винительном или родительном падеже:

– Мне твою мать особенно жалко. (И.Тургенев. Отцы и дети). Жаль и Кати! – шепнул Аркадий в подушку, на которую уже капнула слеза... (Там же).

б) С зависимым инфинитивом:

Аркадию стало жалко расстаться с своею дамой: он так хорошо провел с ней около часа! (И.Тургенев. Отцы и дети). Не жалко было умирать, но как только дома он увидел скрипку, у него сжалось сердце и стало жалко. (А.Чехов. Скрипка Ротшильда). – Ах, как мне жаль тебя отпускать, – сказала Ольга Ивановна, и слезы навернулись у нее на глазах. (А.Чехов. Попрыгунья).

в) С придаточным дополнительным предложением:

– Жаль, что помешал. (И.Тургенев. Отцы и дети). Жаль, что я не умею природу описывать, – подумал Васильев... (А.Чехов. Припадок).

Подытожим кратко сделанные нами наблюдения.

1. Словам категории состояния свойственно грамматическое изменение времени и наклонения, и поэтому они не могут рассматриваться как слова неизменяемые в собственном смысле этого слова.

2. В составе безлично-предикативных слов слова категории состояния характеризуются определенной грамматической сочетаемостью (сочетанием с дательным лица, инфинитивом, особой формой придаточности).

3. Первой ступенью в оформлении слов категории состояния являются предикативные наречия, входящие в состав сказуемого безличного предложения в сочетании с вспомогательными глаголами.

4. Связка, входящая в состав аналитической формы категории состояния, сохраняет экзистенциальное значение, если слово категории состояния не вступает в конструктивную связь с дательным субъекта.

5. В конструкции с дательным субъекта в словах категории состояния отчетливо выступает собственно служебная функция связки как морфемы времени и наклонения, а знаменательная часть аналитической формы слов категории состояния становится основным средством выражения состояния, приписываемого какому-либо субъекту.

6. Слова категории состояния могут вступать в составе предложения в сочетание не только с зависимым, но и с независимым инфинитивом, получающим функцию подлежащего.

7. Нет достаточного основания включать в состав слов категории состояния не употребляемые в полных формах прилагательные *рад*, *горазд* и т. п., так как им, кроме грамматического изменения времени и наклонения, свойственно также грамматическое изменение рода, и по этому морфологическому признаку они не отличаются от кратких прилагательных.

8. Нет основания объединять со словами категории состояния краткие прилагательные, употребляемые в конструкции с придаточными подлежащими предложениями, а также включать в состав слов категории состояния краткие страдательные причастия в безличном употреблении, так как они сохраняют залоговые и видовые значения, отсутствующие у слов категории состояния.

9. Особую группу слов категории состояния представляют безлично-предикативные слова с модальным лексическим значением (*надо, можно, пора* и т. п.), особенно продуктивные в конструкциях с зависимым инфинитивом.

Примечания

¹ Л.В.Щерба считал формальными признаками слов категории состояния их неизменяемость и употребление со связкой. Но именно потому, что он не вскрыл в связке компонента аналитически изменяемой формы, категория состояния не представлялась ему яркой и убедительной категорией в русском языке. (См.: *Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Русская речь. Новая серия. Л., 1928. С. 17*).

² О парадигматической схеме, характеризующей знаменательное слово как определенную часть речи, см.: *Смирницкий А.И. К вопросу о слове. (Проблема «тождества слова») // Труды Ин-та языкознания [АН СССР]. М., 1954. Т. 4. С. 20*.

³ См.: *Шанидзе А.Г. Категория рода в глаголе. Общие вопросы формообразований глаголов на примерах грузинского языка // Известия Ин-та языка, истории и материальной культуры [АН Груз. ССР]. Тбилиси, 1941. Т. 10*.

⁴ Как правильно отмечает О.К.Балиашвили, краткие прилагательные *рад, горазд* представляют собой реликтовые слова, границы употребления которых в языке все время суживаются, что особенно наглядно прослеживается на прилагательном *горазд* (*Балиашвили О.К. Вопрос о категории состояния в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1952*).

⁵ Мнение, что краткие формы прилагательных являются спрягаемыми формами, было, как известно, высказано Востоковым и обосновано Шахматовым. (См.: *Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941. С. 176–177*).

⁶ *Виноградов В.В. Русский язык. М.; Л., 1947. С. 415*.

⁷ По классификации, намеченной И.А.Поповой, подобные предложения следует отнести к ситуативным неполносоставным предложениям с неназванным дополнением. (См.: *Попова И.А. Неполные предложения в современном русском языке // Труды Ин-та языкознания [АН СССР]. М., 1953. Т. 2. С. 39*).

⁸ См.: *Виноградов В.В. Русский язык. С. 430*.

⁹ См.: *Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения с безлично-предикативными словами на «о». С. 83*.

¹⁰ Синтаксическая конверсия противопоставляется морфологической конверсии, приводящей к образованию новой части речи с особой парадигматической схемой. (Ср.: *Смирницкий А.И. По поводу конверсии в английском языке // Ин. яз. в школе. 1954. № 3*).

¹¹ См.: *Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 6-е изд. М., 1938. С. 327; ср.: Виноградов В.В. Русский язык. С. 412*.

¹² Это отмечает и *А.В.Исаченко: Die Entwicklung der sogenannten Prädikativa in den slawischen Sprachen. Slavisten-Tagung in Berlin 11–13 November 1954. Resumes. P. 26*.

Поспелов Н.С. В защиту категории состояния // Вопросы языкознания. 1955. № 2.

Задания

1. Проведите сопоставительный анализ статей А.Б.Шапиро и Н.С.Поспелова и сформулируйте свое отношение к словам категории состояния в системе частей речи.

2. Дополните соответствующей информацией § 7 «Категория состояния» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Почему, по мнению А.Б.Шапиро, выделенная Л.В.Щербой новая часть речи «категория состояния» получила быстрое признание у лингвистов?

2. Как А.Б.Шапиро оценивает позицию Л.В.Щербы в отношении слов категории состояния?

3. Имеют ли, по мнению А.Б.Шапира, слова «категории состояния» формы времени, наклонения и лица? Какие аргументы приводятся им в защиту своей точки зрения?
4. К какому выводу приходит А.Б.Шапира в результате своего исследования?
5. В чем видит Н.С.Поспелов принципиальное отличие слов категории состояния от наречий, кратких прилагательных, глаголов?
6. В чем, по мнению Н.С.Поспелова, отличие предикативных наречий от слов категории состояния?
7. В сочетании с какими формами слов могут находиться слова категории состояния?
8. К какому выводу приходит Н.С.Поспелов в результате своего исследования?

Ю.И. Леденев

О ТЕРМИНЕ «НЕПОЛНОЗНАЧНЫЕ СЛОВА»

Класс неполнозначных слов, противопоставленный всем словам полнозначным, в системе современного русского языка образуют такие формальные и полупоформальные слова, как предлоги, союзы, разнообразные частицы, всевозможные скрепы и связки, а также различные сочетания и блоки слов, относящиеся к этим словечкам, как их своеобразные функциональные подобию, аналоги, заместители и конкретизаторы. Пожалуй, ни одно явление русского языка не вызывает таких разноречивых оценок и мнений, как неполнозначные слова, и споры об их сущности и назначении продолжаются, то стихая, то возобновляясь, вплоть до нашего времени. Сомнение вызывает чуть ли не каждое положение об этих словах, начиная с названия и кончая ролью в языке. Их называют то словами служебными, то частичными, то незначащими, то несамостоятельными, то формантами, то аналогами грамматических окончаний, то строевыми словами, то скрепами, то словечками отношений, то даже третьестепенными членами предложения. В научной литературе, например, вполне серьезно обсуждается вопрос о том, являются ли они словами вообще или их следует считать лишь аналогами окончаний полнозначных слов. До сих пор еще нельзя считать, что в науке сложился единый подход к сущности, классификации, к вопросу о составе и границах этого класса, к вопросу о функциях составляющих его разрядов и отдельных словечек, к взаимодействию классов полнозначных и неполнозначных слов в целом и к их роли в синтаксисе, морфологии, семасиологии и стилистике.

В курсе современного русского языка, однако, как и в школьной грамматике, неполнозначным словам по установившейся традиции уделяется значительно меньше внимания, чем они того заслуживают. Высокая их употребляемость, пестрота функций, характеризующих их разряды и даже отдельные неполнозначные слова, огромная их роль в передаче смысловых, грамматических и категориальных значений, активное участие в организации и оформлении синтаксических единиц самых различных ярусов и рангов, способность выражать разнообразные синтаксические связи и служить средством, обеспечивающим сочетаемость между такими конструкциями и единицами, которые без их участия не могли бы вступать в смысловые и синтаксические связи, делают неполнозначные слова порой не менее важными для целей общения, чем слова полнозначные со всеми их лексическими и грамматическими свойствами и атрибутами. Многие трудности проблемы неполнозначных слов обнаруживаются уже в поисках наиболее адекватного термина для обозначения слов этого класса. Научный термин должен по возможности полно и точно отражать сущность, основные признаки и функции обозначаемого им явления. В каждом случае термин несет определенную квалифицирующую нагрузку и отражает отношение автора к интересующим нас словам. Самый употребительный термин «служебные слова» ввел в нашу грамматику М.В.Ломоносов. При этом он исходил из того, что, во-первых, рассматривал служебные слова как слова, а во-вторых, главным признаком служебности считал несамостоятельность, зависимость, что и послужило причиной отнесения к служебным словам местоимений, наречий и причастий. Первое из этих положений закрепилось в грамматической традиции, а второе, по мере выяснения признаков служебных слов, подверглось существенному уточнению. Таким образом, содержание термина «служебные слова», дошедшего до наших дней, в трудах различных авторов не оставалось неизменным.

Сторонники термина «служебные слова» исходят из вспомогательной роли предлогов, союзов, частиц, из их неравноправного положения по сравнению со словами полнозначными, учитывают, что они обслуживают грамматические потребности полнозначных слов. Те ученые, которые употребляют термин «частичные слова», видят главную их особенность в малой про-

тяженности и простоте строения, не учитывая того, что в класс неполнозначных слов входят и такие производные слова, как *вопреки, вокруг, слева от, в зависимости от, в противоположность, несмотря на то что, благодаря тому что, примерно, приблизительно*, которые только с большой натяжкой можно назвать частицами, или частичными.

Названия «несамостоятельные», «синсематические», «синка-тегорематические» слова характеризуют такую важную особенность неполнозначных слов, как невозможность их употребления без полнозначных слов, но при этом упускается из виду, что и среди полнозначных слов не все слова можно считать самостоятельными. Ведь в рамках словосочетания и предложения многие слова оказываются в несамостоятельной позиции. Одни полнозначные слова несамостоятельны в силу их грамматической природы (прилагательные, наречия), другие – в зависимости от выполняемой роли или от того, какой смысл в них вкладывает говорящий (словосочетание «приглашение врача» может быть понято двояко: или врач пригласил кого-то, или кто-то пригласил врача). Очевидной несамостоятельностью, например, обладают аналитические элементы в словосочетаниях «давать обещание», «делать предложение» и др. (ср.: обещать, предлагать), хотя каждый из них в других условиях вполне может быть самостоятельным глаголом. Так что в разряд несамостоятельных слов помимо слов неполнозначных могут быть включены и полнозначные слова, что мы и наблюдаем у В.А.Богородицкого, который к «самостоятельным словам» относит только имя существительное, личные местоимения, глагол, а к «несамостоятельным», «подчиненным словам» – все другие полнозначные слова. «Слова без собственных значений», то есть неполнозначные слова, он назвал «словечками отношений», стремясь в этом названии передать всю совокупность присущих им функциональных признаков. Вообще случаи контекстуально обусловленного употребления слова свидетельствуют о несамостоятельности его значения.

Употребление термина «незнаменательные слова», встречающееся у некоторых авторов, представляет собой терминологическое недоразумение; признание такого понимания неполнозначных слов правильным противоречило бы самой коммуникативной функции языка, все элементы которого непременно выступают в качестве средств, способных нести какую-то, пусть даже минимальную информацию, и потому имеют известное значение. И все же еще нередко в учебных пособиях «служебные» части речи противопоставляются «знаменательным», и тем самым обходным путем признается «незнаменательность» предлогов, союзов, частиц.

Употребляемый иногда термин «строевые слова» имеет более узкое значение и может быть распространен на те связочные слова, которые служат лишь формальными элементами предложения, но сами являются лишь средствами структурного, строевого характера; семантически же они соотношены с реальными членами предложения. Это, например, такие союзные и соотносительные слова в сложном предложении, как местоимения «тот» и «который» в следующем предложении: «Я хочу посмотреть *ту* книгу, *которая* лежит на столе».

Возвращаясь к термину «служебные слова», принятому и в школьной, и в академической грамматике, отметим, что в него вкладывается и оценка функций (вспомогательная роль), и смысловая характеристика (несамостоятельность значения в предложении, невозможность отдельного от полнозначных слов употребления и т. д.).

Наконец, должна быть отмечена еще одна особенность неполнозначных слов. Важнейшее проявление служебности состоит в функциональной аналогичности неполнозначных слов формообразующим морфемам. В русском языке только небольшая часть неполнозначных слов функционально эквивалентна аффиксам. Это те немногие неполнозначные слова, которые способны употребляться в роли аналитических компонентов в морфологии. Другие слова этого класса, в том числе и предлоги, как правило, не заменяют падежные окончания, а служат средствами уточнения внутриспадежных значений. Еще менее служебными в грамматическом отношении оказываются союзы, особенно сочинительные, вовсе не влияющие на формы соединяемых ими слов, и частицы, большинство которых выражает эмоциональные и модальные оценки.

Внутренняя неоднородность класса интересующих нас слов обнаружилась еще с большей остротой после того, как в нем окончательно утвердился тоже в свою очередь весьма разнородный по составу подкласс «частиц» в узком понимании этого термина. Дело в том, что предлоги и союзы способны в первую очередь выражать синтаксические отношения, тогда как на долю частиц приходится, главным образом, сфера выражения несинтаксических отношений. У некоторых языковедов поэтому возникло стремление отразить это противоположение первых вторым; первые были названы «служебными словами», вторые – «частицами», а для общего обо-

значения всего класса интересующих нас слов был сохранен термин «несамостоятельные слова». В данном случае термин «несамостоятельные слова» выступает не как синоним, а как родовое наименование по отношению к видовым наименованиям «служебные слова» и «частицы».

Конечно, введение термина «неполнозначные слова» не снижает всех трудностей характеристики интересующих нас слов, которые по своей природе и функциям настолько разнообразны, что крайне трудно интегрировать их признаки и свойства. Но у предлагаемого нами термина есть несомненные преимущества, которые позволяют использовать его, по крайней мере, в качестве рабочего термина. Остановимся на этих преимуществах.

1. Этот термин характеризуется достаточной смысловой емкостью и пригоден для отражения таких существенных особенностей обозначаемых слов, как лексико-семантическая, морфологосинтаксическая, экспрессивно-стилистическая и коммуникативно-информативная неполнозначность.

2. Класс неполнозначных слов отчетливо противопоставляется классу полных слов, и введением термина «неполнозначные слова» достигается единство основания и соразмерность терминологии. При этом аннулируется то недоразумение, которое создавалось употреблением термина «незнаменательные слова» и противопоставлением «служебных» слов словам «знаменательным».

3. В термине «неполнозначные слова» подчеркивается, с одной стороны, то, что обозначаемые слова не абсолютно лишены знаменательности, что они в известных пределах являются носителями информации и некоторого смыслового, грамматического или иного лингвистического значения, но качественно в этом отношении отличаются от слов полных.

4. Преимущество термина «неполнозначные слова» обнаруживается и в его объеме: описываемый класс включает и собственно служебные слова (такие, как предлоги, союзы, связки, различные аналитические форманты), и разнообразные частицы, функции которых не укладываются в понятие «служебные слова», и «полузнаменательные», «строевые» слова, всевозможные аналоги, которые своими признаками качественно отличаются от полных слов и противопоставлены последним.

5. В класс неполнозначных слов входят не только цельно-оформленные традиционно выделяемые служебные слова, но и раздельно-оформленные составные неполнозначные сочетания типа «в области», «по линии», «в качестве», «несмотря на», «в соответствии с», «несмотря на то, что», «благодаря тому, что», «более», «менее», «самый» (в составе сравнительной и превосходной степени), «точно», «ровно», «примерно», «приблизительно» (в синтаксически неполнозначной позиции), «является», «служить», «представлять собой» (в качестве связок) и др.

Следовательно, термин «неполнозначные слова» не является механической заменой прежних понятий и терминов. Он отчасти включает их в свой объем и подчеркивает, что для слов этого класса характерна известная неполнота семантических признаков и своеобразие грамматических функций.

И в то же время новый термин не отвергает и не разрушает прежних представлений о предлогах, союзах, частицах и во многих случаях более удачно вписывается в существующие грамматические концепции.

Как известно, В.В.Виноградов, излагая классификацию слов русского языка по лексикограмматическим признакам, выделяет четыре основных класса: 1) части речи, 2) модальные слова, 3) частицы речи, 4) междометия, относя описываемые нами слова к третьему из этих классов. Введение термина «неполнозначные слова» не нарушает этой картины лексикограмматической системы русского языка, нарисованной В.В.Виноградовым; более того, выделяемый нами класс легко вписывается в нее, устраняя нежелательное совпадение разных понятий – частицы и частицы речи. Вся эта система примет следующий вид: 1) полные слова, 2) неполнозначные слова, 3) располагающиеся между двумя первыми классами и на их периферии модальные слова, 4) междометия. Термин «неполнозначные слова» уже используется в лингвистических трудах ряда крупных языковедов.

Леднев Ю.И. О термине «неполнозначные слова» // Леднев Ю.И. Неполнозначные слова. Ставрополь, 1988.

Задание

Сформулируйте свое отношение к термину «неполнозначные слова».

Контрольные вопросы

1. В чем, по мнению Ю.И.Леденева, недостатки термина «служебные слова» и преимущество термина «неполнозначные слова»?

В.С. Бондаренко

ЗНАЧЕНИЯ ПРЕДЛОГОВ. СЛУЖЕБНЫЕ ФУНКЦИИ ПРЕДЛОГОВ В СОПОСТАВЛЕНИИ С СОЮЗАМИ

Предлоги весьма своеобразны. Они не имеют той самостоятельности в языке, которая присуща существительным, прилагательным, глаголам и другим частям речи. В отличие от них предлоги ничего не называют, никаких понятий и представлений не обозначают. «Их лексические значения тождественны с грамматическими»¹. Роль, назначение предлогов совпадает с назначением падежей имен. Сопутствуя и развивая значения падежей имен, предлоги обогащают эти значения разнообразными смысловыми оттенками и тем самым уточняют синтаксическую роль падежей в строе предложения. «На место падежной формы является сочетание падежной формы с предлогом, причем это сочетание, благодаря вносимому в него предлогом значению, развивает, дополняет, усиливает то значение, которое принадлежало самой падежной форме»².

По характеру своих значений предлоги неодинаковы.

Разнообразные значения древнейших предлогов зависят от того словесного окружения, в котором они находятся. А оно, как известно, состоит из:

а) припредложного имени (управляемого члена предложного словосочетания), б) глагола или имени (управляющего члена).

Предлог обычно находится в центре предложного словосочетания.

Весьма часто бывает так, что достаточно изменить одну составную часть предложного словосочетания, как изменятся и грамматические отношения, выражаемые данным словосочетанием с помощью предлога. Например, в словосочетаниях: *жить при станции (где?)*, *жить при коммунизме (когда?)*, *жить при богатстве (как?)*, *жить при детях (при ком?)* один и тот же предлог *при* является показателем различных грамматических отношений. Его значение полностью обуславливается лексическим значением припредложных имен (управляемых членов предложных словосочетаний).

В словосочетаниях же: *вернуться с дороги (откуда?)*, *устать с дороги (от чего?)*, *поступить в школу (куда?)*, *превратить в школу (во что?)*, напротив, значения предлогов *с* и *в* целиком определяются лексическим значением глаголов, которые с помощью предлогов требуют от управляемых имен определенной падежной формы.

Иногда грамматические отношения могут измениться вследствие изменения только падежной формы управляемого имени, как это можно видеть в словосочетаниях: *жаться со страха (от чего?)*, *жаться со страхом (как?)*.

Здесь значение предлога *с(со)* определяется падежной формой имени, при которой стоит предлог и вместе с которой он выражает в данном случае то причинные отношения, то отношения образа действия.

Если возможно выражение различных грамматических отношений с помощью одного и того же предлога, при условии изменения только формы падежа, то тем более такое выражение возможно при замене и формы падежа, и употребляемого при нем предлога. Например:

дрожать от раздражения,

дрожать при (то есть в период) *раздражении,*

вздрагивать от грохота,

вздрагивать при (то есть в период) *грохоте.*

В данных сочетаниях предлог *от* с формой родительного падежа имени является выразителем причинных отношений, а предлог *при* с формой предложного падежа того же имени – выразителем временных отношений.

Наконец, предлог и сам, независимо от других частей словосочетания, может выступить дифференциатором грамматических значений. В словосочетаниях типа: *прибыть с рекомендацией* и *при-*

быть *за* рекомендацией, вернуться *со* строительства и вернуться *для* строительства, приехать *без* денег и приехать *ради* денег, *из-за* денег ничего не изменяется, кроме предлогов, которые, приемыкая к управляемым членам данных словосочетаний, видоизменяют их значения настолько, что можно говорить о различных грамматических отношениях, выражаемых этими предлогами.

Однако далеко не все древние предлоги обладают такой лексической весомостью. Например, предлог *по* в сочетаниях с глаголами *тосковать*, *страдать*, *болеть душой* и др. и предложным или дательным падежами существительного – выразитель «чисто грамматического отношения падежной формы к глаголу: он лишен всякого лексического значения»³.

Особенно ярко, широко и разнообразно отражены в языке пространственные, временные и объектные отношения. Для их выражения используется подавляющее большинство древнейших по своему образованию предлогов. Это объясняется, видимо, тем, что разные формы пространства и времени человеком были осознаны гораздо раньше других «объективных реальностей», и язык, следовательно, гораздо раньше стал приспособляться к наиболее правильному и глубокому их отражению. А на базе пространственных и временных отношений стали развиваться и все другие виды отношений. <...>

<...> Являясь служебными словами в языке, предлоги и союзы соотносительны в выполняемой ими роли. Это можно видеть из следующего сопоставления:

Предлоги

1. Выражают отношения между словами синтаксически *не однородными, зависимыми* (управляющими и управляемыми) только внутри предложения в составе словосочетания (*потускнеть от влаги, остаться при убеждении, исчезнуть по дороге, громоздкий для перевозок, паника от неожиданности, направо от дороги, они с нами* и т. д.).

2. Всегда связаны с именами (существительными, субстантивированными прилагательными, числительными, местоимениями), падежные формы которых они уточняют, развивают и указывают на отношение их к другим словам предложения⁴.

В некоторых случаях употребление предлогов и союзов обнаруживает явный грамматический параллелизм, например:

3. Грамматические отношения (временные, причинные, сравнительные, количественные и др.) выражаются предлогами *внутри предложения*. (Ср., например: *Разведчики вернулись на рассвете. Поручение не выполнил в установленный срок вследствие занятости*).

4. Известный параллелизм наблюдается и в грамматической структуре, в морфологическом строении предлогов и союзов.

Древнейшие по своему образованию предлоги (*в, на, к, от, из* и др.) резко отличаются от предлогов новейшей формации тем, что первые – простые, производные, а вторые – сложные и даже сложно-составные (*по отношению к, в связи с* и под.).

«В оформлении составных союзов, – пишет В.В.Виноградов, – преимущественно тех, что восходят к относительным словам, играют большую роль предложные сочетания (ср. *вследствие того что, ввиду того что, подобно тому как, с тем чтобы, от того, чтобы* и т. п.)»⁶.

Союзы

1. Выражают:

а) отношения между словами синтаксически *однородными, независимыми* друг от друга внутри предложения (*день и ночь; рак да щука; хорош да зелен; не по дням, а по часам; то понесет, то обхватит, то поволочит, то покатит* и др.);

б) те же по своему характеру отношения между предложениями в составе сложных синтаксических единиц (*Ты сер, а я, приятель, сед; осеннее солнце быстро склонялось к горизонту, но мне не хотелось уходить*).

2. Внутри словосочетаний и предложений совершенно не связаны с грамматическими формами слов, которые они соединяют, разделяют, противопоставляют.

3. Те же самые отношения выражаются союзами в сочетании предложений, сложных синтаксических единствах. Таким образом, налицо грамматический параллелизм⁵. (Ср., например: *Разведчики вернулись, когда рассветало. Поручение не выполнил в установленный срок, поэтому что* (или *так как*) *был занят* и др.).

Между союзами древней и новейшей формации существует не менее резкое различие. С одной стороны – простые, производные союзы (*и, а, но, да* и др.), а с другой – составные обороты, представляющие фразеологические единства.

Примечания

¹ Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947. С. 30.

² Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. 2-е изд. 1941. С. 504.

³ Виноградов В.В. Русский язык. М., 1947. С. 679.

⁴ В произведениях некоторых писателей можно встретить употребление предлогов не только при именах, но и при субстантивированных наречиях, например: *Придется тебе стать на сегодня моим живым телефоном.* (К.Симонов. Дни и ночи). *Товарищи и граждане, водка – яд. Пьяные республику за зря спалят!* (В.Маяковский. Клоп). *Я остаюсь только до завтра. Я тоже покидаю город.* (Л.Леонов. Нашествие).

⁵ Следует отметить, что и так называемые подчинительные союзы, в отличие от предлогов, не связаны с грамматическими формами слов.

⁶ Виноградов В.В. Русский язык. С. 722.

Бондаренко В.С. Значения предлогов. Служебные функции предлогов в сопоставлении с союзами // Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. М., 1961.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией § 1 «Предлоги», § 2 «Союзы» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Можно ли согласиться с мнением В.С.Бондаренко, что «...предлоги ничего не называют, никаких понятий и представлений не обозначают»?
2. Поясните, почему предлог находится в центре предложного сочетания. Приведите примеры.
3. Каким образом меняется значение предлогов под воздействием управляемого слова? Можно ли назвать это изменение, по аналогии с фонетикой, комбинаторным?
4. В каких случаях значения предлогов определяются лексическими значениями глаголов?
5. Может ли предлог выступать разграничителем грамматических значений? Приведите примеры.
6. В чем, по мнению В.С.Бондаренко, соотносительность предлогов и союзов?

И.П. Распопов

К ВОПРОСУ О ЧАСТИЦАХ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (Частица *ли*)

Особое место среди вопросительных частиц в современном русском языке занимает частица *ли*. Функции этой частицы в различных условиях употребления весьма неоднородны.

Основное назначение частицы *ли* состоит в выделении, подчеркивании в вопросительном предложении того слова, которое обозначает непосредственно интересующий говорящего предмет, признак, явление и т. п. Так, в предложении *Читали ли вы эту книгу?* частица *ли* указывает на то, что говорящий ставит вопрос собеседнику об осуществлении им определенного действия. В предложении *Хорошо ли он выполняет задания?* этой частицей подчеркивается вопрос о качестве действия. А в предложении *Иванов ли выступал сегодня с докладом?* с ее помощью выражается вопрос о субъекте действия и т. д.

Как известно, ту же функцию выделения, подчеркивания слова, наиболее важного в вопросе, выполняет логическое ударение (ср. с предшествующими примерами: *Читали вы эту книгу?* *Хорошо он выполняет задания?* *Иванов выступал сегодня с докладом?*). Однако выделительная роль частицы *ли* несколько отлична от подобной же роли в вопросительном предложении логического ударения. В частности, частица *ли* обеспечивает большую определенность вопроса, чем это достигается с помощью логического ударения. Дело в том, что, например, в предложении *Иванов выступал сегодня с докладом?* выделенное логическим ударением слово может обозначать не только лицо, которое непосредственно интересуется говорящего, но и лицо, которое лишь предположительно выдвинуто говорящим в качестве субъекта определенного

действия. В этом смысле предложение *Иванов выступал сегодня с докладом?* по существу синонимично предложению *Кто выступал сегодня с докладом?* В предложении же *Иванов ли выступал сегодня с докладом?* вопрос ставится более точно, более определенно: здесь речь идет не о субъекте действия вообще, а непосредственно и только о субъекте данном, конкретном, названном в вопросе.

Таким образом, частица *ли* не только выделяет в вопросительном предложении слово, заключающее вопрос, но и уточняет самый характер вопроса, определенным образом ограничивает его содержание. Такое ограничение, впрочем, не всегда является обязательной функцией этой частицы. Совершенно подобными по характеру выражаемого вопроса могут быть признаны, например, предложения с *ли* и без *ли*, когда речь в них идет об осуществлении определенного действия, обозначенного глаголом-сказуемым; ср.: *Читали вы эту книгу?* – *Читали ли вы эту книгу?*

Помимо отмеченной функции уточнения вопроса, использование *ли* в качестве вопросительной частицы бывает связано с выражением в предложении разного рода дополнительных модальных и экспрессивных оттенков значения.

Чаще всего эта частица используется при вопросах, возникающих в ходе размышления, внутреннего раздумья, вопросах, обращенных к самому себе и не имеющих в виду собеседника. Такого рода вопросы обычно вызываются тем, что «говорящий» относится к какому-то факту с сомнением, неуверенностью в его реальности или возможности. Например:

Где-то там, далеко за нами, у белых бананов остался мой верный, нетребовательный друг Дульник. Встречусь ли я с ним еще когда-нибудь? (А.Первенцев. Честь смолоду).

Напряженно всматриваясь сейчас в лицо Лели, Фролов думал:

«Понимает ли эта маленькая и слабая на вид девушка, почему его выбор пал именно на нее?» (Н.Никитин. Северная Аврора).

Те же оттенки сомнения, неуверенности нередко содержат и вопросительные предложения с частицей *ли*, используемые при диалоге. Следует, однако, отметить, что выражение этих оттенков значения связано вообще не только с использованием в предложении частицы *ли*, но также с особой интонацией предложения, характеризующейся произнесением слова, к которому относится вопрос, в более низком тоне, чем при обычном вопросе. Частица *ли*, очевидно, играет при этом как бы вспомогательную роль – ее наличие в предложении создает дополнительные условия, обеспечивающие большие возможности варьирования тона, что способствует выражению в предложении особых оттенков смысла (ср.: *А ты бывал в Москве?* – где интонация сомнения, неуверенности не предполагается, и *А ты бывал ли в Москве?* – где с помощью интонации может быть выражен не только обычный вопрос об интересующем говорящего факте, но также сомнение говорящего в реальности этого факта). Той существенной ролью, которую играет в подобных случаях интонация, и обуславливается возможность двойного понимания предложений с *ли* при передаче их на письме (устная речь такого понимания, разумеется, не допускает)¹.

Например, в отрывке из пьесы А.П.Чехова «Три сестры»:

Вершинин. Все имеет свой конец. Вот и мы расстанемся... Привык я к вам...

Ольга. Увидимся ли мы еще когда-нибудь?

Вершинин. Должно быть, нет... – слова Ольги (взяты отдельно) могут быть поняты как выражение сомнения и сожаления, но могут восприниматься и как обычный, обращенный к собеседнику вопрос с требованием определенного ответа.

В ряде случаев частица *ли* употребляется в предложении в известном взаимодействии с отрицательной частицей *не*. В таких случаях мы имеем обычно высказываемое в форме вопроса выражение неуверенного предположения, догадки, например:

В ту же минуту он (Фролов) увидел появившийся из устья Ваги белый пассажирский пароход. Пароход стал стрелять по Шидровке беглым огнем... «Да не «опыт» ли это? – подумал он. – Не о нем ли говорил американец? Наверное, тот самый!» (Н.Никитин. Северная Аврора).

В предложениях с *не* и *ли* и частицей *уж* предположение выражается с дополнительным экспрессивным оттенком неожиданности:

Этот мягкий взгляд секретаря встревожил Высоцкого: «Начинает понимать мою правоту? Или? *Уж не жалеет ли* он меня? (Г.Николаева. Жатва).

В отдельных случаях с помощью *не* и *ли* может быть выражено также предложение, совет, чаще всего когда *не* и *ли* относятся к глаголу в форме инфинитива:

Не добавит ли нам, Евстигнеич, никеля? – тихо подсказал ему Крайнев. (В.Попов. Сталь и шлак).

Или когда речь идет о совместном действии (говорящего и собеседника):

Поля. А я хочу в театр. *Не* пойдет ли кто со мной?

Тетерев. Я... (М.Горький. Мещане).

Наконец, совместно с частицей *не* (при наличии определенной интонации) частица *ли* может способствовать выражению в предложении высказываемого с особой эмоциональной окраской утверждения или отрицания. Такое значение часто имеют предложения, в которых с помощью *не* и *ли* выделяются слова *мочь, долженствовать, можно, нужно, стоит, время, пора* и т. д. Например:

Варвара Михайловна. А ты опять расстроена...

Ольга Алексеевна. Могу ли я быть спокойной, Варя? Он (муж) приехал из города, заглянул на минутку домой и исчез... (М.Горький. Дачники).

...Ошибаться не грех. Но *стоит ли* повторять ошибки других? (К.Федин. Необыкновенное лето).

В условиях специфически книжной речи (более логизированной) употребление частицы *ли* обычно не связывается с выражением дополнительных модальных оттенков значения. Здесь (очевидно, не без влияния форм косвенного вопроса) эта частица служит только для указания на вопросительный смысл высказывания (а также для выделения слова, наиболее важного в вопросе) и не несет никаких других, специальных функций. Это наблюдается, например, при вопросах, используемых в качестве приема, с помощью которого автор обращает внимание читателя или слушателя на ряд проблем. Вот несколько таких вопросов из книги «Беседы о природе и человеке» («Молодая гвардия». М., 1947):

...В теплых заливах древних морей из неживой материи зародились новые комочки жизни, первые клетки живых организмов. Нечто подобное должны были пережить и другие планеты солнечной системы. Но обитаемы ли они? Есть ли на них условия жизни, такие же благоприятные, как на планете Земля? Об этом сейчас поговорим подробно...

...Углекислый газ постоянно связывается и удаляется из атмосферы, и тут может возникнуть вопрос: а не наступит ли момент, когда воздух лишится углекислоты и растения не смогут жить на Земле?

В современном русском языке частица *ли* используется только в вопросительных предложениях, не имеющих в своем составе вопросительных местоимений². Она обычно стоит непосредственно за тем словом, которое является наиболее важным в вопросе. Всякое перемещение этой частицы меняет конкретный смысл предложения; ср.: **Ты ли** читаешь сегодня доклад? – **Читаешь ли ты** сегодня доклад? – **Сегодня ли ты** читаешь доклад?

Обычно на то же слово падает и логическое ударение. Однако в предложениях с частицей *ли* при глагольном сказуемом логическое ударение может перемещаться и на другие слова. При этом общее значение вопроса о действии не меняется, а логическое ударение выступает в специальной стилистической функции указания на то, в какой связи ставится вопрос, какой дополнительный момент акцентируется говорящим в отношении интересующего его действия; ср.: **А придете ли вы** к нам сегодня? – **А придете ли вы к нам** сегодня? – **А придете ли вы к нам сегодня?** Важно отметить, что при отсутствии частицы *ли* логическое ударение не может выполнять в предложении таких дополнительных стилистических функций. Его перемещение в этом случае всякий раз меняет общее значение вопроса; ср.: **А вы придете** к нам сегодня (или не придете)? – **А вы придете к нам сегодня** (или не вы)? – **А вы придете к нам сегодня** (или не к нам)? и т. д. Отсюда видно, что вопросительная частица *ли* играет известную роль также в отношении использования в предложении акцентных средств интонации.

Примечания

¹ Впрочем, возможность двоякого понимания предложений с *ли* устраняется в письменной речи контекстом.

² В древнерусском языке эта частица могла стоять и при вопросительных местоимениях. Примеры такого употребления приводит Л.А.Булаховский в книге «Исторический комментарий к русскому литературному языку» (например, из «Жития Андрея Юродивого» по списку XV в.: – *Где ли бы обрести его?*).

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией § 3 «Частицы» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. В чем состоит основное назначение частицы *ли*?
2. Какие функции может выполнять частица *ли* в контексте?

С.И. Буглак

МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА И ЧАСТИЦЫ КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИЛИ ОПРОВЕРЖЕНИЯ ДОСТОВЕРНОСТИ СООБЩАЕМОГО

Широко распространено мнение, что модальные слова и частицы лишены самостоятельных значений. В толковых словарях модальные слова определяются как вводные, однако их значения не раскрываются. В.В.Виноградов связывал их значения со смыслом всего высказывания: «Чем менее полновесно модальное слово, тем больше его лексическое значение растворено в общем значении высказываний»¹. В работах последних лет предлагается устанавливать значения модальных слов и частиц в рамках выражения субъективной модальности уверенности/неуверенности в достоверности сообщаемого.

Модальные слова и частицы, как и другие части речи, могут вступать в системные отношения между собой и образовывать лексико-семантические, а точнее – функционально-семантические, группы. Выделяются две основные группы модальных слов: 1) со значением уверенности в достоверности сообщаемого: *конечно, разумеется, безусловно, бесспорно, несомненно*; 2) со значением предположения достоверности: *возможно, вероятно, по-видимому, очевидно, видно, кажется, может быть*. Модальные частицы отличаются от модальных слов тем, что они выражают, как правило, недостоверность сообщаемого. Например, выделяется группа модальных частиц со значением сомнения: *вряд ли, едва ли, навряд* – и группа частиц субъективной передачи чужой речи: *якобы, будто, будто бы, дескать, де, мол*, выражающих недоверие к содержанию чужой речи. Для модальных слов типичен вводный характер употребления, а для частиц – невводный². Однако есть модальные слова и частицы со значением подтверждения достоверности сообщаемого, которые занимают особое место в лексической системе средств выражения модальных значений³. Эти слова могут употребляться как во вводной, так и в невводной позиции, разграничительная линия между ними затруднительна. Это модальные слова *действительно, в самом деле (на самом деле), верно, точно, истинно, правда, поистине, подлинно, (и) вправду, (и) воистину, (и) впрямь* и модальные частицы *так и есть, а то-то и есть, именно, вот именно, то-то и есть, то-то и оно*. Указанные модальные слова и частицы обычно употребляются в высказываниях, которые подтверждают выражение гипотез, предположений, мнений, простых утверждений, содержащихся в предыдущих высказываниях. В той или иной мере эти высказывания являются прямой речью или ее вариантами: несобственно-прямой, редуцированной прямой, внутренней прямой. Например:

Легко было догадаться, что у меня есть приятели из почтенного сословия смотрителей. *В самом деле*, память одного из них для меня драгоценна. (А.Пушкин).

Прямым средством выражения подтверждения/опровержения являются формулы типа *Я подтверждаю, что...* и *Я опровергаю, что...* Распространены и речевые единицы типа *Эта точка зрения соответствует/не соответствует действительности*. Подавляющее число модальных слов и частиц с указанной функцией выражают подтверждение, между тем как модальные слова, с помощью которых передается опровержение, лишь начинают формироваться. Основным способом их образования является отрицательная форма модальных слов подтверждения: *правда – неправда, верно – неверно, точно – неточно*. К словам со значением опровержения относятся слова *ошибка, ложь* в модальном значении, а также слова субъективно-

экспрессивной оценки: *вздор, чепуха, глупость, чушь* и др. Модальные слова и частицы, выражающие подтверждение/опровержение в ответных репликах диалогов, употребляются в составе конструкций типа *Это правда... Это неправда...* Наиболее формализованным средством являются слова-частицы *да/нет*.

Как показывает анализ примеров, модальные слова и частицы со значением подтверждения обычно располагаются на стыке двух предложений монологической речи, связанных между собой по смыслу. Например:

Я предчувствовал, что застану Марию Ивановну одну. *В самом деле*, она встретила меня в дверях и вручила шпагу. (А.Пушкин). Вдруг Светланка потянула меня за рукав и говорит: «Посмотри-ка, а ведь, кажется, это наша мама идет...» – *И правда*, идет по тропинке наша Маруся. (А.Гайдар). «Гроза», – подумал я. – *И точно*, была гроза. (И.Тургенев).

Второе высказывание, содержащее в своей структуре модальные слова или частицы подтверждения, является перифразой первого, в той или иной мере варьирующей или повторяющей его содержание. Однако в ряде случаев содержание второго высказывания дополняет и развивает мысль первого.

Наиболее употребительными в начале предложения являются модальные слова *действительно* и *в самом деле*, выступающие в роли своеобразных текстовых союзов. Реже в препозиции встречаются слова и частицы *и вправду*, *и взаправду*, *и воистину*, *и впрямь*, *так и есть*. Например:

– Художник Исачев? Не знаем такого... *И впрямь*, до недавнего времени судьба не баловала его выставками. (Известия). Личность кондуктора вроде бы знакомая... *Так и есть*, Сергей Власов собственной персоной. (М.Зощенко).

Употребляясь в начале предложения, они выступают в двух основных синтаксических функциях: вводного слова и слова-предложения. Если семантические связи сильнее с предшествующим предложением, чем с последующим, то модальные слова и частицы выступают в функции модального слова-предложения; если же семантические связи сильнее с последующим предложением, то эти слова и частицы выступают в функции вводного слова. Однако было бы точнее говорить о промежуточной стадии развития модального слова между вводным словом и словом-предложением, так как модальное слово обладает двумя функциями: подтверждает достоверность предыдущего высказывания и подчеркивает достоверность последующего. Эта двойственная позиция часто вызывает затруднения в пунктуации: модальные слова или частицы отделяются запятой, двоеточием, тире и даже точкой с запятой. При выборе знака препинания целесообразно руководствоваться следующим правилом: после вводного модального слова рекомендуется ставить запятую, а после модального слова-предложения – двоеточие или тире.

Разграничить вводное модальное слово и слово-предложение можно с помощью семантической функции: если преобладает функция подтверждения и связь *с предшествующим* контекстом сильнее, чем с последующим, то это – модальное слово-предложение, после него следует ставить двоеточие или тире. Если же функция подчеркивания достоверности выступает на первый план и связь *с последующим* контекстом сильнее, чем с предыдущим, то это – вводное модальное слово, после него рекомендуется ставить запятую. Критерием разграничения вводного модального слова и слова-предложения является и интонационная пауза: она обычно сильнее после слова-предложения.

Есть и другие критерии разграничения. Модальное слово-предложение следует после общего вопроса; обычно имеет при себе соединительный союз *и*, указывающий на тесные семантические связи с предшествующим контекстом; соотносит предыдущие и последующие контексты с помощью модального слова как «обоснование к выводу» и как «тезис и его раскрытие»⁴.

Если модальное слово-предложение имеет тесные связи с последующим контекстом и соотносит контексты пар «обоснование к выводу» или как «тезис и его раскрытие», то после него может ставиться двоеточие:

Можно было с большой долей уверенности предположить, что основной спор за победу поведут наши земляки И.Левитина и Е.Ахмыловская. *И действительно*: в итоговой турнирной таблице они оказались рядом. (Лен. правда).

Если предложение, которое начинается модальным словом-предложением, восклицательное или если это риторический вопрос, то после модального слова-предложения может ставиться тире:

Уж этого обломовцы не в силах снести... *В самом деле* – как чувствуется веяние новой жизни, когда, по прочтении Обломова, думаешь, что вызвало в литературе этот тип! (Н.Добролюбов).

Если связи модального слова-предложения с последующим предложением слабы, то после него обычно ставится запятая или точка с запятой:

– Знаешь, наряжусь я крестьянкою! – *В самом деле*; наденьте толстую рубашку, сарафан... (А.Пушкин).

Модальные слова и частицы могут выступать в функции членов предложения – особых модально-наречных обстоятельств, в этом случае они не выделяются знаками препинания. Ср.:

Товарищи прозвали его философом. Он *в самом деле* интересовался философией. (А.Караваева). Свекор сам подошел к невестке, которая *действительно* была больна и лежала в кровати. (А.Аксаков). – Прощай, ваше благородие, *авось* увидимся когда-нибудь!.. Мы точно увиделись, но при каких обстоятельствах! (А.Пушкин).

Ряд лингвистов (А.И.Аникин, Н.Н.Прокопович) считают, что иногда модальные слова и частицы данной группы в интерпозиции можно выделять запятыми (при наличии синтаксической паузы). Ср.:

Бурмин, *в самом деле*, очень милый молодой человек. (А.Пушкин).

В работах других лингвистов (например, Д.Э.Розенталя) не рекомендуется выделять запятыми оборот *в самом деле*.

Во избежание колебаний в употреблении знаков препинания можно предложить не выделять запятыми все слова и частицы с модальным значением подтверждения, находящиеся в интерпозиции предложения. В современной письменной речи эти слова и частицы практически уже не выделяются. При постпозитивном местоположении перед словом типа *действительно* рекомендуется ставить запятую.

Модально-наречные обстоятельства обычно располагаются в непосредственной препозиции по отношению к определяемому ими слову. При отношении слова или частицы со значением подтверждения к отдельному члену предложения подчеркивается достоверность не всего предложения, а отдельных его частей. Например:

В Америке мы *действительно* мало знаем о Советском Союзе. (Труд).

Разграничительную линию между модальным словом и частицей с аналогичным значением, с одной стороны, и наречием типа *действительно* и омонимичным модальным словом – с другой, провести довольно трудно. Однако определенные разграничения сделать можно. Так, в препозиции предложения слова типа *действительно* являются вводно-модальными словами или же выступают в синтаксической функции слов-предложений. Вторым важным отличительным признаком является то, что «наречие примыкает к одному какому-либо члену предложения»⁵, в то время как модальное слово относится ко всему составу предложения. Ср. наречие:

А чтобы было меньше повода для них, *надо* наладить *действительно* эффективную работу. (Веч. Ленинград).

Спорным является разграничение этих слов при их отношении к сказуемому. В.В.Виноградов справедливо отмечал, что такие слова совмещают функции наречия и модального слова, и называл их модальными наречиями⁶. Такая же точка зрения содержится в трудах Н.Н.Прокоповича, А.Я.Баудера и др.

Частеречная принадлежность слов *действительно*, *верно*, *точно*, *правда* зависит от их местоположения в предложении. При отношении к постпозитивному сказуемому наречие с модальным значением приближается к модальному слову.

Дополнительным разграничительным признаком является то, что модальное слово может сочетаться с утвердительной частицей *да*, а наречие не может.

Разграничить модальные слова и наречия помогает и подбор синонимов. Так, модальное слово *действительно* выступает в значении «в самом деле», а наречие *действительно* – «на самом деле». Само же модально-обстоятельственное сочетание *на самом деле*, в отличие от *в самом деле*, употребляется в предложениях, опровергающих достоверность предыдущего высказывания. Ср.:

Григорий держал бакалейную лавку, но это только для вида, а *на самом деле* торговал водкой. (А.Чехов).

При разграничении модальных слов и частиц со значением подтверждения можно руководствоваться следующим определением В.В.Виноградова: **модальные частицы**, как правило, являются «продуктом сращения разных сочетаний слов с частицами» (*и есть, то-то и есть, так и есть, как есть*). Частицы обычно легко сочетаются с другими частицами: *а ведь и верно, а ведь и точно, а ведь так и есть*.

Кроме того, модальные частицы имеют разговорно-просторечный характер, деформированный (довольно часто) звуковой облик, обладают различными вторичными эмоционально-экспрессивными значениями и оттенками значений. Для них характерна неустойчивость основного значения.

Н.Ю.Шведова обращает внимание на глагольную частицу *и есть*, которая выражает «уверенное подтверждение слов собеседника, их истинность, несомненность, правильность»⁷. Допускается как выделение, так и невыделение этой частицы запятыми. Ср., например:

Не признал, видно.— Не признал *и есть*. (П.Бажов).

Модальные слова – это морфологическая категория; как и другие части речи, они могут выступать в предложении в различных синтаксических функциях: вводно-модальных слов, слов-предложений, модальных обстоятельств. Модальные слова более полновесны, чем модальные частицы, и передают модальные значения более дифференцированно.

Проблема вводного употребления модальных слов и частиц подтверждения в вопросительном предложении является спорной. Некоторые ученые (например, А.Г.Малюткина) считают вводными такие случаи, как:

Он что, *действительно* мой племянник? (А.Толстой).

По нашему мнению, нет никаких оснований говорить о вводном употреблении модальных слов в подобных вопросительных предложениях. Во-первых, и это важно, модальные слова и частицы включаются в семантику всего предложения, меняя его функциональную направленность. Во-вторых, в вопросительном предложении указанные слова редко употребляются в препозиции, что свидетельствует о потере ими основной функции подтверждения, которая выражается этими модальными словами и частицами при вводном употреблении. На письме указанные слова и частицы в вопросительном предложении запятыми обычно не выделяются, интонационные паузы отсутствуют.

Если в удостоверительном вопросе есть модальные слова и частицы подтверждения, то в ответной реплике эти слова и частицы могут выступать в функции слов-предложений:

– А вы *действительно* стажер? – *Действительно*. (Л.Карелин).

Но чаще всего в указанных случаях модальные слова являются лишь заместителями утвердительно-подтвердительной частицы *да*, сопровождая ее.

В ответах на общие вопросы модальные слова и частицы рассматриваемой группы (в отличие от других групп) обычно не употребляются. Например, невозможно:

«– А вы стажер? – *Действительно*». (Ср.: *Конечно*).

Модальные слова и частицы подтверждения в побудительных предложениях малоупотребительны, так как последние не обладают статусом истинности/неистинности, а выражают волю говорящего. Указанные слова (чаще всего – *в самом деле*) могут употребляться лишь в функции модально-побудительных частиц для усиления убедительности побуждения:

Приходи, *в самом деле* приходи, потолковали бы, право, потолковали. (А.Островский).

Употребляясь в конце побудительных предложений, модальные слова *в самом деле, действительно* могут выражать эмоционально-экспрессивные оттенки возмущения, недоумения, негодования и т. п.:

Поручик, перестаньте жаловаться, *в самом деле!* (Б.Окуджава). Ну какой он вам отец? Бросьте это трепачество, *в самом деле!* (А.Марьянин).

В этой позиции модальные слова отделяются запятой.

Важным свойством рассматриваемых модальных слов и частиц является наличие у них вторичных функций: авторизация речи и диалогизация монолога, то есть указание на автора – субъекта речи и ведение диалога от одного лица⁸. В рамках одной функционально-семантической группы модальные слова и частицы обладают частными значениями; например, модальные слова *в самом деле, правда* в большей степени акцентируют достоверность сообщаемого, а слово *действительно* употребляется для подтверждения достоверности сообщаемого. Некоторые

из модальных слов в современном русском языке выходят (или вышли) из употребления (*подлинно, истинно, право*), хотя в произведениях русской литературы XIX в. они встречаются часто. Ср.:

*Подлинно*⁹, нынешние наряды на смех всему миру. (А.Пушкин). Глядь, он *подлинно* ушел и сети им оставил. (И.Крылов).

Модальные слова и частицы подтверждения имеют стилистические оттенки: частицы, как правило, несут на себе разговорно-просторечную окраску, в то время как модальные слова нейтральны по стилистической окраске.

Модальные слова и частицы подтверждения обладают и определенными структурными свойствами: они «сигнализируют переход от прямой речи к авторскому тексту»¹⁰. Указанные слова и частицы используются в речи для своеобразного воздействия на собеседника (формирования его позиции в нужном говорящему направлении), для заверения слушающего в правдивости сказанного. Ср.:

У тебя красивые волосы, глаза, рот, нос, руки, *правда же*, Витька? (Ю.Нагибин).

Модальные слова функционально-семантических групп убежденности (*безусловно, бесспорно, несомненно, без сомнения*) и уверенности (*конечно, разумеется*) и некоторые модальные частицы (*а как же, а то как же, еще бы не*) в ответных репликах диалогов могут выражать усиленное, уверенное подтверждение достоверности предыдущей реплики диалога:

– Тебе имя Гужон знакомо? – *Разумеется*. (А. и Б.Стругацкие).

Однако эта функция для указанных слов и частиц вторична и проявляется обычно в ответных репликах диалогов, в то время как для других групп модальных частиц и слов (типа *действительно*) эта функция основная.

Итак, модальные слова и частицы со значением подтверждения достоверности выражают значения и функции в зависимости от цели высказывания, местоположения в предложении.

Изменчивость и подвижность синтаксических и семантических функций рассматриваемых модальных слов и частиц свидетельствуют о процессе становления этих слов и частиц.

Модальные слова и частицы данной группы обладают тремя основными значениями: подтверждения, утверждения истинности и заверения слушающего в правдивости. Однако та или иная функция становится первичной в зависимости от местоположения: в препозиции – подтверждение, в интерпозиции – утверждение истинности, в постпозиции – заверение в правдивости.

Примечания

¹ Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1987. С. 595.

² См.: Буглак С.И. О разграничении модальных слов и частиц // Русский язык в школе. 1985. № 4.

³ См. об этом в работах А.Х.Бордовича в Трудах по языкознанию Белорусского гос. ун-та (1958) и в Учен. зап. Минского пединститута (1956).

⁴ См.: Василенко Л.И. Структурно-семантическая роль модальных слов в тексте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1985.

⁵ См.: Черткова М.С. К вопросу о семантическом соотношении модальных слов наречного происхождения с наречиями // Исследования по грамматике русского языка. Красноярск, 1971. С. 13.

⁶ См.: Виноградов В.В. О категории модальности и о модальных словах в русском языке // Виноградов В.В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 69.

⁷ Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. С. 329.

⁸ См.: Василенко Л.И. Модальные слова в диалоге // Русская речь. 1984. № 6.

⁹ См. анализ этого слова: Виноградов В.В. Избр. труды: Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 69.

¹⁰ Золотова Г.А. Вводно-модальные слова в предложении и в тексте // Československa rusistika. 1983. Roc. XXIII. Č. 5. S. 211.

Буглак С.И. Модальные слова и частицы как средство выражения подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого // Русский язык в школе. 1990. № 2.

Задание

Дополните соответствующей информацией материал по теме «Модальные слова» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. В чем С.И.Буглак видит отличие модальных слов от модальных частиц, модальных слов от омонимичных наречий?
2. Почему С.И.Буглак считает, что модальные слова и модальные частицы образуют скорее функционально-семантические группы, а не лексико-семантические?
3. Каковы особенности модальных слов и частиц со значением подтверждения или опровержения достоверности сообщаемого?
4. Почему разграничение модальных слов и модальных частиц со значением утверждения может вызывать затруднения?
5. В какой функции могут употребляться модальные слова и модальные частицы в начале предложения?
6. Что вызывает затруднения в пунктуации при выделении модальных слов и частиц, употребляемых в начале предложения?
7. Каковы критерии разграничения вводного модального слова и модального слова-предложения? Приведите примеры из текста статьи.
8. В каких случаях модальные слова и частицы не выделяются знаками препинания?
9. Как автор статьи предлагает разграничивать модальные слова, модальные частицы и наречия с аналогичным значением?
10. Каковы стилистические особенности модальных слов и модальных частиц?

А.И. Германович

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ МЕЖДОМЕТИЙ В РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

Несмотря на то, что разговорная речь не обходится без междометий, эта категория слов менее всего изучена. Академик Л.В.Щерба назвал междометие «неясной и туманной категорией», «досадным недоразумением», имея в виду путаницу взглядов на эту часть речи. Лингвистами междометия часто не включаются в состав частей речи, они остаются, по меткому выражению А.П.Романова, «лингвистическими лишенцами».

Такие крупные исследователи русского языка, как В.А.Богородицкий, А.М.Пешковский, Д.Н.Овсянко-Куликовский, не считают междометия словами, подчеркивают их неспособность вступать в какие-либо отношения со словами.

Чем объясняются такие взгляды?

Многие русские и зарубежные языковеды и философы придерживались идеалистических теорий о происхождении языка из рефлексивных криков или звукоподражаний, которые назвали междометиями. Междометная и звукоподражательная теории, возникшие еще в античной философии и филологии, получили широкое распространение в XVII, XVIII, XIX, XX вв. Звукоподражательная теория связывает происхождение языка с имитацией, междометная доказывает, что язык развился в первобытном обществе из инстинктивных криков.

Основная ошибка этих теорий заключается в смешивании биологического и социального факторов. Никто не мог сказать, как природный, неосознанный выкрик или первобытное подражание превратилось в слово. Даже такой видный языковед, как проф. Д.Н.Кудрявский (1867–1920), называл междометиями нечленораздельные звуки, общие у человека с животными. Некоторые звуки животных: блеяние овцы [передаваемое им буквами *бе*], мычание коровы [*му*] – он считает членораздельными.

Попытки доказать, что из имитации звуков образовался язык, также несостоятельны, хотя на эту тему написано много книг и статей. Авторы этих работ иногда не учитывали социальной природы языка, смешивали поэтические звукоподражания, имеющие свою природу, с звукоподражаниями народного языка, а главное – не принимали во внимание, что звуки языка, его формы, как и представления человека об окружающей действительности, с веками менялись. Окончательно разбить эти теории можно только путем точного определения свойств междометий и звукоподражаний, их структуры, изучения истории их возникновения и развития.

Недостаточное исследование междометий объясняется и другими причинами.

Не все одинаково определяли слово. Многие языковеды считали, что слова выражают понятия или представления (К.С.Аксаков, А.А.Потебня, Ф.Ф.Фортунатов, Д.Н.Ушаков, А.М.Пешковский, Г.Д.Санжеев и др.). Естественно, что эти ученые считали, что междометия не являются словами, что они «лежат вне системы средств языкового общения», что они вроде «пули, попавшей в организм».

Мешал изучению междометий и разноречивой в понимании самого термина «междометие» (*interjectio*). До сих пор, как в XVIII в., некоторые грамматики и словари в категорию междометий включают изолированные от предложений неосознанные выкрики, рефлекторные процессы вроде чиханья и смеха. До сих пор сохранился предрассудок, обусловленный термином «междометие» – вметаемое в речь, чуждое ее синтаксическому строю.

Затрудняла изучение и необыкновенная пестрота, сборность групп, разрядов, относимых традиционно к междометиям. Кроме разноструктурных, разнообразных по значению и этимологиям эмоциональных междометий, к этой категории относили также резко отличные побудительные слова – императивные междометия: разные профессиональные приказы, слова, обращаемые к детям, слова клича и отгона животных, слова этикета и т. п. К междометиям относили богатый словарь звукоподражаний, звуковые жесты, песенные припевы и даже глаголы типа «толк», «шась».

Серьезно тормозило изучение междометий общее отставание в изучении разговорной речи, звучащего языка. Правда, в последнее время по этому вопросу в русском языкознании появились монографии Н.Ю.Шведовой, А.Б.Шапиро, статьи Л.П.Якубинского, Б.А.Ларина. Однако еще мало изучены вопросы грамматики и стилистики междометий, не определено их место в структуре языка, остаются неясными многие их этимологии. Между тем междометия – это прежде всего факт произносимого языка, связанного с жестом, мимикой, с интонацией. Еще М.В.Ломоносов указывал, что значение междометий выражается не столько в звуках, сколько в тоне речи. Недаром, характеризуя в разделе фонетики интонацию, он писал: «Посему вымышленные от Голберга в земли живущие люди, когда бы действительно были, и имели бы вместо органов, к произношению слова служащих, на груди своей струны, то могли бы оными свободно изображать и с другими сообщать свои мысли». Ломоносов писал, что экспрессивная интонация находится в обратном отношении к количеству слов логической речи. Удивление можно выразить сложным предложением: «Я удивляюсь, что тебя здесь вижу» и одним междометием «Ба!», произнесенным с своеобразной интонацией (долгое понижающееся *a*) и мимикой (расширение глаз, поднятие бровей). Первое может быть выражено письменным языком, второе употребляется только в устной речи.

Взгляды Ломоносова развивали А.Х.Востоков, Ф.И.Буслаев и особенно А.А.Шахматов, который четко определил своеобразие междометий – отсутствие у слов этой категории номинативного (лексического) значения («выражают, обнаруживают внутренние или внешние ощущения говорящего, а также его волеизъявления, не являясь, однако, их названиями»). Шахматов признает междометие частью речи, подчеркивает своеобразие его внешней формы (выкрики, звукоподражания, междометия, образовавшиеся из других частей речи).

Взгляды советских языковедов на междометия наиболее полно отражены в книге акад. В.В.Виноградова «Русский язык» (М., 1947. С. 745–761).

В противовес традиционной недооценке междометий В.В.Виноградов утверждает, что междометия «составляют в современном языке живой и богатый пласт чисто субъективных речевых знаков.., служащих для выражения эмоционально-волевых реакций субъекта на действительность, для непосредственного эмоционального выражения переживаний, ощущений, аффектов, волевых изъявлений».

Раскрывая особенности междометий, В.В.Виноградов высказывает важное положение: они «несут на себе яркий отпечаток влияния интеллектуального языка» и «функционально сближаются с разными частями речи».

В.В.Виноградов наметил и пути дальнейшего исследования междометий: «Семантический анализ междометий, выяснение сущности тех языковых явлений, которые формируют и расширяют категорию междометий, раскрытие закономерностей в переходе разных частей речи и модальных слов, разных экспрессивных предложений-идиоматизмов в междометия, исследование синтаксиса междометий». Особенно важно указание В.В.Виноградова, что изучение междометий необходимо для исследования синтаксиса живой устной речи.

В последние годы советские языковеды стремятся преодолеть отставание в изучении междометий. О междометиях написаны статьи и диссертации в ряде наших республик.

Г.В.Дагуров опубликовал три статьи и автореферат кандидатской диссертации. Автор поставил своей задачей уточнить специфику междометий, отделяя от них глагольные междометия, звукоподражательные слова, побудительные слова типа *брысь!*, *цыц!*, *кыш!*, *на!*, *тпру!* и т. п., «звательную форму» типа *цып-цып*, *уть-уть*, «безродные слова» – *баста*, *лафа*, *алло*, *бис* и др. Однако в работе Дагурова много спорного. Стоило ли отделять от императивных междометий побудительные слова? Так, Н.В.Касаткин доказывал, что и в «императивных междометиях есть элементы эмоций, в них выражается характер взаимоотношений между говорящими...». В противоречии с верным утверждением Г.В.Дагурова о решающей роли в междометии интонации находится его определение междометия как *сигнала*, а сигнал, как известно, лишен интонации¹.

Субъективность подхода некоторых исследователей при определении междометий, недостаточное внимание к интонационной стороне восклицаний можно показать на отдельных примерах. Восклицание *Ужас!* Г.В.Дагуров не считает междометием. Другой же автор – Р.П.Рогожников – пишет, что этим словом выражается не только страх, испуг, изумление, но и восхищение, удовольствие (примеры общеизвестны). И наоборот: восклицание *Дудки!* Г.В.Дагуров считает междометием, а Р.П.Рогожников – восклицанием с номинативным значением.

Неправомерно считать все слова, обращаемые к животным, «звательной формой» существительного. Г.В.Дагуров для доказательства этого положения приводит такие слова, как *уть-уть*, *кис-кис*, в которых сохраняются следы наименования. Но подобных слов сравнительно немного. Да и они качественно изменились и не могут, например, принимать определений как обычные вокативы. Утрачивается лексическое значение и других многочисленных слов этого рода (ср.: *бер-бер*, *выч-выч*, *тпрусь-тпрусь* и т. п.).

Исследованию междометий помогают труды по интонации. Положения, например, проф. В.А.Артемова о связи интонации с содержанием высказывания, с жестом используются А.И.Бельским, который в работе «Побудительная речь» показывает, как связаны между собой тон речи и характер волеизъявления, как императив при экспрессивном приказе превращается в междометие, как интонация иногда становится важнее слов.

Наблюдения З.Р.Разиловой также показали, что чем ярче обнаруживается волевое значение, тем лаконичнее предложение. Но автор ошибочно считает, что эмоциональные междометия лишены мысли. Это положение резко критикует И.О.Степанян. В последней работе элементарно описываются типы эмоциональных и императивных предложений. Вызывает возражение употребляемый автором термин «структурно-неоформленные» предложения. Языковеды старшей поры тоже называли *аморфными* такие языки, как китайский, тибетский, бирманский.

Д.С.Светлышев, описывая структуру частиц и их функции, поставил перед собой задачу отграничить частицы от междометий.

Автором настоящего очерка также написано 14 статей и автореферат докторской диссертации о междометиях и звукоподражательных словах русского языка.

История изучения междометий показывает две противоположные концепции наших языковедов. Первая, положившая начало научной трактовке междометий, связана с именем М.В.Ломоносова. Она продолжена А.Х.Востоковым, Ф.И.Буслаевым, А.А.Шахматовым и в наши дни В.В.Виноградовым. Эти ученые а) считают междометия словами, а категорию, объединяющую их, признают частью речи; б) не делают резкого разграничения между словами, выражающими эмоции, и словами, выражающими мысли, не отрывают междометия от общей системы языка; в) подходят к изучению структуры междометий, их функции в речи, истории их образования.

Вторая, связанная с именами Н.И.Греча, Д.Н.Кудрявского, Д.Н.Овсяннико-Куликовского, А.М.Пешковского и др., а) не считает междометия словами и исключает их из состава частей речи; б) смешивает биологическое с социальным – животный выкрик с междометием – фактом членораздельной речи, актом сознательного речевого творчества; в) отказывается от изучения структурной и синтаксической стороны междометий, иногда просто снимает вопрос об изучении междометий.

Примечание

¹ В своих ранних работах я также склонен был считать междометие сигналом (А.Г.).

Задание

Выделите основные подходы русских лингвистов к проблеме междометия как части речи и дополните соответствующей информацией материал по теме «Междометие» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Выделяет ли А.И.Германович главный показатель части речи – общекатегориальное значение – по отношению к междометиям? Выделяет ли он базовые междометия, составляющие «ядро» этой части речи?
2. В чем сходство и в чем принципиальное различие выражений: 1) *Я удивляюсь, что тебя здесь вижу*, 2) *Ба!*
3. Действительно ли только интонация играет решающую роль при определении междометия как части речи?
4. Могут ли другие части речи, а также фразеологизмы, слова-предложения употребляться в роли междометий? Приведите примеры.
5. Какие две противоположные концепции в истории изучения междометий выделяет автор?

Л.П. Карпов

МЕЖДОМЕТИЯ В СОСТАВЕ РУССКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Основное синтаксическое назначение междометия – быть отдельным предложением. Но в определенных синтаксических ситуациях оно может занимать позиции тех или иных членов предложения, характерные обычно для слов, лексико-грамматические свойства которых предполагают употребление их в данной конструкции. Таким образом, междометие оказывается вовлеченным в сферу синтаксической ассимиляции¹.

I. **Субстантивная ассимиляция междометий.** Прежде всего отметим случаи, связанные с конверсией – переходом междометий в разряд существительных в категориальном смысле слова. Ср.:

...Маме решили пока не говорить, чтобы избежать ахов и охов. (В.Кетлинская. Иначе жить не стоит). Производительности не жди, потому байки да песни, хиханьки да хахоньки. (Там же).

Такая субстанция принадлежит области словообразования и выходит за пределы исследования синтаксиса междометий. Но субстантивная ассимиляция междометия может иметь и чисто синтаксический характер. Это бывает при постановке междометия в позицию подлежащего или управляемого члена предложения без изменения морфологической природы. Здесь наблюдается разная степень ассимиляции в зависимости от строения предложения.

Междометие ассимилируется по функции уже тогда, когда на правах прямой речи занимает в другом предложении позицию структурно-необходимого подлежащего или прямого дополнения. Ср.:

Попробуй выйди вечером на улицу – только и слышно – *орут*: «*Карау-у-ул!*» (А.Толстой. Сестры). И как будто нет ни мертвых, ни крови, – буйно-радостно *раскатывается*: *Урра-а-а!!* (А.Серафимович. Железный поток). – *Тах-тах-тах-тах*, – *отозвалось* в ушах. (Е.Василенок. У нашего дяди). – *Тара-тара-ам*, – *играл майор*, – *тара-тара-ам*. (К.Федин. Санаторий «Арктур»).

Такая субстантивация отличается внешним, чисто позитивным характером. «Подлежащие» и «дополнения» в таких построениях не осложнены определениями или ограничительными словами типа *только*, *лишь*, *именно* и под. И понятно, здесь субстантивируется не междометное слово, а междометное предложение, сохраняющее собственную модальность, которое берется в готовом виде в качестве предмета сообщения или прямого объекта другого предложения.

Присущая междометию модальность снимается в высказываниях, имеющих характер цитирования. Здесь междометие освобождается от признаков предложения и обозначает эмоцию, побуждение или звуковое явление, как факт, имевший место в прошлом. Ср.:

В то время, как в родном краю Открыто зло торжествовало, Ему лишь «баюшки-баю» Литература напевала. (Н.А.Некрасов. Белинский). «Тук» было несколько раз, потом все совершенно стихло. (М.Пришвин. Дорогие звери). Отец на все вопросы отвечал «угу». (А.Толстой. Сестры). [Палька] сортировал проходивших на две рубрики: заслуживающих внимания и таких, про которых он говорил только «пхе...». (Д.Мамин-Сибиряк. Приваловские миллионы). [Горничная] произнесла нечто вроде «тютю» или «фьють» (В.Кетлинская. Иначе жить не стоит).

Междометия, субстантивно ассимилированные путем цитирования, могут иметь при себе определения, предлоги соответствующих падежей существительных, частицы ограничительно-го, уподобительного и утончительного характера, могут входить в ряд однородных членов.

Все эти признаки синтаксической субстантивированности междометий еще последовательнее проявляются в тех случаях, когда междометие преднамеренно используется не для выражения эмоции, побуждения как индивидуального акта их проявления, а для обозначения их как объективированных явлений. В таком употреблении значения междометий вплотную приближаются к значениям однокорневых существительных (если только такие можно от них обозначать). Например:

Им нужна ласка да ха-ха-ха, да хо-хо-хо, духи, помада. (А.Чехов. В ссылке). Не говори гол... «Тигры» – это сила! (М.Алексеев. Солдаты). Если человеку для счастья нужна непременно теплая постелька, да тихая лампа, да за спиной еще полка с книгами, – такой не узнает счастья... Для такого оно всегда завтра, и в один злосчастный день ни счастья, ни постельки. Для такого – вечное *увы...* (А.Толстой. Хмурое утро). В распадае... слышался рев на все лады, и просто *и-и-и* (свист) и *о-о-о* (рев), и еще *ав-ав*, как будто олень ругался. (М.Пришвин. Дорогие звери).

Междометные фразеологизмы с переменным компонентом *что*, синтаксически ассимилируясь, имеют формальную отмеченность – падежное изменение переменного компонента:

Мне слезть необходимо, иначе получается *черт знает что!* (А.Толстой. Сестры). – А это, – говорит он, – уже *полное черт знает что!* (К.Паустовский. Беспокойная юность). Он дойдет *черт знает до чего* со своими играми. (К.Паустовский. Далекое годы). Теперь они *бог знает что* подумают. (С.Михалков. Памятник себе...). А я говорил *черт знает о чем!* (В.Кетлинская. Иначе жить не стоит).

Сравните субстантивную синтаксическую ассимилированность междометия *ой-ой-ой* через сращение с местоимением *что*:

За три месяца *ой-ой-ой что* можно было сделать! (Крокодил. 1965. № 35).

II. Адъективная и адвербиальная ассимиляция междометий. Междометие может выполнять и своеобразную эмоционально-атрибутивную² функцию по отношению к именам, наречиям и глаголам. Эта функция свойственна оценочным междометиям, когда выражаемая ими оценка предикативно не противопоставляется тому явлению, по поводу которого она высказана. В предложении это проявляется в объединении междометия и слова, выражающего предмет, на который направлена междометная оценка, в одну синтагму.

Предпосылки этой функции междометие обнаруживает уже при смысловой сочетаемости с обращениями, вокативами, существительными и прилагательными в оценочной функции, предикативными наречиями (словами категории состояния)³. Во всех этих случаях перед нами одна интонационно-смысловая синтагма, во внутреннем строении которой нельзя не заметить эмоционально детерминирующей направленности междометия на господствующий в смысловом и синтаксическом отношении компонент. Например:

Эх, Салават, Салават! Кабы ты всегда на народ оглядывался. (П.Бажов. Старых гор подаренье). *Ох старость! То-то скука!* Уж было бы о чем с детьми поговорить! (В.Жуковский. Мартышка, показывающая китайские тени). *Ах вы, бесстыдники!* (В.Билль-Белоцерковский. Шутка). *Эка забывчивая* нонче молодежь! (Л.Леонов. Дорога на Океан). ...Наверное, двадцать «катуш!» Ух, *здорово!* (М.Светлов. Бранденбургские ворота).

Опосредование связи между междометием и такими словами при помощи частиц *и, да, уж* придает сочетаниям устойчивый характер⁴, а значение междометия делает более определенным: при разнообразии частных эмоциональных оттенков междометие в логико-смысловом плане выражает высшую степень предикативно-характеризующего признака, называемого господствующим словом. Если этим словом является существительное, то междометие по функ-

ции ассимилируется с прилагательным, если господствующее слово – прилагательное, наречие, глагол, то функция междометия уподобляется наречной. Например:

Капа! *Ну и язычок у тебя!* (В.Кочетов. Братья Ершовы). *Ай да хлопцы!* И впрямь – шахтерское семя! (В.Кетлинская. Иначе жить не стоит). *Ох уж эти рекламы!* До чего же они мне осточертели! (В.Билль-Белоцерковский. Яма).

Продуктивно опосредуют связь между междометиями и указанными словами местоимения *какой, сколько, как*. Компоненты предложений, выраженные сочетаниями междометий с этими словами, тоже имеют значение эмоционально-качественной или эмоционально-количественной оценки понятия, названного господствующим словом. Такие синтаксические адъективированные и адвербиализированные компоненты предложения, детерминируя существительные и глаголы, могут стоять по отношению к ним препозитивно и постпозитивно, но преимущественно препозитивны, если детерминируют прилагательные и наречия:

А этот джигит здоровенный малый. *Ишь какая спина!* (Б.Лавренев. Звездный цвет). Певец он, правда, *не ахти какой...* (В.Чудакова. Чижик – птичка с характером). Меня отец *бил ой-ей как!* (М.Горький. Дело Артамоновых). ...Вверх идти *ой как трудно*. («Известия». 1966. № 40). Фразеология *ух какая революционная...* (Э.Казакевич. Синяя тетрадь).

Наконец, оценочные междометия синтаксически адъективируются в функции сказуемого и адвербиализируются в функции главного члена безличного предложения, имеющего в своем составе родительный падеж существительного, обозначающий предмет количественной оценки:

Матвей Денисович... предупредил, что она должна хорошо подготовиться, потому что *изыскания будут ой-ой-ой!* (В.Кетлинская. Иначе жить не стоит). *Земли у нас – ого!* (М.Шолохов. Тихий Дон).

III. **Вербальная ассимиляция междометий.** В функции сказуемого неизбежно синтаксически уподобляются глаголам звукоподражательные междометия.

Свинushка *хрю-хрю, хрю-хрю*; Телочка *му-му, му-му*; Уточка *кря-кря, кря-кря*; Гусынька *га-га, га-га...* (Ф.М.Достоевский. Братья Карамазовы).

Вербальное употребление звукоподражания особенно ярко проявляется в тех случаях, когда оно стоит в одном ряду с глагольным сказуемым (ассимиляция через функциональную однородность в одном предложении) или когда замещает в предложении глагол:

Оказалось, сам господин пристав... голову на стол *положил – и хррр!* (С.Сергеев-Ценский. Искать, всегда искать!). Косу следует отбить, да *утром по росе ж-ж-ж-ж!* (Б.Полевой. Передовая на Эйзенштрассе).

Сравните междометия с процессуально-динамическим (не собственно звукоподражательным) значением в аналогичном синтаксическом окружении:

Пять да пять – десять, арифметика простая, а *денежное содержание* за десять дней *тю-тю*. (В.Чудакова. Чижик – птичка с характером).

Эмоциональное междометие функционально уподобляется глаголу при противопоставлении подлежащему, которое обозначает лицо, выразившее эмоции. Конкретность эмоции отодвигается в этих случаях на второй план, над нею явно господствует инвариантное, стандартно-языковое значение:

Они – ах, ах, что, дескать, такое..? (И.Бунин. О дураке Емеле...). *Он – ох*, и я с ним *ох-ох!* (К.Федин. Костер).

Таковы те основные синтаксические моменты, когда междометия, имеющие чрезвычайно своеобразную формальную и семантическую характеристику, тем не менее функционально пересекаются с классами номинативных слов (частями речи). Пересечения, отражающие возможности вхождения междометных слов и фразеологизмов в структуру предложения, со всей очевидностью показывают и причинную обусловленность этих возможностей, которая заключается не в их категориальных лексико-грамматических свойствах, а в давлении грамматической системы языка, способной нивелировать и унифицировать разные классы слов и их сочетаний как компонентов предложения.

Примечания

¹ Под синтаксической ассимиляцией принято понимать функциональное уподобление единиц, входящих в состав предложения, независимо от собственных грамматических признаков. См.: *Чередниченко*

И.Г. О явлениях синтаксической ассимиляции в современном русском языке // Вопросы теории и истории языка. Л., 1963. С. 333.

² Атрибутивную функцию здесь понимаем широко, как выражение словом или фразеологизмом любого непредикативного признака другого слова или выражения.

³ Отдельные моменты такой сочетаемости междометия – «сочинения с именительным и звательным» – отмечал М.В.Ломоносов в «Российской грамматике». См.: *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 573–574.

⁴ См.: *Шведова Н.Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960. С. 257.

Карпов Л.П. Междометия в составе русского предложения // Русский язык в школе. 1971. № 1.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией материал по теме «Междометие» второго раздела настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Что такое синтаксическая ассимиляция?
2. Какие виды синтаксической ассимиляции междометий выделяет Л.П.Карпов?
3. В чем специфические особенности каждого вида междометной ассимиляции?
4. Какие типы субстантивной ассимиляции междометий выделяет автор статьи?
5. В чем заключается смысл адъективной и адвербиальной ассимиляции междометий? Можно ли считать ее речевым (функциональным) частеречным переходом? Насколько регулярны явления такой ассимиляции и каким стилям речи они свойственны?
6. Почему звукоподражательные междометия чаще всего ассимилируются со сказуемыми?
7. В чем, по мнению Л.П.Карпова, заключается причинная обусловленность междометной ассимиляции?

Т.С. Тихомирова

К ВОПРОСУ О ПЕРЕХОДНОСТИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

<...> Прежде всего следует сказать, что само понятие так называемого перехода, переходности в сфере частей речи трактуется в современном языкознании далеко не однозначно. Проблематика переходности частей речи охватывает обширный круг вопросов, в целом соотносимых со всем комплексом лексико-грамматических проблем развития и функционирования языка, начиная от способа номинации и кончая частотностью употребления слова. Это и позволяло, и позволяет лингвистам связывать данные явления в общетеоретическом плане с весьма разнотипными преобразованиями. Так, нередко в переходности видят лишь разновидность так называемой транспозиции, само же понятие транспозиции толкуется очень широко, и под него подводятся самые разнородные факты¹. <...>

Попытка поставить переходность частей речи в один ряд с диахроническими трансформациями членов предложения и синтаксических конструкций, объединив все эти изменения в рамках особой лингвистической дисциплины – диахронической трансформациологии², также не выявляет специфики рассматриваемых здесь явлений. Для всех перечисленных подходов – при всем различии или сходстве понятий, с которыми соотносят переходность, – характерно стремление выдвинуть на первый план семантические и шире – ономаσιологические аспекты переходности, стремление увидеть в ней прежде всего переосмысление имеющегося языкового знака. Однако, не отрицая значимости семантического и семиотического фактора, особое внимание следует обратить на грамматическую сторону этих преобразований как их специфически языковую реализацию. В связи с этим плодотворным оказывается более узкое рассмотрение переходности – лишь применительно к проблематике частей речи. <...> Изучение переходности в свете общей теории частей речи позволяет полнее раскрыть собственно грамматическую сущность категориального перерождения слова. Бесспорно, такой подход не только находится в прямой зависимости от самой теории частей речи, от понимания структурно-семантического

разнообразия слов и характера категориальных различий между ними в синхронном и диахроническом плане, но и выдвигает свою проблематику и определенные методические требования.

Как известно, в соответствии с установившимися в польской и русской лингвистике взглядами, структурно-семантическая категориальная определенность слова (принадлежность слова к той или иной части речи) носит комплексный характер. Из этого следует, что при изучении переходности частей речи необходимо принимать во внимание всю совокупность свойственных слову черт во всех их парадигматических и синтагматических проявлениях. <...>

В категориальных преобразованиях очень важно взаимное соотношение всех свойств двух «заинтересованных» частей речи. Понятно также, что для каждой пары частей речи процесс перехода, его причины, конкретные условия и взаимозависимость изменений различных сторон слова имеют свои специфические особенности. Так, например, значительно обособленными в грамматическом отношении являются превращения слов в местоимения. Иного характера отличия обнаруживаются в явлениях перехода в неизменяемые части речи.

Можно предположить, что при переходе частей речи (так же, как при префиксально-суффиксальной деривации) едва ли существуют какие-либо собственно семантические препятствия для преобразования категориальных значений предметности, разного вида признаков и т. д. друг в друга. Ограничения возникают на собственно грамматическом, прежде всего – морфологическом, и лексическом уровнях. Необходимо подчеркнуть и обратное – наличие предрасположенности слов определенной части речи к так называемому переходу вообще и в данную часть речи – в частности. Специальное исследование предрасположенности к переходу в другую часть речи и возникающих при этом ограничениях – на всех ярусах лексико-грамматической противопоставленности частей речи – могло бы, по нашему мнению, способствовать более глубокому пониманию и раскрытию специфики данных частей речи и всей словопроизводящей системы языка.

В литературе вопроса последних лет намечается попытка дифференцировать употребление терминов «переход» и «переходность». Первым обозначают само явление категориального преобразования слова, вторым – способность к таким преобразованиям³. Собственно грамматический подход к описанию частей речи и общих закономерностей их изменений настоятельно требует внесения коррективов в использование и этих, и других терминов, привычно применяемых при анализе данных явлений – и не всегда строго. Прежде всего это касается термина «слово».

Первостепенной необходимостью следует признать дифференцированное употребление этого термина, что вытекает из четкого разграничения различных по своей сфере и уровню абстракции объектов лингвистического анализа – словоформы в контексте (так называемое синтагматическое слово)⁴ и лексемы в словаре, в языке (самостоятельная словесная единица – так называемое парадигматическое слово). Это требование опирается, в частности, и на признание классификации частей речи классификацией слов-лексем. Основным же недостатком большинства исследований по переходности частей речи является, по нашему убеждению, неразличение этих понятий⁵. И то, и другое именуется словом, классифицируется по степени перехода и по близости к той или иной части речи и т. п. Строгое разграничение понятий слова-лексемы и словоформы позволяет обнаружить ряд особенностей процесса перехода, кардинальных для понимания его сущности. Это к тому же ставит под сомнение и сам общепринятый термин «переход частей речи». Внутренняя форма его как бы предполагает, что слово, пополняя собой состав новой части речи, исчезает из исходной (см. весьма распространенные формулировки в научных работах и учебных пособиях: «слово переходит из одной части речи в другую», «переход существительного в наречие» и т. п.). Тем самым затемняется сущность данного явления, заключающаяся в том, что происходит раздвоение, расщепление исходной лексемы на две, поразному функционирующие. В то время как эта исходная лексема существует (и продолжает существовать) в своем определенном лексико-грамматическом качестве, одна или несколько ее словоформ в постепенном речевом употреблении подвергается всесторонним семантическим и грамматическим преобразованиям и как бы отделяется, «отпочковывается» от этой, так сказать, «материнской» лексемы в виде материального двойника. Так создается новая самостоятельная лексическая единица, категориальный дублет исходной. Эти и только эти словоформы и «переходят из одной части речи в другую», ибо слово рассматривается в своей цельности не изолированно как отдельная словоформа, а во всей совокупности его форм⁶. В результате «слово материально существует в двух грамматических группах»⁷. Отделение новой лексической единицы в целом не затрагивает существования исходной лексемы, которая большей частью продол-

жает употребляться в языке параллельно нововозникшей, во всей полноте своей первоначальной парадигмы, включая и словоформы, омонимичные отделившимся. <...>

Это положение о распаде исходной лексемы на два по-разному функционирующих варианта, положение о том, что в преобразованиях, называемые в науке «переходом частей речи», включается не все слово, а лишь часть его словоформ, представляется для исследования этих явлений принципиально важным, хотя и недостаточно оцененным, особенно при конкретном анализе. Применительно к явлениям переходности факт распада единой лексемы отмечается лишь в лексикологических работах, где данное событие расценивается в свете возможного возникновения частичной лексико-грамматической или функциональной омонимии⁸, и в этом же плане – и только в этом – оно интересовало пока исследователей. Однако это расщепление имеет также и грамматический характер, что влечет за собой ряд собственно грамматических проблем, без выяснения которых специфика данных изменений останется вне поля зрения исследователя. Указанное же понимание перехода частей речи при последовательном разграничении словоформы и лексемы дает возможность во многом по-новому взглянуть и на само содержание процесса перехода, и на причины и условия таких преобразований, и на критерии завершенности процесса.

Содержанием процесса перехода из одной части речи в другую является последовательный процесс постепенного обособления, изоляции словоформ, отделяющихся во всех своих парадигматических и синтагматических особенностях от исходной лексемы, от ее лексических, грамматических и функциональных свойств. Одновременно осуществляется семантическая и функциональная специализация этих форм в новом использовании⁹.

Сохранение словом своих внешних морфологических форм, прикрепляющих его к той или иной части речи, обычно считается едва ли не самой яркой и специфической приметой переходности¹⁰. Однако при ближайшем рассмотрении эта ненарушенность исходной формы оказывается весьма относительной. В процессе категориального переосмысления слова отмечается мощная «встряска» всей его грамматической оформленности. Прежние, свойственные исходной части речи грамматические категории (если только они не присущи и новой части речи) утрачиваются. Такова судьба глагольных категорий при адъективации причастий¹¹, именных категорий при переходе формы имени в неизменяемые части речи¹² и т. п. Изменения затрагивают и морфологические показатели – при всей внешней неизменяемости словоформ и сохранении словоизменительных флексий происходит как бы выхолачивание их содержания¹³. Одни из них выходят из свойственной им прежде парадигматической системы оппозиций, включаются в другую, наполняются в пределах этой системы новым содержанием и продолжают функционировать, но уже в новом качестве. Таковы, например, флексии рода, числа и падежа прилагательных при субстантивации (ср. *zapłacić czesne, nie zapłacićam czesnego*), флексии существительного при нумера-лизации и т. п. У других же морфологических показателей может произойти изменение самого типа формальности. А.И.Смирницкий отмечал, что при лексикализации словоформы аффикс словоизменения «связывается не с чисто грамматическим различием в формах одного и того же слова, а оказывается средством выражения уже лексического вещественного различия»¹⁴ (ср. происхождение суффиксов отыменных наречий на *-o, -e*: *daleko, dobrze* и т. д., судьбу суффиксов причастий при адъективации).

По-прежнему ощущаясь как форманты, эти морфемы спешат наполниться новым содержанием – словообразовательным¹⁵. Так рождаются «специально **словообразовательные суффиксы, омонимичные** по отношению к соответствующим формообразующим суффиксам»¹⁶. Особенно существенным это оказывается для адвербиализации и, по всей вероятности, связано с возникновением модели. При переходе в союзы, предлоги и другие незначительные части речи наблюдается опрощение (ср. *dzięki, choć*, русск. *хотя*).

Таким образом, сохранение формы исходной части речи не может быть принято в качестве специфической черты переходности, так как сохраняется (да и то не всегда) лишь звуковой облик слова, сегмент (по терминологии А.А.Зализняка)¹⁷.

Особую проблему представляют грамматические значения исходной части речи, утрата которых нередко описывается весьма образно – грамматические значения «бледнеют» (А.Б.Шапиро, С.И.Карцевский), «затемняются», «замутняются» (В.В.Виноградов), «ослабляются», «устраиваются» (А.Б.Шапиро), «выветриваются» (Е.Ф.Карский) и т. д. Если отвлечься от этих метафор, то придется констатировать, что вопрос о судьбе грамматических значений при категориальных преобразованиях исследован пока слабо. Неясным остается, что по существу

надо понимать под утратой этих значений: составляют ли они нечто внешнее по отношению к форме и потому легко и без труда отчуждаемое, или же процесс затрагивает всю семантическую сторону формы; бесследно ли исчезает этот семантический комплекс, или же слово и в рамках новой части речи несет на себе груз семантического прошлого; не происходит ли, наконец, какой-либо модификации утрачиваемых грамматических значений, в результате чего они осознавались бы как значения иного, не собственно грамматического порядка. Условием успешного решения всех поставленных вопросов должен быть, как кажется, дифференцированный подход к самим этим категориям. Разнотипные (классифицирующие и словоизменятельные) категории играют разную роль в категориальном оформлении слова и тем более по-разному должны участвовать в процессе категориального его перерождения, по-разному должно происходить и разрушение каждой из этих систем в одном из общих звеньев – словоформе или группе словоформ. Однако пока этот вопрос серьезно не ставился ни в польской, ни в русской лингвистике.

Едва ли справедливо рассматривать переход частей речи только как грамматическое обеднение. И дело тут не только в том, что, как мы видели, здесь имеет место не только ликвидация, но и преобразование исходного грамматического материала. Необходимо также иметь в виду и обогащение форм новыми грамматическими свойствами, и не только в функциональном отношении. Формы включаются в новую для них систему формообразования, подчиняются существующей системе морфологических аналогий (ср. польск. прилаг. *zarozumiały – zarozumiali*, ср. глагол *zrozumiał – zrozumieli*), обрастают недостающими формами (ср. польск. *gorątcy – gorętszy – najgorętszy, budowniczy – budownicowie*).

Особого внимания заслуживают функционально-синтаксические и лексические сдвиги и изменения, свойственные описываемым процессам. В совокупности с рассмотренными выше явлениями морфолого-грамматического плана все эти изменения, имеющие целью приспособление и переформирование готовых языковых форм для новых условий функционирования, приводят к тому, что обособившиеся от исходной лексемы словоформы начинают мыслиться независимо от нее, превращаясь в отдельное слово – новую самостоятельную лексему. Происходит лексикализация части словоформ слова, превращение их из факта грамматики в факт словаря¹⁸. В этом – и только в этом отношении, то есть по своему конечному результату, – категориальные преобразования слов могут быть сопоставлены с другими средствами словопроизводства как его морфолого-синтаксический вариант.

Базой для нововозникающей лексемы могут послужить как одиночные словоформы исходной лексемы (см. адвербиализация имени, переход в союзы, предлоги), так и комплекс из нескольких словоформ. Этот комплекс словоформ объединяется каким-либо грамматическим значением и представляет собой соответствующую грамматическую форму. При переходе существительного в неизменяемые части речи обособляется одна падежная форма – форма какого-либо падежа, в случае субстантивации прилагательных и причастий изменения затрагивают лишь формы одного из трех родов, то есть происходит обособление, изоляция формы рода. При адъективации причастий отделяющаяся форма залога (или времени?)¹⁹ охватывает словоформы со значением рода, числа и падежа. Исключения составляют лишь собственно ономаσιологические преобразования типа прономинализации и сдвиги между неизменяемыми частями речи.

Таким образом, в общеграмматическом плане «переходность частей речи» предстает как частный вариант более общего явления – лексикализации грамматических образований, грамматических форм, а именно как ее межкатегориальный вариант²⁰. Ср., например, лексикализацию формы множественного числа типа польск. *zawody, zapasy*, русск. *часы, весы* и т. п., где происходит обособление и лексико-грамматическая омонимизация формы числа.

Тот факт, что при переходе одной части речи в другую подвергается преобразованиям не вся лексема, а только часть ее словоформ, то есть лексема лишь в определенных условиях функционирования, означает, что необходимейшим фактором осуществления этого перехода является использование слова в речи, в варьирующихся и меняющихся от раза к разу контекстах.

«Слово как единица речи или в использовании, или в определенном контексте имеет только одно значение и обычно выполняет только одну грамматическую функцию. Слово как единица языка, или как словарная единица, относящаяся к определенной части речи, объединяет и содержит в себе в качестве потенции все свойственные ему в разных контекстах и случаях его использования значения и функции»²¹. Новые для слова функции и значения создаются в

речи²². Исходная полифункциональность слова и позволяет употреблять его (точнее – его словоформы) в непривычном, первоначально одиночном,okkaзиональном контексте, причем это употребление в высшей степени обусловлено данным лексико-грамматическим окружением и общими условиями высказывания. Повторное аналогичное использование создает возможности для закрепления новых свойств и функций, для утраты прежних признаков, избыточных в новом использовании²³. Дальнейшее же развитие является типичным путем превращенияokkaзионального употребления в значение, в факт языка. Заметим, что полифункциональность слова и переходность – явления не тождественные, хотя и связанные. Полифункциональность слова и зависимость слова от контекста лишь создают условия для переоформления слова, но существуют и вне переходности, равно как и не всякое нефункциональное использование слова можно и должно квалифицировать как «переход», как это иногда делается²⁴ и против чего справедливо возражают²⁵.

Исследователи явлений переходности (С.Йодловский, Е.П.Калечиц и др.) придают большое значение устойчивости употребления данной формы в определенном контексте, который можно было бы назвать «контекстом переходности», и в частотности употребления в одной и той же роли видят залог и самое общее условие перехода. Устойчивость нового употребления обуславливает процесс адаптации, процесс включения данных форм в новую систему, обеспечивает грамматическое их приспособление к новому пониманию и к новым условиям использования. Значимость частотности употребления формы для процесса перехода такова, что ее надо было бы ввести в сферу исследования наряду с синтаксическими или же семантическими факторами.

Итак, так называемый переход частей речи осуществляется в речевом употреблении, в результате постепенного освобождения формы от определяющей зависимости контекста, при одновременном возрастании ее грамматической и лексической самоопределенности и цельнооформленности. Изучение этих изменений не может обойтись без выяснения особенностей контекста перехода, в котором и создаются условия для категориального преобразования словоформ. Прямое отношение, как кажется, к установлению этих условий имеет то обстоятельство, что лексикализации подвергается грамматическая форма – форма падежа или рода, или залога и т. п. Естественно предположить, что именно данная базовая форма и ее грамматическое значение, условия ее синтагматического, шире – ее контекстуального функционирования и являются одним из ведущих факторов в данном процессе: ведь обособление осуществляется прежде всего именно по этой парадигматической оппозиции. Говоря об условиях функционирования в контексте, мы имеем в виду самые разные уровни синтагматической зависимости словоформы – уровень синтаксической, морфологической и семантической сочетаемости. Например, адвербиализация существительных (или вообще переход в неизменяемые части речи) есть выпадение падежной формы из падежной системы и потому в первую очередь обусловлено особенностями функционирования этой формы в составе падежной конструкции. Обособление родовой формы при субстантивации связано опять-таки с условиями функционирования родовой формы – при имени существительном и – в частности – с эллипсацией этого существительного. Для тех видов переходности, при которых грамматико-морфологическое перерождение словесной формы отсутствует или минимально (например, для прономинализации прилагательных), в качестве определяющего момента следует выделить сдвиги в области так называемой семантической техники²⁶, что расширяет понятие условий, выводя их за рамки собственно языкового контекста. Таким образом, тип контекста переходности, синтагматические условия этих преобразований зависят от характера грамматической категории отделяющейся формы или же от семантических, функциональных и иных сдвигов. Тщательный анализ этих условий будет способствовать более глубокому пониманию причин, сущности и особенностей протекания процесса перехода для каждой пары частей речи, связанных этим процессом.

Примечания

¹ См., например: *Skalicka W. Über die Transposition. Slav. Prag. I, 1949. S. 45–52; Бондарко А.В. К вопросу о «транспозиции» // Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А.И.Герцена. Л., 1963. Вып. 248; Кржишкова Е. Первичные и вторичные функции и так называемая транспозиция форм. TLP, 1966. С. 171 – функциональный перенос форм в пределах одной части речи. Ср. понимание транспозиции у Ш.Балли (Ш.Балли. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955) – функциональная (грамматическая) и семантическая транспозиция.*

² См.: *Мигирин В.Н.* Очерки по теории процессов переходности в русском языке. Бельцы, 1971.

³ См.: *Зданевич И.К.* К вопросу о переходе одних частей речи в другие // Уч. зап. Горьков. пед. ин-та. Горький, 1971. Вып. 128. Серия филолог. наук. С. 58.

⁴ См.: *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 19.

⁵ См., например: *Каламова Н.А.* К вопросу о переходности частей речи в другие // Русский язык в школе. 1961. № 5 и мн. др.

⁶ «Слово (во всяком случае, изменяемое слово) – это система сосуществующих, обуславливающих друг друга и функционально объединенных форм». (*Виноградов В.В.* О формах слова // Изв. АН СССР. ОЛЯ. М., 1944. Т. 3. Вып. I).

⁷ *Калечиц Е.П.* О переходности в области частей речи в русском языке // Вопросы современного русского литературного языка и методики его преподавания в школе. Материалы 2-й научно-методической конференции. Свердловск, 1961. С. 19. Собственно говоря, это известные слова Л.В.Щербы: «Материально одно и то же слово может фигурировать в разных категориях». (*Щерба Л.В.* О частях речи в русском языке // *Щерба Л.В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 66), но Е.П.Калечиц применила их к явлениям постпереходным.

⁸ См., например: *Ахманова О.С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. С. 111, 156, 161 и др.

⁹ Отмеченные А.М.Пешковским и В.В.Виноградовым черты процесса адвербиализации – изоляция и специализация формы – прослеживаются и в других видах переходности, хотя, возможно, и не столь явно.

¹⁰ См.: *Бедняков А.С.* Явление переходности грамматических категорий в современном русском языке // Русский язык в школе. 1941. № 3. С. 29; *Калечиц Е.П.* О переходности в области частей речи. С. 18.

¹¹ См.: *Bartnicka B.* Adjektywizacja imiesłowowa w języku polskim. Warszawa, Kraków, Wrocław. 1970; *Калакуцкая Л.П.* Адъективация причастий в современном русском языке. М., 1971.

¹² См.: *Черкасова Е.Т.* Переход полнозначных слов в предлоги. М., 1967; *Демидова А.К.* Образование наречий из предложно-именных сочетаний: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1969; *Сергеева Г.Н.* Адвербиализация в современном русском языке // Материалы VII научной конференции Дальневосточ. гос. ун-та. Владивосток, 1962 и др.

¹³ Е.П.Калечиц называет такие формы пассивными. См.: *Калечиц Е.П.* О грамматических признаках слов, образованных морфолого-синтаксическим способом // Вопросы современного русского литературного языка и методики преподавания его в школе. Материалы 3-й научно-методической конференции. Свердловск, 1963. С. 52.

¹⁴ См.: *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. М., 1956. С. 111.

¹⁵ Рысевич З. (*Rysiewicz Z.* О pewnych zmianach funkcji form przypadkowych (1937). *Studia językoznawcze.* Wrocław, 1956. S. 16) пишет о «пропитывании» (*nasiąkaniu*) флективных словоизменятельных окончаний словообразовательной функцией. В случае категориальных преобразований предложно-падежных сочетаний особого внимания заслуживают, естественно, предлоги, также приближающиеся к словообразовательным функциям.

¹⁶ *Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. С. 112.

¹⁷ См.: *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. С. 19.

¹⁸ В понимании лексикализации мы опираемся на определение этого явления Е.Куриловичем (см.: *Kuryłowicz J.* Odpowiedź językoznawcy. *Biuletyn PTJ.* XIX. Warszawa, 1960).

¹⁹ В отдельных славянских языках отношения вида, времени, залога в причастиях различны, что не может не находить отражения при их адъективации. Вопрос этот, однако, требует специального исследования.

²⁰ Ср. трактовку переходности частей речи как грамматикализации: *Жирмунский В.М.* Развитие категории частей речи в тюркских языках // Изв. АН СССР. ОЛЯ. М., 1945. Т. 4. Вып. 3–4.

²¹ *Аничков И.Е.* Можно ли считать проблему частей речи решенной? // Вопросы теории частей речи. С. 126.

²² См.: *Бедняков А.С.* Явления переходности грамматических категорий...

²³ См.: «прилагательные, субстантивированные в данном контексте» (*Барзилович А.М.* Субстантивация прилагательных в русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1952. С. 285); спорадическая субстантивация в отличие от общепринятой (*zwyczajowej*), официальной (*Jodłowski S.* *Substantywizacja przmiotników w języku polskim.* Wrocław, Warszawa, Kraków, 1964); «временная адъективация основ соответствующих существительных, ограниченная пределами лишь отдельных словосочетаний, условиями лишь данного определенного контекста» (*Смирницкий А.И.* Лексикология английского языка. С. 130). О роли контекста при секундарном использовании слова в «чужой» примерной функции см.: *Курилович Е.* Деривация лексическая и деривация синтаксическая // Очерки по лингвистике. М., 1962; *Heinz A.* *Fleksja a derywacja.* *Język polsky.* Warszawa, 1961. S. 344.

²⁴ См.: Грамматика русского языка. М., 1980. Т. 1. С. 42–43.

²⁵ См., например: *Никитевич В.Н.* Части речи и производные классы слов // Вопросы теории частей речи. С. 177–178.

²⁶ О семантической технике см.: *Buhler K. Sprachtheorie. Die Darstellungsfunktion der Sprache.* Jena, 1934. S. 24; *Milewski T. Językoznawstwo.* Warszawa, 1965; *Jodłowski S. Techniczne kryterium klasyfikacji wyrazów.* Biuletyn PTJ. XIII. 1954. S. 169–175.

Тихомирова Т.С. К вопросу о переходности частей речи // Филологические науки. 1973. № 5.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией третий раздел настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Как в современном языкознании трактуется понятие **переходности** в сфере частей речи?
2. Что является содержанием процесса переходности?
3. Какие сдвиги и изменения происходят при переходе слова из одной части речи в другую?
4. Какое значение имеет контекст при переходе слова из одной части речи в другую?
5. Какой смысл вкладывается автором в понятия «переход» и «переходность» частей речи? Подтвердите ваше мнение соответствующей выдержкой из статьи.
6. Какое значение придает автор статьи разграничению слова-лексемы и его словоформ?
7. К чему приводит отсутствие дифференциации начальной формы слова и словоформ при установлении особенностей процесса перехода частей речи? Найдите соответствующее место в тексте статьи и выпишите его.
8. Можно ли согласиться с утверждением Т.С.Тихомировой, что при переходе частей речи «происходит раздвоение, расщепление исходной лексемы на две, по-разному функционирующие»?
9. Следует ли считать переход частей речи позиционным преобразованием грамматической семантики слова? Влияет ли позиция, занимаемая словом в структуре предложения, на его общекатегориальное значение?
10. Почему отдельные формообразующие аффиксы перерождаются в специальные словообразовательные? Найдите в тексте статьи примеры формообразующей и словообразовательной омонимии аффиксов. Подберите свои примеры.
11. Как характеризовали утрату значений исходной части речи В.В.Виноградов, А.Б.Шапиро и др. известные лингвисты?
12. Что понимает Т.С.Тихомирова под лексикализацией грамматических образований? Почему «переходность» частей речи расценивается ею как частный вариант более общего явления лексикализации?
13. Почему устойчивость употребления данной словоформы в определенном контексте называется «контекстом переходности»?

В.В. Бабайцева

ЗОНА СИНКРЕТИЗМА В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Части речи при структурно-семантическом подходе выделяются с учетом совокупности дифференциальных признаков, среди которых наиболее значительны следующие: 1) категориальное общее грамматическое, классифицирующее значение¹, 2) лексическое значение, если оно есть, 3) частные грамматические значения (род, число, падеж, лицо и др.), 4) морфемный состав слова, 5) валентность слова, 6) синтаксические функции. Так, имя существительное *вокзал* обозначает предмет; имеет лексическое значение («помещение на железнодорожной станции, предназначенное для обслуживания пассажиров»); имеет частные грамматические категории рода, числа и падежа; имеет нулевую флексию; может сочетаться с согласуемыми словами; выполняет синтаксические функции подлежащего, дополнения и обстоятельства. Функции

подлежащего и дополнения обусловлены категориальным значением, функция обстоятельства места – лексическим значением.

Полным набором указанных признаков характеризуются не все части речи. Так, знаменательные слова имеют и категориальное, и лексическое значение, а служебные слова – лишь категориальное², знаменательные слова выполняют в предложении функции членов предложения, а служебные слова лишь обслуживают знаменательные слова в составе предложения, местоимения занимают промежуточное положение между знаменательными и служебными словами³; различна способность частей речи к сочетанию (валентность); более «молодые» части речи (например, категория состояния, модальные слова) характеризуются в большей степени, чем другие, синтаксической функцией.

Система частей речи отличается известной стабильностью, которая позволяет создавать классификации частей речи. Разнообразие существующих классификаций обусловлено тем, что в основу их нередко кладутся разные признаки и учитывается разное количество их. Учет какого-либо одного признака дает хотя и обоснованную, но одностороннюю классификацию.

В структурно-семантическом направлении, учитывающем многоаспектный характер единиц языка, при классификации не только синтаксических, но и морфологических явлений в центре внимания – форма (структура, строение) и значение (языковая и речевая семантика), тесно связанные между собой, поэтому части речи являются структурно-семантическими классами слов. Яркие формальные признаки характерны не для всех частей речи, поэтому при классификации частей речи доминирующим признаком является категориальное значение, ибо оно свойственно *всем* частям речи, проявляет себя во всех остальных признаках и обусловлено взаимодействием лексики и синтаксиса. Обычно синтаксические функции частей речи обусловлены их лексическим и категориальным значениями⁴. За морфологизованными членами предложения исторически закрепились определенные части речи. Однако такое соответствие не является стабильным. «Нет ничего в морфологии, чего нет или прежде не было в синтаксисе и лексике...» – писал В.В.Виноградов. – В морфологических категориях происходят постоянные изменения соотношений, и импульсы, толчки к этим преобразованиям идут от синтаксиса⁵.

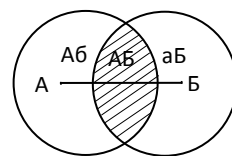
Синтаксическая функция не только дифференциальный признак частей речи, но и основное условие явлений переходности⁶ в системе частей речи. Границы между структурно-семантическими классами слов подвижны, части речи находятся в постоянном взаимодействии⁷. Переход слова (или группы слов) из одной части речи в другую происходит при функционировании слова в речи. Обладая дифференциальными признаками в языке, в речи слово может изменить их под влиянием синтаксической функции. Так, употребление существительных в функции обстоятельства приводит к появлению у такого существительного наречных свойств, а при соответствующих дополнительных условиях – и к переходу в наречие.

Явления переходности создают трудности при классификации частей речи, так как одним из следствий перехода слов из одной части речи в другую является образование функциональных омонимов⁸ и синкретичных (гибридных) слов, входящих в зону синкретизма.

При образной характеристике частей речи их нередко уподобляют «ящикам», по которым распределяются слова при классификации. Четкость классификационных схем нарушается существованием синкретичных лексико-семантических и структурно-семантических разрядов слов, которые не все учитываются классификаторами. По мнению Л.В.Щербы, именно синкретичные образования должны быть в центре внимания лингвистов: «...надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными. Однако это-то неясное и колеблющееся и должно больше всего привлекать внимание лингвистов»⁹.

Чтобы нагляднее показать место зоны синкретизма, являющейся следствием явлений переходности в системе частей речи, уподобим части речи кругам.

Каждый из кругов, символизирующих сопоставляемые части речи, связанные явлениями переходности, имеет свой центр (ядро) и периферию, причем часть периферии представляет собой фрагмент, образующийся в результате наложения одного круга на другой. Если в теории поля разграничиваются лишь ядерные и периферийные явления, то условно-графический способ изображения сопоставляемых частей речи в виде кругов позволяет показать взаимодействие элементов системы, выделить промежуточные явления, а не только периферийные.

Центр (ядро) включает слова, типичные для данной части речи, то есть слова, характеризующиеся полным набором дифференциальных признаков. Это А и Б – символы взаимодействующих частей речи.

На *периферии* располагаются слова и группы слов, у которых отсутствуют или не ярко выражены какие-либо дифференциальные признаки, характерные для ядра данной части речи. Их отсутствие или ослабление *возмещается* появлением каких-либо дифференциальных признаков сопоставляемого полярного типа (А или Б). Таким образом, Аб и аБ – периферийные звенья.

Заштрихованный фрагмент (АБ) – область *промежуточных* образований, для которых характерно равновесие сочетающихся дифференциальных признаков. У таких слов (или групп слов) «отсутствует четкая доминантность и противоборствующие тенденции примерно равновелики»¹⁰.

Зону синкретизма образуют звенья Аб, АБ, аБ, которые делятся на периферийные (Аб и аБ) и промежуточные (АБ). Промежуточная зона – лишь часть зоны синкретизма. Таким образом, *зона синкретизма* – это область *переходных образований, характеризующихся синтезом (совмещением) дифференциальных признаков взаимодействующих частей речи как в синхронном, так и в диахронном плане.*

Ось $A \rightarrow Аб \rightarrow АБ \rightarrow аБ \rightarrow Б$, позволяющая наглядно показать соотношение совмещенных свойств сопоставляемых частей речи, называется *шкалой переходности*. Стрелками показано направление процесса диахронных переходов в грамматическом строе русского языка. Описание явлений переходности в синхронном плане предполагает, что синхрония отражает один из ограниченных по времени этапов развития языка, то есть является в некоторых случаях лишь этапом динамической синхронии¹¹.

Шкала переходности может быть использована как условно-графический прием (средство) наглядного изображения явлений переходности синхронного и диахронного характера на всех уровнях языковой системы. Шкала переходности позволяет показать колебания в удельном весе сочетающихся дифференциальных признаков взаимодействующих языковых явлений. Отдельные звенья этой шкалы могут отсутствовать как в синхронии, так и в диахронии. Кроме того, шкала переходности может быть дополнена и другими звеньями (Аб1, Аб2 и т. д.), совмещена с другой шкалой, если в слове синтезируются свойства нескольких частей речи¹².

Полное представление о системе частей речи современного русского языка не может дать изучение только центральных (ядерных, типичных, полярных) случаев, характеризующихся максимальным набором дифференциальных признаков. Игнорировать зону синкретизма – значит сокращать и обеднять объект исследования. Без изучения и описания синкретичных образований невозможна глубокая и многоаспектная структурно-семантическая классификация частей речи, образец которой представлен в классической монографии В.В.Виноградова «Русский язык».

При классификации частей речи с учетом промежуточной зоны выявлено большое количество структурно-семантических разрядов слов, которые с равными основаниями могут быть отнесены к полярным типам (А или Б). Это причастия и деепричастия, порядковые числительные, оценочные слова на -о в некоторых синтаксических конструкциях и др.

Никто из исследователей не отрицает возможности перехода слов из одной части речи в другую, но многие авторы видят только начало и конец перехода, рассматривая переход лишь как диахронный процесс и объясняя выделение явлений переходного характера в синхронном плане нечеткостью принципов классификации. При этом синкретичные образования «прикрепляются» то к одной части речи, то к другой. Очевидно, что синкретичные образования нельзя квалифицировать по принципу «или – или», а надо отмечать «как то, так и другое».

Синкретичные образования (и периферийные, и промежуточные) в современном русском языке – следствие диахронных и синхронных переходов, морфологических способов словообразования, образований «по образцу» и т. д.

Причина синкретичных образований обусловлена разными факторами, главным из которых является потребность в выражении каких-то компонентов информативной семантики за счет имеющихся языковых средств. Ш.Балли отмечал: «...благодаря межкатегорийным заменам мысль освобождается, выражение обогащается и получает различные оттенки»¹³. Кроме того, синкретичные образования – конденсаторы семантики, одно из средств «сжатия» текста, один из способов экономии речевых средств. Так, субстантивированное местоимение *это*, вмещающая предложения, сочетания слов, указывая на наглядно-чувственные образы и т. д., позволяет из-

бежать повторений, пространных описаний. Этим и объясняется частотность употребления слова *это* в речи.

Аналогична роль союзных слов, местоименных слов в сложных предложениях и в сложном синтаксическом целом.

Синкретичные образования (периферийные и особенно промежуточные) характеризуются более богатой языковой семантикой, чем ядерные слова; более разнообразной валентностью и более разнообразными синтаксическими функциями¹⁴.

Иллюстрируем эти положения анализом некоторых свойств отглагольных существительных и инфинитива.

Наиболее четко противопоставлены друг другу в современной системе частей речи имя существительное и глагол, в типичных случаях обладающие полным набором дифференциальных признаков. Обозначим их как А (существительное) и как Б (глагол), то есть как полярные точки на шкале переходности. Примером ядерных существительных (А) могут быть конкретно-предметные существительные типа: *лес, вода, стол, стул* и т. п. У таких существительных категориальное значение соотносится с их предметным значением. Примером типичных глаголов (Б) могут быть спрягаемые формы глаголов конкретного действия: *бегать, писать, прыгать* и т. д.

Периферию существительного (Аб) занимают отглагольные существительные, периферию глагола (аБ) – инфинитив. В отглагольных существительных и инфинитиве сочетаются свойства имени существительного и глагола.

Примером синкретичных отглагольных существительных могут быть следующие существительные, образованные суффиксальным способом: *сочетание, питание, воспитание, воспитание...; обучение, изучение, облучение, излучение...; организация, классификация, локализация, активизация...; раздумье, вышивание, беганье, вязанье...; поездка, вышивка, разведка, зарядка* и т. д.

Отглагольные существительные обладают всеми частными грамматическими значениями существительных, имеют морфемный состав, характерный для существительных, выполняют синтаксические функции существительных. В зону синкретизма (на периферию существительных) отглагольные существительные включаем потому, что у них специфическое категориальное значение и обусловленная им валентность.

Языковая семантика отглагольных существительных («опредмеченное действие», «действие в виде предмета») синкретична: в их категориальном значении можно выделить два компонента: предметность и процессуальность (действие как процесс).

Предметный компонент в семантике отглагольных существительных обуславливает их сочетаемость с согласуемыми формами прилагательных, местоимений, порядковых числительных, причастий, а глагольный компонент предопределяет (предсказывает) управляемую форму зависимого слова. Таким образом, синкретичный характер категориального значения отглагольных существительных обуславливает двойную распространяемость, их левую и правую интенции. Например, *сочинительное сочетание слов, интернациональное воспитание учащихся, интенсивное обучение русскому языку, сравнительное изучение языков, научная организация труда, интересная поездка в горы, геологическая разведка недр* и т. д.

Усиление одного из компонентов синкретичной семантики объясняется в одних случаях временем образования, в других – лексическим значением, в третьих – ослаблением словообразовательных связей с глаголом и т. д., а проявляется в сочетаемости. Чем сильнее компонент предметности, тем легче реализуется левая интенция – сочетаемость с согласуемыми словами; чем сильнее компонент процессуальности, тем легче реализуется правая интенция – сочетаемость с управляемыми словами. Сравните, например: *красивая вышивка, утренняя зарядка, но – организация выставки (музея, труда, производства, масс, коллектива...)* и т. д.

Сплав структурно-семантических свойств имени существительного и глагола обуславливает и специфику инфинитива (аБ), особое положение его в системе глагольных форм.

Специфика категориального значения инфинитива обуславливает разнообразие его синтаксических функций и валентных свойств¹⁵. Так, предметный (субстантивный) компонент в семантике инфинитива позволяет ему быть подлежащим и дополнением. Особенно усиливается предметный компонент у инфинитива в предикативных сочетаниях со словами на *-о* в предложениях типа: *Кататься весело*¹⁶. Тем не менее в категориальном значении инфинитива сильнее глагольный компонент, поэтому в современном русском языке инфинитив не имеет левой ин-

тенции, реализуемой в виде согласуемых слов. Преобладание глагольных признаков у инфинитива определяет его периферийное положение (аБ) в кругу глагольных, а не субстантивных форм.

Различное положение отглагольного существительного (АБ) и инфинитива (аБ) в системе частей речи, отраженное на шкале переходности, особенно ярко видно при сопоставлении. Так, в предложении *Я люблю пение, но не люблю петь сама* слова *пение* и *петь* не могут заменить друг друга, хотя обе формы обладают синкретичным категориальным значением. У отглагольного существительного доминирует субстантивный компонент, у инфинитива – глагольный. <...>

По способности к образованию синкретичных слов (и групп слов) структурно-семантические классы неоднородны: наиболее устойчивы конкретно-предметные существительные и спрягаемые глагольные формы¹⁷; наибольшей степенью подвижности обладают служебные слова, не имеющие номинативного лексического значения. Однако резкой границы между знаменательными и служебными словами нет. Из знаменательных частей речи чаще переходят в служебные местоименные слова, наиболее абстрактный по значению структурно-семантический класс знаменательных слов. За счет местоименных слов формируются корреляты, увеличивается группа союзов, особенно подчинительных; заметно растет количество предлогов и предложных сочетаний¹⁸.

Язык нуждается не только в чисто грамматических средствах выражения смысловых связей и отношений между синтаксическими единицами. Для языка необходимы и лексико-грамматические средства связи, сохраняющие в известной мере лексические значения, которые позволяют дифференцировать смысловые связи и отношения. Этим и объясняется сохранение лексических значений и разные степени (звенья) грамматикализации знаменательных слов, приспособляющихся для обслуживания синтаксических явлений. Эти степени обусловлены не столько диахронией, сколько синхронией – потребностью выразить оттенки, которые трудно передать без синкретичных лексико-грамматических средств.

В некоторых случаях полужнаменательные-полуслужебные слова своим лексическим значением *называют* те смысловые связи и отношения, для выражения которых формируются лексико-грамматические средства (*с той целью, чтобы...; именно потому, что...; при условии, что... и т. д.*). Если часть сложных союзов употребляется в главном предложении, в ней оживают структурные и семантические свойства коррелятов, особенно отчетливые при отделении ее (части сложных союзов) от придаточного, а также при наличии частиц, вводных слов и других средств актуализации. Например: *Власть безграничная природы Нам потому не тяжела, Что чувство видимой свободы Она живущему дала.* (С.Маршак). *Оттого, может быть, что в глазах мелькали деревья, телеграфные столбы и сугробы, самые разнообразные мысли приходили ей в голову.* (А.Чехов).

Такие случаи также входят в зону синкретизма и могут быть рассмотрены с помощью шкалы переходности. Сравните также возрождение лексического значения глагола и других глагольных свойств у междометного слова *здравствуй*:

Ах, Сибирь моя! Ты здравствуй, здравствуй,

Сколько можешь, здравствуй на земле!

(М.Светлов).

Узуальные синкретичные слова, как правило, стилистически нейтральны. Окказиональные синкретичные слова экспрессивны, ибо привлекают внимание своей необычностью. Особенно выразительны случаи окказиональной субстантивации служебных и местоименных слов, что свойственно для речи. Например: *Он ждал «и», но последовало страшное «но»* (Д.Гранин). *...И Николай (Островский.– В.Б.) сказал негромко, словно про себя: «Как-нибудь»... Страшная вещь: «как-нибудь»... «что-нибудь»... Лучшее ничего, чем что-нибудь! Лучшее никак, чем как-нибудь»* (А.Бруштейн).

Подводя итоги, отметим, что изучение синкретичных групп слов:

- дает более гибкую, соответствующую системе языка и речи, классификацию структурно-семантических классов;
- выявляет переходные (синкретичные) звенья, объединяющие части речи в динамическую систему взаимодействующих единиц;
- помогает избегать категоричных квалификационных трактовок синкретичных образований;
- вскрывает семантическую емкость слов, включаемых в зону синкретизма;

– не только показывает грамматикализацию лексических средств для выражения смысловых связей и отношений, но и объясняет причины этого явления, а именно потребность в дифференциации смысловых связей и отношений;

– объясняет разнообразие валентных свойств синкретичных образований и их мотивированность многокомпонентной семантикой.

Примечания

¹ А.Я. Баудер выделяет 3 ступени в значении слова: ЛЗ-I – дифференцирующее значение; ЛЗ-II – унифицирующее значение; ЛЗ-III – классифицирующее значение. См.: *Баудер А.Я.* Части речи – структурно-семантические классы слов в современном русском языке. Таллин, 1982.

² Значение служебных слов варьируется в зоне «лексико-семантические – категориальные (классифицирующие) значения».

³ См. об этом: *Леднев Ю.И.* О полноточности и неполноточности местоимений // Русский язык. Материалы и исследования. Ставрополь, 1971. Вып. 4. См. также: *Баудер А.Я.* Части речи...

⁴ Ср.: «Первичные синтаксические функции вытекают из лексических значений частей речи и представляют своего рода транспозиции этих значений». (*Курилович Е.* Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 61).

⁵ *Виноградов В.В.* Русский язык. М., 1972. С. 31.

⁶ О явлениях переходности в грамматическом строе русского языка см.: *Виноградов В.В.* Русский язык; *Бабайцева В.В.* Явления переходности в грамматическом строе русского языка // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1967; *Она же.* Гибридные слова в системе частей речи современного русского языка // РЯБ. 1971. № 3; *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. М., 1971; *Баудер А.Я.* Части речи...; *Чеснокова Л.Д.* Конструкции с предикативным определением и структура предложения в современном русском литературном языке. Ростов-на-Дону, 1972; *Она же.* О синтаксической функции связки. Филологические этюды. Языкознание. Ростов-на-Дону, 1976. Вып. 2; Семантика переходности. Сб. науч. тр. Л., 1977.

⁷ Один из интересных случаев взаимодействия частей речи отмечает Л.В.Бортэ (см.: *Бортэ Л.В.* Влияние синтаксической функции на процесс взаимодействия частей речи // Проблемы членов предложения. Кишинев, 1973; *Она же.* Глубина взаимодействия частей речи в современном русском языке. Кишинев, 1977).

⁸ Функциональные омонимы – это этимологически родственные слова, совпадающие по звучанию, но относящиеся к разным частям речи. Например, *тепло* – существительное, прилагательное, наречие, категория состояния. См.: *Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе. Воронеж, 1967. С. 13.

⁹ *Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике. Л., 1958. Т. 1. С. 35–36, тезис 7 (о формах).

¹⁰ *Адмони В.Г.* О многоаспектном доминантном подходе к грамматическому строю // Вопросы языкознания. 1961. № 2. С. 5.

¹¹ О разграничении диахронных и синхронных явлений переходности в грамматическом строе русского языка см.: *Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе.

¹² См. условно-графическое изображение некоторых случаев функционирования *хорошо* в статье: *Бабайцева В.В.* Лексико-грамматические свойства слов со звуковых комплексов «хорошо» // Филологические науки. Вопросы синтаксиса русского языка. Тамбов, 1978. С. 128.

¹³ *Балли Ш.* Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 143.

¹⁴ См.: *Бабайцева В.В.* Семантико-грамматические значения гибридных слов в современном русском языке // Слово и предложение. Тамбов, 1971. С. 108–110.

¹⁵ См.: *Жаркова А.В.* Отражение глагольно-именной природы инфинитива в синтаксических функциях // Русский язык в школе. 1982. № 4.

¹⁶ См.: *Бабайцева В.В.* Переходные конструкции в синтаксисе.

¹⁷ Л.Д.Чеснокова убедительно показала, что глаголы, выполняющие служебную синтаксическую функцию связки, остаются в морфологическом плане глаголами, в том числе и глагол *быть* (см.: *Чеснокова Л.Д.* Конструкции с предикативным определением... С. 94–102).

¹⁸ См.: *Бунина М.С.* Из наблюдения над второобразными предлогами современного русского языка // Уч. зап. МГПИ им. П.Потемкина. М., 1954. Т. 33; *Черкасова Е.Т.* Переход полноточных слов в предлоги. М., 1967; *Она же.* Русские союзы неместоименного происхождения. Пути и способы их образования. М., 1973.

Бабайцева В.В. Зона синкретизма в системе частей речи современного русского языка // Филологические науки. 1983. № 5.

Задание

В форме тезисов дополните соответствующей информацией третий раздел второй части настоящего учебного пособия.

Контрольные вопросы

1. Совокупность каких дифференциальных признаков учитывается при структурно-семантическом подходе к выделению частей речи?
2. Все ли части речи характеризуются полным набором дифференциальных признаков?
3. Разграничивается ли при структурно-семантическом подходе к определению частей речи языковая и речевая семантика слова?
4. Какой признак является доминирующим при классификации частей речи? Почему категориальное значение проявляет себя во всех остальных признаках?
5. Какое условие В.В.Бабайцева считает основным для осуществления переходности в системе частей речи?
6. Почему явления переходности создают трудности при классификации частей речи?
7. Что представляют собой функциональные омонимы и синкретичные (гибридные) слова?
8. Почему, по мнению Л.В.Щербы, «именно синкретичные образования должны быть в центре внимания лингвистов»?
9. Что такое **зона синкретизма, шкала переходности**?
10. Как располагаются на шкале переходности имя существительное и глагол?
11. Какие структурно-семантические разряды слов выявляются с учетом промежуточной зоны, то есть через применение шкалы переходности?
12. Почему синкретичные образования относятся лингвистами то к одной, то к другой части речи?
13. Почему Ш.Балли считал синкретичные образования «конденсаторами семантики», одним из средств «сжатия текста», способом «экономии речевых средств»?
14. Чем различаются периферийные и промежуточные синкретические образования? Приведите примеры.
15. К какому типу синкретических образований (периферийных или промежуточных) относит В.В.Бабайцева инфинитив (неопределенную форму глагола)?
16. Однородны ли структурно-семантические классы по способности к образованию синкретичных слов (синкретов)? Почему «наибольшей степенью подвижности, – как отмечает В.В.Бабайцева, – обладают служебные слова»?
17. В каких случаях синкретичные образования становятся единицами словаря? Как подходят толковые словари к передаче периферийных и промежуточных синкретов?
18. Для чего необходимо изучение синкретичных групп слов?

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
Раздел первый МОРФОЛОГИЯ КАК РАЗДЕЛ ГРАММАТИКИ	4
§ 1. ПРЕДМЕТ МОРФОЛОГИИ.....	4
§ 2. МОРФОЛОГИЯ – УРОВЕНЬ ВНУТРЕННЕЙ СТРУКТУРЫ ЯЗЫКА	4
§ 3. МОРФОЛОГИЯ – РАЗДЕЛ ЛИНГВИСТИКИ.....	5
§ 4. МОРФОЛОГИЯ – ПРОЦЕСС ВОЗНИКНОВЕНИЯ НОВЫХ СЛОВОФОРМ	8
§ 5. СВЯЗЬ МОРФОЛОГИИ С ДРУГИМИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИМИ ДИСЦИПЛИНАМИ.....	8
Раздел второй ЧАСТИ РЕЧИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	10
§ 1. КЛАССИФИКАЦИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.....	10
§ 2. АНАЛОГИ ЧАСТЕЙ РЕЧИ	12
§ 3. ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.....	13
ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ	15
§ 1. ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ	15
§ 2. ИМЯ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ	25
§ 3. ИМЯ ЧИСЛИТЕЛЬНОЕ	32
§ 4. МЕСТОИМЕНИЕ.....	37
§ 5. ГЛАГОЛ.....	42
§ 6. НАРЕЧИЕ.....	64
§ 7. КАТЕГОРИЯ СОСТОЯНИЯ	68
СЛУЖЕБНЫЕ СЛОВА.....	70
§ 1. ПРЕДЛОГИ.....	71
§ 2. СОЮЗЫ.....	73
§ 3. ЧАСТИЦЫ	75
МОДАЛЬНЫЕ СЛОВА.....	77
МЕЖДОМЕТИЕ	78
Раздел третий ЯВЛЕНИЯ ПЕРЕХОДНОСТИ В СИСТЕМЕ ЧАСТЕЙ РЕЧИ.....	81
Литература ко всему курсу морфологии	86
Приложение	87